This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Moskovskiĭ telegraf

Nikolaĭ Alekseevich Polevoĭ

Digitized by Google

Digitized by Google

*QCA

Digitized by Google

Digitized by Google

*QCA

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

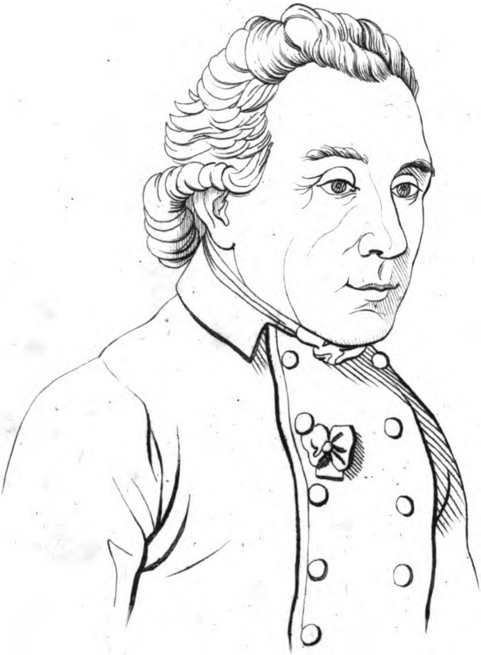
Digitized by Google

THE YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR
TILDEN FOUNDATIONS
R L

Digitized by Google

Къ N. 21 Моск: Тел. 1829.



Digitized by Google

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Часть тридцатая.

NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико - Хирургической Академіи.

1829.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
816884
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1916 L

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Октября 28 дня, 1829 года.

Цензоръ и Кавалеръ Сергѣй Глинка.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

XXX-й ЧАСТИ.

Картина Греціи въ 1827 году (изъ Записокъ Беккера)........................ 3, 133

О Московскомъ Заведеніи для сортированія Россійской шерсти (соч. Н. Р—ова)............ 289

О Кяхтинской торговлѣ (замѣчанія безпристрастнаго наблюдателя)........................ 407

Будинскій Паша (повѣсть Цшокке).... 36, 179, 310

Жизненная сила, или Геній Родосскій (Соч. Барона Александра Гумбольдта)............... 423

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Воспоминаніе воина 1799—1814 гг. (К. Б-го). 36

Въ Альбомъ незнакомой дѣвицы (К. П. Масальскаго)................................ 38

Подражаніе 44-му Псалму (Н. М. Шатрова).... 169

Къ Кораблю (изъ Горація, кн. I, ода 3—Пер. В. И. Орлова)................................ 177

Мѣдный быкъ (Украинская мелодія, соч. Н. А. Маркевича)................................ 304

Размышленіе (изъ Лопеца де-Веги; съ Исп. К. П. Масальскій)................................ 306

Путешественникъ и дитя (соч. Г-на Карлгофа). 307

РАЗБОРЫ.

Histoire de Russie, etc. (*Исторія Россіи и Петра Великаго*, соч. Генерала Графа Сегюра), Парижъ 1829 г........................ 62, 205

Крымскіе Сонеты Адама Мицкевича. Переводы и подражанія Ивана Козлова, Спб. 1829 г. 336

Digitized by Google

Ueber die Möglichkeit, etc. *(О возможности и условіяхъ Философіи Религіи)*. Соч. Докт. Философіи, Карла Зедергольма. М. 1829 г....... 432

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ,

Русская литтература......... 84, 226, 358, 449
Антикритика.......................... 369, 509

СМѢСЬ.

Аббатъ Прадтъ.............................. 99
Литтературныя и разныя извѣстія и замѣчанія 102, 245, 374, 470
Русскій Театръ: Московскій... 104, 252, 378, 472
С. Петербургскій.............. 247
Новый Живописецъ Общества и Литтературы 119, 273, 394, 483
Симферопольская скачка (отрывокъ изъ дневныхъ записокъ)................................ 472
Парижскія моды............... 127, 282, 404, 517
Къ читателямъ Телеграфа...................... 512

Прибавленія къ Телеграфу, № 21, 22, 23, 24.

О дѣланіи алмазовъ............................ 333
О пользѣ обработыванія безплодныхъ земель (Соч. Валтера Скотта) 349

При сей Части Телеграфа приложено: *шесть* картинокъ дамскихъ и мужескихъ модъ; *Портреты*: Аббата Прадта и Болливара, Президента Колумбійской республики; *рисунки къ картинѣ*: мечта счастія, дѣвицы Мейеръ; Наполеонъ на вершинѣ горы Сенъ-Бернардъ, Давида. Въ Прибавленіи къ Телеграфу находятся *четыре* изображенія новомодныхъ Парижскихъ мебелей, экипажей, вновь изобрѣтенныхъ машинъ, и проч.

№ 21. *Ноябрь.*

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

КАРТИНА ГРЕЦІИ

въ 1827 году (*).

Почти годъ странствовали мы по разнымъ областямъ Оттоманской Имперіи: видѣли Смирну, Константинополь, проѣхали по Анатоліи. Не смотря на зиму, мы перебрались черезъ Тавръ, и весна такъ долго задержала насъ въ Ливанонѣ и плѣнительныхъ долинахъ Іордана, что мы пріѣхали въ Египетъ уже во время палящихъ жаровъ, сожигающихъ сію страну въ продолженіе части года. Послѣ этого, какъ ни хотѣлось намъ посѣтить Нубію и памятники ея, но мы должны были рѣшиться, или быть въ не-

---

(*) Авторъ сей статьи, молодой Французъ Беккеръ, сынъ Пера Франціи, недавно окончилъ жизнь свою. Онъ путешествовалъ по Греціи вмѣстѣ съ Гг. Делабордами, отцомъ и сыномъ. Записки его, предлагаемыя нами читателямъ, любопытны, ибо представляютъ Грецію съ новой стороны. *Прим. Изд.*

дѣятельности, или искать климата болѣе сноснаго. Намъ оставалось только побывать въ Грецiи, и мы рѣшились искать въ ней убѣжища отъ тропическаго солнца. Все побуждало насъ ею окончить наше пилигримство. Сiе древнее отечество искуствъ и свободы оживлялось въ нашемъ воображенiи не только великими воспоминанiями: нѣтъ! Геройское упорство новыхъ Эллиновъ казалось наконецъ истощеннымъ; все показывало намъ, что сiя новая Грецiя, столь поздно и столь славно воскрешавшая свободу своихъ предковъ, награждается за свои усилiя однимъ безначалiемъ: она какъ будто возставала на минуту для того только, чтобы пасть еще болѣе окровавленною, болѣе несчастною. Съ каждымъ днемъ получались извѣстiя о новыхъ несогласiяхъ, новыхъ бѣдствiяхъ ея. Аѳины, говорили намъ, во власти Турковъ; Наполи ди Романiя гибнетъ въ междоусобной войнѣ, и тотъ измѣнникъ, которому ввѣрено было сохраненiе сей послѣдней твердыни материка Греческаго, продалъ ее Ибрагиму. Слѣдовательно, скала Идры оставалась единственнымъ убѣжищемъ Грековъ, или, иначе они должны были всѣ уйдти на свои корабли, не какъ Аѳиняне во время Ѳемистокла, для битвы, но для бѣгства, для того чтобы искать въ какой нибудь гостепрiимной землѣ безопасной жизни и хлѣба.

Порта, страшась голоса Европейскихъ Державъ, и утомившись войною, поддерживавшею безпокойства среди обширныхъ ея владѣній, рѣшилась истребить непокорныхъ. Твердую рѣшимость ея доказывало то, что она приняла наконецъ средства, обѣщавшія успѣхъ. Она поручила начальство надъ морскими и сухопутными силами Пашѣ Египетскому, и уничтоживъ такимъ образомъ соперничество между Капитаномъ Пашею и Ибрагимомъ, уничтожила истинную причину худаго успѣха, приобрѣтеннаго дотолѣ ея войсками.

Она обезпечила свое торжество, долженствовавшее совершиться скоро и вполнѣ. Мегеммедъ-Али понялъ, что единственная сила, подкрѣплявшая Грецію на краю гибели, былъ флотъ: для истребленія его онъ создалъ свой флотъ. Фрегаты, бриги, построенные въ Марсели, въ Ливорнѣ, въ Венеціи; Французскіе моряки, призванные въ Египетъ для поправленія старыхъ кораблей Турецкихъ, для обученія матросовъ, для образованія молодыхъ офицеровъ и для управленія ими, были чѣмъ-то новымъ и страшнымъ вмѣстѣ съ Оттоманами. Никогда на Востокѣ военный портъ не былъ такъ оживленъ, какъ портъ Александрійскій въ Іюлѣ 1827 года. Арсеналы были наполнены запасами всякаго рода; вездѣ находилось множество лафетовъ, пушекъ, канатовъ; слышны были одни удары плотниковъ. Суда, наполненныя неопытными воинами и матросами, обучаемыми по-Европейски, такъ сказать, кипѣли въ морѣ; когда-же легкая лодка Французскаго военнаго корабля пролетала, съ быстротою молнiи, среди сего плавающаго города, то новые моряки Египетскiе усиливались, хотя и тщетно, соперничать съ нею въ поворотливости. Паша умѣлъ возбудить такое соревнованiе, что подобныя зрѣлища представлялись безпрестанно. Болѣе девяноста военныхъ судовъ, всѣхъ степеней, были вооружены, экипированы, готовы къ битвѣ. Войска, назначенныя на флотъ, приходили изъ Верхняго Египта. Ихъ лица, почернѣвшiя отъ тропическаго солнца, ясно говорили намъ, какъ чужды для насъ сiи люди; однакожъ сердца наши бились сильнѣе, когда они маршемъ проходили мимо насъ. Это нашъ звукъ барабановъ, это наша военная музыка, играющая свои живые напѣвы; это подражанiе той мужественной наружности Республиканскихъ баталiоновъ, которая впервые была показана нашими войсками у подошвы древнихъ пирамидъ. Все это готовилось для дѣла намъ чуждаго; но вдали отъ Францiи, всегда болѣе драгоцѣнной тому, кто оставилъ ее, прiятно было видѣть доказательство, что уроки нашей образованности не забываются тамъ, куда они внесены были нашею войною.

Такимъ образомъ, мы могли полагать, что будемъ присутствовать при послѣднихъ судорожныхъ движеніяхъ народа, едва успѣвшаго возродиться. Флотъ Египетскій ожидалъ только знака къ отплытію. Мы отправились, желая блага въ будущемъ Новому Египту, истинной Французской колоніи, завоеванной нашими благодѣяніями, если не оружіемъ. Но мы спрашивали себя, почему не могутъ процвѣтать въ одно время двѣ отрасли образованности, перенесенной на Востокъ дѣятельностью Французскою? Почему берега Нила могутъ пользоваться сею образованностію, а на развалинахъ древней Греціи должно остановить ее? Ужели для міра много двухъ успѣховъ вдругъ?

Не смотря на противные вѣтры, черезъ десять дней плаванія мы были въ Смирнѣ. Городъ сей находится въ глубинѣ залива, который можетъ соперничать съ Неаполитанскимъ заливомъ великолѣпіемъ и обзоромъ. Но въ немъ нѣтъ ни единственнаго и грознаго вида Везувія, ни величественнаго и не менѣе безподобнаго дѣйствія Итальянскаго города, выстроеннаго какъ театральная декорація, гдѣ воображеніе художника умѣло превзойдти обыкновенныя созданія Архитектуры. Напрасно также стали-бы вы искать здѣсь свѣжести и миловидности береговъ Сорренто и Паузилиппа. Но какъ скоро корабль пришелъ на Смирнскій рейдъ, вы сказали-бы что находитесь на одной изъ тѣхъ исполинскихъ рѣкъ, которыя протекаютъ среди неизмѣримыхъ лѣсовъ

Новаго Свѣта, и вмѣсто однообразнаго вида необозримо-наводненныхъ долинъ, передъ вами великое зрѣлище горъ, ограничивающихъ южную часть залива. Все, что вы слыхали о величiи размѣровъ и отдѣльности климатовъ на высокихъ горахъ — передъ вами. Вершинами своими горы сiи теряются въ непроницаемыхъ, неподвижныхъ облакахъ, и подошвами касаются моря; луга, перелѣски, поля всѣхъ цвѣтовъ, вдалекѣ раскрываются передъ вами, какъ богато вышитый коверъ. Съ какимъ нетерпѣнiемъ желали мы въ первый разъ увидѣть на берегу какого нибудь жителя сей прекрасной оконечности древней Малой Азiи, называемой въ наше время страною Магометанскихъ наслажденiй! Воображенiе наше представляло намъ гордаго Мусульманина, всегда богато одѣтаго, укрощающаго съ безпечною ловкостью величественнаго коня, или окруженнаго невольниками и подъ непроницаемою тѣнью деревъ наслаждающагося трубкою и Мокскимъ кофе. Но какое удивленiе, когда ближе разсматриваешь, по мѣрѣ того какъ съуживается заливъ, этотъ двойной берегъ! Прекрасная сельская картина представляетъ вамъ однихъ бѣдныхъ земледѣловъ, таскающихъ грубый плугъ, или гонящихъ передъ собою какихъ нибудь скверныхъ, вьючныхъ животныхъ. На морѣ, напротивъ, зрѣлище болѣе и болѣе оживляется и все показываетъ, что вы находитесь передъ однимъ изъ богатѣйшихъ рынковъ Востока. Сначала городъ видѣнъ только сквозь лѣсъ мачтъ; флаги всѣхъ цвѣтовъ развѣваются въ воздухѣ; летающія, красивыя лодки покрываютъ всю поверхность залива; онѣ воздымаются и опускаются по волнамъ, слѣдуя вѣтру, и прикасаются къ водѣ своими щегольскими розовыми парусами, какъ морскія птицы крылами. Вотъ большой корабль входитъ на всѣхъ парусахъ, или быстрая гоэлетта отправляется съ депешами, или флотилія кидаетъ якори подлѣ небольшаго укрѣпленія, ожидая благопріятнаго вѣтра и военнаго корабля, который долженъ сопровождать ее. Такое прикрытіе необходимо, ибо нищета и отчаяніе возставшихъ народовъ породили множество морскихъ разбойниковъ, и на здѣшнемъ морѣ, которому соприкасаются три части свѣта своими самыми благословенными берегами, должно плавать караванами, какъ путешествуютъ подъ непривѣтнымъ небомъ Аравіи.

Мы подвигались впередъ посреди сего великолѣпнаго зрѣлища, оставивъ за собою, подлѣ крѣпости, проливъ, съуженный подводною песчаною отмѣлью, когда вдругъ Смирна явилась передъ нами, какъ-бы сбросивъ съ себя покрывало. Солнце готово было зайдти, и послѣдніе лучи его пробивались сквозь ворота и между верхушками старой цитадели, повелѣвающей городомъ; они нечувствительно оставляли Турецкую часть города, окружающую холмъ, и позлащали уже только вершины черныхъ кипарисовъ, посаженныхъ на южныхъ кладбищахъ. Часть города, гдѣ живутъ Франки, пролегающая по долинѣ, на берегу моря, была уже въ тѣни. Вѣтеръ стихалъ и вскорѣ чувствительно было только легкое дыханіе его. Набережныя, передъ великолѣпными конторами Европейцевъ, покрывались гуляющими, и мы замѣтили въ сихъ послѣднихъ странное разнообразіе лицъ и нарядовъ; но мы были уже такъ близко, что сами могли составить зрѣлище для всей этой толпы и безчисленнаго множества моряковъ, наполнявшихъ рейдъ. Наша корветта, *Побѣдоносная*, превосходно построенная для эволюцій, и начальствуемая отличнымъ офицеромъ, Г-мъ Вильневъ, заняла свое мѣсто съ удивительною быстротою и точностью. Мы шли на всѣхъ парусахъ, среди кораблей, покрывавшихъ рейдъ, и передъ глазами своихъ собратовъ по ремеслу. Можно было сказать, что мы разобьемся о берегъ. Свистокъ привелъ въ движеніе экипажъ, дотолѣ молчаливо занимавшій свои мѣста, и вдругъ паруса и якори упали. Корабль нашъ величественно остановился, какъ-бы удержанный волшебною силою. Говоръ и рукоплесканія зрителей еще не прекратились, когда парусы были уже убраны и на шканцахъ господствовало величайшее спокойствіе. Намъ было очень лестно заслужитъ хвалу моряковъ множества націй, видѣвшихъ искуство Французскаго экипажа. Всѣ, встрѣчавшіе въ Левантѣ нашихъ моряковъ, могутъ подтвердить мои слова.—На берегъ вышли мы уже на другой день. Въ первый разъ пріѣзжавши въ Левантъ, почти за годъ передъ тѣмъ, мы видѣли Смирну. Намъ были уже извѣстны немногіе, еще сохранившіеся въ ней древніе памятники, Діанины бани, древнія стѣны, цитадель, театральная площадь. Мы уже обозрѣвали окрестности и были въ прекрасныхъ загородныхъ домахъ Бурнабы, Куклуджи, и проч. Теперь мы занимались единственно приготовленіями къ путешествію по Греціи. Мы надѣялись на благорасположеніе Адмирала Риньи, и полагали, что онъ поможетъ намъ въ нашихъ переѣздахъ; но онъ находился въ отсутствіи, и въ ожиданіи его, мы старались узнать событія и положеніе той страны, которую намѣревались посѣтить.

Мы давно составили свое мнѣніе объ истинномъ характерѣ борьбы Турко-Греческой. Мы очень хорошо знали, что не вѣра и не любовь къ свободѣ, какъ полагаютъ въ Европѣ, сражались здѣсь съ деспотизмомъ, безпримѣрнымъ въ образованныхъ государствахъ. Мы изучали Грецію не въ возгласахъ Г-на Пукевиля: нѣкоторыя книги, менѣе прославленныя и болѣе основательныя, показали намъ, какова была Греція подъ властію Турковъ, прежде возстанія. Зная всѣ несогласія, существовавшія среди несчастнаго народа Греціи, и будучи готовы нѣсколько менѣе удивляться ей, нежели знающіе ее только изъ Журналовъ, мы могли хорошо разсмотрѣть сію страну. Собравъ всѣ прежнія и новыя свѣдѣнія, изъ книгъ и изъ разговоровъ, мы старались узнать все такимъ образомъ, чтобы путешествіе было намъ полезно. Страницы, написанныя съ чувствомъ, имѣли свою цѣну въ отдаленіи отъ театра событій, потому что онѣ воспламеняли сердца и побуждали къ вспомоществованіямъ, впрочемъ менѣе полезнымъ, нежели думають вообще; но намъ были нужны свѣдѣнія вѣрныя. Люди, находившіеся въ одномъ съ нами положеніи, знаютъ, какъ важно явиться въ Греціи безъ ложныхъ обольщеній. Изъ всего, что могли мы узнать въ Смирнѣ, я не буду повторять сдѣлавшагося впослѣдствіи извѣстнымъ всякому, столько-же какъ и намъ; но мнѣ казалось, что вообще худо знаютъ Греческія событія, совершившіяся со времени вторженія Египтянъ въ Морею.

Греція была раздираема жесточайшими внутренними несогласіями, когда Египтяне прибыли въ Модонъ, съ значительными силами и съ новыми средствами къ успѣху. Въ то-же время 20,000 Турковъ шли завладѣть сѣвернымъ берегомъ Лепантскаго залива, и простерлись до Миссолонги. Ужасъ распространился повсюду. Румеліоты отложились отъ Правительства, рѣшившись защищать свою страну, и захватили 100,000 Турецкихъ піастровъ, въ награду за свои услуги. Мореоты вездѣ бѣжали отъ Египтянъ и громко требовали Колокотрони, не задолго возмущавшагося противъ Правительства, но побѣжденнаго и взятаго въ плѣнъ. Правительство принуждено было согласиться на это. Послѣдовало нѣчто похожее на примиреніе, но безъ пользы. Колокотрони не могъ уже снова заслужить отъ солдатъ довѣренности. Тогда было дознано, что Греки не въ состояніи противиться своему новому непріятелю, что необученныя ихъ толпы не могутъ противустоять регулярнымъ корпусамъ Египтянъ, и что если флотъ ихъ сжегъ нѣсколько кораблей Турецкихъ, то онъ былъ не въ силахъ остановить эскадру, не ужасавшуюся легкихъ потерь и прямо шедшую къ своей цѣли. У всѣхъ возникла одна мысль: сыскать покровителя.

Въ 1825-мъ году Греки были-бы, можетъ статься, совершенно истреблены, если-бы въ дѣла ихъ не вступились Европейскія правительства.

Англія и Франція оставались въ нерѣшительности, и только наблюдали ходъ дѣлъ. Адмиралы сихъ Державъ довольствовались тѣмъ, что давали совѣты и слегка покровительствовали торговлѣ, защищая ее отъ морскихъ грабительствъ.

Въ началѣ возстанія своего Греки раздѣлились на три партіи: сухопутная армія, подъ начальствомъ Колокотрони; знатнѣйшіе люди, предводимые Маврокордато, и, наконецъ, жители острововъ, имѣвшіе главою Кондуріотти. Впослѣдствіи только островитяне были противоположны жителямъ твердой земли. Сіи двѣ большія партіи имѣли различныя знамена и составляли то, что называлось Англійскою и Французскою партіею.

Съ 1824-го года нѣкоторые люди въ Греціи думали уже просить помощи Европейскихъ Державъ; но не знали, къ кому въ семъ случаѣ обратиться. Партіи Англійская и Французская, не имѣя названій, уже существовали. Коммодоръ Гамильтонъ умѣлъ внушить Греческимъ морякамъ замѣтное предпочтеніе къ своему Правительству: онъ въ темныхъ выраженіяхъ обѣщалъ имъ, что при крайней необходимости Англія имъ поможетъ. Съ другой стороны, Греки думали избрать себѣ Короля, и говорили объ одномъ изъ юныхъ сыновей Герцога Орлеанскаго. Маврокордато, бывшій въ Миссолонги, узналъ объ этомъ. Посланы были въ Парижъ эмиссары, и впослѣдствіи, въ 1825-мъ году, они нашли въ Комитетѣ Филеллинскомъ, только что образовавшемся, людей, расположенныхъ принять ихъ мысли. Тогда сей Комитетъ послалъ въ Грецію Генерала Роша. Выборъ храбраго воина, болѣе искуснаго въ битвѣ, нежели въ пронырствахъ, показываетъ ясно, что хотѣли имѣть при Грекахъ человѣка, полезнаго для нихъ въ совѣтахъ, а не представителя частныхъ выгодъ, который возмущалъ-бы умы и давалъ новый поводъ къ междоусобію въ сей странѣ, уже и такъ слишкомъ несчастно волновавшейся.

Однакожъ, Генералъ Ротъ тотчасъ по пріѣздѣ своемъ забылъ наставленія Комитета и послѣдовалъ единственно плану, начертанному Г-мъ В., намѣревавшимся провозгласить Королемъ Эллиновъ одного изъ Французскихъ Принцевъ. Братья Витали, два Грека, много разъ пріѣзжавшіе въ Парижъ, были его помощниками. Они говорили о словесныхъ совѣщаніяхъ, которыя были у нихъ, какъ сказывали они, съ Президентомъ Совѣта Министровъ, и даже съ одною особою высшаго сана. Франція, по ихъ словамъ, должна была послать на помощь 12,000 войска. Столь блестящія обѣщанія увлекли многихъ Членовъ Законодательнаго Корпуса. Разсуждали въ Собраніи, и даже требовали отъ округовъ уполномоченія для начатія переговоровъ; когда-же успѣхъ Ибрагима распространилъ ужасъ во всей Греціи, то хотѣли немедленно провозгласить новаго Короля и выставить бѣлое знамя въ Наполи ди Романія. Съ сего времени Французская партія сдѣлалась извѣстна. Она состояла изъ большинства голосовъ въ Законодательномъ Собраніи, изъ Капитановъ, Старшинъ, и вообще изъ народонаселенія Мореи.

Адмиралъ Риньи спѣшилъ доказать, что обѣщанія, сдѣланныя именемъ Французскаго Правительства, ложны. Между тѣмъ Англичане съ неудовольствіемъ смотрѣли на всѣ сіи сплетни, и спѣшили противопоставить тщетнымъ обѣщаніямъ безвѣстныхъ и непризнанныхъ агентовъ, существенныя угрозы. Обо всѣхъ тайныхъ переговорахъ доносилъ имъ Маврокордато, притворно одобрявшій поступки Генерала Роша и чрезъ то вывѣдавшій всѣ его тайны. Впрочемъ, дѣло производилось почти открыто. Коммодоръ Гамильтонъ поспѣшилъ въ Корфу и вскорѣ возвратился съ вооруженною силою объявить Грекамъ, что Англія никогда не допуститъ, чтобы Франція, уже пріобрѣтшая слишкомъ большое вліяніе въ Египтѣ, сдѣлала изъ Греціи зависящее отъ нея государство. Въ то-же время онъ прислалъ одинъ корабль съ военными припасами и другой съ 50,000 ф. ст. Англійскаго займа. Подобныя распоряженія не могли не произвесть своего дѣйствія. Англійская партія тотчасъ одержала верхъ, и манифестъ, коимъ Греція молила Англію о покровительствѣ, былъ, за подписями множества людей, отправленъ съ Идры въ Наполи ди Романія, гдѣ подписались также многіе. Нѣкоторые утверждаютъ, что онъ совсѣмъ написанный былъ присланъ изъ Корфу, и что въ немъ не позволили перемѣнить ни слова.

Съ сего времени Англичане всячески старались представить насъ Грекамъ непріятелями ихъ. Они заботливо указывали на дружбу, существующую между нашимъ Правительствомъ и Пашею Египетскимъ. Они насмѣшливо сравнивали слабыя пособія нашего Комитета Филеллиновъ съ богатыми присылками Англіи; наконецъ, они всюду породили недовѣрчивость къ Французамъ.

Извѣстно, что отвѣтомъ на Греческій манифестъ было только объявленіе неутралитета со стороны Англіи. Искавши пособія у иностранцевъ, Греки пренебрегли всѣ средства къ защитѣ. Соперничество партій уничтожало всякое согласіе, и каждый думалъ уже только о себѣ. Посему Ибрагимъ, безъ большаго труда, завоевалъ, менѣе нежели въ годъ, Наваринъ и Миссолонги. Онъ былъ властелиномъ всей западной части Мореи, и войска его свободно расхаживали по всей странѣ сей, не встрѣчая непріятеля; 1500 Арабовъ спокойно оставались въ Триполицѣ шесть мѣсяцевъ. Никто не заботился о снабженіи Миссолонги съѣстными припасами. Корабли, собранные подъ начальствомъ Міаули и предназначенные для подкрѣпленія сей крѣпости, оставили своего Адмирала, пустились въ морской разбой, и изъ 45-ти судовъ, вооруженныхъ Правительствомъ, только семнадцать слѣдовали за Міаули, который былъ такъ обезсиленъ, что не могъ ничего предпринять.

22-го Апрѣля 1826-го года пала Миссолонги. Геройская защита сего города есть, можетъ

Digitized by Google

наго имъ жалованья. Караискаки оставилъ Салону и пошелъ на помощь къ Правительству; Аттика была открыта и могла быть занята 20.000 Турковъ, предводительствуемыхъ Кютай-Пашею. Ожидали непріятеля, и не могли ему противиться; но раздоръ, вкравшійся въ его ряды, спасъ Грецію.

Ибрагимъ имѣлъ причины жестоко жаловаться на Капитана-Пашу во все время осады Миссолонги. Турецкая морская сила не оказала ни малаго пособія Арабамъ, при нападеніяхъ на укрѣпленія Васcилади и Анатолико. Капитанъ-Паша, вмѣсто того чтобы продолжать дѣйствовать въ согласіи съ Египетскою арміею, которая одна не могла ничего сдѣлать, ушелъ. Порта не только не наказала своего Адмирала, но возвысила его въ достоинство Сераскира. Паша Египетскій и сынъ его поняли, что Порта, призвавъ Египтянъ въ Морею, не столько думала усмирить Грековъ, сколько, слѣдуя своей обыкновенной политикѣ, желала ослабить тѣхъ, коихъ она боялась съ другой стороны. Посему Ибрагимъ рѣшился сохранить завоеванное, но не идти далѣе, доколѣ ему не дадутъ для сего средствъ. Онъ возвратился въ Морею черезъ Патрасъ, оставилъ въ ономъ гарнизонъ, усилилъ гарнизонъ въ Триполицѣ, и отступилъ къ Модону, между тѣмъ какъ Кютай Паша блокировалъ Аѳины 7,000-ми человѣкъ.

Караискаки и Фавье напали на Турковъ Кютай-Паши съ тылу, но были разбиты при Калдари, а Гура остался спокойнымъ зрителемъ ихъ пораженія, боясь, что если онъ сдѣлаетъ вылазку, то другіе Капитаны, при возвращеніи, не впустятъ его. Караискаки отмстилъ черезъ нѣсколько времени за свое пораженіе побѣдою при Араковѣ, гдѣ онъ окружилъ Омера, Пашу Негропонтскаго, и отнялъ у него весь багажъ. Впрочемъ успѣхъ сей былъ не полонъ, ибо Паша успѣлъ доставить въ лагерь Кютая военные и жизненные припасы, которые сопровождалъ онъ. Караискаки былъ также причиною неудачнаго похода на Ѳивы, гдѣ онъ вдругъ оставилъ Фавье и Филеллиновъ, по счастію отступившихъ къ Мегарѣ. Все, что послѣ сего предпринимали разные полководцы для спасенія Аѳинъ, было тщетно. Напрасно Филеллины много разъ подавали примѣръ дисциплины и смѣлости: Греки бѣжали вездѣ. Извѣстенъ печальный жребій храбраго Полковника Бурбаки; нѣкоторые, не столь именитые офицеры, погибли не менѣе жалкимъ образомъ.

Въ это время Султанъ Магмудъ перемѣнилъ древній военный порядокъ своей Имперіи, истребивъ Янычаровъ: дѣйствіе политическое, смѣлое, дающее сему властителю одно изъ первыхъ мѣстъ среди современныхъ Государей и, кажется, заставившее народъ его выйдти изъ безчувственности (*). Намѣренiе, также очень хорошо обдуманное: соединить начальство надъ флотомъ и армiею въ однихъ рукахъ, долженствовало по изложеннымъ уже мною причинамъ имѣть великое влiянiе на дѣла. Надежда Грековъ и ихъ могущественныхъ покровителей казалась обманущою, и потому каждый началъ думать только о собственной пользѣ, каждый старался придать себѣ возможную значительность и овладѣть чѣмъ нибудь, дабы во время рѣшительнаго торжества Турковъ имѣть средство вести переговоры съ побѣдителемъ, на порядочныхъ условiяхъ. Такъ Гура хотѣлъ остаться властелиномъ Аѳинъ, Грива овладѣлъ крѣпостью Паламиди, въ Наполи, Фотомара взялъ нижнее укрѣпленiе; Идрiоты отдѣлились отъ остальнаго флота.

Но начальники Англiйской партiи не оставляли своихъ замысловъ. Отказавшись отъ независимости, они думали о Господарствѣ, и Заими, очень желалъ быть Господаремъ. Онъ помогалъ Гамильтону, дабы въ случаѣ нужды имѣть въ немъ покровителя, но боялся, чтобы военачальники не воспротивились его видамъ. Особенно стѣснялъ его Фавье, всегда бывшiй главою партизановъ рѣшительной независимости и федеральнаго правленiя. Заими убѣдилъ Гамильтона отдать предво-

---

(*) Событiя доказали противное. *Прим. Перев.*

дительство армiею Генералиссимусу, который могъ-бы управлять дѣйствiями и мнѣнiями войскъ согласно видамъ Англiи. Тогда былъ избранъ Генералъ Чорчъ. Думали, что онъ будетъ имѣть нѣкоторое влiянiе надъ Паликарскими начальниками, ибо изъ нихъ большая часть служили нѣкогда у него въ полку, составленномъ въ Зантѣ. Фавье, посланный въ Аѳины, былъ тамъ удержанъ на неопредѣленное время.

Уже съ годъ ожидали Кокрена. Отъ времени до времени онъ присылалъ уголь и военные припасы. Его ждали какъ спасителя, и наконецъ онъ прiѣхалъ. Поспѣшили созвать въ Эгинѣ Народное Собранiе. Оно наименовало Графа Капо д'Истрiя Президентомъ Грецiи; Кокрена Великимъ Адмираломъ; Чорча Генералиссимусомъ. Приготовительная Коммисiя, состоявшая изъ трехъ Членовъ, облечена была исполнительною властью до прибытiя Президента.

Англичане представляли Грекамъ новыхъ начальниковъ ихъ какъ генiевъ-хранителей, которые однимъ взмахомъ волшебной палочки спасутъ ихъ. Десять тысячь человѣкъ собрались испытать счастiя новыхъ чужеземныхъ предводителей, но достаточно было горсти Турецкихъ всадниковъ, чтобы обратить въ бѣгство эту армiю, многочисленнѣйшую изъ всѣхъ, какiя Греки выставляли со времени возстанiя, и тогда-то гарнизонъ Акрополисскiй, уже не надѣясь на помощь, потре-

Digitized by Google

бовалъ капитуляціи. Онъ получилъ ее только по предстательству Г-на Риньи. Греки же стыдились обвинять Адмирала въ томъ, что будто онъ продалъ Аѳины. Англичане, досадуя, что они не принимали никакого участія въ переговорахъ, подкрѣпили сей нелѣпый слухъ, и такимъ образомъ человѣколюбивый поступокъ представляли дѣломъ корысти. Кокренъ, потерявшій уваженіе, пошелъ на показъ къ Александріи съ нѣсколькими кораблями. Эта экспедиція доказала только то, что онъ не имѣлъ власти даже надъ своимъ экипажемъ. Послѣ сего совершенно нечего было дѣлать. Иностранныя обѣщанія и помощь были обольстительною мечтою, и дѣло Грековъ казалось погибшимъ. Вотъ обстоятельства, о которыхъ мы узнали въ Смирнѣ. Видѣвъ послѣ того многое самъ, я могъ отличить истину отъ всего разсказаннаго намъ въ семъ городѣ. Такимъ образомъ, основываясь на сдѣланныхъ мною впослѣдствіи наблюденіяхъ, смѣю ручаться за достовѣрность всего, здѣсь изложеннаго.

Мы были уже нѣсколько дней въ Смирнѣ, когда пріѣхалъ Адмиралъ Риньи. Онъ только что перевезъ Аѳинскій гарнизонъ на острова, еще принадлежавшіе Грекамъ. Онъ умѣлъ согласить обязанности неутралитета съ обязанностями человѣчества, и такимъ поведеніемъ заставилъ уважать и благословлять нашъ флагъ. Г-нъ Риньи, совершенно зная Грековъ, не скрывалъ отъ себя, какъ мало сей народъ, взятый вообще, заслуживаетъ уваженія. Лучше нежели кто другой, онъ зналъ, что Греки не могутъ противиться Туркамъ, что средства ихъ безсильны, что пособія, коими обязаны они великодушію Европейцевъ, недостаточны, и потому онъ безпрестанно, съ тѣхъ поръ какъ управлялъ дѣлами, совѣтовалъ, съ одной стороны Грекамъ, чтобы они умоляли всѣ Державы о покровительствѣ, съ другой нашему Правительству, чтобы оно вступило въ посредничество. Наконецъ совѣты благороднаго *Адмирала* были услышаны. Онъ получилъ посреднической Договоръ между Россіею, Франціею и Англіею. Его попеченіемъ, счастливое извѣстіе объ этомъ тотчасъ разнеслось по всѣмъ островамъ Архипелага, и габарра *Львица,* на которой мы отправились изъ Смирны, имѣла именно препорученіе о распространеніи онаго. Капитанъ Матьё оказалъ намъ такую-же благосклонность, какъ и начальникъ *Побѣдоносной,* умѣвшій сдѣлать переѣздъ нашъ изъ Египта очень пріятнымъ. Мы отплыли 16-го Августа, почью, въ Наполи ди Романія, гдѣ должны были снова встрѣтиться съ Адмираломъ. Погода была превосходная. Ничего не можетъ быть восхитительнѣе плаванія по Архипелагу, въ хорошее время года. Тутъ вы безпрестанно посреди прекраснѣйшей панорамы. Это уже не однообразный Океанъ, гдѣ вы цѣлые мѣсяцы плывете не видя земли, не пере-

Digitized by Google

мѣняя ни одного паруса. Здѣсь все разнообразно: земля, вѣтры, море; каждую минуту зрѣлище перемѣняется; острова какъ будто вырастаютъ передъ вами изъ среды водъ, дабы нѣкоторымъ образомъ представить зрѣлище, свойственное каждому изъ нихъ. И обнаженные, показывающіе вмѣсто зелени красноватую, безплодную почву или остроконечныя скалы, они нравятся взору тысячею противоположностей съ моремъ и лазурнымъ небомъ. Иногда вы плывете вдоль обломившагося берега, гдѣ видны неизмѣримыя пещеры и въ нихъ ходитъ и гремитъ волна; иногда переѣзжаете тѣсный проливъ между двумя землями. Кормчій внимателенъ: онъ правитъ посреди скалъ кораблемъ, быстро увлекаемымъ. Экипажъ въ молчаніи ожидаетъ знака отъ своего начальника, наблюдающаго съ безпокойнымъ взглядомъ опасность пути. Ежеминутно проходите мимо какихъ нибудь знаменитыхъ въ Исторіи мѣстъ, усматриваете развалины, находитесь среди поприща Миѳологіи.

Но всего болѣе лѣтомъ, въ прекрасныя ночи, сладостно скользить по волнамъ сихъ спокойныхъ морей. Часто, при захожденіи солнца, вѣтръ начинаетъ покачивать корабль, задержанный цѣлый день тишиною; онъ слегка двигаетъ его, какъ бы давая время насладиться свѣжестью атмосферы. Надобно испытать на себѣ тысячу ощущеній, раждаемыхъ этою спокойною созерцательностью, чтобы знать, какъ трудно изобразить оныя. Способности души и тѣла какъ будто полнѣе сливаются однѣ съ другими, и, какъ-бы уравненныя, вмѣстѣ возносятся къ чему-то безвѣстному, что онѣ, кажется, постигаютъ. Я назвалъ-бы это восторгомъ, если-бы сіе слово, и мысль, выражаемая имъ, не сдѣлались слишкомъ темны отъ злоупотребленія. Фантасмагорія воспоминаній и надеждъ пролетала передъ моими глазами, все быстрѣе, все привѣтливѣе. Сводъ небесъ былъ обширнѣе и, такъ сказать, легче. Между имъ и мною не оставалось ничего. Шопотъ волнъ и легкій вѣтерокъ, ласкавшій парусъ, все было въ согласіи съ меланхолическимъ колебаніемъ моего бытія. Я провелъ много часовъ въ подобномъ упоеніи; но живѣе другихъ сохранившіеся въ моей памяти, были часы, которыми наслаждался я на тѣхъ моряхъ, гдѣ встрѣчается Идра. Мы уже въ другой разъ тогда подъѣзжали къ сему острову.

Островъ Идра есть безплодная скала, отвѣсно выставившаяся изъ моря. Узкій каналъ отдѣляетъ его отъ твердой земли. Посему-то каналу выстроенъ городъ. Онъ возвышается амфитеатромъ. Портъ не великъ, но скалы, находясь въ водѣ перпендикулярно, позволяютъ кораблямъ кидать якори очень близко къ берегу. Домы, хорошо выбѣленные, показываютъ довольство и опрятность. Множество батарей, устроенныхъ

Digitized by Google

на скатѣ берега, могли обстрѣливать каналъ во всѣхъ его направленіяхъ, а сто легкихъ бриговъ, сдѣлавшіеся храбростью своихъ вожатаевъ страшными самымъ сильнымъ кораблямъ, стоя вдоль берега не допускали приближаться къ оному.

Вскорѣ мы пришли къ Спецціи. Сей островъ плодоноснѣе Идры. На немъ видны обработанныя поля, виноградники, масличныя деревья. Городъ довольно великъ, выстроенъ амфитеатромъ на плоской покатости, и образуетъ треугольникъ, коего оконечность продолжается нѣсколько кругло. Въ немъ нѣтъ ни укрѣпленій, ни порта. Защищать Спеццію никогда и не думали. Находясь вблизи Идры, и вмѣстѣ съ нею доставляя Грекамъ почти всѣхъ ихъ моряковъ, она должна была имѣть и одинакую съ нею участь. Во время благополучное сіи два острова соперничали торговлею; при несчастіи они соединяли свои силы для общей защиты.

Едва прошедши Спеццію, поворотите къ сѣверу, и вы входите въ заливъ Наполи ди Романія. Западный берегъ его составляетъ высокая и крутая наклонность горъ: онѣ, проходя Морею отъ сѣвера къ югу, простираются въ море длинною грядою, которая оканчивается мысомъ Мало. Въ глубинѣ залива долина Аргосская, и въ ней, на возвышенности, развалины, видимыя издалека. Наполи ди Романія на восточномъ берегу. Ея не льзя видѣть даже съ рейда, гдѣ останавливаются военные корабли. Изъ города нѣтъ вида на заливъ.

Наполи важна единственно своими укрѣпленіями. Они построены Венеціянами, и при насъ составляли надежнѣйшее убѣжище Грековъ на твердой землѣ. Однакожь междоусобная война оросила ихъ кровью, и Англійскій Адмиралъ съ величайшимъ трудомъ могъ водворить миръ въ семъ городѣ.

Среди безчисленнаго множества пронырствъ, почти невозможно открыть истинную причину сихъ послѣднихъ смятеній. Я уже сказалъ, что послѣ паденія Миссолонги, Суліоты овладѣли укрѣпленіями: тогда-то Грива захватилъ Паламиди, а Фотомара нижнюю крѣпость. Оба сіи Капитана не переставали угрожать городу. Если пріѣзжалъ какой нибудь корабль съ жизненными припасами для Наполи, то они, каждый съ своей стороны, посылали солдатъ грабить его, и послѣ продавали припасы жителямъ по такой цѣнѣ, какую имъ хотѣлось взять. Если имъ нужны были деньги, то они налагали на городъ контрибуцію, и жители, боясь, что ихъ начнутъ бомбардировать, спѣшили платить. Этимъ средствомъ Грива награбилъ болѣе ста тысячь піастровъ. Уже въ Іюнѣ 1826-го года несогласія были столь сильны, что Правительство нашлось принужденнымъ переѣхать въ крѣпость Бурзи. Черезъ годъ, Приготовительная Коммисiя должна была выйдти изъ Наполи. Съ крѣпостей стрѣляли по городу и пятьдесятъ человѣкъ было убито. Жители, находясь въ безпрестанномъ страхѣ отъ сихъ несогласiй между вождями, страдая равно отъ торжествъ и пораженiй каждаго изъ нихъ, не хотѣли болѣе оставаться въ городѣ. Они предпочитали этому жизнь лагеремъ, въ полѣ, и опасность быть захваченными Ибрагимомъ. Но когда они готовы были выйдти, Грива поставилъ стражу и позволилъ выходить только тѣмъ, которые купятъ для сего позволенiе. Несчастные должны были жертвовать своимъ послѣднимъ имуществомъ, чтобы только получить возможность оставить свои домы и спастись отъ смерти, угрожавшей имъ каждую минуту. Тогда четыре тысячи человѣкъ оставили Наполи.

Генералъ Чорчъ, послѣ своей Фалерской экспедицiи, узналъ, что жители Наполи терпятъ большiя притѣсненiя отъ Гривы. Кромѣ того, подозрѣвая сего вождя въ преступныхъ намѣренiяхъ, ибо уже говорили о сношенiяхъ Гривы съ Ибрагимомъ касательно сдачи Паламиди, онъ хотѣлъ заставить его выйдти, и уговаривалъ слѣдовать за собою, очистивъ крѣпость или сдавъ ее новымъ войскамъ, которыя онъ назначитъ въ гарнизонъ. Грива отказался, подъ предлогомъ, что онъ защищаетъ пользы Французской партiи. Онъ стрѣлялъ по городу, занятому войсками Колокотрони. Приготовительная Коммисія, со времени бѣгства своего въ Бурзи, предала проклятію Гриву и объявила его врагомъ отечества, но, въ тайнѣ она ободряла его и даже приказывала ему стрѣлять по городу. Чорчъ принужденъ былъ уступить. Призвали Фавье, чтобы предложить ему начальство надъ Паламиди; но онъ не могъ взять оной силою. Онъ тотчасъ возвратился въ Метану. Наконецъ Грива согласился выйдти съ 750-ю человѣками, и слѣдовать за Чорчемъ къ Коринѳу, оставивъ въ крѣпости 250 человѣкъ, подъ начальствомъ своего брата.

На рейдѣ Наполійскомъ мы нашли два Адмиральскіе корабля: Англійскій и Французскій. Тотчасъ по прибытіи, мы отправились на корабль *Сирену*. День, проведенный тамъ нами, не былъ потерянъ для наблюденій. Вечеромъ у Адмирала долженъ былъ собраться Великій Совѣтъ. Правительственная Коммисія и военные начальники явились повторить ему обѣщанія, сдѣланныя Адмиралу Кодрингтону, и снова дать клятву въ томъ, что они соединятся для общей пользы, для поддержанія мира и для новыхъ усилій противъ общаго врага. Сначала пріѣхали Члены Приготовительной Коммисіи, Секретарь оной и Маврокордато. О семъ послѣднемъ говорили, кажется, слишкомъ много и добра и худа. Не льзя отказать ему въ томъ, что онъ просвѣщеннѣе большей части своихъ соотечественниковъ; но онъ Фанарiотъ, то есть человѣкъ пронырливый. Онъ особенно желаетъ гражданскихъ правъ своей странѣ, но болѣе для своей частной пользы и для пользы аристократовъ, нежели изъ любви къ общему благу. Что касается до Членовъ Коммисiи, то это куклы, поставленныя на высокую степень одною партiею, для того, чтобы заградить входъ въ оную партiи непрiязненной. Президентъ, Мавромихали, молодой человѣкъ, слабаго характера и неопытный; Маркисъ, купецъ, хорошо управлявшiйся съ своими дѣлами; а Яннулли Наксосъ, помѣщикъ, собирающiй много Коринѳскаго винограду.

Послѣ сего явился, какъ представитель вооружившихся начальниковъ, Колетти. Онъ былъ оправителемъ Али-Паши и при Дворѣ сего кровожаднаго тирана научился коварству и хитрости. Онъ ловокъ, честолюбивъ, управляетъ Румелiотскою партiею, и онъ-же усмиряетъ неистовства сего необузданнаго солдатства.

Въ слѣдующiй день мы отправились на землю. Первое посѣщенiе сдѣлали мы Членамъ Правительства. Безсильный трiумвиратъ онаго былъ загнанъ въ крѣпость Бурзи. Тамъ-то, опираясь на свою безполезную власть, онъ смотрѣлъ какъ Греки умерщвляли другъ друга. Сначала мы прошли по площадкѣ одной батареи, гдѣ были въ безпорядочныхъ толпахъ солдаты, купцы, пушки. Бѣдныя семейства, убѣжавшія изъ Наполи, искали тамъ убѣжища подъ кровлею ничтожныхъ хижинъ, и даже наполняли амбразуры. Вездѣ видны были самая оскорбительная неопрятность и самая ужасная нищета. Насъ ввели въ небольшую комнату, гдѣ мы увидѣли посѣщенныхъ нами представителей власти. Сѣдла, уздечки, невоинственныя оружія покрывали стѣны комнаты; нѣсколько стульевъ и матрасъ, разостланный по полу, составляли всю мебель оной. Это было *отдѣльное* помѣщеніе и аудіэнцъ-зала Членовъ Коммисіи. Печальный тріумвиратъ принялъ насъ сидя, съ важностью поджавши ноги на какихъ-то нарахъ. По восточному обычаю подали трубки и кофе. Послѣ первыхъ привѣтствій, Г. Лабордъ, въ качествѣ Члена Парижскаго Комитета Филеллиновъ, изъявилъ Коммисіи все участіе, какое Франція принимаетъ въ освобожденіи Греціи. Онъ сказалъ, что приношенія Комитета попались въ руки людей жадныхъ, ненадежныхъ; наконецъ онъ просилъ найдти какія нибудь средства, чтобы впередъ сіи пособія достигали своего истиннаго назначенія. «Единственное средство къ тому,» сказалъ Президентъ, «отправлять всѣ посылки прямо въ Коммисію: она одна знаетъ нужды всѣхъ и можетъ раздавать справедливо пособія, которыми обязаны мы великодушію Европейскихъ народовъ.» Сей отвѣтъ показалъ намъ только то, что Коммисія имѣетъ о себѣ доброе мнѣніе.

Изъ крѣпости Бурзи мы пошли въ городъ. Можно было-бы сказать, что его опустошила язва: домы пусты, улицы завалены обломками и разрушенными зданіями. Мортиры, груды ядеръ (безполезные дары нашихъ Комитетовъ!), покрывали набережныя. Оставалось только нѣсколько лавокъ, гдѣ еще продавался черный хлѣбъ и виноградъ. Множество солдатъ наполняли улицы, и добивались въ городѣ какой нибудь пищи. Ктобы не былъ, подобно мнѣ, пораженъ, увидѣвъ подлѣ такой бѣдности и разстройства красивый кофейный домъ, и въ немъ толпу вокругъ билліарда?

Сообщники Гривы не оставляли своихъ жилищъ. Насъ проводили къ Петро-Бею. Одинъ Англійскій писатель изобразилъ его въ немногихъ словахъ: это, сказалъ онъ, a good-humoured round-faced fellow, замѣчательный только своимъ аппетитомъ. Чтобы дорисовать сей портретъ, онъ долженъ-бы былъ прибавить, что Петро-Бей безкорыстенъ и совсѣмъ не пронырливъ: сіи добродѣтели столь рѣдки въ его отечествѣ, что ихъ можно замѣтить.

Г. Лабордъ чрезвычайно желалъ увидѣться съ Генераломъ Чорчемъ, чтобы узнать, какія еще оставались у него надежды. Генералъ стоялъ лагеремъ, недалеко отъ города. Петро-Бей послалъ просить его къ намъ, и онъ съ величайшею готовностью пріѣхалъ по сему приглашенію. Чорчъ небольшой человѣчекъ, сухой и рыжій, довольно пріятный въ обращеніи. Нарядъ, избранный имъ для себя, просто страненъ: это нелѣпое соединеніе Турецкой чалмы, длиннаго камзола и полукафтанья Албанскихъ, и наконецъ ботфортовъ съ преогромными шпорами, имѣющими фигуру лебединой шеи. Кресты и блестящія звѣзды покрывали его грудь, но отъ этого видъ его былъ ни благороднѣе, ни важнѣе. Онъ сообщилъ намъ самыя печальныя свѣдѣнія о состояніи своей арміи, и, казалось, отчаявался за будущее. Мы думали ободрить его, сказавъ, что Коммисія готова пособлять вездѣ, гдѣ то будетъ нужно. «Коммисія!» воскликнулъ онъ. «Всего менѣе занимается она нуждами Греціи. Она «думаетъ только о себѣ и о своихъ нуждахъ. «Если Греція еще свободна, то этимъ она «обязана арміи, а не скупымъ своимъ Старшинамъ.»

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Воспоминанія воина, 1799—1814.

— Что такъ унылъ, мой баловень побѣды? —
Сѣдой гусаръ товарища спросилъ.
Всегда любилъ ты братскія бесѣды,
И какъ въ бою, за чашей веселъ былъ.
Бывало мечъ кумиръ твой ненаглядный,
Твой вѣрный конь рвался ко славѣ въ путь . . .
Почтожъ теперь, скучая жизнью праздной,
На ржавый мечъ не смѣешь и взглянуть?

Забылъ-ли ты, во брани посѣдѣлый,
Призывный кличъ тревоги боевой?
Забылъ-ли ты тѣ знойные предѣлы,
Гдѣ Русскій шелъ побѣдною стезёй,
Гдѣ Сенъ-Готаръ безстрашному дивился,
И груды льдовъ на смѣлыхъ низвергалъ?
Напрасно Галлъ природой защитился . . .
Нашъ исполинъ чрезъ пропасти шагалъ.

Забылъ-ли ты тѣ льдистыя равнины,
Гдѣ мы Стокгольмъ узрѣли предъ собой?
Смирились гдѣ Ботнійскія пучины,
Оцѣпенѣвъ подъ Русскою ногой;
Сыновъ своихъ геройствомъ восхищаясь,
Торжественно гдѣ Сѣверъ просіялъ;
Гдѣ рубежамъ бездоннымъ не ввѣряясь,
Въ землѣ родной нашъ врагъ затрепеталъ?

Забылъ-ли ты походы за Дунаемъ,
Гдѣ язва, зной и холодъ свирѣпѣлъ,
Гдѣ гибло все!... но мы-ли унываемъ!...
Впередъ! и врагъ, какъ пыль отъ насъ летѣлъ?
Забылъ-ли ты походъ Наполеона,
Влекущаго полъ-міра за собой,
Отчизны бой, погибель милліона,
Кровавый слѣдъ надъ снѣжной бѣлизной?

Забылъ-ли ты чрезъ Реинъ переправу,
Героями покрытые плоты,
И памятникъ нетлѣнной Россовъ славы,
Походъ въ Парижъ, скажи забылъ-ли ты? —
« Все вспомню, « рекъ онъ, руку мнѣ сжимая,
« Когда мы вновь невѣрныхъ поразимъ;
« И Крестъ святой, и знамя Николая
« На высотахъ Царьградскихъ водрузимъ!»

К. Б. Б—й.

1827 года.

Въ альбомъ незнакомой дѣвицы.

Хоть стихотворцу незнакома
Хозяйка милая альбома,
Хоть своевольно онъ чертитъ
Въ чужомъ альбомѣ эти строки:
Но вы, вы будете-ль жестоки?
Ужель листокъ сей полетитъ
Въ окно, гулять по бѣлу-свѣту?
Нѣтъ, нѣтъ! Простите вы поэту,

Что здѣсь писать стихи онъ смѣлъ:
Не вамъ однѣмъ онъ надоѣлъ
Своею лирой говорливой.
За што онъ пожелаетъ вамъ,
Чтобъ вѣкъ вашъ въ тишинѣ счастливой
Такъ протекалъ, какъ по лугамъ
Струится ручеекъ игривой,
Хранимъ Наядой молчаливой.

Масальскій.

БУДИНСКІЙ ПАША.

Повѣсть, основанная на истинномъ происшествіи (*).

(Соч. Цшокке).

Близъ углубленной долины и высокихъ скалъ, въ Швейцарскомъ кантонѣ Ваатъ, лежитъ древній, небольшой, но хорошо выстроенный горо-

---

(*) Что касается до источниковъ, изъ коихъ почерпнутъ сей разсказъ, то первый находится въ Вѣнскихъ архивахъ, въ Дневникѣ осады Офена въ 1686 году. Мы не имѣли случая непосредственно заимствовать изъ онаго, но можемъ утвердительно сказать, что о происшествіи, составляющемъ заключеніе нашей повѣсти, упоминается въ семъ Дневни-

Digitized by Google

докъ, съ господскимъ замкомъ. Городокъ называется Ла Сарразъ. Онъ обитаемъ людьми добрыми и радушными, и если они не прославились своими древностями или богатствомъ, своею ученостью или винами, то по крайней мѣрѣ въ старые годы были достойны уваженія за вѣрность и дружбу, какъ между собою, такъ и въ сношеніяхъ съ сосѣдями. Это доказали два прекрасные мальчика, Кюньи и Оливьеръ.

Кюньи былъ младшій сынъ стараго бѣдняка, который въ близкомъ разстояніи отъ города спокойно проживалъ подъ соломенною крышею своей хижины. Въ домѣ Кюньи господствовали порядокъ, чистота и строжайшее трудолюбіе. Даже меньшой сынъ обязанъ былъ добывать деньги и удовлетворять домашнимъ потребностямъ. Но этотъ меньшой сынъ не много радости доставлялъ старику: сей необузданный мальчикъ дѣлалъ ежедневно тысячи проказъ, на что имѣлъ всегда случай. Разумѣется, что маленькаго шалуна порядкомъ проучивали, но въ этомъ было мало проку. Вечернее наказаніе забывалось на

кѣ. Другимъ источникомъ была книга, неизвѣстно гдѣ напечатанная въ 1765-мъ году, подъ заглавіемъ: Le Bacha de Buda. Впрочемъ, мы пользовались изустными преданіями, которыя бываютъ маловажны для дѣеписателя, но для насъ имѣли свою цѣну. *Прим. Сочин.*

другое утро. Кромѣ наружной его красоты, за которую современные стихотворцы безъ обиняковъ сравняли-бы его съ Амуромъ или съ Ганимедомъ, если-бы онъ родился Принцемъ и не ходилъ босикомъ, въ простомъ балахонѣ, юный Кюньи имѣлъ даръ понравиться каждому, когда хотѣлъ. Школьный учитель очень любилъ его, потому что ни одинъ изъ его учениковъ не умѣлъ такъ хорошо писать, такъ внятно читать и такъ скоро считать. Учитель даже сказалъ однажды старому Кюньи: «Мальчишку твоего надлежало-бы послать въ Лозанну, въ высшее училище; онъ почти столько-же знаетъ, сколько я самъ. Ему слѣдовало-бы со временемъ сдѣлаться Пасторомъ.» Старикъ, пожавши плечами, отвѣчалъ: — Для нашего брата крестьянина умная голова нужнѣе нежели для богача; человѣкъ богатый, за недостаткомъ головы, посадитъ на ея мѣсто мѣшокъ съ деньгами. А намъ бѣднякамъ это не подъ силу. —

Въ слѣдствіе сего, маленькій Кюньи, не взирая на его любезность и хвалимыя школьнымъ учителемъ способности ума, долженъ былъ пасти козъ. Онъ исполнялъ эту обязанность, и если-бы она была не такъ скучна, то онъ прилагалъ-бы болѣе раденія объ оной. По мѣрѣ возможности старался онъ сдѣлать свою должность пріятною и веселою. Такъ напримѣръ, долгое время воображалъ онъ себя Пасторомъ, а стадо — своимъ приходомъ. Козамъ своимъ произносилъ онъ трогательныя проповѣди; но нечестивые его слушатели не обращались на путь истины и только поѣдали хмѣль и разсады. Чѣмъ ревностнѣе гремѣлъ маленькій проповѣдникъ противъ заблужденій вѣка, противъ обмановъ, татьбы, тѣмъ болѣе предавалась симъ порокамъ его паства, въ особенности когда онъ для испытанія ея благочестія и силы своего краснорѣчія, подгонялъ оную къ огородамъ и цвѣтникамъ. Въ еретической своей слѣпотѣ, козы перепрыгивали черезъ плетни и поѣдали чужую собственность.

Все это перемѣнилось со времени пріѣзда въ сію страну родственника, который въ военной службѣ достигнулъ званія фельдфебеля. Старый усачъ прожилъ цѣлую зиму въ домѣ Кюньи и каждый вечеръ повѣствовалъ о геройскихъ подвигахъ своихъ и Маршала Гебріента, подъ знаменами коего онъ сражался. То были разсказы о Шведскомъ Королѣ, Густавѣ Адольфѣ, то о Баннерѣ, Торстензонѣ и Врангелѣ, то о Бернгардѣ Веймарскомъ, о Тилли, Папенгеймѣ и Валленштейнѣ, то о битвахъ Люценской и Витштокской, о раззореніи Магдебурга, и тому подобное. Солдатъ все это описывалъ такъ живо, что каждому казалось будто онъ самъ видитъ войска и поля битвы и слышитъ громы орудій. На столѣ начертывалъ онъ планы сраженій и произносилъ такія ругательства, что всѣхъ присутствовавшихъ страхъ забиралъ. Никто въ цѣломъ домѣ не былъ внимательнѣе къ разсказамъ служиваго, какъ маленькій Кюньи, въ памяти коего врѣзывалось всякое слово, всякое имя и расположеніе каждой битвы. Когда по наступленіи весны, онъ снова былъ отправленъ пасти козъ, то должность сію принялъ онъ какъ введеніе въ званіе главнокомандующаго, и въ тоже время свою собаку, въ прошедшемъ году отправлявшую пономарскую должность при стадѣ, произвелъ въ чинъ своего адъютанта. Такимъ-то образомъ выступилъ онъ въ походъ, съ побѣдоноснымъ воинствомъ. Онъ завоевалъ нѣсколько долинъ, холмовъ и лѣсовъ, и подобно честолюбивому Валленштейну, едва не возъимѣлъ охоты удержать за собою все завоеванное и сдѣлаться Герцогомъ Ла Сарраза.

2.

Однажды сидѣлъ онъ на камнѣ, въ недальнемъ разстояніи отъ города, между тѣмъ какъ армія его держала въ блокадѣ крутой утесъ, на который взобралось уже для рекогносцировки нѣсколько козъ, какъ вдругъ услышалъ онъ, раздающіеся съ вершины скалы, жалобные вопли дѣтей, просящихъ о помощи. Въ минуту было рѣшено, взять крѣпость штурмомъ и освободить находящихся въ оной военноплѣнныхъ. Адъютантъ лаемъ своимъ привелъ въ порядокъ все рогатое войско. Мигомъ взобрались на утесъ съ другой стороны, овладѣли онымъ и избавили страждущихъ. Это были двое дѣтей, изъ городка мальчикъ, лѣтъ пятнадцати, называвшійся Оливьеромъ, и осьмилѣтняя дѣвочка, Елена, оба дѣти людей значительныхъ въ Ла Сарразѣ, не привыкшія къ лазенью по скаламъ. Они заблудились, прогуливаясь въ горахъ. Для отысканія возвратнаго пути, начали они спускаться внизъ между скалами и достигли края ужасной пропасти. Маленькій босоногій фельдмаршалъ избавилъ ихъ отъ гибели; повелъ ихъ за собою обратно по утесамъ, самъ идя впередъ, показывалъ имъ мѣста, гдѣ они могутъ безопасно ступить ногою, привелъ ихъ на отлогость горы, и оттуда благополучно спустился съ ними въ долину. Спасенные дѣти не знали какъ отблагодарить своего избавителя, и подружились съ нимъ въ минуту. Кюньи разсказалъ имъ о своихъ военныхъ подвигахъ. Только это и нужно было Оливьеру. Онъ не медля вступилъ въ дѣйствующую армію, которую Кюньи раздѣлилъ на двѣ части. Надъ одною удержалъ онъ самъ начальство, а другая отдана была въ команду Оливьера, который дѣйствовалъ какъ непріятель противъ Кюньи.

Елена должна была попеременно быть маркитантшею въ томъ и другомъ войскѣ. Окрестности Ла Сарраза раздѣлили между собою, установили правила, и эта игра такъ всѣмъ понравилась, что положено было собраться на другой день.

Оливьеръ, рѣзвый мальчикъ, имѣлъ не меньшую наклонность къ военнымъ дѣйствіямъ, какъ и Кюньи. Оба, хотя на челѣ войскъ своихъ и были непріятелями, непримѣтнымъ образомъ заключили союзъ тѣснѣйшей дружбы. Каждый день, какъ только могъ Оливьеръ отлучиться изъ родительскаго дома или изъ школы, приходилъ онъ къ своему другу. Общая ихъ пріятельница Елена, по меньшой мѣрѣ два раза въ недѣлю являлась играть роль маркитантки, съ хлѣбомъ, каштанами и флягою воды. Она обыкновенно приходила вмѣстѣ съ Оливьеромъ и оставалась на его сторонѣ, потому что ихъ родители были сосѣди; но въ концѣ игры она всегда попадала въ плѣнъ къ Кюньи и, по видимому сдавалась съ удовольствіемъ. За эти маневры получались иногда упреки. Правда, между Кюньи и Оливьеромъ не происходило распри за эту Елену; только Оливьеръ не рѣдко бранилъ маленькую свою подругу, за то что она часто попадается въ плѣнъ къ новому Парису. Елена очень любила своего юнаго сосѣда, который въ самомъ дѣлѣ былъ прекрасный мальчикъ, и всегда былъ одѣтъ лучше нежели Кюньи. Тѣмъ не менѣе эта дѣвочка замѣтила, что всѣ портные въ мірѣ не могли-бы убрать черноволосаго Кюньи, лучше того какъ украсила его природа. Въ сихъ занятіяхъ войною и дружбою, ссорами и примиреніями, прошли лѣто и осень, и наступающая зима должна была прекратить кампанію.

3.

Но еще прежде наступленія зимы, Оливьеръ навѣстилъ однажды своего друга, и сказалъ ему съ важнымъ видомъ: «Въ 1644-мъ году воевали мы съ козами; въ 1645-мъ будетъ уже не игрушка. Знаешь-ли ты, Кюньи? Батюшка сего дня по утру получилъ письмо отъ моего дяди, Полковника Цесарской службы, который обѣщаетъ — если только я по веснѣ пріѣду въ армію—принять меня въ свой полкъ въ чинѣ Подпоручика. Весною мнѣ минетъ шестнадцать лѣтъ и батюшка не намѣренъ держать меня въ Ла Сарразѣ: здѣсь мнѣ нечего дѣлать, какъ только пасти козъ. Что-же ты не радуешься?»

— Чему, спросилъ Кюньи, повѣсивъ голову?

«Тому, что я буду военнымъ, Поручикомъ. Теперь война. Я скоро дослужусь до Капитана и до Вахмистра. Ужь будутъ обо мнѣ говорить! Тутъ-то услышишь чудеса.»

— Вѣрю, Оливьеръ, и радуюсь за тебя. Только право мнѣ хочется плакать. Когда ты уѣдешь, я совершенно осиротѣю. Другъ мой! Кто-же со мною останется, когда тебя не будетъ?

«Эхъ, Кюньи! Вѣдь и мнѣ больно съ тобою разстаться!... А впрочемъ, на будущее лѣто возьми къ себѣ Елену. Дѣвочка умная, и ты можешь ей дать начальство надъ половиною арміи.»

— Что ты, Оливьеръ? Стану-ли я воевать съ дѣвчонками? Сверхъ того, когда ты уѣдешь, она и не придетъ; сдѣлается барышнею и не будетъ думать о нашемъ братѣ.

«Успокойся, Кюньи, и не плачь. Года черезъ два пріѣду я сюда въ отпускъ. Ты не повѣришь глазамъ, когда увидишь меня съ усами, съ саблею — здѣсь рубецъ! тутъ рубецъ!... Ты не узнаешь меня.»

— Можетъ быть! а ты меня и подавно не узнаешь. Гордый служивой и не спроситъ о бѣдномъ пастухѣ! Это мнѣ извѣстно.

«Стыдись, Кюньи, что ты это обо мнѣ говоришь? Да если-бы я былъ Фельдмаршалъ и пріѣхалъ въ Ла Сарразъ, то первый мой вопросъ былъ-бы о тебѣ, и я такъ-же-бы тебя обнялъ и расцѣловалъ, какъ теперь. Клянусь въ этомъ, и вотъ тебѣ моя рука! Въ залогъ моей клятвы дарю тебѣ этотъ ножикъ, съ перламутовымъ череномъ. Возьми его на память!»

Digitized by Google

— Знаешь-ли ты, Оливьеръ, что пріятели не должны дарить другъ друга ножами? Говорятъ, что это разстроиваетъ ихъ дружбу. Только я не вѣрю, и принимаю твой ножикъ. И если случится, что ты не захочешь болѣе меня знать, то я выставлю тебѣ передъ глаза твой подарокъ, и скажу: Оливьеръ, наша дружба разстроилась!

«Тогда я буду достоинъ того, чтобы ты меня этимъ ножемъ зарѣзалъ!... Ну, да радуйся-же вмѣстѣ со мною. Знаешь-ли ты, что я и для тебя кое что придумалъ?»

— Что такое?

«Какъ меня черезъ нѣсколько лѣтъ произведутъ въ Капитаны, а можетъ быть и повыше, и я пріѣду въ Ла Сарразъ, то непремѣнно возьму тебя съ собою въ армію...

— Нѣтъ! лучше я самъ весною пойду въ солдаты, въ рейтары, во что ни попало. Тебя, какъ сына значительныхъ людей, сей часъ жалуютъ въ Поручики. А я буду храбро сражаться и выслужу себѣ чинъ Поручика. Увидишь!

«Никакъ не льзя, Кюньи. Тебѣ еще только четырнадцать лѣтъ, ты слишкомъ молодъ. Ты и ружья не поднимешь.»

— Ну, такъ меня примутъ барабанщикомъ. Я и за лошадьми умѣю ходить. Меня помѣстятъ въ обозъ.

Digitized by Google

« Не годится, Кюньи! Изъ обоза ты никогда не попадешь въ сраженіе и ничего не выслужишь. Лучше погоди, милой! дождись, когда я пріѣду въ Ла Сарразъ. Я тебя возьму съ собою и сей часъ произведу въ фельдфебели. Ты хорошо пишешь, знаешь Ариѳметику; я отрекомендую тебя Полковнику. Не безпокойся! »

Кюньи началъ горько плакать, и Оливьеръ едва могъ его утѣшить. Кюньи рѣшительно объявилъ, что онъ не намѣренъ быть настухомъ, и весною отправится на войну.

4.

Не все такъ сдѣлалось, какъ полагали юные друзья. День ото дня, Кюньи становился задумчивѣе и грустнѣе. Посѣщенія Оливьера и шутки маленькой Елены, на короткое только время развеселили бѣднаго малаго. Однажды сидѣлъ онъ погруженный въ размышленія, на скатѣ холма; стадо его бродило вокругъ; осенній вѣтеръ завывалъ въ безлиственныхъ дубравахъ. Вдругъ слышитъ онъ громкій лай своей собаки. Кюньи замѣтилъ, что ея уже нѣкоторое время не было близъ стада. Собака, лая, металась во всѣ стороны. Кюньи сдѣлался внимательнѣе, вставши съ своего мѣста пошелъ впередъ, и въ близъ-лежащемъ ущельѣ увидѣлъ волка, растерзавшаго козу изъ его стада. Кюньи поспѣшно схватилъ палку и, сопровождаемый собакою, бросился на хищнаго звѣря. Волкъ убѣжалъ, но коза уже была зарѣзана. Съ ужасомъ стоялъ предъ нею молодой пастухъ. Однако вскорѣ онъ опомнился, накрылъ умерщвленное животное хворостомъ и каменьями, возвратился къ стаду и вечеромъ отвелъ оное на свое мѣсто. Потомъ пошелъ онъ домой, и какъ только смерклось, надѣлъ праздничное платье, собралъ въ узелокъ все, что у него было получше, и отправился въ дальній путь.

Еще съ вечера, когда хозяинъ пропавшей козы пришелъ съ жалобами, молодаго Кюньи уже не было въ домѣ. Когда-же на слѣдующее утро онъ не явился и нигдѣ не могли его отыскать, то старый отецъ предался жесточайшей горести. Еще неутѣшнѣе были Оливьеръ и Елена, получившіе извѣстіе о побѣгѣ Кюньи. Не могли надивиться сокрушенію Елены о молодомъ пастухѣ, а родители Оливьера безуспѣшно насмѣхались надъ сыномъ и бранили его за проливаемыя слезы. Нѣсколько дней спустя, крестьянинъ изъ Роменмотье отдалъ Оливьеру письмо. Кюньи описалъ ему происшествіе съ волкомъ; потомъ объявилъ что онъ, боясь наказанія и наскучивши пастушескою жизнію, пустился въ свѣтъ, искать себѣ счастія. «Не бойся, Оливьеръ,» писалъ

Кюньи! «Я не умру съ голоду. Я могу работать. Скажи Еленѣ, чтобы она не печалилась, и объяви батюшкѣ, что я изъ чужой стороны буду ему помогать, лишь только что выработаю. Ножикъ твой я взялъ съ собою и не разстанусь съ нимъ во всю жизнь. Онъ всегда будетъ мнѣ тебя напоминать. Безъ слезъ я не могу на него глядѣть. Можетъ статься что мы гдѣ нибудь увидимся на войнѣ!»

Оливьеръ прыгалъ отъ радости, показывалъ всѣмъ грамоту своего друга, и даже не разсердился на то, что Елена сначала поцѣловала письмо, а послѣ съ плачемъ прижала оное къ сердцу. Совсѣмъ тѣмъ, Оливьеръ скучно провелъ зиму. Онъ такъ привыкъ къ Кюньи и не слышалъ болѣе пріятнаго, остроумнаго болтанья своего друга! Къ счастію, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, начали собирать его въ дорогу. Прощальные визиты, дѣлаемые роднымъ и знакомымъ въ окрестностяхъ, послужили разсѣяніемъ для Оливьера.

Наконецъ все было готово, и онъ, послѣ Святой недѣли, отправился къ Цесарской арміи, въ Германію. Маленькая Елена также горько оплакивала своего сосѣда, какъ и Кюньи. Но горесть дѣвушекъ не бываетъ продолжительна; а Оливьеръ, лишь только оставилъ за Рейномъ свою отчизну, началъ дышать воздухомъ Герматія, увидѣлъ войски различныхъ народовъ, лагери, и военную жизнь—то позабылъ и Кюньи, и Ла Сарразъ, и Елену, и родителей, и все!...

5.

Юный Оливьеръ, отыскавши своего дядю въ Вѣнѣ, отправился вмѣстѣ съ нимъ подъ Пресбургъ, въ Венгерскій лагерь. Въ семъ мѣстѣ, Цесарскія войска, подъ начальствомъ Фельдмаршала Гёца, противостояли Рагоцкому изъ Трансильваніи, который, произведя возмущеніе въ половинѣ Венгріи, соединился со Шведами, предводимыми храбрымъ героемъ Торстензономъ. Много было кровопролитія! Оливьеръ попалъ въ настоящую военную школу. Онъ ознакомился съ походною жизнію; убійства, зажигательства, раззоренія были ежедневными занятіями и предметами всѣхъ разговоровъ. Дядя пожалѣлъ было сначала молодаго парня, но по истеченіи трехъ мѣсяцевъ заставилъ онъ его, какъ говорится, понюхать пороху, и по окончаніи первой кампаніи Оливьеръ дѣйствительно былъ произведенъ въ Поручики; потому что, служа волонтеромъ, онъ оказалъ во многихъ сраженіяхъ столько храбрости, или лучше сказать столько отчаянности, что всѣ солдаты его полюбили. Сначала называли они его *ребенкомъ*, а послѣ стали называть *дьяволен-*

комъ. Неохотно сталъ-бы я описывать свирѣпые подвиги Оливьера въ Богеміи, въ Силезіи, въ Баваріи, и проч. Всѣ знаютъ, какова бываетъ необузданность солдатъ во время продолжительной кампаніи; всѣмъ извѣстны ужасныя безчинства воиновъ и полководцевъ, коими въ послѣдніе годы тридцатилѣтней войны осквернены были пожатые ими лавры. Справедливость обязываетъ сказать, что молодой Оливьеръ велъ себя какъ рыцарь древнихъ временъ; въ лагерѣ онъ былъ всегда исправенъ, умѣренъ, трезвъ; въ бояхъ неустрашимъ; съ подчиненными строгъ, но въ отношеніи къ самому себѣ еще строже; къ начальству сохранялъ слѣпое повиновеніе. Это послужило къ его повышенію. Онъ былъ переведенъ въ Главный Штабъ Военачальника, и по окончаніи войны былъ утвержденъ въ Цесарской службѣ. Подъ предводительствомъ Графа Гацвельда совершилъ онъ кампанію противъ Шведовъ, командуя эскадрономъ тяжелой конницы, въ чинѣ Капитана. Съ товарищами жилъ онъ въ совершенномъ согласіи; всѣ любили этого молодаго человѣка. Только одинъ офицеръ, по видимому, питалъ къ нему врожденную ненависть. Это былъ Швейцарскій урожденецъ, Г-нъ фонъ Асперлинъ, сынъ богатаго владѣтеля помѣстьевъ въ Бавуа. Не имѣя другихъ достоинствъ, кромѣ знатнаго происхожденія, сей Г-нъ поступалъ по примѣру подобныхъ ему. Онъ чванился, много хвасталъ, всѣхъ почиталъ ничтожными въ сравненіи съ собою, и ненавидѣлъ тѣхъ, которые не обращали на него вниманія. Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ Оливьеръ. Асперлинъ всячески старался дѣлать ему непріятности, и даже поклялся, что онъ не будетъ спокоенъ до тѣхъ поръ, пока не выгонитъ изъ полка молодаго Оливьера, который пренебрегъ этими угрозами.

Однажды, въ обществѣ своихъ товарищей и, можетъ быть, въ минуту худаго расположенія духа, Оливьеръ жаловался на медленность дѣйствій Цесарскихъ полководцевъ, на недостатокъ въ удобныхъ случаяхъ отличиться, и наконецъ на несправедливость въ повышеніяхъ, которыя болѣе предлежали знатной породѣ, нежели заслугамъ. Разгорячаемый противорѣчіями, онъ наконецъ сказалъ, что у Турковъ поступаютъ гораздо благоразумнѣе и справедливѣе, и готовъ былъ биться объ закладъ, что не болѣе какъ въ три года, онъ получилъ-бы званіе Трехъ-Бунчужнаго Паши, если-бы находился въ службѣ Турецкаго Султана. Объ этомъ узналъ Асперлинъ. Сказанное Оливьеромъ довелъ онъ до свѣдѣнія Главнокомандующаго, при свитѣ коего находился, не преминувши присовокупить къ тому свои замѣчанія и толкованія. Оливьеръ былъ потребованъ къ допросу, и за хвастливое желаніе быть Трехъ-Бунчужнымъ Пашею, получилъ довольно непріятностей. Многіе даже начали съ тѣхъ поръ называть его *Пашою*.

6.

За это онъ не сердился, но чрезмѣрно былъ огорченъ, когда между старшими офицерами его полка разнесся слухъ о томъ, что онъ самаго низкаго происхожденія, и въ небольшомъ городкѣ своего отечества былъ не болѣе какъ пастухъ. Оливьеръ въ скоромъ времени доискался, откуда проистекали эти вѣсти. Коль скоро онъ узналъ, что никто другой, какъ Асперлинъ былъ его поносителемъ, то онъ рѣшился порядкомъ его проучить. Пришедши въ его квартиру, увѣдомился онъ, что Асперлинъ, получивши отпускъ въ Швейцарію, рано по утру отправился въ путь. Оливьеръ не медля сѣлъ на коня и пустился за нимъ въ погоню. Дорогу, по коей ѣхалъ Асперлинъ, не мудрено было развѣдать, и Оливьеръ гналъ во всю прыть. Около полудни, въѣхавши въ небольшой городъ, увидѣлъ онъ близъ гостинницы служителей и лошадей своего непріятеля, уже готовыхъ къ дальнѣйшему пути. Отдавши нѣкоторыя приказанія своему слугѣ, Оливьеръ соскочилъ съ коня и вошелъ въ домъ. Его ввели въ гостинную залу. Тамъ Асперлинъ и молодой иностранный офицеръ весело сидѣли за столомъ, съ наполненными бокалами. Они разговаривали по-Французски, и Асперлинъ уже готовился, дружески пожавши руку своего товарища, проститься съ нимъ и отправиться далѣе, какъ вдругъ вошелъ Оливьеръ. Сей, не обращая вниманія на незнакомаго офицера, прямо подошелъ къ Асперлину, привѣтствовалъ его лаконическими, все прошедшее и предстоящее поясняющими словами: «Клеветникъ! доносчикъ!» занесъ руку и отвѣсилъ своему земляку такую оплеуху, что тотъ вмѣстѣ со стуломъ опрокинулся назадъ, и задѣвши ногами столъ, уронилъ оный со всѣмъ приборомъ. Шумъ, произведенный его паденіемъ, раздался по цѣлому дому. Оливьеръ, видя почетную персону, лежащую на полу, подъ остатками веселаго пиршества, не могъ удержаться отъ смѣха. Испуганные хозяева, слуги, дѣвки, сбѣжались. Асперлинъ выкарабкался изъ-подъ стола, скатерти и разбитой посуды, всталъ, и озирался на всѣ стороны выпучивъ глаза: распознавши Оливьера, виновника этой потѣхи, онъ закричалъ: «Злодѣй! ты мнѣ за это кровью заплатишь!» и съ сими словами поспѣшно вышелъ вонъ. Чрезъ нѣсколько минутъ послышался топотъ коней; Асперлинъ, окутавшись плащемъ, уѣхалъ съ своими служителями.

Оливьеръ, смѣясь, стоялъ у окна и глядѣлъ вслѣдъ отъѣзжающему. Вдругъ незнакомый офицеръ ударилъ его по плечу и сказалъ: «Государь мой!

чтобы ни было поводомъ безумнаго поступка, и какія причины не имѣлъ-бы мой пріятель, оставить васъ не наказавши на семъ-же мѣстѣ за вашу грубость, знайте, что вы обидѣли меня въ его лицѣ; онъ мой землякъ, мой другъ, и я хочу избавить его отъ труда.... Не угодно-ли пожаловать со мною за городъ?» — Чѣмъ далеко ходить, то лучше здѣсь, отозвался Оливьеръ, выслалъ людей, заказавши имъ приготовить въ особенной комнатѣ хорошій обѣдъ, заперъ дверь, вынулъ саблю и сталъ предъ противникомъ. Незнакомецъ былъ уже готовъ. Между тѣмъ какъ Оливьеръ разсматривалъ этого прекраснѣйшаго мужчину, какого онъ гдѣ-либо видѣлъ, сей опустилъ саблю, и пристально глядя на него, спросилъ: «Государь мой! я долженъ знать, съ кѣмъ дерусь? Какъ васъ зовутъ?»

«Оливьеръ, изъ Ла Сарраза.»

— Кто-бы подумалъ, чортъ возьми! — воскликнулъ незнакомецъ! — Вѣдь я Кюньи.

Держа въ рукахъ обнаженныя сабли, восхищенные молодые люди такъ крѣпко обнялись, какъ будто-бы хотѣли прирости другъ къ другу. Уста ихъ то произносили попеременно ихъ имена, то тѣсно прижимались одни къ другимъ, какъ-бы желая высосать душу.

Сидя за столомъ и съ наполненными бокалами въ рукахъ, они уже спокойнѣе взирали другъ на друга. Взаимнымъ распросамъ не было конца. Одинъ передъ другимъ удивлялись они, какъ выросли, какъ возмужали, какъ похорошѣли. Начали считать свои лѣта. Счетъ былъ коротокъ. Десять лѣтъ прошло отъ послѣдняго ихъ свиданія на каменоломнѣ близъ Ла Сарраза. И такъ Оливьеру было двадцать шесть, а Кюньи двадцать четыре года. Оливьеръ долженъ былъ пересказать до малѣйшей подробности обо всемъ, что съ нимъ доселѣ случилось, какія извѣстія имѣетъ онъ о родительскомъ домѣ, что дѣлается въ Ла Сарразѣ, и... естественнымъ образомъ вспомнили о маленькой маркитанткѣ. Но объ этой никто не зналъ, жива-ли она, или уже на томъ свѣтѣ, въ средѣ ангеловъ? Наконецъ Кюньи, который только распрашивалъ и слушалъ, началъ разсказывать.

«Тебѣ уже извѣстно, Оливьеръ, какъ убѣжалъ я изъ родительскаго дома. Дорогою, самъ не зная куда иду, былъ я тѣмъ не менѣе веселъ и мало заботился о будущей своей участи. Я былъ силенъ и крѣпокъ не по лѣтамъ, привыченъ къ работѣ и къ непогодѣ; съ нѣженствомъ и прихотями незнакомъ. Много-ли мнѣ было нужно? Я уже самъ могъ себя продовольствовать, и былъ богатъ, имѣя два гроша въ карманѣ. Но когда, шедши почти цѣлую ночь, я присѣлъ съ намѣреніемъ закусить, и вынулъ подаренный мнѣ тобою ножикъ, для того чтобъ отрѣзать кусокъ хлѣба—тогда я горько заплакалъ, тогда я вспомнилъ о тебѣ, и живо почувствовалъ: что ты былъ для меня, и сколько я въ тебѣ потерялъ!...» При сихъ словахъ Кюньи вынулъ изъ кармана складной ножикъ съ перломутовымъ черенкомъ, и показалъ оный своему другу, сказавши: «Видишь! онъ все еще со мною!» Оливьеръ не могъ удержаться; вскочилъ со стула и расцѣловалъ молодаго человѣка. Кюньи продолжалъ свой разсказъ: «Слушай-же. Когда я плакалъ, то пришло мнѣ на умъ, что ты, происходя отъ именитыхъ родителей, по вступленіи въ военную службу будешь принятъ съ чиномъ Поручика, а я, бѣдный крестьянскій сынъ, поступлю въ обозъ, и много, много что дослужусь до званія рейтара или простаго солдата!... Эта мысль огорчила меня. Я началъ выдумывать, какъ-бы мнѣ разбогатѣть, нажить денегъ, хорошенько одѣться, и послѣ того явиться къ какому нибудь Генералу, въ видѣ сына богатыхъ родителей. Изъ моего мечтанья кое-что сбылось впослѣдствіи.

«Я пришелъ въ Понтарлье. Одинъ довольно богатый человѣкъ принялъ меня къ себѣ въ услуженіе. Я ему понравился, и чрезъ нѣсколько недѣль, онъ, уволивши меня отъ обязанности рубить дрова и чистить конюшню, сдѣлалъ своимъ камердинеромъ. Когда мой господинъ случайно замѣтилъ, что я хорошо пишу, то немедленно далъ мнѣ должность своего писаря и расходчика, потому что самъ онъ не слишкомъ искусенъ былъ въ чистописаніи и въ Ариѳметикѣ. Мнѣ давали порядочное жалованье. Супруга и дѣти моего хозяина полюбили меня. Я могъ-бы довольствоваться своимъ состояніемъ, но этого-то и не было! Подвиги великаго Конде не давали мнѣ покоя. Въ Понтарлье только и было разговоровъ, что о его побѣдахъ на Рейнѣ. Съ жадностью прочитывалъ я газеты, реляціи, старыя и новыя историческія книги, которыхъ вдоволь было у моего господина. Еще прежде сего намѣренъ я былъ вступить въ военную службу. Апоплексическій ударъ прекратилъ жизнь моего господина по веснѣ 1645-года. Вдова отпустила меня съ значительнымъ награжденіемъ. Я еще разъ написалъ къ батюшкѣ; для успокоенія его разсказалъ ему о своемъ счастіи, просилъ прощенія за свой побѣгъ, и объявилъ о твердомъ намѣреніи служить въ войскѣ. Вышедши изъ Понтарлье, я пошелъ чрезъ Базель, прямо къ арміи Конде. На Французскихъ форпостахъ пожелалъ я видѣться съ начальникомъ оныхъ. Меня представили ему. Это былъ Маркизъ Беллефонъ. «Что тебѣ надобно?» спросилъ онъ грубымъ голосомъ. Я разсказалъ ему просто, что я Швейцарецъ, не получилъ отъ родителей своихъ въ наслѣдство ничего, кромѣ отважности и честности, желаю опредѣлиться волонтеромъ въ побѣдоносную армію Принца Конде, и надѣюсь своимъ поведеніемъ заслужить его благоволеніе.

«Не знаю, молодость-ли моя, или отвѣты на вопросы Маркиза, или мое пламенное желаніе сдѣлаться военнымъ человѣкомъ, понравились Беллефону; только по долговременномъ разговорѣ онъ оставилъ меня при себѣ, съ обѣщаніемъ позаботиться о моей участи. Мнѣ дали тесакъ, мундиръ, и приказъ изъ канцеляріи, о причисленіи меня къ войску вольноопредѣляющимся.

«Ежедневно происходили сраженія, на коихъ я всегда присутствовалъ. Маркизъ Беллефонъ полюбилъ меня; я долженъ былъ всегда быть при немъ. Насталъ день ужасной битвы при Аллерсгеймѣ, въ коей палъ Баварскій полководецъ Мереи. Тутъ, не взирая на свою молодость, имѣлъ я случай показать себя моему покровителю. Когда наши почти готовы были отступить, и знаменосецъ палъ мертвый подъ градомъ пуль, я соскочилъ съ лошади. «Куда ты, къ чорту!» закричалъ Беллефонъ? — На побѣду или на смерть, воскликнулъ я, схватилъ знамя и полетѣлъ впередъ. Нѣсколько солдатъ, которые, или потерять знамя, или быть пристыженными мальчишкою не хотѣли — послѣдовали за мною; за ними другіе; потомъ цѣлая рота, и наконецъ всѣ прочіе, справа и слѣва. Мы побѣдили...»

Digitized by Google

«Ты молодецъ,» сказалъ Маркизъ вечеромъ, по окончаніи битвы, и обнялъ меня въ присутствіи цѣлаго войска. Вѣроятно онъ говорилъ обо мнѣ Главнокомандующему, потому что на другой-же день мнѣ приказано было явиться къ Принцу Конде. Тутъ присутствовали Маркизъ Беллефонъ и многіе другіе Генералы. Маркизъ представилъ меня герою. «Прошу покорно!» воскликнулъ Принцъ, глядя на меня ласково и съ удивленіемъ. «Такъ это волонтеръ Беллефона?...» Онъ расхвалилъ меня и пожаловалъ въ офицеры. Съ тѣхъ поръ во всей арміи называли меня не иначе, какъ *волонтеромъ Беллефона*. Я старался поддержать честь этого прозванія. По заключеніи мира въ Германіи, полкъ нашъ служилъ во Фландріи противъ Испанцевъ, подъ начальствомъ Тюреня. Я имѣю честь быть на отличномъ счету у Маршала, и нынѣ посланъ отъ него съ препорученіемъ къ Графу Гацфельду. Вотъ тебѣ моя исторія.»

(*Продолженіе въ слѣд. книжкѣ*).

Histoire de Russie et de Pierre-le-Grand, par M. le général comte de Ségur, auteur de *l'Histoire de Napoléon et de la grande-armée* pendant l'année 1812. 1 v. in 8. Paris, 1829. (**Исторія Россіи и Петра Великаго**, сочиненіе Генерала Графа Сегюра, Автора *Исторіи Наполеона и большой Французской арміи въ 1812-мъ году*. Парижъ, 1829.) (*).

Усовершенствовались-ли въ наше время сочиненія Историческія? Рѣшительно-ли вѣрнѣе, и слѣдовательно лучше, мы понимаемъ, лучше пишемъ лѣтописи новыхъ временъ? Подтвердить это было-бы смѣло, отвергнуть дерзко. Усердные труды людей, истинно ученыхъ и надѣленныхъ дарованіями, обѣщаютъ Исторіи прекрасную будущность: поприще

(*) Въ Русскихъ Журналахъ было упоминаемо о появленіи сей книги въ свѣтъ. Встрѣтивъ въ одномъ изъ лучшихъ Французскихъ Журналовъ разборъ новаго творенія Графа Сегюра, переводимъ его для нашихъ читателей, потому, что, во первыхъ, почитаемъ сей разборъ достойнымъ вниманія, и во вторыхъ, что не надѣемся скоро увидѣть самую книгу, любопытную по многимъ отношеніямъ. Мы почли ненужнымъ отмѣчать явныя ошибки, которыя Авторъ сдѣлалъ не въ одномъ мѣстѣ сей статьи. Его вѣрный, свѣтлый *взглядъ* на предметы, сугубо вознаграждаетъ за двѣ-три погрѣшности относительно *фактовъ*. *Изд*.

ея увеличится; она перешла через горнило нашихъ гражданскихъ смятеній, и, богатая опытностью, конечно приобрѣтетъ тѣ качества, которыхъ донынѣ ей не доставало. Можетъ быть, это новое воспитаніе придастъ ей и нѣкоторые новые недостатки, но, выиграетъ-ли она или проиграетъ при перемѣнѣ, только преобразованіе въ ней явно. Формы ея измѣнились совершенно. Мы видѣли слѣдствія событій, начавшихся при нашихъ отцахъ; мы были столько поражены собственною огромностію сихъ событій, что уже не можемъ восхищаться искуственнымъ величіемъ. У Древнихъ Исторія принадлежала къ Искуству. Кліо блистала въ числѣ Музъ: улыбающаяся или грозная, снисходительная или мстительная, она была всегда наряжена. Руководствуясь правилами безусловнаго изящества, покоряясь законамъ плѣнительной скульптуры, она не забывалась никогда. Наблюдая сама за собою даже въ порывахъ гнѣва противъ Римскихъ тирановъ, она приготовлялась ненавидѣть, училась негодовать. Только силою Искуства древніе Историки опять приблизились наконецъ къ естественности, потому что безпрерывное красорѣчіе принадлежитъ болѣе къ Искуству, нежели къ природѣ.

Сіи превосходные писатели занимались, по большой части, современною имъ Исторіею; но простота ея рѣдко казалась имъ удовлетворительною. Къ нимъ всегда являлся на помощь вымыселъ; истину они находили недовольно величественною. Впрочемъ, благодаря ихъ ѳеогоніи, вымыселъ составлялъ часть міра существеннаго: боги, облеченные образомъ человѣческимъ, не удивляли никого; они вмѣшивались въ житейскій бытъ, и безъ посредничества ихъ не совершалось ни одно событіе, сколько нибудь достойное сей чести. Это придавало формы важныя, исполинскія, которыхъ Древніе не видѣли-бы въ самыхъ событіяхъ, какъ-бы впрочемъ ни были важны послѣдствія оныхъ. Надобны-ли примѣры? Цезарь убитъ въ Сенатѣ; событіе, кажется, весьма великое; оно можетъ обойтись безъ чудесъ. Но Римъ судитъ иначе! Мало того, что потрясенъ міръ нравственный: надобно, чтобы земля качалась физически, надобно чтобы кометы летѣли растрепавшись, чтобы звѣзды сталкивались въ воздухѣ. Цезарь уноситъ въ могилу сожалѣніе Римскаго народа: какъ ни превосходна эта надгробная хвала, но она кажется простонародною, недостаточною; она входитъ въ кругъ дѣлъ возможныхъ; мало печали народа: статуи, мѣдныя и изъ слоновой кости, должны также проливать слезы.

Христіанская строгость не отвергаетъ вліянія законовъ природы на нѣкоторыя значительныя обстоятельства; однакожь она не терпитъ безграничной роскоши чудесъ. Посему-то, до настоящаго времени, Исторія Новая всегда казалась сухою, однообразною, скучною. Ролленъ говорилъ исключительно воображенію Французовъ; событія, поставленныя въ оптическомъ отдаленіи, внушали намъ какой-то религіозный ужасъ; головы подданныхъ воспламенялись при имени Термопилъ; лавры Мильтіада смущали сонъ Камеръ-Пажа, Гвардейскаго офицера, двадцатилѣтняго Полковника! . . . Какъ ни стара Греція, но одна она имѣла власть восхищать ихъ, между тѣмъ какъ Франція, болѣе юная, была для нихъ завалена пылью приказныхъ и монастырскихъ архивовъ. Сколько разъ жаловались на это злоупотребленіе! Сколько людей знали хорошо изъ всей Исторіи своего отечества одну генеалогію и родство своей семьи! Когда-же, въ слѣдствіе частной суетности, кой-какія событія избавлялись отъ этого общаго презрѣнія, что почитали долгомъ облагороживать ихъ Греческими или Римскими формами. Необходимъ былъ отблескъ Миѳологіи, чтобы сколько нибудь благопріятно выставить новыя имена; страсть къ сравненіямъ преслѣдовала придворныхъ Историковъ и увѣнчанныхъ поэтовъ. Людовикъ XIV-й, даже самъ Людовикъ Великій, предметъ удивленія и похвалъ лично, былъ возносимъ къ облакамъ не иначе какъ подъ маскою Геркулеса, Юпитера, Солнца. Живописцы, не уважая его шпаги, замѣняли ее палицею, и великолѣпіе, Королевское, но новое, ослѣплявшее Дворъ, казалось недостойнымъ рѣзца ваятеля.

Чувство жалости къ современной эпохѣ и необходимость раскрашивать ее, не принадлежатъ болѣе нашимъ нравамъ. У насъ, скорѣе противоположный недостатокъ. Во Франціи мало народныхъ воспоминаній, мало именъ, которыя были-бы въ устахъ каждаго, мало *славъ* (il y a peu de *gloires*), живущихъ въ пересказахъ. Слава Генриха IV-го можетъ быть единственна въ этомъ родѣ. Всѣ читали Les Soirées de Neuilly: вспомните тамъ отвѣтъ Сержанта Рато, на вопросъ Малета: «А что значатъ дѣти Святаго Людовика?» Вотъ народная память, пойманная на самомъ дѣлѣ! Изслѣдованія о временахъ прошедшихъ возбуждаютъ любопытство нѣкоторыхъ, но не сочувствуются всѣми; они дѣлаются для людей, болѣе или менѣе просвѣщенныхъ, но совсѣмъ не для совершенно необразованныхъ; кругъ принимающихъ участіе въ нихъ очень обширенъ, болѣе нежели когда нибудь обширенъ, но это кругъ не общій. Для большей части нынѣшней публики, Исторія Франціи начинается съ собранія государственныхъ чиновъ и оканчивается текущимъ годомъ. Революція, Имперія, возстановленіе дома Бурбоновъ, Министерство Виллеля: вотъ Исторія, дѣйствительно народная. Вымыслъ скрытый, то есть ложь и вѣроломство не одинъ разъ вкрадывались въ повѣствованія о сихъ происшествіяхъ, судимыхъ множествомъ различныхъ страстей; но вымыслъ отъявленный не нашелъ-бы себѣ въ нихъ мѣста и былъ-бы строго отвергнутъ. Нынѣ желаютъ Исторіи обнаженной: она нравится безъ всякихъ прикрасъ, и, будучи сильна собственнымъ величіемъ, за-живо есть предметъ удивленія.

Но человѣкъ, желающій изобразить близкія къ намъ событія, принимаетъ на себя обязанность огромную, хотя и легкую при первомъ взглядѣ. Надобно понять современную Исторію, тщательно списать ея размѣры, не обременить ея ненужными украшеніями, но и не умалить. Вотъ затрудненіе. Новый Историкъ имѣетъ дѣло съ читателями энтузіастами, но энтузіастами отчетливыми. Воображеніе очевидцевъ всегда воспалено самолюбіемъ: гордясь тѣмъ, что сами видѣли, сами дѣйствовали, они безпокоятся, какъ страстные любовники, обо всемъ, что ближе или далѣе относится къ ихъ воспоминаніямъ. Эти воспоминанія хотятъ они увидѣть вновь, не только со всѣмъ великолѣпіемъ ихъ, но и со всею точностью. Впечатлѣнія великія и сильныя, воспоминанія чрезвычайно подробныя: вотъ расположеніе, съ коимъ они принимаются за Историка своего времени. Что ужаснѣе подобнаго судилища?... На примѣръ военные, совершившіе походъ въ Россію: для нихъ все живо! Необычайная природа, огромныя надежды и бѣдствіе, еще болѣе огромное: въ памяти ихъ сохранились всѣ сіи чудеса, но въ ней остались также имя самой ничтожной деревушки, приказъ при самомъ пустомъ дѣлѣ, случай при малѣйшей ошибкѣ. Встрѣчи, очень неважныя, происшествія великія или малыя, колоссальныя или мѣлкія, все это одинаково драгоцѣнно читателю, все это требуется отъ лѣтописателя. И онъ принужденъ идти съ осторожностью между тактикою и поэзіею, уравнивать одну другою, смотрѣть безпрестанно, чтобы онѣ были вмѣстѣ, не сталкиваясь, и вести ихъ къ одной цѣли. Какой трудъ! какая тягость! какая обязанность! Извѣстно, какъ исполнилъ это Графъ Сегюръ.

Кто не читалъ *Исторіи большой арміи?* Блестящій, всеобщій успѣхъ ея былъ безпримѣренъ. Суровые критики упрекали Гр. Сегюра, говоря, что онъ написалъ поэму; но если война 1812-го года есть настоящая эпопея, то и обвиняйте ее, а не Автора. Въ нашъ *положительный* вѣкъ поэзія вышла изъ моды. Не хотите-ли вы почтить именемъ ея всего, исполненнаго души, жара, занимательности? Въ такомъ случаѣ Гр. Сегюръ поэтъ. Но если подъ именемъ поэзіи вы разумѣете вымыслъ и ложь, — то никогда не бывало упрека несправедливѣйшаго. Авторъ мало заботился о расцвѣчиваніи портретовъ, которые онъ умѣлъ написать, ибо, по мнѣнію другихъ критиковъ, въ тысячу разъ болѣе несправедливыхъ, онъ обезобразилъ славнѣйшій изъ своихъ образцовъ. Удивленіе Графа Сегюра къ Наполеону столь велико, что онъ не могъ сдѣлать его богомъ. Какъ правдивый Историкъ, и человѣкъ прямой, откровенный, онъ не скрылъ вліянія физической болѣзни на удивительную, однакожъ человѣческую, и слѣдовательно сокрушимую природу. Именно сія-то искренность, въ соединеніи съ даромъ живописать, придаетъ сочиненію его характеръ прочности, физіономію памятника, чего нѣтъ въ большей части біографій Императора. Онѣ писаны или Зоилами или Сеидами, и потому всѣ похожи или на похвальное слово, или на ругательное сочиненіе. Историкъ войны 1812-го года лучше ихъ понялъ важность своей обязанности; онъ понялъ всю великость ея. Россія — театръ, вселенная — зритель, армія — герой драмы: вотъ предметъ его! Одинъ дѣйствительный очевидецъ могъ достойнымъ образомъ описать оный. Въ самомъ языкѣ его есть не знаю что-то воинское; онъ увлекаетъ насъ на поле битвы; съ нимъ мы слышимъ звукъ пушекъ, чувствуемъ запахъ пороху. Книга его написана подъ шатромъ, при огнѣ бивачномъ, или, лучше сказать, это не книга, а разсказъ солдата своимъ сослуживцамъ, собравшимся вокругъ домашняго камина послушать его.

Нѣкоторыя особы какъ будто удивлялись, услышавъ, что Графъ Сегюръ готовъ издать новое сочиненіе. Для чего, говорили они, подвергать испытанію литтературную славу, такъ хорошо утвержденную? Если второе произведеніе не будетъ имѣть успѣха перваго, то оно затмитъ прежній блескъ. Къ тому-же, предметъ не такъ близокъ къ намъ: можетъ случиться, что онъ не внушитъ намъ живаго участія. Всѣ эти разсужденія не слишкомъ основательны. Не послѣ большаго успѣха, а послѣ неудачи писатель долженъ умѣть помолчать. Занимательность Исторіи Россіи при Петрѣ Великомъ, не будучи столь современною, какъ занимательность Исторіи 1812-го года, присоединяется къ тому-же воспоминанію; событія, въ наше время совершающіяся, придаютъ сей Исторіи новую занимательность. Неужели Рускіе не такъ близки къ остальной Европѣ, какъ Персы къ древней Греціи? А что сдѣлалъ Ксенофонтъ, разсказавъ объ отступленіи десяти тысячь? Онъ снова взялъ свой стиль и написалъ Киропедію.

Историковъ Россіи являлось довольно. Полнѣе другихъ Левекъ, Карамзинъ, Леклеркъ, Вольтеръ: послѣдній занимался исключительно Петромъ Великимъ. Многіе Нѣмцы также были Русскими Историками, но я ограничусь разсмотрѣніемъ только четырехъ названныхъ мною. Каково-бы ни было ихъ достоинство, но они не могли отнять смѣлости у Гр. Сегюра. Левекъ точенъ: въ этомъ была отдана ему справедливость самими Рускими, слѣдовательно онъ избѣжалъ скалы, о которую обыкновенно сокрушаются всѣ, пишущіе Исторію чуждаго народа. Онъ былъ одолженъ своимъ успѣхомъ не лести. Какъ искреннiй лѣтописатель, Левекъ различалъ добро отъ зла, и хотя выражался нѣсколько слабо, но въ сущности довольно справедливо. Великiй недостатокъ его книги состоитъ въ томъ, что въ ней нѣтъ движенiя: этотъ недостатокъ явно ощутителенъ, когда дѣло идетъ о предметѣ важномъ, строгомъ и иногда очень мало занимательномъ. Въ Леклеркѣ болѣе воображенiя, или, лучше сказать, слишкомъ много воображенiя. Ошибки его часто разительны. Одинъ Рускiй, Болтинъ, вывелъ ихъ наружу въ двухъ толстыхъ томахъ in-quarto. Можетъ быть и на самого Рецензента можно было-бы написать столько-же томовъ опроверженiй. Онъ увлекался патрiотизмомъ и, конечно невольно, сдѣлалъ нѣсколько ошибокъ довольно важныхъ. Но, какъ-бы то ни было, критика его уронила Леклерка въ глазахъ Рускихъ. Къ тому-же сей послѣднiй, какъ и всѣ посредственные писатели прошедшаго столѣтiя, надутъ въ слогѣ. Сочиненiе его совершенно упало.

Иной жребiй испыталъ Карамзинъ. Появленiе его Исторiи было знакомъ для всеобщаго восторга: въ цѣлой Россiи, всѣ, единогласно привѣтствовали сей народный памятникъ. Не знали чему удивляться болѣе: красотѣ языка, силѣ мыслей, или занимательности повѣствованiя. Народъ какъ будто вновь обрѣлъ свои достоинства, и принялъ человѣка, возвратившаго ему оныя, подъ свою защиту. Малѣйшее литтературное противорѣчiе Карамзину было-бы приписано недостатку патрiотизма. Такъ Иродотъ получилъ вѣнокъ изъ рукъ цѣлой Грецiи, собранной на играхъ Олимпiйскихъ. Но сей успѣхъ былъ слишкомъ великъ: онъ не могъ долго поддержаться. Первое изданіе Исторіи Карамзина было расхвачено; для втораго не легко нашлось достаточное число подписчиковъ. За упоеніемъ послѣдовало желаніе унижать, и трудъ новаго Историка, бывшій сначала предметомъ величайщаго удивленія, и дѣйствительно замѣчательный своею общностью, не нашелъ даже цѣнителей.

Мы постараемся сказать наше мнѣніе о Карамзинѣ. Сдѣлаемъ это безъ ненависти, безкорыстно, но, если-бы должно было избирать, то скорѣе съ чувствомъ любви, нежели съ непріязнію. Карамзинъ воздвигъ памятникъ своему отечеству: это несомнѣнно. Онъ далъ жизнь разсѣяннымъ лѣтописямъ Русскимъ, и облекъ ихъ слогомъ яснымъ, легкимъ, сладкозвучнымъ: языкъ и составляетъ главное достоинство его книги. Я думаю, что исключая нѣкоторыя подробности, Карамзинъ утвердилъ Русскую прозу. Для Россіи онъ тоже, что были для Франціи Балзаки, Вуатюры, Вожеласы. Какъ Историкъ, Карамзинъ понятенъ, ясенъ, чрезвычайно точенъ въ отношеніи къ матеріяльной сторонѣ событій; но онъ не глубокъ ни сколько. Повѣствованіе его прерывается безпрерывными отступленіями и мыслями, правда, весьма нравственными, но общими какъ не льзя болѣе. Восклицанія противъ жестокости того, противъ неблагочестія другаго, являются у него безпрестанно, какъ въ духовномъ какомъ нибудь сочиненіи. Нѣтъ ни малой соразмѣрности въ различныхъ частяхъ его сочиненія: неважное княженіе какого нибудь Великаго Князя, покорнаго Татарамъ, занимаетъ у нето столько-же мѣста, какъ царствованіе завоевателя или законодателя. Отъ Ярослава до Іоанновъ почти не льзя читать Исторіи Карамзина. Опишите два наши первыя поколѣнія въ пяти томахъ, страницъ по семи сотъ каждый. . . увидите, что выйдетъ! А именно то сдѣлалъ Историкъ Россіи. Къ тому-же, онъ писалъ не довольно откровенно. Высокая душа Александра конечно не могла бояться новаго свѣта, разливаемаго на Ярополковъ, Василіевъ и Іоанновъ; но Историкъ долженъ былъ наблюдать извѣстныя приличія. Есть однакожъ истина, которой не могъ избѣжать и Карамзинъ въ своемъ сочиненіи: она выводится изъ событій, разсказанныхъ безъ поясненій, изъ хартій, буквально приведенныхъ имъ, изъ историческихъ документовъ. Ее найдутъ не въ самомъ сочиненіи его, а въ примѣчаніяхъ, многочисленныхъ и наставительныхъ. Недостатокъ откровенности особенно чувствителенъ въ первыхъ томахъ его Исторіи: послѣдніе гораздо лучше. Въ нихъ Карамзинъ, противъ своего обыкновенія, не разнѣживается, и находитъ сильныя краски для ужасныхъ изображеній двухъ Іоанновъ.

За что не брался Вольтеръ? Какимъ предметомъ не игралъ онъ? Онъ говорилъ о томъ, что зналъ, такъ-же какъ и о томъ, чего не зналъ, и однакожъ, даже въ семъ послѣднемъ случаѣ, всегда сыскивалъ средство научить чему нибудь своего читателя. Конечно никто не былъ менѣе его знакомъ съ Исторіею Россіи временъ Петра Великаго. Нравы Русскаго народа, и самый характеръ Законодателя онаго, представлялись ему какъ-бы въ туманѣ;

однакожъ книга его, хотя и не точная, не совершенно ничтожна. При нѣкоторой критикѣ, при знаніи мѣстности, можно почерпнуть изъ нея порядочныя свѣдѣнія; но оцѣнка нѣсколькихъ частныхъ событій недостаточна для общности Исторіи. Исторія Петра Великаго, сочиненная Вольтеромъ, есть одно изъ самыхъ посредственныхъ его произведеній. И можетъ-ли не быть таково сочиненіе заказное? Оно было предпринято изъ угожденія, начато изъ вѣжливости, продолжаемо съ неохотою и кончено на-скоро. Въ *Общей перепискѣ* видимъ тысячу доказательствъ этого. Впрочемъ, патріархъ Фернейскій видѣлъ Петра Великаго не довольно близко, такъ что не могъ изобразить его съ добродушною истиною, и не довольно отдаленно, слѣдственно не могъ представить его и гомерически. Историку досадно видѣть своего Героя, *бѣгающаго по Парижскимъ лавкамъ:* а такъ представился въ первый разъ глазамъ юнаго Аруэта Петръ Великій (*).

Новый Историкъ Россіи начинаетъ географическими и статистическими подробностями. Всѣ онѣ извлечены изъ лучшихъ источниковъ и составляютъ вѣрную декорацію открывающейся драмы. На сцену являются Варяги, Нордманны или Сканди-

---

(*) «Мы вмѣстѣ сладимъ съ Исторіею Петра Великаго. Когда, за сорокъ лѣтъ, я видѣлъ его бѣгающаго по Парижскимъ лавкамъ, то ни онъ, ни я, конечно не воображали, что я сдѣлаюсь его Историкомъ.» Voltaire à Thiriot, 11 Juin 1759. *Прим. Автора.*

навы. Гр. Сегюръ объясняетъ ихъ происхожденіе, въ примѣчаніи, плодѣ ученыхъ и трудныхъ изысканій. Лѣтописцы утверждаютъ, что Рурикъ и братья его были призваны тузѣмцами: надобно ожидать такихъ доброхотныхъ басенъ, потому что онѣ окружаютъ колыбель каждаго народа. Это мнимое призваніе худо скрываетъ отъ насъ вооруженное вторженіе, бывшее въ обычаѣ времени, отъ котораго Рурикъ конечно не могъ отдѣлиться. Трудно повѣрить, чтобы Новогородская республика добровольно поддалась Варягу. Она была богата, сильна, независима; торговля ея простиралась отъ береговъ Гангеса до береговъ Одера, и Рурикъ едва-ли имѣлъ средства увеличить благосостояніе Новагорода. Я почти готовъ сомнѣваться и въ томъ, что этотъ Нордманнъ завоевалъ Новгородъ. Ставъ удѣломъ новыхъ властителей, какъ могла сія республика сохранить преимущества вольнаго города? Какъ распространила она свою торговлю до предѣловъ Германіи? Если Новгородъ всегда принадлежалъ Великимъ Князьямъ, то для чего одинъ изъ сихъ Князей принужденъ былъ завоевывать оный въ пятнадцатомъ вѣкѣ? Завоеваніе Рурика, вѣроятно, было временное, и наконецъ не было уже существеннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состояла власть Русскихъ Князей надъ сею республикою? Они не присутствовали при сужденіяхъ о мирѣ, войнѣ, избраніи чиновниковъ; они сами имѣли нужду въ утвержденіи сего собранія, которое признавало ихъ не иначе, какъ заставивъ поклясться въ соблюденіи древнихъ законовъ страны (см. Исторіи Графа Сегюра стр. 59-ю). Ярославъ далъ всѣ сіи права Новгороду; но, или я жестоко обманываюсь, или Новогородцы умѣли приобрѣсти ихъ прежде нежели получили. Ярославъ очень могъ играть роль Людовика Толстаго, давшаго свободу городамъ. Загляните въ *Письма объ Исторіи Франціи, соч. Тьерри;* вопросите особенно опытъ: уступки властителей народу очень рѣдко бываютъ добровольны.

Quien no ha visto à Sevilla
No ha visto à maravilla.

говорили нѣкогда Испанцы. Древніе Рускіе питали не менѣе преувеличенное удивленіе къ Новгороду. У нихъ также была пословица: *Кто противъ Бога и великаго Новгорода?* Образъ сей хвалы живописуетъ оба народа: Испанецъ хочетъ, чтобы любимый его городъ превосходилъ всѣ другіе прелестью; Рускій желаетъ, чтобы его городъ подавлялъ могуществомъ. Ужасъ и привлекательность: это Сѣверъ и Югъ, льды и солнце. Имя Новгорода всегда поражало меня въ лѣтописяхъ Россіи. Онъ заключаетъ въ себѣ что-то неизвѣстное, таинственное, неизъяснимое. Позволятъ-ли мнѣ остановить на немъ вниманіе?... Что могущественное государство уничтожается; что оно можетъ пасть и послѣ сего ничего не значить на вѣсахъ народовъ: это я понимаю, это и случалось всего чаще. Не удивляюсь, что сей городъ, складочное мѣсто торговли между Германіею и Азіею, нынѣ представляетъ одну печальную груду раззоренныхъ церквей и деревянныхъ домовъ, разсѣянныхъ по берегамъ озера, еще болѣе печальнаго и мрачнаго; но блестящее существованiе республики, среди набѣговъ Нордманнскихъ, Ливонскихъ, Татарскихъ, среди нравовъ древней Россiи и безпрерывныхъ войнъ ея Князей: вотъ что изумляетъ меня, вотъ загадка, которую Исторiя объясняетъ только въ половину! Что̀ говорятъ лѣтописцы? Новгородъ, вольный, союзный городъ Нѣмецкой Ганзы, процвѣталъ семь вѣковъ и палъ въ царствованiе Iоанна III-го, въ 1480-мъ году. Вотъ его Исторiя: она кратка, но полна, какъ кажется; однакожъ, тщетно станемъ искать въ ней происхожденiя Новгорода, его обычаевъ, духа оживлявшаго его, законовъ, образованности, которую онъ долженъ былъ имѣть, чему доказательство находится въ самомъ его существованiи. Приходитъ Нордманнъ Рурикъ; онъ встрѣчаетъ грознаго противника въ Вадимѣ, начальникѣ Новгородской республики, что безъ сомнѣнiя значитъ начальника господствующей части сего народнаго правленiя. Рурикъ побѣждаетъ его и убиваетъ собственною рукою. Но никогда управленiе народа не начиналось республикою. Римъ, Грецiя и самая Венецiя окончили этимъ (*). Форма правленiя Новгородскаго предполагаетъ уже государство древнее, цвѣтущее, уважаемое, и все это гораздо прежде вторженiя Нордманнскаго. Къ какомуже времени отнести начало Новгорода? ... Вотъ чего еще не объяснили. Рурикъ и Вадимъ были

(*) Первые Дожи имѣли власть неограниченную. *Прим. Автора.*

представителями своихъ народовъ, своихъ различныхъ племенъ: съ одной стороны кровь Норманнская, чужеземная, съ другой чистая кровь Славянъ. Эта политическая борьба должна была сходствовать, своими причинами и слѣдствіями, съ тѣми продолжительными войнами племени съ племенемъ, которыя являются во всѣхъ лѣтописяхъ рода человѣческаго, какъ-то объяснилъ намъ одинъ краснорѣчивый Историкъ. . . . . .

Вадимъ убитъ, но съ нимъ не погибъ Новгородъ, какъ кажется: онъ не достался въ добычу Рурику и его наслѣдникамъ, ибо онъ вошелъ въ ихъ удѣлы только по наружности. Онъ жилъ еще много вѣковъ, и въ то время, когда вся остальная Россія была жертвою ужаснѣйшаго безначалія, когда Русскіе Великіе Князья спѣшили къ стопамъ Татарина съ ежегодною данью, Новгородъ удерживалъ свои народныя формы, и, пользуясь ими, входилъ въ сношенія съ великимъ семействомъ Европейцевъ, особенно съ Нѣмецкими Союзами, что предполагаетъ если не свѣдѣнія въ Искуствахъ и Словесности, то по крайней мѣрѣ знаніе языковъ и обычаевъ чужеземныхъ. Новгородъ былъ наравнѣ съ Данцигомъ, Бременомъ и Любекомъ: Ганзейская гордость, столь жесткая въ отношеніи къ самимъ Императорамъ, признаетъ собратомъ своимъ городъ варварскій, находящійся въ углу Европы. Это не все: богатства его, бывшія слѣдствіемъ заслуженной довѣренности, становятся предметомъ общаго искательства. Князья, окружающіе Новгородъ, завидуютъ ему до изступленія; и семь вѣковъ не осмѣливаются тревожить его, тогда какъ

Digitized by Google

онъ самъ, не выходя изъ своей земли, не нападаетъ ни на кого. Русскіе Князья убиваютъ другъ друга передъ глазами Новогородцевъ, но они не заботятся объ этомъ и спокойно продолжаютъ распространять свою торговлю. Внутреннія несогласія возставали иногда въ стѣнахъ Новагорода, такъ-же какъ и вездѣ, но ни одно изъ нихъ не приводило жителей его въ такое заблужденіе, чтобы они отреклись отъ своихъ вольностей.

Вотъ, если не ошибаюсь, признаки мудрости высокой! Въ Новгородѣ не было великихъ людей: но это заставляетъ предполагать, что въ немъ обитало счастіе, ибо въ республикѣ великіе люди часто бываютъ притѣснителями свободы. Впрочемъ, въ предположеніяхъ легко потеряться; но гдѣ не достаетъ свѣдѣній историческихъ, тамъ они позволительны. Открытіе какого нибудь свитка, или тома, погребеннаго въ какомъ нибудь монастырѣ, конечно можетъ разрушить мои предположенія, но до тѣхъ поръ, да позволятъ мнѣ почитать ихъ правдоподобными, ибо ни одно свидѣтельство историческое не опровергаетъ ихъ, а многія подтверждаютъ. Паденіе Новгорода не есть аргументъ неопровержимый. Эта Сѣверная Венеція кончилась такъ-же, какъ и все человѣческое. Принимаемъ справедливое участіе въ ея паденіи, и доказательство сего въ томъ сострастіи, какое чувствуемъ къ ея бѣдствіямъ. Характеръ Маѳы, героини свободы, величественъ, какъ характеръ женщинъ Спартанскихъ: горестно, когда она безславитъ себя, призывая Литовскія войска. Исторія Новгородской республики есть предметъ высокій, и я вызываю на него терпѣніе и проницательность Русскихъ Историковъ. Юная и могущественная школа Историческая, нынѣ дѣлающая честь Франціи, конечно распространитъ корни и до Россіи. Новгородъ достоинъ найдти Тьерри въ одномъ изъ своихъ соотечественниковъ. Историкъ Новгорода долженъ будетъ загладить великую несправедливость: прежде всего онъ оживитъ народъ, хотя изгладившійся изъ Исторіи, но безъ сомнѣнія занимавшій въ ней почетное мѣсто; послѣ сего, онъ покажетъ, что Новгородъ былъ не преступенъ въ измѣнѣ и не виновенъ въ возмущеніи, за которыя обвиняютъ его столько Историковъ. И какая измѣна, Боже мой! Измѣна туземцевъ противъ чужеземныхъ завоевателей! Какое возмущеніе, когда старинные обычаи противятся новымъ! Законность не состоитъ-ли въ давности? А правленіе Новгородское было освящено временемъ. Противоположности нравовъ, сопротивленіе правительствъ, раскрытіе таинственнаго происхожденія, изображеніе страшнаго бѣдствія: все находится въ Исторіи Новгорода. Послѣдняя часть лѣтописей Новгородской республики очень хорошо пересказана Графомъ Сегюромъ. Но кончимъ отступленіе, уже слишкомъ длинное, и не будемъ болѣе вмѣшиваться въ порядокъ его разсказа.

Россія, со времени Рурика до смерти Ярослава, то есть съ девятаго вѣка до одиннадцатаго, шла на ряду съ остальною Европою, ни тише, ни скорѣе ея: это достовѣрно, и доказано Гр. Сегюромъ. Въ самомъ дѣлѣ, сравните Великое Княжество съ Королевствами Юга и Запада. Въ него — такъ-же какъ во Францію, какъ и въ Англію, какъ и всюду — Христіанство внесено женщиною; Святая Ольга имѣетъ сходство съ Святою Клотильдою: вы узнаете здѣсь и тамъ одинакія дѣйствія одного и того-же убѣжденія. Частные нравы Рускихъ были не только не болѣе нашихъ варварскіе, но можетъ быть менѣе. Законы ихъ не разнились ни въ чемъ отъ уложенія, обще-употреблявшагося у нашихъ предковъ: благородная важность, которую видѣли въ нѣкоторыхъ наружныхъ признакахъ, какъ-то въ бородѣ, въ волосахъ; судъ огнемъ и желѣзомъ; поединки судебные; пени за убійство, соразмѣряемыя съ качествомъ убитаго, огромныя за благороднаго, ничтожныя за раба: это Исторія Германіи, Франціи, Италіи, словомъ, Исторія всей Европы. Владиміръ былъ даже выше своего вѣка, ибо онъ уничтожилъ смертную казнь, и если Ярославъ снова ввелъ ее, то тѣмъ онъ отдалъ дань варварству не Русскому, а Европейскому. Такимъ образомъ Рускіе одиннадцатаго вѣка были на одной степени съ другими народами, и посему напрасно удивляются нѣкоторые Историки, что нашъ Генрихъ I-й искалъ супруги въ Московіи. Вскорѣ послѣ того во Франціи была Королева изъ Даніи: одно не удивительнѣе другаго, и слѣдственно нѣтъ никакой надобности замѣнять Французскимъ именемъ Руси (Roussy) иностранное имя: Анна Русская. Не значитъ-ли это разрѣшать затрудненіе небывалое? Югъ, хранилище просвѣщенія, не имѣлъ въ это время никакого преимущества надъ Сѣверомъ; къ тому-же великія разстоянія не столько ужасали тогда, какъ спустя нѣсколько вѣковъ.

Уничиженіе Россіи, обыкновенно приписываемое вторженію Татаръ, началось гораздо прежде. Различныя, сложныя причины способствовали сему политическому перевороту, какъ то бываетъ всегда и вездѣ. Главнѣйшія изъ нихъ извѣстны: раздѣленіе Великаго Княжества на удѣлы, безпорядокъ въ наслѣдованіи Престола, переходившаго отъ брата къ брату, отъ племянника къ дядѣ, и, наконецъ, всего болѣе, вторженіе Золотой Орды. Я не буду распространяться о сихъ великихъ задачахъ: Авторъ новой Исторіи Россіи разрѣшилъ ихъ всѣ. Кажется, не льзя проницательнѣе разсматривать событія и привлекательнѣе излагать оныя. Повѣствованіе Автора, хотя чрезвычайно сжатое, прелестно: онъ проходитъ свой предметъ, не замедляваетcя ни надъ однимъ событіемъ, болѣе означаетъ нежели разсказываетъ, однакожъ общность его сочиненія чрезвычайно занимательна, цвѣтиста, исполнена жизни. Форма его оживлена, даже тогда какъ онъ разсказываетъ сокращенно; его всегда поражаетъ драматическая сторона событій, и потому на нее-то всего болѣе обращаетъ онъ силу своего слога: ее онъ освѣщаетъ, оживотворяетъ, гравируетъ неизгладимыми чертами въ воспоминаніи читателя. Откройте Книгу третью: не правда-ли? Это Золотая Орда, которой таинственное, поэтическое имя какъ будто похищено изъ Тысячи и одной ночи! Шатры Татаръ, бродящая ихъ жизнь, странность ихъ оружія, смѣлость, умѣряемая благоразуміемъ, жестокость полная коварства, этотъ Макіавелизмъ пустынь, всѣ эти черты, столь характеристическія, эти рѣзкія противоположности не имѣютъ-ли у него вида самой удивительной дѣйствительности? Не живете-ли вы съ Монголами, по крайней мѣрѣ въ воображеніи? Впрочемъ это единственное, нѣсколько пріятное средство познакомиться съ ними. Далѣе занимательность должна была уменьшиться: надлежало войдти въ лабиринтъ внутреннихъ раздѣленій, бывшихъ слѣдствіемъ вторженія Татаръ, на бѣду Россіи и читателя. Здѣсь начинается рядъ дѣйствій, которыя, такъ-же какъ и въ лѣтописяхъ нашего перваго поколѣнія, внушаютъ не только ужасъ, но и скуку. Историкъ предвидитъ это затрудненіе, внимательно разсматриваетъ свой предметъ, обнимаетъ его однимъ взглядомъ, мастерски схватываетъ его сущность, оставляетъ въ тѣни кучу преступленій однообразныхъ, вѣроломствъ утомительныхъ, и выказываетъ нѣкоторые великіе характеры, встрѣчающіеся случайно на сей грязной дорогѣ, обрызганной кровью. Таковы: Владиміръ Мономахъ, соединявшій мудрость съ мужествомъ; Андрей Суздальскій, Князь достойный замѣчанія, погребенный въ Русской Исторіи: Графъ Сегюръ, такъ сказать, отрылъ его достоинства. Таковъ еще Димитрій Донской, искусный политикъ, блестящій воинъ, герой, въ полномъ смыслѣ сего слова, любезный памятью своею для Рускихъ, такъ часто радующихся ею на театрѣ народномъ; таковъ, всѣхъ болѣе, Іоаннъ III-й, сей могущественный Самодержецъ, сей *Августъ*, *Людовикъ XIV-й Сѣвера*. Его царствованіе, какъ-бы *вырѣзанное на мѣди* Графомъ Сегюромъ и изображенное на нѣсколькихъ страницахъ, есть историческій отрывокъ, чрезвычайно замѣчательный. Я не буду снимать чертъ Іоанна съ картины великаго живописца, давшаго имъ жизнь. Отнынѣ, малодушный покоритель Казани, коварный истребитель Новгорода останется *вылитый изъ бронзы для потомства* (*). Истина, благородство, быстрота, жаръ, всѣ качества, которыхъ часто желаютъ для Исторіи, находятся въ этомъ отрывкѣ. Въ повѣствованіи о слѣдующихъ царствованіяхъ видно тоже дарованіе. Нашъ Историкъ останавливается передъ ужаснымъ лицомъ Іоанна IV-го, удивляется, спрашиваетъ: что значитъ эта жестокость ненасытимая, безполезная? Не баснословное-ли, не невозможное-ли что нибудь? Убѣдившись въ печальной дѣйствительности, онъ медлитъ разсказывать столько ужасовъ; но — должно: это обязанность Историка; онъ покоряется ей, начинаетъ, и быстро проходитъ злодѣянія чудовища, какъ-бы увлеченный великостію своего негодованія. О немъ можно-бъ было сказать, что это древній жрецъ, сѣдящій на треножникѣ и невольно повинующійся божеству, обладающему имъ; это почти Тацитъ, налагающій клеймо на Тиверія. Но, не думая добиваться выразительности, силы сего Писателя, Гр. Сегюръ хотѣлъ избѣжать недостатка, которымъ часто упрекалъ *величайшаго живописца древности* (**) человѣкъ, удивительнѣйшій во временахъ

(*) Выраженіе Генерала Фуа объ *Исторіи Кампаніи 1812-го года. Прим. Автора.*

(**) См. Расиново Предисловіе къ *Британнику.*

новыхъ: *Тацитъ*, говаривалъ Наполеонъ, *не довольно объясняетъ своихъ тирановъ.* Гр. Сегюръ былъ достоинъ внять уроку, данному съ такой высоты: онъ вспомнилъ о немъ, и мы видимъ счастливое примѣненіе онаго въ картинѣ первыхъ лѣтъ Іоанна IV-го. Оскорбленія отъ попечителей, униженіе въ дѣтскія лѣта, не оправдываютъ злодѣяній Іоанна, но *объясняютъ ихъ.*

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская литтература.

— *Обозрѣніе Кормчей Книги въ Историческомъ видѣ.* Соч. Барона Розенкампфа. Издано Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. М. 1829 г. въ т. Унив. in 8, VIII, 154, 274 и 317 стр., съ приложеніемъ (отлично сдѣланныхъ) снимковъ съ древнихъ рукописей Кормчей Книги.

Стыдясь, что до сихъ поръ ничего не сказано въ Телеграфѣ о сей важной книгѣ, мы хотимъ загладить вину свою, хотя библіографическимъ извѣстіемъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ объясниться и о томъ, почему извѣстія о книгахъ важныхъ помѣщаются въ Телеграфѣ иногда спустя долгое время по выходѣ оныхъ. Отъ того именно происходитъ это, что намъ всегда хотѣлось-бы о такихъ книгахъ помѣщать не *краткія извѣстія*, не *нѣсколько словъ*, но разборы обстоятельные и подробные, которые знакомили-бы читателей съ содержаніемъ и подробностями книги, и въ тоже время могли и Автору, или Переводчику, показывать на тѣ мѣста, въ коихъ Критика останавливается сомнѣніемъ, или замѣчаетъ что либо, подлежащее исправленію. Но при занятіяхъ другихъ, при обширности труда, какого требуетъ каждый обстоятельный разборъ, дѣло это откладывается до свободнѣйшаго времени, а книжки Телеграфа должны между тѣмъ выходить безъ замедленія. Издатель Телеграфа осмѣливается однакожъ думать, что читатели не обвинятъ его самого и сотрудниковъ его въ небрежности, или лѣности, не видя такихъ разборовъ о нѣкоторыхъ важныхъ явленіяхъ нашей Литтературы. Что можно успѣть сдѣлать, того Издатель и сотрудники его никогда не оставляли. Въ семъ случаѣ, осмѣливаемся обратиться къ другимъ журналистамъ, и вообще къ литтераторамъ Русскимъ, и — обвинить ихъ въ неизвинительной холодности къ дѣлу общему. Выходитъ книга, достойная внимательнаго разсмотрѣнія, и глубокое молчаніе царствуетъ въ Литтературѣ нашей. Съ какою-бы радостью увидѣли мы послѣдователей примѣру почтеннаго О. Іакинѳа, который такъ ревностно подвизается по извѣстной ему части Литтературы. Другіе: наши Археографы, Географы, наши ученые люди, доколѣ будутъ безмолвствовать? Доколѣ Критика будетъ ограничиваться у насъ битвами за стишки и статейки, когда въ тоже время, на примѣръ, сочиненіе Барона Розенкампфа о Кормчей Книгѣ встрѣтило мертвое молчаніе нашихъ критиковъ?

Баронъ Розенкампфъ весьма недавно вступилъ на поприще занятій Россійскою Исторіею. Посвящая дотолѣ труды свои государственной службѣ, онъ былъ извѣстенъ намъ, какъ опытный юристъ. Но, оставивъ свои прежнія занятія, въ немного лѣтъ сей почтенный мужъ приобрѣлъ себѣ почетное имя между занимавшимися и занимающимися Русскою Исторіею людьми: Миллерами, Лербергами, Кругами. Его превосходныя статьи касательно Русской Исторіи, помѣщенныя въ *Трудахъ Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ* (особливо классическая его статья о происхожденіи Руссовъ, въ IV ч. *Трудовъ Общества*, стр. 139–166), суть важныя доказательства нашего мнѣнія. Изъ нихъ видно, что почтенный Баронъ Розенкампфъ, богато снабженный учеными средствами и пособіями, при своемъ трудолюбіи, неутомляемомъ лѣтами и трудностью занятій, многимъ, очень многимъ можетъ обогатить насъ. Да подкрѣпитъ Провидѣніе сего поборника, столь отличнаго въ невеликомъ числѣ людей, занимающихся Русскою Исторіею надлежащимъ образомъ!

Труды Барона Розенкампфа относительно Кормчей Книги, извѣстны были публикѣ по небольшой статьѣ, помѣщенной въ *Матеріялахъ для Исторіи просвѣщенія въ Россіи* (изд. П. И. Кеппеномъ, кн. III, СПб. 1827 г. стр. 140–151). Мы знали, что Баронъ Розенкампфъ уже нѣсколько лѣтъ занимается симъ важнымъ и любопытнымъ въ Исторіи древняго законодательства нашего предметомъ. Теперь, *часть* труда его издана Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ.

Кормчая Книга была до сихъ поръ камнемъ претькновенія для критиковъ и историковъ. Извѣстно, что симъ именемъ называется древнее собраніе духовныхъ законовъ, составляющее часть нашего Церковнаго Права. Донынѣ Кормчая Книга служитъ руководствомъ въ духовномъ судопроизводствѣ нашемъ. Она была напечатана при Патріархахъ Іосифѣ и Никонѣ; рукописи, содержащія въ себѣ Кормчую, есть у насъ XIII вѣка. Но, что̀ она такое? Какъ она составилась?—Ее перевели съ Греческаго (отъ чего и самое имя ея происходитъ: это переводъ Греческаго: *πηδάλιον*, *кормчій*); но когда и какъ? Этого вопроса не рѣшили ни Шлецеръ, ни Карамзинъ.

Баронъ Розенкампфъ, получивъ множество древнѣйшихъ списковъ Кормчей Книги, сообразилъ оные одинъ съ другимъ и съ печатною Кормчею; разобралъ систематически; пересмотрѣлъ Греческія собранія церковныхъ законовъ; сличилъ ихъ съ Русскими, и трудъ его не оставитъ, кажется, ничего болѣе желать, касательно критическаго изслѣдованія о томъ, *что такое* Кормчая Книга, и *какъ она* составилась въ Россіи.

Все изслѣдованіе Барона Розенкампфа раздѣлено на *четыре* части.

Въ *первой* (послѣ краткаго общаго вступленія (стр. 1—20), Авторъ разсматриваетъ (стр. 20—44), какимъ образомъ составились первые законы Церкви Христіанской, или *Церковные законы и правила*, въ Греціи; какимъ образомъ распространились они на Западѣ, и что изъ нихъ было сдѣлано потомъ въ Греціи.

Во *второй* части (стр. 44—154) Авторъ разсматриваетъ, *что*, *когда именно* и *какъ*, переведено было изъ Греческихъ церковныхъ законовъ и правилъ на Славянскій языкъ.

Симъ оканчивается книга, изданная нынѣ Обществомъ Ист. и Древн. Россійскихъ. Объ остальныхъ двухъ частяхъ труда Барона Розенкампфа, мы только догадываемся по изложенію, напечатанному на 17, 18 и 19-й страницахъ. Въ остальныхъ двухъ частяхъ должны заключаться:

1-е. Обозрѣніе разныхъ извлеченій, сокращеній, дополненій, составившихъ отдѣльныя отъ Кормчей собранія законовъ и постановленій въ древней Россіи.

2-е. Обозрѣніе печатной Россійской Кормчей, нынѣшняго Греческаго Пидаліона; Кормчихъ Сербской и Волошской; сличеніе Западныхъ собраній церковныхъ законовъ съ Восточными.

Нетерпѣливо желаемъ видѣть сіи двѣ остальныя части, особливо *третью*, гдѣ Баронъ Розенкампфъ хочетъ говорить о сліяніи Греческихъ церковныхъ законовъ съ Русскими гражданскими, дополненіяхъ Русскихъ, *Русской Правдѣ*, и проч. — Признаемся, что мы не понимаемъ: почему изданное нынѣ сочиненіе Барона Розенкампфа не названо *первою* частью Изслѣдованій о Кормчей Книгѣ? Онымъ не оканчивается трудъ его; если-же такъ, то когда-же и какимъ образомъ увидимъ мы любопытное его окончаніе: отдѣльно, или въ совокупности съ изданною половиною?

Довольствуясь тѣмъ, что̀ уже имѣемъ, мы сознаемся въ великой важности труда Барона Розенкампфа. Въ его книгѣ видѣнъ ученый, мыслящій человѣкъ. Это систематическое, превосходное сочиненіе знатока своего предмета, а не нахватанные изъ разныхъ книжонокъ, книжекъ и книгъ клочки, которые нѣкоторыми изъ жалкихъ невѣждъ выдаются подъ именемъ изслѣдованій о Русской Правдѣ, и т. п.

Если мы въ чемъ осмѣлимся упрекнуть почтеннаго Барона Розенкампфа, то это будетъ относиться къ расположенію статей въ его книгѣ. Она расположена весьма сбивчиво. Послѣ 154-хъ страницъ собственно текста, отдѣланнаго тщательно, 274 стр. заняты дополненіями, исправленіями и примѣчаніями. Тутъ примѣчанія ко Введенію; примѣчанія къ первому отдѣленію текста; исправленія и дополненія текста; погрѣшности и прибавленія въ примѣчаніяхъ, поставлены отдѣльными статьями. Къ сожалѣнію еще, въ рукописи ошибкою писца примѣчанія перепутаны: надобно было сдѣлать особую статью о сихъ ошибкахъ. Какъ затруднительно послѣ всего этого находить желаемое въ Изслѣдованіяхъ о Кормчей Книгѣ, могутъ судить читатели. Мы еще осмѣливаемся замѣтить почтенному Автору, что и самъ онъ не совсѣмъ правъ въ перемѣшаніи сущности статей. Послѣ всѣхъ прибавокъ, слѣдуютъ у него: *Индексъ или оглавленіе важнѣйшихъ предметовъ въ книгѣ*, и *Указатель источниковъ*, коими пользовался онъ. Тутъ въ обѣ статьи внесено то, что должно было помѣстить особо, какъ-то: (стр. 203–247) о Русскихъ статьяхъ, и (стр. 247–268) о Русскихъ и Булгарскихъ статьяхъ въ Кормчей Книгѣ. Тому-же долженствовало подвергнуть множество мѣстъ изъ примѣчаній, какъ-то: (стр. 33–45) объ источникахъ Фотіева Номоканона (стр. 68–80); о первомъ Кіевскомъ изданіи Номоканона (стр. 106–124); о расположеніи правилъ Соборовъ, и проч. — *Примѣчанія* и *Прибавленія* (т. е. такъ называемыя по-Французски: pièces justificatives), совершенно различныя между собою вещи. Въ примѣчаніяхъ къ *Исторіи Государства Россійскаго*, Карамзинъ смѣшалъ то и другое вмѣстѣ. Отъ сего, примѣчанія его есть море глубокое, для переплытія коего потребно много отваги и любви къ предмету, коимъ занимаешься. Сему-же отчасти подвергается и сочиненіе Барона Розенкампфа, хотя семь огромныхъ дополненій и отдѣлены у него (о новѣйшемъ Греческомъ Пидаліонѣ; о Прохиронѣ Арменопула; о собраніи Леунклавія; объ актахъ, касающихся Исторіи Русской Церкви, до половины XVIII-го вѣка; о Прохиронѣ Греческомъ на Грузинскомъ языкѣ; о Пандектахъ Никона Черногорца; о рукописной сводной Кормчей, 1615 года).

Все это, взятое вмѣстѣ, показываетъ, какое богатство свѣдѣній, изслѣдованій и матеріяловъ найдетъ въ книгѣ Барона Розенкампфа занимающійся Русскою Исторіею. Въ этомъ отдаемъ мы совершенную справедливость почтенному Автору.

Послѣ изданія К. Ѳ. Калайдовичемъ изслѣдованій объ Іоаннѣ, Экзархѣ Булгарскомъ, мы не видали на Русскомъ языкѣ въ послѣдніе годы, книги, которая подавала-бы поводъ къ столь многимъ выводамъ и изслѣдованіямъ касательно Исторіи Русской, какъ сочиненіе Барона Розенкампфа.

Во всемъ-ли безусловно можемъ мы съ нимъ согласиться? Признаемся: нѣтъ! И это, а вмѣстѣ съ тѣмъ изложеніе самыхъ изслѣдованій Барона Розенкампфа о Кормчей, мы имѣемъ въ виду для нѣсколькихъ разныхъ статей. Книга Барона Розенкампфа убѣдила насъ во многомъ, на примѣръ: мы совершенно согласны съ Авторомъ ея, касательно Фотіевыхъ Епископовъ (стр. 212); также признаемъ, что Карамзинъ несправедливо почиталъ установленія церковнаго суда не существовавшими при Владимірѣ и Ярославѣ. Но все, что говоритъ Баронъ Розенкампфъ объ отношеніи Никоновской лѣтописи и Степенныхъ Книгъ къ лѣтописи Нестора и продолжателей его, намъ кажется не только недостовѣрнымъ, но, даже вовсе несправедливымъ. Обвинятъ-ли насъ за несоглашенія наши? Надѣемся, что самъ почтенный Авторъ не хочетъ согласія безусловнаго; и болѣе подорожитъ скромнымъ противорѣчіемъ, нежели похвалою безъ разбора и толка.

Н. П.

— *О Кавказской Линіи* и присоединенномъ къ ней Черноморскомъ войскѣ, или общія замѣчанія о поселенныхъ полкахъ, ограждающихъ Кавказскую Линію, и о сосѣдственныхъ Горскихъ народахъ. Собранное Дѣйств. Статскимъ Сов. и Кав. Іосифомъ Дебу. *Съ* 1816 *по* 1829-*й годъ*. СПб. 1829 г. въ т. К. Крайя, in 8, XXXIV и 464 стр.

Каждый чиновникъ, и даже всякій, живущій въ замѣчательномъ мѣстѣ, человѣкъ, всегда можетъ собрать, и весьма часто собираетъ, любопытныя, мѣстныя извѣстія и свѣдѣнія; весьма рѣдко однакожъ подобныя собранія бываютъ издаваемы въ свѣтъ. При изданіи-же такихъ собраній всего чаще ихъ обезображиваютъ прибавками чужаго. Этотъ несчастный манеръ прибавленій происходитъ отъ того, что собиратель, или издатели, не хотятъ показать находящагося у нихъ въ рукахъ въ простомъ, настоящемъ видѣ, но мечтаютъ о книжности, учености. И вотъ, положимъ на примѣръ, что кто нибудь, проживъ на Кавказѣ лѣтъ десятокъ, вздумалъ издавать свои записки: онъ беретъ Гильденштета, Клапрота, Паррота, выбираетъ извѣстія о Кавказской этнографіи, идіомографіи, беретъ изъ Карамзина Историческія извѣстія, а иногда принимается за Иродотовъ, Страбоновъ, и проч. Все это перемѣшивается съ собственными тетрадями собирателя, и — является въ видѣ *чего-то ученаго*. Такія компиляціи нестерпимы. Зачѣмъ мишура чужая? Зачѣмъ не сказать просто: *Вотъ что я видѣлъ, вотъ что я слышалъ; соображайте съ прежнимъ.* Пусть всякій такъ дѣлаетъ, и мы будемъ пріобрѣтать новые драгоцѣнности для нашей Географіи и Исторіи, а не пустословныя переборки старины.

Г-нъ Дебу издалъ *только свое*; потому, изданную имъ книгу мы прочитали съ особеннымъ удовольствіемъ, и рекомендуемъ ее читателямъ, какъ одно изъ лучшихъ новѣйшихъ сочиненій о Кавказскомъ краѣ. Авторъ жилъ шестнадцать лѣтъ на Кавказской Линіи, имѣлъ случай участвовать въ распоряженіяхъ Правительства, собрать статистическія, мѣстныя свѣдѣнія, и говоритъ намъ не съ словъ другаго, а то, что самъ видѣлъ и узналъ.

Вообще статьи въ книгѣ Г-на Дебу, раздѣленной на 10-ть главъ, относятся къ *тремъ* слѣдующимъ частямъ: 1-е, Исторіи Линіи; 2-е, Географіи и Статистикѣ оной, и 3-е, улучшеніямъ, какія, по мнѣнію Г-на Дебу, могутъ быть сдѣланы въ устройствѣ Линіи, обезопасеніи оной отъ хищныхъ сосѣдей Горскихъ, и доставленіи лучшаго житья обитателямъ, а также войскамъ и чиновникамъ, на Линіи служащимъ.

Въ сихъ трехъ отношеніяхъ обозрѣваетъ Г-нъ Дебу вообще *Кавказскую область* и *Линію* особенно, описывая всѣхъ Линейныхъ казаковъ: Терскихъ, Семейныхъ, Гребенскихъ, Моздокскихъ, переселенныхъ съ Волги, Кубанскихъ, Кавказскихъ, и переселенныхъ съ Хопра. Всѣ сіи казацкія войска, съ разночинцами, офицерами, служителями и проч. составляютъ нынѣ народонаселеніе изъ 48,518 человѣкъ (24,313 мужескаго и 24,205 женскаго пола). Г-нъ Дебу переходитъ потомъ къ сосѣдственнымъ съ Линіею Горскимъ народамъ: Чеченцамъ, Кабардинцамъ, Абазинцамъ и Ногайцамъ, описывая ихъ положеніе, нравы и обычаи. За тѣмъ слѣдуетъ историческое обозрѣніе дѣйствій Рускихъ на Кавказской Линіи, съ самаго начала оной. Г-нъ Дебу изображаетъ дѣла и распоряженія всѣхъ начальствовавшихъ на Линіи Русскихъ Генераловъ, отъ Медема (въ 1769 г.) до Г. М. Горчакова (въ Декабрѣ 1826 года) Показавъ разныя неудобства нынѣшняго устройства, и улучшенія, которыя могутъ отстранить сіи неудобства, Г-нъ Дебу описываетъ статистически Кавказскія минеральныя воды, и заключаетъ описаніемъ Черноморскаго казачьяго войска, которое до 1820-го года зависѣло отъ Херсонской губерніи, а съ сего времени отдѣлено къ Кавказской области. Въ 1820 году считалось Черноморцевъ, со вновь переселенными съ 1809 года изъ Малороссіи, до 61,000 человѣкъ.

Вотъ краткій обзоръ содержанія книги Г-на Дебу. Читатели могутъ подумать, что она состоитъ изъ сухихъ, статистическихъ и экономическихъ, выводовъ, почему надобно здѣсь прибавить, что напротивъ, Г-нъ Дебу передаетъ въ книгѣ своей множество занимательныхъ подробностей, анекдотовъ и извѣстій; таковы, напримѣръ: извѣстіе о поступкѣ Медокса (сына извѣстнаго Москвичамъ содержателя театровъ), который въ 1812 г. хотѣлъ набрать войско изъ Горцевъ и идти къ Москвѣ; извѣстіе о смерти Генераловъ Лисаневича и Грекова, убитыхъ Чеченскимъ Муллою, въ глазахъ войска, въ 1825-мъ г., и множество другихъ, донынѣ бывшихъ намъ неизвѣстными, подробностей.

Не можемъ не замѣтить еще рѣдкаго достоинства, какое представляетъ намъ книга Г-на Дебу. Сіе достоинство есть искренность, откровенность Сочинителя, видимая во всемъ, имъ описываемомъ. Онъ прямо говоритъ, что хорошо и что худо. Это внушаетъ довѣренность къ книгѣ и уваженіе къ характеру Сочинителя. Сказанное имъ о дѣлахъ героя Ермолова, конечно внушено ему не притворствомъ, не стараніемъ подслужиться, но истиною. Это драгоцѣнность, которая утѣшаетъ друга человѣчества при взглядѣ на людей и общество, гдѣ добродѣтели мелькаютъ изрѣдка, а пороки кишатъ, какъ черви неусыпающіе.

— *Стихотворенія Николая Грамматина.* 2 части. СПб. 1829 г. въ т. Росс. Академіи, in 8, 340 и 355 стр.

Въ Исторіи Русской литтературы сохранится имя Грамматина, по его полезнымъ трудамъ. Къ полезнымъ трудамъ его относимъ изданіе *перваго* въ Россіи порядочнаго Англійско-Россійскаго Словаря; стараніе объяснить Слово о полку Игоревомъ, и нѣкоторые другіе прозаическіе опыты. Грамматинъ писалъ и стихи; но онъ не былъ поэтъ; онъ былъ холоденъ, сухъ, натянутъ въ стихахъ своихъ. Еще-же болѣе повредило ему въ поэзіи ошибочное мнѣніе его о Русскомъ старинномъ стихосложеніи. Онъ такъ влюбился въ метръ, которымъ нѣкогда написанъ былъ *Илья Муромецъ*, Карамзина, и описана *Грановитая Палата* Княземъ Кугушевымъ, что не могъ отстать отъ него. Хорошо написать симъ метромъ несколько строкъ, даже страничекъ; но Грамматинъ написалъ множество пѣсенъ, пьесъ отдѣльныхъ, цѣлую поэму на Наполеона, переводилъ Оссіановы поэмы упомянутымъ метромъ. Все это напечатано теперь въ двухъ огромныхъ томахъ, съ присовокупленіемъ: перевода въ стихахъ Богемскихъ старинныхъ пѣсенъ, найденныхъ Ганкою и извѣстныхъ подъ именемъ *Кралодворской рукописи*; перевода въ стихахъ *Слова о полку Игоревомъ*; преложеній изъ Библіи, и многаго другаго, что было разсѣяно въ разныхъ книгахъ и Журналахъ, и найдено въ рукописи по смерти Автора.

— *Превращеніе Дафны*. Сельская поэма. Соч. М. Деларю. СПб. 1829 г., въ т. Деп. Народ. Просв. in 8, 36 стр.

Гекзаметромъ, и подробно, описано превращеніе Дафны въ лавровое дерево. Почему-же это описаніе *сельская поэма*? Не понимаемъ.

— *Письмо къ Графинѣ N. N.*, въ философическо-нравственно-шуточномъ родѣ. СПб. 1829 г. въ т. Х. Гинца, in 16, 16 стр.

Графиня N. N. выходитъ за мужъ за Князя Милина: ей *сродни и другъ* Князь *. Сочинителю письма хочется получить мѣстечко у Князя *, и онъ проситъ въ письмѣ своемъ Графиню N. N. походатайствовать за него, обѣщая писать стиховъ, для нея, для родни ея и даже для ея собачки, сколько угодно. Вотъ содержаніе письма, переплeшенное съ шутками, нравоученіями, и проч. и проч., весьма обыкновенными. Впрочемъ, для чего было не писать письма къ Графинѣ N. N.; для чего и не печатать? Но оно было уже помѣщено въ одномъ изъ Альманаховъ нынѣшняго года. Для чего *перепечатали* его еще разъ?

— *Нѣкоторыя изъ забавъ отдохновенія*, въ Іюлѣ и Августѣ 1829 года, Николая Наз. Муравьева, Статсъ-Секрет. Е. И. В. (,) Тайнаго Совѣтника, Сенат., Почет. Член. Императорскихъ Росс. Академіи и Университетовъ: Москов. и Вилен. и Москов. Учен. Обществъ: Исторіи и Испытател. Природы. Ч. VI. СПб. 1829 г. въ т. Главн. Штаба, in 8, 54 стр.

Вопреки заглавію книги, въ ней помѣщены забавы отдохновенія почтеннаго Автора не только за *Іюль и Августъ*, но и за *Сентябрь* мѣсяцъ, ибо подъ статьею: *О происхожденіи тумана, дождя, снѣга, града и о надобности атмосферъ*, подписано: *Сентябрь*, 1829 г. — Содержаніе книги чрезвычайно разнообразно, такъ-же какъ содержаніе извѣстныхъ уже публикѣ первыхъ *пяти* частей *Забавъ отдохновенія* Н. Н. Муравьева. Отъ разсужденій о путяхъ Провидѣнія, Авторъ переходитъ къ описанію машинки для больныхъ грудей родильницы; отъ статьи о томъ, что солнце не есть свѣтъ и жаръ, къ разсужденію о нравственности. Всего лучше понравилось Рецензенту разсужденіе: *О красотѣ и достоинствѣ слога Русскихъ словъ, преимущественно предъ иностранными.*—Авторъ берешъ 26 Русскихъ словъ, разлагаетъ каждое и изъясняетъ, на примѣръ:

«*Уксусъ*. Произнося, чувствуемъ, какъ кисло.»

«*Пушечка*, очевидно ручная *пушка*.»

«*Брос-кость*, не-осмотрительно-сть. Видите, съ какимъ *снисхожденіемъ* и пристойностію слова сіи представляютъ картину *юношеской* вѣтрености, впрочемъ, можетъ быть, невинной, чистой въ нравахъ своихъ!»

«*За-вое-ва-тель*. На словѣ живая картина предмета.»

«*Ну-трен-ности*, отъ нутро. Въ самомъ *произношеніи* желаемая картина слова сего, и благопристойная.»

«*Глухая-улица*, то есть, похожая на *глухое ухо*, сквозь которое слухъ не проходитъ. Какъ шутливо изящной вымыслъ изобразилъ вещь!»

«*На-ложница*. Смотрите, какое благопристойное изрѣченіе о вещи, подразумѣваемо зазорной!»

«*Звука-со-гласіе* (концертъ), не ощущаетъ-ли ухо ваше множества звуковъ согласныхъ?»

«Я какъ нибудь накидалъ сіи 26 словъ (говоритъ Авторъ), чтобъ чрезъ нихъ изъяснить полноту выразительности нашего языка, и въ тоже время оной выразительности чистоту, звучность, *благопристойность*, безъ малѣйшей двусмысленности, *чего ни которой иной языкъ не обладаетъ*.»— Сказавъ потомъ, что этого нѣтъ въ другихъ языкахъ, Авторъ заключаетъ мнѣніе свое объ языкахъ иноземныхъ такимъ образомъ: «Не 26 только примѣровъ, но тысяча ихъ можетъ быть, въ коихъ найдется не рѣдко, что самая мерзость предлагается за вещь лакомую. Но скажутъ, что употребленіе увлекаетъ отъ вниманія понятіе о сей мерзости. — Охотно соглашаюсь. Но, въ тоже время прошу и со мною согласиться, что мерзость сія отъ того не менѣе существуетъ, и очевидно; между тѣмъ какъ въ *благородномъ* Русскомъ языкѣ и *тѣни ея нѣтъ.* »

Рецензентъ совершенно согласенъ, что произнося слово: *уксусъ*, чувствуешь, какъ кисло; но, признается, что онъ не слыхивалъ донынѣ Русскихъ словъ: *броскость*, *нутренность* и *звукасогласіе.* Впрочемъ, это готовъ онъ приписать своему невѣжеству, ни мало не сомнѣваясь, что оныя слова находятся въ Русскомъ языкѣ, и что они благопристойны, безъ малѣйшей двусмысленности.

СМѢСЬ.

Аббатъ Прадтъ.

Надѣемся угодить многимъ изъ нашихъ читателей, и даже читательницъ, помѣстивъ при сей книжкѣ портретъ Прадта, писателя столь многими любимаго, и всѣми читаемаго. Вотъ краткая его біографія. Можетъ быть, иные лучше знаютъ сочиненія, нежели исторію самого Автора.

Доминикъ, Дюфуръ Прадтъ родился въ Аллантѣ, въ Овернской области, 23 Апрѣля 1759 г.,

810884

Digitized by Google

былъ назначенъ къ духовному званію, и до революціи ни чѣмъ не отличался, хотя, любимый Кардиналомъ Ла-Рошфуко, Архіепископомъ Руанскимъ, въ 1789 году онъ былъ уже великимъ Викаріемъ сего Архіепископа. Тогда выбрали Прадта депутатомъ отъ Нормандскаго духовенства въ собраніе Государственныхъ Штатовъ. Тутъ онъ крѣпко стоялъ за права духовенства, и бѣжалъ потомъ за границу, жилъ въ Гамбургѣ, и жестоко бранилъ въ сочиненіяхъ своихъ Французскую республику. Но послѣ 18-го Брюмера Прадтъ почувствовалъ *тоску по отчизнѣ* и, подъ покровительствомъ Дюрока, явился въ Парижъ. Наполеонъ обласкалъ его, употреблялъ по дѣламъ касательно духовенства, и Прадтъ всегда былъ при немъ, сопровождалъ его въ Италію, и въ 1808 г. въ Испанію, осыпанный милостями Наполеона. Имѣя званіе главнаго милостыне-раздавателя (aumônier), почему и называли его *раздавателемъ милостыни бога Марса*, онъ получилъ въ 1804 г. титулъ Барона, 40,000 франковъ награды, и Епископство Пуатіерское; въ 1808 г. 50,000 франковъ, а въ 1809 г. Архіепископію Малинскую (de Malines) и крестъ Почетнаго Легіона. Въ 1812 г. Прадтъ слѣдовалъ за Наполеономъ въ Дрезденъ, и былъ отправленъ отъ него посланникомъ въ Варшаву. Тутъ, Прадтъ не умѣлъ угодить ни Полякамъ, ни Наполеону, который разбранилъ его возвращаясь изъ Москвы, и прогналъ изъ Варшавы и изъ Парижа. Въ 1814 г. Прадтъ явился въ Парижъ, когда Наполеона уже не было тамъ; началъ печатно и жестоко бранить его, называлъ политическимъ шарлатаномъ, *Юпитеромъ-Скапеномъ*, подружился съ Талейраномъ, и занималъ—странное для Архіепископа мѣсто — *Канцлера Почетнаго Легіона.* Но вскорѣ Прадта замѣнили Маршаломъ Магдональдомъ, и велѣли ему ѣхать въ Малинь. Тутъ смирно сидѣлъ Прадтъ и во время возвращенія Наполеонова съ острова Эльбы; потомъ уступилъ свою Архіепископію въ распоряженіе Нидерландскаго Короля, за 10,000 франковъ пожизненной, ежегодной пенсіи, началъ называться: *Аббатъ Прадтъ, ancien archevêque de Malines*, и писать. Почти каждый годъ съ того времени выдаетъ онъ томъ политическихъ разсужденій о разныхъ современныхъ событіяхъ. Вѣнскій Конгресъ, новое правленіе Испаніи, революція Южной Америки, революція Бразиліи, выборы въ депутаты, засѣданія Палатъ, признаніе независимости Сенъ-Доминго, Ахенскій Конгресъ, Карлсбадскій Конгресъ, дѣла Греціи, Панамскій Конгресъ, война Россіи съ Турціею, словомъ: все новое, занимавшее современное любопытство, подвергалось неутомимому перу, словоохотной говорливости, суду, осужденію или одобренію Прадта, который теперь крѣпко стоитъ за то, чего не одобрялъ служа Наполеону и вызываясь служить его преемникамъ. Избранный въ послѣдніе выборы въ Палату депутатовъ, онъ горячо стоитъ за лѣвую сторону. — Прадтъ описалъ, *по своему*, главнѣйшія событія прежнія, въ коихъ удалось ему участвовать, какъ-то: дѣла Польши въ 1812 году; дѣла Испаніи въ 1808 г.; Конкордаты съ Папою, и проч. и проч. Не смотря на 70 лѣтъ, Прадтъ еще крѣпокъ, здоровъ; можемъ надѣяться, что и нынѣшній годъ не пройдетъ безъ тома его твореній. Въ Парижѣ напечатали недавно полное собраніе политическихъ сочиненій Прадта (Oeuvres politiques de M. de Pradt) въ 25-ти томахъ.

Литтературныя извѣстія.

Въ СПбургѣ будутъ выходить съ Новаго года слѣдующія новыя повременныя изданія:

— *Сѣверный Муравей*, газета Промышленности. Ее будетъ издавать Н. П. Щегловъ, извѣстный публикѣ своею *Хозяйственною Ботаникою* и *Указатѣлемъ открытій*, который шесть лѣтъ съ честію поддерживается въ нашей литтературѣ. Цѣлью *Сѣвернаго Муравья* предполагается скорѣйшее сообщеніе новостей по части Естествознанія, Физики, Химіи, городскаго и сельскаго хозяйства, фабрикъ, заводовъ и ремеслъ. Каждую пятницу будетъ выходить по листу; цѣна 52 нумерамъ, или листамъ, съ 52 рисунками, съ пересылкою во всѣ города, 35 рублей ассигн.

— *Карманная книжка для любителей Русской старины и Словесности*. Это будетъ собственно не Журналъ, а *двѣнадцать альманаховъ*, то есть издатель будетъ выдавать по Альманаху *каждый* мѣсяцъ. Содержаніе ихъ будетъ разнообразно: Русская старина, Словесность, науки, нравы, критика, библіографія, и наконецъ — *Воръ, или памятная записка современныхъ происшествій*, т. е. *Современная Исторія* (но, почему-же Современная Исторія является подъ титломъ *Вора*?). — Издатель В. Н. Олинъ, а цѣна *Карманной книжки*, съ пересылкою 30 рублей ассигн.

В будущемъ Декабрѣ мѣсяцѣ выйдетъ здѣсь въ Москвѣ альманахъ: *Радуга*, издаваемый на 1830-й годъ П. Н. Араповымъ и Д. И. Новиковымъ. Онъ будетъ заключать въ себѣ нѣсколько прозаическихъ и стихотворныхъ статей нигдѣ еще не напечатанныхъ, въ томъ числѣ драматическія сцены и куплеты изъ лучшихъ водевилей. Въ семъ изданіи берутъ участіе извѣстные и любимые публикою Литтераторы: А. С. Пушкинъ, Кн. П. А. Вяземскій, Д. В. Давыдовъ, Е. А. Баратынскій, и многіе другіе. Изданіе украсится искусно гравированною виньеткою; въ отдѣленіи *Музыки*, которое напечатано будетъ въ особомъ прибавленіи, но выйдетъ вмѣстѣ съ альманахомъ, помѣстится 12 нумеровъ музыкальныхъ пьесъ, какъ-то: для фортопьяно романсы, соч. Кн. З. А. Волконской, А. В. Всеволожскаго, Кн. В. С. Голицына, А. Н. Верстовскаго, Г-дъ Геништы, Шольца, Гардорфа, Фе, и три *оригинальныя Цыганскія пѣсни и романсъ*, арранжированныя для фортопьяно.

Русскій Театръ.

Смерть Калгаса, драма; *Амуръ и Психея*, балетъ (бенефисъ Г-жи Глушковской).

Если-бы періодическія изданія читались только тѣми людьми, которые сами принимаютъ живѣйшее участіе въ успѣхахъ просвѣщенія, и содѣйствуютъ Журналисту въ распространеніи полезныхъ свѣдѣній — то участь редакторовъ была-бы самая завидная. Науки, Словесность, и все что входитъ въ составъ образованности, имѣютъ столько пріятностей, что человѣкъ, однажды съ ними ознакомившійся, никогда не захочетъ лишиться привлекательнаго ихъ сообщества. Но не все такъ дѣлается, какъ-бы намъ хотѣлось!.. Вмѣсто ограниченія себя въ пріятномъ кругу родныхъ и знакомыхъ, смертный обязанъ имѣть сношеніе со всѣми подобными ему существами. Жить, такъ жить для всѣхъ, или по крайней мѣрѣ для многихъ! Таковъ уже законъ нравственной природы. Эгоистъ старается угодить только самому себѣ, или своимъ избраннымъ; за то эгоистъ не наслаждается жизнью. Чѣмъ менѣе довольствуетъ онъ другихъ, тѣмъ менѣе другіе бываютъ имъ довольны; зависимость человѣка отъ подобныхъ ему, обязуетъ его сдѣлать другихъ зависимыми отъ себя. Это называется по Русски *круговою порукою*. Вотъ истинно философическое выраженіе, какого не отыщешь ни въ одномъ курсѣ новѣйшаго любомудрія! ... Но мы заговорили о любомудріи, которое никакъ не относится къ театральнымъ дѣламъ. Не безпокойтесь, почтенные читатели! Мы не упустимъ изъ вида нашего предмета, и потолковавши о необходимости всѣмъ угождать, имѣемъ честь, въ угоду вашу, изложить всю трудность работы журнальнаго критика. — Детушъ ошибся, написавши свой славящійся въ обветшалой Французской Литтературѣ стихъ: La critique est aisée, mais l'art est difficile. Никто не будетъ спорить въ томъ, что *искуство* очень трудно; но критика, въ полномъ значеніи сего слова, неужели легка? Такъ трудна, что ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать, ниже въ сказкѣ сказать.... Критикъ долженъ угодить всѣмъ! Легко сказать.... Вмѣсто всѣхъ выспренних и глубокомысленныхъ сужденій о критикѣ, попробуемъ пояснить сказанное нами, небольшою сценою или картиною изъ свѣтской жизни, относящеюся до нашего критическаго ремесла. Сочинимъ на досугѣ какіе нибудь разговоры между Рецензентомъ, Авторомъ театральной пьесы, Читателемъ Журнала и Актерами. Не отклоняясь отъ нашихъ отчетовъ о спектакляхъ, положимъ, что вышла въ свѣтъ книжка Журнала, въ коей между прочимъ заключается извѣстіе о театральномъ представленіи, и послушаемъ, что говорятъ господа требователи.

Читатель Журнала. У насъ, всѣ эти Журналисты совершенно не знаютъ своего дѣла. Въ чужихъ краяхъ періодическія изданія руководствуютъ публику. Я не знаю иностранныхъ языковъ и не читаю другихъ Журналовъ, кромѣ Русскихъ. Но по крайней мѣрѣ я понимаю кое-что. Журналистъ обязанъ меня вразумлять, долженъ мнѣ указывать на то, что хорошо и что дурно. За это я деньги плачу. Вотъ, на примѣръ, я ѣзжу въ театръ съ моимъ семействомъ. Почему я могу знать, что спектакль стоитъ того, чтобы я нанялъ ложу? У меня есть тысячи своихъ занятій, то могу-ли я посвятить себя на изученіе достоинствъ нашихъ театральныхъ зрѣлищъ? Для этого есть у насъ Журналисты, на сужденіе коихъ я долженъ положиться. Они обязаны утвердительно сказать: должна-ли мнѣ нравиться новая пьеса, или не должна? Хорошо играли актеры, или дурно? Вмѣсто сего я нахожу въ Журналахъ легкія, неопредѣленныя замѣчанія, въ которыхъ много наговорено, да мало сказано, для меня и для жены моей. — *Рецензентъ* (*со смиреннымъ видомъ*). Вы конечно правы, милостивый государь! Но позвольте замѣтить, со всевозможнымъ почтеніемъ, питаемымъ мною къ вамъ и супругѣ вашей... что журнальный критикъ пишетъ, не исключительно для васъ и для супруги вашей; что онъ имѣетъ другія обязанности, относящіяся къ лицамъ совершенно чуждымъ для васъ и для супруги вашей. Журнальная статья не есть профессорская лекція. Въ сей послѣдней можно смѣло и утвердительно излагать свои мнѣнія въ присутствіи учениковъ, но въ періодическомъ изданіи должно соблюдать нѣкоторыя приличія. Вы желаете, чтобы я *думалъ* за васъ и за супругу вашу, но вы забыли, что подобное сему думанье, слишкомъ рѣзко высказанное, будетъ очень непріятно для тѣхъ, которые творятъ въ угодность вашу и супруги вашей? — *Читатель*. Мнѣ до этого нѣтъ дѣла!... Хорошо, или дурно? Вотъ то, что вы обязаны растолковать въ вашемъ Журналѣ. — *Рецензентъ*. Постараюсь исполнить волю вашу и супруги вашей.

И вотъ вышла книжка Журнала, долженствующая угодить господину читателю и супругѣ его.

Авторъ новой пьесы. Не стыдно-ли вамъ, Г-нъ Рецензентъ! За что вы меня обругали? — *Реценз*. Въ чемъ-же состояли мои ругательства? Я изложилъ свое мнѣніе о вашей пьесѣ, указалъ на ея недостатки; вотъ и все! Этого требуютъ наши читатели. Докажите мнѣ, что я сказалъ не правду, и я готовъ принесть повинную. — *Авторъ*. Развѣ я утверждаю, что моя пьеса превосходна? Я самъ вижу всѣ погрѣшности... — *Реценз*. Почему-же вы ихъ не исправили? — *Авторъ*. О Боже мой! Если-бы все можно было предвидѣть, то люди были-бы безгрѣшны. Дѣлайте мнѣ замѣчанія; я прошу васъ объ этомъ. Только по крайней мѣрѣ будьте нѣсколько умѣреннѣе въ вашихъ приговорахъ, или хотя деликатнѣе въ тонѣ. Посмотрите, что вы написали! Каждое слово есть злѣйшая эпиграмма... Такими средствами вы совершенно отобьете охоту писать для театра. — *Реценз*. Но читатели хотятъ... — *Авторъ*. Какое мнѣ дѣло до вашихъ читателей? Если вы будете всѣми жертвовать въ угоду ихъ, или для краснаго словца, то знайте, что вмѣсто пользы вы принесете очевидный вредъ нашей Драматической Словесности, которая и безъ того довольно скудна. — *Реценз.* Это справедливо. Мы Руские такъ бѣдны драматическими произведеніями, что намъ стыдно предъ иностранцами. Но неужели вы хотите чтобы я безусловно хвалилъ всякій вздоръ? Извините .... *Авторъ.* Развѣ я это говорилъ? Помилуйте. Браните въ волю, браните безъ пощады то, что истинно дурно. Вотъ на примѣръ пьеса N. N.: она рѣшительно никуда не годится. Только пощадите другихъ. У меня готовится новая драма въ Шекспировомъ родѣ ... *Реценз.* Хорошо! хорошо! я слегка упомяну о будущей вашей пьесѣ. — *Авторъ.* Знаете что? Если она не будетъ принята публикою, то свалите всю вину на актеровъ. Не убивайте меня съ первыхъ попытокъ. Имѣйте снисхожденіе къ неизбѣжнымъ погрѣшностямъ молодаго автора .... Я обѣщаю вамъ, что буду прилежно учиться и постараюсь сдѣлать что нибудь прочное. — *Реценз.* Вѣрю вашему слову, и съ своей стороны обѣщаю исполнить вашу волю.

И вотъ вышла книжка Журнала, долженствующая угодить господину автору.

Актеръ. Не грѣшно-ли вамъ, милостивый государь? Вы меня совершенно осрамили предъ публикою, въ послѣдней вашей статьѣ. — *Реценз.* Помилуйте: въ этой статьѣ и имени вашего нѣтъ. — *Актеръ.* Да вѣдь я игралъ въ разбираемой вами пьесѣ, и вы сказали, что она *вообще* была дурно разыграна. — *Реценз.* Развѣ это не правда? — *Актеръ.* Конечно правда. Только вы должны знать, что мы не можемъ хорошо играть всякой вздоръ.

Digitized by Google

Почему-же вы не доказали, что во всемъ виноватъ авторъ, а не актеры. — *Реценз.* Я не оправдываю автора, но мнѣ очень извѣстно, что хорошіе актеры не рѣдко поддерживаютъ плохія пьесы. — *Актеръ.* Гдѣ? Въ чужихъ краяхъ? Только не у насъ. Какая мнѣ надобность заботиться о представленіи? Я уже получаю полный окладъ жалованья и только дослуживаюсь до пенсіона. Великая мнѣ нужда до поддержанія авторовъ! — *Реценз.* А публика... — *Актеръ.* Ожидаетъ хорошаго, хотите вы сказать? — *Реценз.* Да. И желаетъ чтобы ей указывали на дурное. — *Акт.* Въ такомъ случаѣ вамъ есть надъ кѣмъ потѣшиться. Мало-ли у насъ плохихъ актеровъ! — *Реценз.* Увы, слишкомъ много! — *Акт.* Ну, такъ вы ихъ порядкомъ проучивайте. Только не задѣвайте артистовъ получающихъ полный окладъ жалованья и бенефисъ въ зимнее время. — *Реценз.* И подлинно! Лучше дѣлать замѣчанія молодымъ, плохимъ актерамъ, которые еще не получаютъ полнаго оклада жалованья и не предвидятъ вожделѣннаго пенсіона. Эти еще могутъ исправиться. Да будетъ по вашему.

И вотъ вышла книжка Журнала, долженствующая угодить актеру, получающему полный окладъ жалованья и бенефисъ въ зимнее время.

Молодая актриса, щегольски одѣтая и получающая меньшой окладъ жалованья. Стыдно, сударь, стыдно! Рѣшительно говорю, что стыдно! — *Реценз.* Кому? Вамъ, или мнѣ? — *Актриса.* Разумѣется что вамъ. За что вы браните моего братца? Въ двухъ книжкахъ къ ряду печатаете, что онъ плохой актеръ. — *Реценз.* Развѣ это не справедливо? — *Актр.* Да что онъ вамъ сдѣлалъ? — *Реценз.* Ничего! Онъ дурно играетъ: вотъ и все. — *Актр.* У насъ найдутся актеры хуже его. — *Реценз.* Тѣ не пускаются вдаль и довольствуются маленькими ролями. Братецъ вашъ за все берется, и очень, очень не удачно. Если сказать правду, то актеръ N. N., котораго цѣлый репертуаръ до сихъ поръ не составитъ двухъ листовъ — имѣетъ въ тысячу разъ болѣе таланта нежели вашъ братецъ, и между тѣмъ погибаетъ въ бездѣйствіи. — *Актр.* Да вы посмотрите, какъ трудится мой братецъ.—*Реценз.* Трудится какъ мартышка въ баснѣ Крылова. — *Актр.* Онъ бѣдненькій такъ старается! Ходитъ учиться во Французскій театръ, хотя ни слова не знаетъ по Французски. . . Хорошо-же! Ко мнѣ ѣздятъ Гг. А, Б, В, Г, Д, Е, и множество другихъ. Я попрошу кого нибудь написать на васъ *печатную критику.* — *Реценз.* Охотно прочитаю, когда напишется. — *Актр.* Да неужели вы не можете умолчать о плохихъ актерахъ? Если-бы я была дурна лицемъ (я увѣрена въ противномъ), то не грѣшно-ли было-бы со стороны вашей, безпрестанно мнѣ объ этомъ напоминать?— *Реценз.* Точно, точно, вы правы, и сравненіе ваше мастерское! Не буду болѣе писать о молодыхъ актерахъ и остаюсь покорнѣйшимъ слугою вашей красоты!. . .

И вотъ вышла книжка Журнала, долженствующая угодить всѣмъ плохимъ актерамъ и въ числѣ оныхъ братцу красавицы, посѣщающему Французскій театръ и не знающему Французскаго языка.

Плохой актеръ, не посѣщающій Французскаго театра и не имѣющій заботливой сестрицы. Вотъ какова наша участь! Трудись, трудись: ничего не выслужишь!... Публика равнодушна ко всему хорошему и не поощряетъ талантовъ. Хоть-бы въ Журналахъ писали, а то, посмотришь, написано много, сказано мало. Обо мнѣ до сихъ поръ не было ни слова, между тѣмъ какъ я занимаю тридцать пять ролей, которыя мнѣ честь дѣлаютъ. — *Посторонній человѣкъ, чуждый журнальнаго дѣла.* Дѣлаешь-ли ты честь этимъ ролямъ? — *Плохой актеръ.* Не нужно разбирать этого. Если я дурно играю, то пиши *обо мнѣ*, докажи, чѣмъ я былъ не хорошъ? — *Постор.* А если Рецензентъ не хочетъ? — *Плох. акт.* Зачѣмъ-же онъ пишетъ о театрѣ? для кого? — *Постор.* Для читателей Журнала. — *Плох. акт.* Право? А я полагалъ что статьи о спектакляхъ пишутся для актеровъ, за тѣмъ чтобы они могли поучаться изъ нихъ. — *Постор.* Ученіе ваше есть дѣло начальниковъ, а не журнальныхъ критиковъ. Впрочемъ изъ статей, на которыя ты жалуешься, можно кое чему научиться. Въ нихъ помѣщаются сужденія, сравненія... — *Плох. акт.* На что мнѣ сравненія и сужденія? Займись своимъ, а не чужимъ. Пиши *обо мнѣ*, а не объ иностранцахъ. Вотъ я недавно игралъ хорошую роль въ старомъ водевилѣ, въ присутствіи сорока человѣкъ зрителей. Почему не описать моей игры? Почему не указать мнѣ, гдѣ именно я былъ дуренъ?.... и проч. и проч. и проч.

Само собою разумѣется, что всѣ эти разговоры выдуманы на досугѣ. Съ нами, благодаря Бога,

Digitized by Google

ничего подобнаго не случалось и случиться не могло. Наши драматическіе писатели и артисты такъ образованы, такъ любятъ правду, такъ заботятся о ходѣ просвѣщенія! . . . Со всѣмъ тѣмъ, строгій наблюдатель нравовъ различныхъ народовъ, или, лучше сказать, рода человѣческаго вообще, согласится съ тѣмъ, что вышеписанная сцена очень возможна и... какъ-бы сказать... правдоподобна . . . .

Послѣ этой краткой журнальной повѣсти, читатели могутъ имѣть малое понятіе о трудностяхъ, сопряженныхъ съ нашимъ ремесломъ. Угодить всѣмъ: ужасающая обязанность! И какъ ее исполнить? Откроемъ нашимъ читателямъ эту тайну, состоящую въ нижеслѣдующемъ: не обращать вниманія на требованія излишне прихотливыхъ читателей, недоучившихся авторовъ, актеровъ, выжидающихъ полнаго пенсіона, молодыхъ актрисъ, къ которымъ ѣздитъ множество господъ, плохихъ артистовъ, желающихъ быть замѣченными, и вообще всѣхъ тѣхъ, кои въ Журналахъ ищутъ удовлетворенія не уму, а кумиру, называемому на Латинскомъ языкѣ: Ego! — Сказано, и будетъ сдѣлано въ этой-же статьѣ.

Здѣшняя публика съ большимъ удовольствіемъ видѣла драму: *Смерть Каласа*, представленную 25-го Октября. Мы сами благодаримъ Дирекцію, актеровъ и Переводчика, за эту пьесу, въ которой отыщутся истинно прекрасныя мѣста и разительныя сцены. Но точно-ли эта драма удовлетворяетъ прихотливымъ и привязчивымъ требованіямъ современнаго просвѣщенія? Ни сколько! И хотя-бы сія пьеса, хорошо обставленная, прекрасно разыгранная, и одобренная публикою, долженствовала исчезнуть со сцены послѣ нашего сужденія, но мы намѣрены и должны высказать истину. Въ литтературномъ дѣлѣ, справедливо-строгую критику можно уподобить неудачамъ, встрѣчающимся въ жизни человѣческой; мы жалуемся на оныя и называемъ ихъ несчастіями, а между тѣмъ не замѣчаемъ того, что эти самыя неудачи безпрестанно подстрекаютъ нашу дѣятельность и содѣлываютъ насъ полезными себѣ и другимъ. Критика пробуждаетъ Словесность отъ усыпленія и предохраняетъ оную отъ порчи. И такъ, разсмотримъ безпристрастно и внимательно драму: *Смертъ Каласа*, сочиненную Викторомъ Дюканжемъ, однимъ изъ извѣстнѣйшихъ Французскихъ драматурговъ.

Престарѣлый и честный Тулузскій негоціянтъ, Протестантскаго исповѣданія, одержимый подагрою, спокойно доживалъ свой вѣкъ въ кругу семейства и друзей. Однажды, поздно вечеромъ, приказано было старой служанкѣ посвѣтить молодому пріятелю, навѣстившему семейство Каласа. Вдругъ изъ сѣней раздается громкій крикъ служанки, увидѣвшей сына Каласа, повѣшеннаго на перекладинѣ! Общее смятеніе живущихъ въ домѣ разбудило сосѣдей; сбѣжавшійся народъ началъ толковать о происшествіи, и, какъ обыкновенно водится, изъ отрывистыхъ рѣчей, передаваемыхъ отъ одного къ другому съ различными измѣненіями, мгновенно разнеслась вѣсть, что старый Каласъ *повѣсилъ* своего сына, за то что сей послѣдній намѣревался воспріять Католическую вѣру. Мѣстное начальство, безъ надлежащихъ справокъ, захватило несчастное семейство, а Тулузскій Парламентъ приговорилъ къ смерти дряхлаго и безвиннаго старца. По нѣкоторымъ изслѣдованіямъ и догадкамъ оказалось, что молодой Каласъ дѣйствительно былъ намѣренъ перемѣнить вѣру отцевъ своихъ, и по видимому страшась препятствія со стороны родителей, рѣшился принести себя въ жертву фанатическому изступленію, питаемому въ немъ злонамѣренными особами. Казнь безвиннаго Каласа была совершена, къ стыду того времени. Вольтеръ, узнавшій всѣ подробности сего ужаснаго происшествія, описалъ оное, и громы Фернейскаго краснорѣчія разнесли сію вѣсть по всей просвѣщенной Европѣ. Это былъ первый сигналъ уничтоженія старинныхъ Французскихъ Парламентовъ, которые по волѣ Людовика XV-го были распущены десять лѣтъ спустя послѣ смерти Каласа. Вотъ ужасный анекдотъ, подавшій поводъ къ сочиненію разсматриваемой нами драмы.

Около тридцати лѣтъ назадъ, была уже сочинена пьеса, подъ такимъ-же названіемъ. Объ этой мы судить не можемъ, потому что она совершенно намъ неизвѣстна. Но что касается до произведенія Г-на Дюканжа, то мы смѣло скажемъ, что оно неудовлетворяетъ современнымъ требованіямъ. Драма прекрасная. . . для сцены и для актеровъ. Но если-бы, вмѣсто: Смерть Каласа, назвали оную: смерть, хотя, Тараса, то она не потеряла-бы ничего. Мы думали, что увидимъ добраго, дряхлаго, смирнаго жителя Тулузы, своими трудами приобрѣтшаго насущный хлѣбъ, обезпечивающій его старость; вмѣсто сего намъ былъ выставленъ какой-то Маркизъ или Виконтъ, дающій балы въ своемъ помѣстьѣ. Мы хотѣли посмотрѣть на мрачнаго, тревожимаго фанатизмомъ молодаго Каласа, который изъ суевѣрія покусился на жизнь свою; вмѣсто того мы видѣли человѣка благороднаго, добродѣтельнаго, коего злосчастная любовь заставила рѣшиться на самоубійство. Мы полагали, что увидимъ, неоднократно видѣнную нами на картинахъ и эстампахъ, сцену заключенія въ оковы бѣдствующаго старца и горестнаго разставанія съ нимъ безвиннаго семейства; мы ожидали, что услышимъ и нелѣпые толки черни, собравшейся передъ домомъ Каласа, и поспѣшный судъ Парламента; вмѣсто всего этого мы видѣли патетическія сцены, составленныя по образцу трехъ-единственныхъ трагедій. Это не то! . . . Въ наше время Историческая вѣрность сдѣлалась необходимостью въ произведеніяхъ сего рода. Только она можетъ дѣйствовать на душу зрителей и возбуждать въ нихъ участіе; она составляла магическую тайну Шекспира, Корнеля, Шиллера и Гёте. Въ новѣйшее время появилось во Франціи собраніе драматическихъ сценъ, подъ псевдонимомъ Аббата Фонжере. Между оными находится картина извѣстнаго заговора Малета, противъ Наполеона. Въ семъ произведеніи мы находимъ вѣрнѣйшее изображеніе событія, предрекавшаго паденіе могущественнаго Императора Французовъ. Мы видимъ не только героевъ пьесы, но даже превосходную картину духа времени, образа мыслей Парижанъ, системы правленія Наполеона и производства судебныхъ дѣлъ. Все это само говоритъ въ вышеупомянутомъ сочиненіи! И вотъ чего требуютъ нынѣ въ театральныхъ зрѣлищахъ, заимствованныхъ изъ Исторіи!... Г-нъ Дюканжъ былъ гораздо счастливѣе въ вымышленномъ изображеніи бѣдствій фамиліи Жермани (драма: Жизнь игрока), нежели въ представленіи на сценѣ злополучій безвиннаго Каласа. Скажемъ болѣе. Въ послѣднемъ произведеніи Дюканжа, которое изумило весь Парижъ, въ драмѣ: *Семь часовъ,* Авторъ, вынужденный скрыть историческую истину, обозначилъ оную столь вѣрными и рѣзкими чертами, такъ хорошо умѣлъ представить избранную имъ эпоху, что эта булеварная пьеса едва ли не равняется съ лучшими трагедіями (*).

(*) Это извѣстная исторія отважнаго поступка Шарлоты Корде, избавившей Францію отъ изверга Марата. Авторъ не означилъ ни эпохи дѣйствія, ни званія лицъ своей пьесы. Вѣроятно онъ не хотѣлъ возобновлять горестнаго для Франціи воспоминанія о событіи, которое нанесло безчестіе цѣлой націи. Между тѣмъ Дюканжъ, раздѣливши свою пьесу на картины, предоставляетъ зрителямъ угадывать цѣль оной, и занимаетъ ихъ сценами прекрасными, исполненными чувства! Говорятъ, что эта пьеса переводится на Русскій языкъ, и въ непродолжительномъ времени будетъ представлена на здѣшнемъ театрѣ; не утверждаемъ сей вѣсти, потому что вообще намъ много обѣщаютъ, и мало исполняютъ. Чванство Транжирина! Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ! . . . Этимъ насъ часто подчиваютъ.

Что-же касается до игры актеровъ въ драмѣ: *Смерть Каласа*, то мы еще разъ повторимъ нашу благодарность артистамъ здѣшняго театра, которые видимо улучшаются. Эта самая пьеса, накануне представленія, была играна на Московско-Французскомъ театрѣ. Къ удовольствію любителей отечественныхъ талантовъ, мы смѣло признаемъ, не только преимущество, но даже побѣду нашей труппы надъ восхвалеными въ программѣ выходцами провинціяльныхъ Французскихъ театровъ. Въ старые годы водилось, что иноземцы тѣшили нашихъ соотчичей своими хитрыми затѣями и, собирая по рублику съ нашего брата, наживали капиталы. А мы-то дивились искуству!... Прошли златыя времена для иноземныхъ гаеровъ! Нѣтъ имъ поживки въ матушкѣ Россіи! Московитянинъ (le Moscovite) поумнѣлъ, и требуетъ хорошаго. . . . Но это дѣло постороннее. Обратимся къ нашему предмету. Русскіе актеры, участвовавшіе въ семъ представленіи, какъ будто уговорились наконецъ исполнить то, чего такъ давно и тщетно ожидаетъ наша публика, а именно: согласія въ цѣломъ. Въ этотъ разъ не было ни одной роли, дурно сыгранной и препятствовавшей успѣшному ходу пьесы. Мы замѣтили только одну несообразность. Г-жа Борисова, занимавшая трогательную роль супруги несчастнаго Каласа, въ послѣднихъ дѣйствіяхъ явилась въ костюмѣ, въ какомъ изображаютъ на эстампахъ Женевьеву Брабантскую въ лѣсу. Короткое платье, темнаго цвѣта, и распущенные волосы! Случалось-ли когда, чтобы мирная жительница образованнаго государства, въ годину свой горести, показывалась въ такомъ неприличномъ видѣ? Эта несообразность была тѣмъ досаднѣе, что Г-жа Борисова играла прекрасно и имѣла минуты блестящія, исполненныя чувства. Кромѣ рукоплесканій, она даже исторгала слезы.

Въ данномъ послѣ сей пьесы балетѣ: *Амуръ и Психея*, мы удивлялись: *во первыхъ*, превратности судьбы человѣческой! Нѣкогда этотъ балетъ почитался драгоцѣнностью, которую не дерзали представлять въ неприличномъ видѣ, а нынѣ. . . увы! на великолѣпной сценѣ Московскаго театра... но довольно! . . .. *Во вторыхъ*, непостижимой для прочихъ танцовщицъ, граціи Г-жи Лобановой, занимавшей роль Амура. Каждое движеніе, каждый жестъ этой артистки выполняются съ такою пріятностью, что могутъ служить образцемъ для живописцевъ и ваятелей. А между тѣмъ мы попросимъ нашихъ искусныхъ танцовщицъ взять ее за образецъ, въ умѣньи дѣйствовать не однѣми только ногами.

В. У.

P. S. На сихъ дняхъ прибыла въ Москву труппа Нѣмецкихъ актеровъ, выписанная здѣшнею Дирекціею. Подробнѣйшее свѣдѣніе объ оной мы сообщимъ читателямъ послѣ перваго представленія.

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ

ОБЩЕСТВА и ЛИТТЕРАТУРЫ.

Мы обѣщали помѣстить, послѣ письма С. К. Затѣйкина, два проэкта, присланные къ намъ при письмѣ его. Но послѣ того мы получили, отъ неизвѣстной особы, подписавшейся буквами: Z. Z., столь важную статью, что рѣшились напечатать прежде эту статью, а потомъ уже проэкты Г-на Затѣйкина. Дѣло, о которомъ говоритъ Г-нъ Z. Z., кажется намъ требующимъ скораго и немедленнаго ознакомленія съ нимъ публики; тутъ все ясно и готово: недостаетъ только охотниковъ выполнить, и какъ имъ не найдтиться! Напротивъ, мысли Г-на Затѣйкина требуютъ еще разсужденій и изслѣдованій. Впрочемъ, ихъ узнаютъ читатели въ слѣдующей книжкѣ Телеграфа.

Живописецъ.

ПРОЭКТЪ

НОВАГО И ВЕЛИКАГО ПРЕДПРІЯТІЯ.

Первый долгъ благомыслящихъ людей: быть полезными ближнему; успокоить и осчастливить многихъ есть сладчайшее удовольствіе человѣка, который, по мѣрѣ силъ, способствуетъ благу общему.

Извѣстный, славный живописецъ сказалъ, увидѣвъ картину; *И я живописецъ!* Говорю: *И я могу быть полезенъ.*

Вотъ мое предложеніе; судите и спѣшите на содѣйствіе въ благомъ намѣреніи.

Выставка Россійскихъ издѣлій доказала, что и *мы* кое-что обработать умѣемъ. Оспорить невозможно: издѣлія на лицо; охотники хулить и порочить умолкли. — Но, впрочемъ, что тутъ за диво? Товары, издѣлія, художественныя изобрѣтенія, промышленность! Вотъ и все. При всемъ этомъ, мы не люди: мы не одѣты, какъ совершенные Парижане! Кто намъ дастъ *турнюръ*, *элегансъ?* — Этотъ очаровательный вкусъ, за которымъ столь долгое время гонимся, снимаемъ слѣпки. . . увы! все еще не доведенъ до совершенства въ Россіи, а — что за просвѣщеніе безъ него? — «Боже мой!» восклицаютъ люди, посѣщавшіе Парижъ. «Надобно видѣть l'ensemble, *общность Парижскаго собранія*: тамъ старухъ кажется нѣтъ; ихъ не узнаешь! Такъ хорошо костюмы сшиты, приноровлены. . . а у насъ. . . — Grand Dieu! что̀ можетъ сравниться съ Парижскимъ вкусомъ?» — Подобныя восклицанія, и справедливыя, благоразумныя сѣтованія привели меня въ состраданіе, и съ сокрушеннымъ сердцемъ размышлялъ я, какъ помочь горю.

Благотворный геній внушилъ мнѣ наконецъ мысль восхитительную, мысль новую, доселѣ никому неизвѣстную, мысль: сократить сроки доставленія намъ оргиналовъ, коимъ столько лѣтъ мы жаждемъ подражать, коихъ рады превзойдти, ежели можемъ. Что иное значатъ журнальные рисунки модъ, присылка иностранныхъ образцовъ? Быстрота почтъ и пароходовъ, сократившихъ время доставленія, все еще недостаточна: гдѣ свѣжесть? гдѣ нѣжность новости? Мы, несчастные, иногда недѣли три не знаемъ Парижской моды, и носимъ то, что тамъ, можетъ быть, давно въ забвеніи. Зима подходитъ; мы, въ невѣдѣніи, надѣнемъ что либо отъ стужи, а въ Парижѣ тепло! Приведу еще примѣръ: смотря на точныя описанія и извѣстія поселившихся въ земномъ раѣ, то есть въ Парижѣ, нашихъ соотечественниковъ и соотечественницъ, мы съ нѣкотораго времени носимъ рукава à l'imbécille (полоумныхъ); но кто знаетъ ихъ точную мѣру? — Мы часто встрѣчаемъ, что иная щеголиха превзошла, другая не достигла надлежащей мѣры, и кромѣ того: тамъ, можетъ быть, носятъ уже рукава *à la rage*, или à la *frénésie*, а мы еще въ невѣдѣніи, и все еще считаемся при imbécillité. . . чтожъ значатъ всѣ наши извѣстія? Это похоже на прошлогодніе календари.

Чудесное изобрѣтеніе воздушнаго шоссе представилось мнѣ, какъ лучъ, освѣщающій темноту нашего невѣдѣнія. Пусть-же я прославлюсь геніемъ-изобрѣтателемъ, а мои соотечественники рѣшительною славою любви къ подражанію.

Я измѣрялъ на картѣ точное разстояніе отъ Парижа до нашей столицы; пространство меня не страшитъ. Я поставлю на каждыхъ 20ти саженяхъ высокіе столбы; на верхнихъ оконечностяхъ оныхъ приноровлены будутъ пружины и желѣзная проволока, по которой, посредствомъ 2хъ колецъ, помчится, весьма эѳирно и искусно сдѣланный футляръ, накрытый сдѣланнымъ изъ клеенки зонтикомъ. Въ семъ футлярѣ помѣстятся двѣ искусно сдѣланныя куклы, мужеская и женская, одѣтыя по всей точности въ тотъ день явившейся моды, съ подробнымъ означеніемъ каждой фалдочки, складочки, по масштабу, съ выставленными нумерами. Разумѣется, что футляръ исправно отъ вліянія воздуха будетъ обезпеченъ Отъ сего прибавится несравненная выгода, что куклы обвернутся бюллетенями, или дневными записками лучшихъ Парижскихъ обжорныхъ столовъ, и получится двоякая польза: наружность наша украсится по послѣдней Парижской модѣ, а пріобрѣтеніемъ новыхъ блюдъ напитаемъ мы и внутренность свою новѣйшими изобрѣтеніями изъ вмѣстилища вкуса. Я не сомнѣваюсь, что со временемъ улучшеніями моими достигну до способа привѣшивать къ посылкѣ изготовленныя въ Парижѣ кушанья. . .

При отправленіи драгоцѣнныхъ образцовъ, избранные мною въ Парижѣ коммисіонеры, артисты

Digitized by Google

и артистки, будутъ имѣть тщательный надзоръ. Они отправляютъ футляръ, возвыся его на первый столбъ, гдѣ получаетъ онъ толчекъ, особымъ сдѣланнымъ мною аппаратомъ, ибо путъ приноровлена будетъ пружина. На подобіе летучаго челнока посылается потомъ футляръ по проволокѣ къ ближнему столбу, гдѣ зазвонившій колокольчикъ извѣщаетъ смотрителя, что ему время дернуть веревку, которая даетъ посылкѣ еще толчекъ. И такъ, толчекъ за толчкомъ, отъ столба до столба, драгоцѣнная посылка очутится у насъ, по моему расчисленію, въ 36 часовъ — къ восторгу и восхищенію нашему. Мой аппаратъ столь искусно приноровленъ будетъ, что возвышенія и неровности земли препятствовать ходу не станутъ. Я дамъ моему воздушному шоссе большую наклонность отъ Парижа до нашей столицы, ибо, въ обратный путь мы ничего отправлять не будемъ. Да и что намъ посылать? Развѣ векселя и наличныя деньги? То и другое другими путями довольно скоро и успѣшно доставляется въ Парижъ!.. Обращаясь къ изобрѣтенію моему, скажу, что ночною порою, дабы во время пути ни малѣйшей остановки не было, смотрители столбовъ обязаны будутъ подпискою: привязывать веревку къ ногѣ, такъ, что со временемъ приучатся держать ее во снѣ, и толкать къ намъ посылку. Вообще улучшеніями и стараніями можно надѣяться сократить время путешествія куколъ въ 24 часа.— По пріѣздѣ въ Москву, спускается съ аппарата футляръ въ учрежденную на сей предметъ контору, подъ фирмою: *Контора воздушнаго шоссе*, что изобразится золотыми буквами на доскѣ, съ двуми рогами изобилія, прекрасно на оконечностяхъ доски нарисованными, изъ коихъ сыпаться будутъ различные мужскіе и женскіе наряды. За тѣмъ, изъ великаго множества Французскихъ разнаго рода, живущихъ въ Москвѣ, артистовъ и артистокъ изберутся наилучшіе для надзора. Контора, или магазинъ, съ пріемными комнатами, отдѣланы будутъ со всевозможнымъ щегольствомъ, и раздѣлятся на два отдѣленія. Разумѣется, что помѣщеніе конторы должно быть пространное, и устроено при обширной площади. Такъ какъ появленіе образцовъ будетъ всегда въ извѣстный часъ, то естественно должно ожидать, что многіе захотятъ узрѣть еще на воздухѣ драгоцѣнныхъ гостей, что посему устремятся на воздухъ взоры великаго количества зрителей, конныхъ, пѣшихъ, въ экипажахъ, и посему можетъ послѣдовать отъ толпы народа замѣшательство, для избѣжанія коего обширная площадь необходима.

По полученіи футляра, онъ открывается торжественно, при нѣсколькихъ акціонерахъ, которые для уравненія впускаются по старшинству ихъ билетовъ. Тутъ-же, безъ отлагательства, можно будетъ дѣлать заказы въ самой скорости. Извѣстно, что пара платья можетъ поспѣть въ 12 часовъ. Это доказано опытомъ въ чужихъ краяхъ. Если-же такъ, то — восхитительная мысль! — тридцать шесть часовъ въ дорогѣ, двѣнадцать на изготовленіе — и чрезъ 48 часовъ на бульварахъ и гуляньяхъ покажутся Парижскія моды во всей ихъ невинности и красотѣ, за двое только сутокъ изобрѣтенныя геніемъ Парижскихъ закройщиковъ и соскочившія съ иглы Парижскихъ швей!!

Здѣсь я долженъ предувѣдомить, что въ учрежденной Конторѣ, или хранилищѣ модъ, будутъ соблюдаемы порядокъ и справедливость. Съ смотрителей и смотрительницъ, взята будетъ подписка: подъ опасеніемъ потерять столь выгодное мѣсто, или *амплуа* (*), не грубіянить, не обманывать, въ десятеро за работу не брать, не отсылать требованія отъ завтра до завтра, держа бѣдныхъ просителей въ страхѣ и надеждѣ, и принуждая просительницъ, за ихъ-же деньги, умолять о пощадѣ со слезами, и наконецъ лишая ихъ счастія показываться при надлежащемъ случаѣ въ новомъ нарядѣ. — Всѣ заказы будутъ приниматься и записываться въ нарочно заведенную сафьянную книгу. Впрочемъ на все будутъ изданы правила — душа всего дѣла; а потомъ будутъ издаваться дополненія, истолкованія и замѣчанія, какъ всегда это дѣлается.

Предлагая мои услуги на выполненіе столь полезной и геніемъ моимъ изобрѣтенной выдумки, къ довершенію нашей образованности, я удостовѣряю, что отдѣлка всей наружности моего аппарата будетъ на чудо: столбы раскрашены и вылакированы будутъ на удивленіе, а желѣзо отполировано, какъ зеркало. Для полнаго-же услажденія акціо-

---

(*) Новое слово, появившееся для обогащенія нашего языка.

неровъ, во все время устройства буду я подавать прекрасные отчеты, въ красныхъ графахъ.

Я долженъ ожидать, что безъ сомнѣнія найдутся зоилы, завистники и хулители, которые на все дѣлаютъ возраженія, и мнѣ скажутъ: 1-е, что страшныя суммы потребны на такое гигантское дѣло; 2-е, что откуда, при нашей бѣдности, взять такія суммы, когда (какъ говорится) у иныхъ въ зубъ толкнуть нечемъ? Я отвѣчаю, на 1-е, что досугъ-ли о суммахъ думать, когда дѣло идетъ о пользѣ и распространеніи образованности, и гдѣ-же и когда останавливались мы, если рѣчь доходила до подобныхъ пожертвованій? На 2-е: правда; мы скудны, очень скудны деньгами; но осмѣлюсь спросить: при нашей скудости въ чемъ мы себѣ отказываемъ? Мы живемъ весело, прекрасно, тянемся, истощаемъ послѣднія крохи, и смѣло уповаемъ — на авось! Впрочемъ, что-же тутъ выйдетъ худаго? — Мы и безъ того провожаемъ наше достояніе и моремъ и сухимъ путемъ за границу; я предлагаю путь по третьей стихіи, по воздуху, яко скорѣйшій способъ привести дѣло къ концу.

За то, мы удивимъ Европу и вселенную, духомъ подражанія. Пусть тогда заспорятъ, что мы не похожи на Парижанъ: у насъ куклы на лицо, и всѣ увидятъ, что мы Парижане, какъ двѣ капли воды! Спѣшите, любезные соотечественники, подписывайтесь, составимъ общество! Планы и смѣты у меня готовы; гигантское мое предпріятіе исполнится — силою моего генія, поддерживаемаго — вашими деньгами!

Z. Z.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Ce qu'il y a de plus remarquable dans les nouveaux bonnets de blonde, c'est le fond sur lequel sont posés, de distance en distance, des rouleaux de satin. La coulisse étant serrée, ces rouleaux imitent les nervures d'une coquille. Autre particularité : le nœud de ruban, au lieu d'être placé sur la garniture, se trouve quelquefois en dessous, ou, pour mieux dire, la garniture est retroussée, et le nœud la soutient.

Pour qu'une coeffure en cheveux telle que la font exécuter certaines danseuses, soit supportable, il faut d'abord une grande jeunesse, puis un ovale parfait, et un joli minois. Ces conditions étant remplies, il n'y a plus que de l'originalité dans la nudité des tempes, et la réunion de nattes, de fleurs et d'épis sur le sommet de la tête.

Une nouvelle manière de garnir le devant des robes consiste en une suite de triangles, larges de six à huit pouces, que l'on pose la pointe en haut, et qui se recouvrent tant soit peu.

Les étoffes changeantes (à chaine d'une couleur et trame de l'autre) deviennent chaque jour plus à la mode. Les franges et les torsades que l'on met sur les robes et sur les redingotes de gros-de-Chine, de gros-des-Indes, ainsi changeantes, ont un brin d'une de deux couleurs de

---

(*) 10 Ноября (н. с.) 1829 г.

l'étoffe et un brin de l'autre. Pour les soirées, les satins sont changeans et pailletés, c'est à dire à très-petites mouches d'une couleur qui tranche sur le fond.

Les manteaux de femme les plus nouveaux sont d'un mérinos double, bleu ou rouge, quelquefois noisette ou lavande, imprimé en noir: les dessins, communément étrusques, laissent entr'eux un assez grand intervalle pour former des colonnes. Au bas du manteau, et au bord inférieur de la pélerine, il y a, entre ces colonnes, une palmette ou une fleur. La pélerine est garnie d'une frange, soit de la couleur du fond, soit partie de cette couleur, partie noire, soit tout-à-fait noire. Le collet du haut, en velours plain, est toujours de la couleur du fond.

Le tapis oblong, dit *descente de lit*, le plus élégant, est une peau de tigre ou de léopard, non taillée, c'est-à-dire, avec tête et pattes.

Quelques modistes substituent à l'effilé que l'on a coutume de mettre aux nœuds de ruban qui garnissent les chapeaux, un effilé formé de barbes de plumes d'autruche.

La plupart des bijoux sont massifs; mais l'on en fait aussi en filigrane. Nous avons vu aux oreilles et à la ceinture d'une nouvelle mariée, des boucles en filigrane. Quelques merveilleux ont pour épingle et pour boutons de chemise, une fleur, un oiseau ou autre petit objet en filigrane.

On a donné le nom de *soubrevestes* à des redingotes courtes; nous en avons vu en velours noir, d'autres en velours vert foncé. Les boutons étaient d'or, à dessins. Ces redingotes se portent boutonnées; elles ont pour doublure une étoffe de soie pareille.

Les bottes se font à bouts pointus.

Головные уборы. Самый замѣчательный предметъ въ новомодныхъ блондовыхъ чепчикахъ, есть расположеніе атласныхъ валиковъ по блондовой тульѣ чепчика, въ нѣкоторомъ разстояніи одни отъ другихъ: они стягиваются въ центрѣ, такъ, что края ихъ, нѣсколько загнувшись вверхъ, образуютъ раковину. Вотъ еще особенность: ленточный бантъ бываетъ не на оборкѣ чепчика, а подъ нею, такъ, что собственно оборка замѣняетъ бантъ, а бантъ ее поддерживаетъ.

Новая уборка головы, которую вводятъ въ моду нѣкоторыя танцорки, можетъ быть весьма красива, но для сего надобно, чтобы особа, у которой такимъ образомъ убрана голова, была молода; далѣе, чтобы лицо ея составляло совершенный овалъ, и чтобы оно было, что называется *хорошенькое личико*. Въ такомъ случаѣ эта уборка будетъ очень оригинальна, съ висками открытыми и плетушками, цвѣтами и колосьями, собранными на темѣ головы (сія уборка головы изображена на приложенной къ сему N° Телеграфа картинкѣ).

Модныя платья. Новый манеръ убирать передъ платьевъ состоитъ изъ трехъ—угольниковъ, широкихъ въ шесть и восемь дюймовъ, которые острымъ угломъ обращены къ верху и другъ друга немного закрываютъ.

Двуличныя, или съ переливомъ матеріи (у которыхъ основа одного цвѣта, а утокъ другаго) входятъ болѣе и болѣе въ моду. Бахрома и торсада у платьевъ и редингтотовъ изъ двуличнаго, Китайскаго или Индійскаго гро, бываютъ также двухъ-цвѣтны черезъ нитку. Для бальныхъ платьевъ въ модѣ атласы двуличные, и при томъ крапчатые, т. е. съ маленькими крапенками, цвѣта противоположнаго полю матеріи.

Дамскія манто, или плащи, послѣдней моды, шьются изъ двойной мериносовой матеріи, голубаго и алаго цвѣта, иногда орѣховаго, или лавандоваго (оттѣнокъ зеленаго), съ черными набивными узорами. Узоры бываютъ Этрусскіе, и такъ отдѣлены одинъ отъ другаго, что составляютъ колонны или полосы. Внизу плаща и по краю воротника, или пелерины, между полосами набиваютъ цвѣты, или пальметы. Пеллерина обшивается бахромою, подъ цвѣтъ поля матеріи, или подъ цвѣтъ поля пополамъ съ чернымъ, или совершенно чернаго цвѣта. Воротникъ верхній дѣлается бархатный, и всегда подъ цвѣтъ матеріи.

Модныя вещи и мѣлочи. Тигровая или барсовая кожа, необрѣзанная, т. е. съ головою и лапами — вотъ самый щегольской коверъ, который стелютъ подлѣ кровати.

Нѣкоторыя модистки замѣняютъ бахромку, какою обшиваютъ теперь края лентъ въ бантахъ, употребляемыхъ для уборки шляпокъ, пухомъ строусовыхъ перьевъ.

Большею частію галантерейныя вещи дѣлаются нынѣ массивныя; но бываютъ и филагранныя галантерейныя вещи. Издатель Парижскаго Журнала модъ видѣлъ у одной новобрачной въ ушахъ серьги, а на поясѣ пряжку филагранной работы. Передавая сіе важное открытіе публикѣ, онъ прибавляетъ, что нѣкоторые изъ щеголей носятъ на булавкахъ и на пуговицахъ у рубашекъ цвѣточки, птичекъ и другія маленькія фигурки, также филагранныя.

Мужскія моды. Въ модѣ коротенькія сюртучки, или, лучше сказать, длинныя куртки (которыя назвали теперь *солдатскими колетами*, soubreveste). Они бываютъ бархатные, чернаго, или темнозеленаго цвѣта. Ихъ застегиваютъ на пуговицы, и подбиваютъ шелковою, одинаковаго цвѣта съ бархатомъ, изъ коего они сдѣланы, матеріею.

Сапоги щегольскіе дѣлаютъ съ острыми носками.

На приложенной картинкѣ:

Дама. Головная уборка новомодная, о которой говорено выше: ее изобрѣлъ знаменитый Парижскій парикмахеръ Monsieur Postansque.—Платье тюлевое, убранное лентами и цвѣтами *подъ стать* головной уборкѣ (assortis à la coeffure).

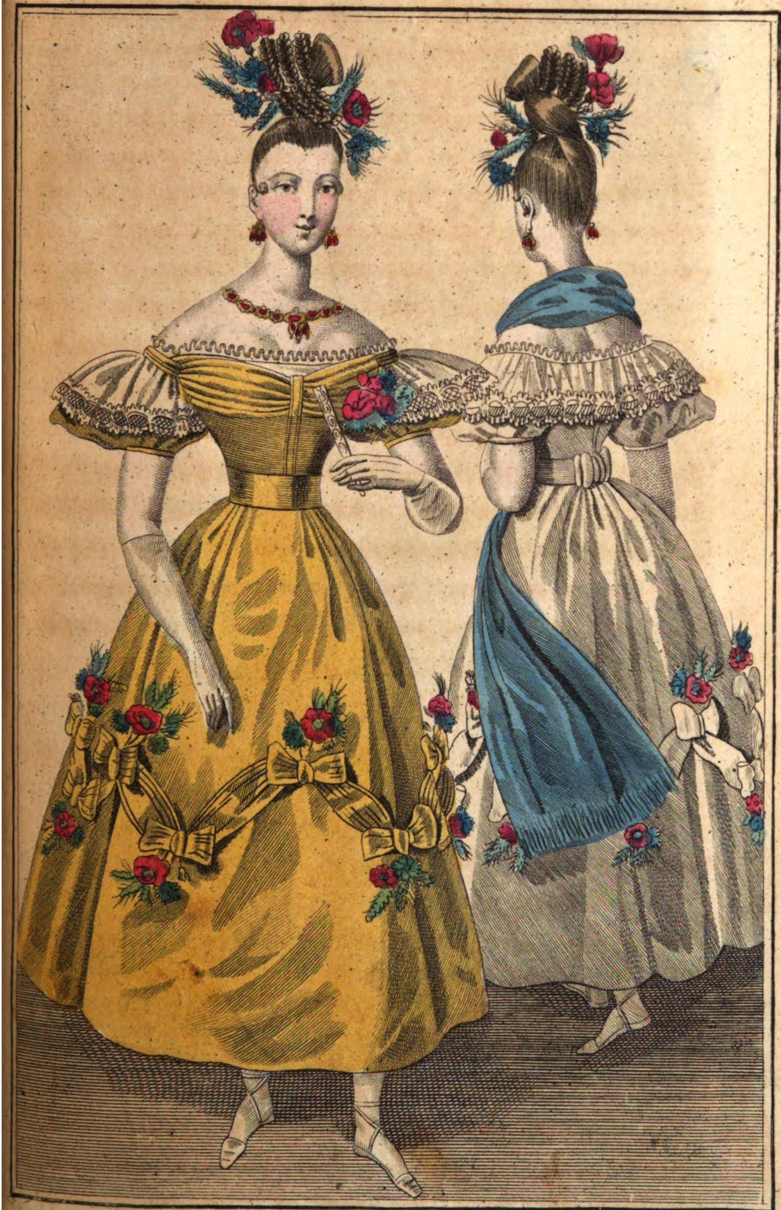
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Ноября 18 дня, 1829 года.
Ценсоръ Сергѣй Глинка.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

Digitized by Google

Digitized by Google

Къ N. 21 Моск. Тел. 1829.



Въ Парижѣ, 10 Ноября (н. с.) 1829.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R L

Digitized by Google

ПРИБАВЛЕНІЕ
КЪ
МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 21. *Ноябрь* 1829.

О ДѢЛАНІИ АЛМАЗОВЪ.

Вниманіе публики недавно было обращено на открытое въ Парижѣ средство составлять алмазы. Увѣряютъ даже, будто извѣстіе объ ономъ понизило цѣну самородныхъ алмазовъ. Надѣемся, что нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей будетъ любопытно прочитать краткое изложеніе вопроса: о вѣроятности сего открытія въ настоящее или будущее время.

Алмазъ существуетъ въ природѣ иногда кристаллами, иногда зернами, неправильно округлыми. Его находятъ всегда въ наносной землѣ, по видимому довольно новаго образованія. Геологи полагаютъ за вѣрное, что онъ составился не тамъ гдѣ находятъ его, но только былъ перенесенъ туда. Алмазоносныя земли состоятъ изъ камешковъ, округленныхъ и связанныхъ желѣзистою или песчаною глиною: въ ней находятъ желѣзный окислъ въ разныхъ состояніяхъ, кварцъ, окаменѣлое дерево, и проч. Сіи земли встрѣчаются чрезвычайно рѣдко и извѣстны только въ Индіи, въ окрестностяхъ Визапура и Голконды, на островѣ Борнео и въ Бразиліи. Плотность алмаза 3,5, а плотность воды 1, слѣдовательно алмазы бываютъ вообще тяжеле веществъ, смѣшанныхъ съ ними, и самые большіе изъ оныхъ находятся въ глубинѣ или на краяхъ широкихъ долинъ.

Добываніе алмазовъ стоитъ весьма дорого, и худо вознаграждаетъ за трудъ: оно почти невозможно въ тѣхъ государствахъ, гдѣ нѣтъ невольниковъ. Издержки на разработываніе алмазныхъ пріисковъ полагаютъ въ 38 франк. и 20 сантимовъ на каратъ. Ниже увидимъ среднюю цѣну карата.

Въ Индіи, землю съ алмазами промывали, переносили промытую на хорошо-углаженную площадку, и, давъ высохнуть, заставляли нагихъ невольниковъ, подъ строгимъ надзоромъ смотрителей, искать въ ней алмазовъ. Это производилось на солнцѣ, потому что тогда алмазы болѣе отличаются отъ смѣшанныхъ съ ними веществъ.

Въ Бразиліи добываніе производится такъ-же, но правильнѣе. Землю съ алмазами переносятъ на промывальный столъ, имѣющій склоненіе и раздѣленный перегородками. Въ каждой рабочей ком-

Digitized by Google

напіѣ бываетъ двадцать Негровъ и нѣсколько надзирателей. Когда Негръ находитъ алмазъ, то онъ всхлопываетъ руками; надзиратель беретъ оный и кладетъ на блюдо, поставленное на столѣ, среди комнаты. Негръ, нашедшій алмазъ болѣе чѣмъ въ семьдесятъ грановъ, получаетъ свободу. Не смотря на это награжденіе, при семъ дѣлѣ бываетъ кража, оцѣняемая болѣе нежели въ треть всего производства. Бразильскіе пріиски доставляютъ ежегодно отъ двадцати пяти до тридцати тысячь каратовъ, то есть отъ десяти до тринадцати фунтовъ необработанныхъ алмазовъ, изъ коихъ только отъ восьми до девяти сотъ каратовъ могутъ быть огранены.

Цѣна алмазовъ чрезвычайно велика: не идущіе въ грань продаются отъ 30 до 36 франковъ каратъ. Въ торговлѣ, для оцѣнки алмазовъ берутъ какое нибудь понятное для всѣхъ основаніе. Единица тяжести для алмазовъ, называется *каратомъ*. Слово сіе, прежде употреблявшееся для означенія пробы золота, происходитъ отъ того, что въ Африкѣ, въ землѣ Шангалловъ, гдѣ производится большая торговля золотомъ, жители употребляли для взвѣшиванія онаго зерно растенія, изъ фамиліи бобовъ, называемое *кара* (kuara). Перенесенныя въ Индію, зерна сіи служили вѣсомъ алмазовъ. Каратъ имѣетъ не вполнѣ вѣсъ четырехъ грановъ; достовѣрно тяжесть его равна 205 миллиграммамъ.

Когда необработанные алмазы могутъ быть огранены, и тяжесть ихъ менѣе карата, то они продаются по 48 франковъ за каратъ. Если-же тяжесть ихъ болѣе карата, то берутъ квадратъ сей тяжести и умножаютъ оный на 48. Такимъ образомъ алмазъ въ три карата тяжестью, стоитъ почти 3×3×48=432 франка.

Таково основаніе, дающее среднюю цѣну необработанныхъ алмазовъ. Ограненые гораздо дороже.

Гранить алмазы стали въ позднѣйшее время, именно съ 1476 года. Изобрѣтателемъ гранѣнія былъ Людовикъ Беркемъ, житель Бригге. Оно производится посредствомъ горизонтальной плоскости, сдѣланной изъ мягкой стали и покрытой алмазнымъ порошкомъ, смоченнымъ въ маслѣ. Древнимъ неизвѣстно было искуство гранить, и потому они употребляли только тѣ алмазы, которые имѣли естественный блескъ, или представляли правильную кристаллизацію. Въ семъ послѣднемъ видѣ находятся алмазы на древнихъ вооруженіяхъ. Посредствомъ грани, художникъ старается сдѣлать алмазъ блестящимъ, не отнимая у него много вѣса, и придать ему форму, основанную на правилахъ Оптики, усиливающую свойство его отражать и распространять свѣтовые лучи. Для сего, гранью производятъ или *розы* или *брилїянты*. Алмазъ-*брилїянтъ* даетъ цвѣта и блескъ, болѣе разнообразные; алмазъ-*роза* кидаетъ лучи болѣе живые, но игра его хуже. Нынѣ отдаютъ преимущество брилїянтамъ, чему лучшимъ примѣромъ можетъ служить камень сего рода *Регентъ*.

Цѣна ограненаго алмаза бываетъ весьма различна, смотря по формѣ, чистотѣ, цвѣту и вѣсу онаго. Отъ $\frac{1}{40}$ доли карата до цѣлаго карата, средняя цѣна алмаза отъ 60 до 250 франковъ за каратъ. Выше карата берутъ основанїемъ квадратъ тяжести, умноженный на 192 (*), или на опредѣленную цѣну карата, смотря по недостаткамъ или красотѣ алмаза.

Почти всѣ большїе алмазы получаются изъ Индїи: самый значительный, найденный въ Бразилїи, вѣситъ только 95 каратовъ. Онъ не былъ огранень и принадлежитъ Бразильскому Императору.

Изъ числа добытыхъ въ Индїи, извѣстенъ алмазъ Раджи Матунскаго, на Борнео: онъ вѣ-

---

(*) Такимъ образомъ ограненый алмазъ въ три карата, будетъ стоить среднею цѣною $3 \times 3 \times 192 = 1728$ франковъ.

ситъ 300 караповъ (болѣе двухъ унцій). Это самый большой изъ всѣхъ извѣстныхъ алмазовъ.

Принадлежащій Императору Могольскому вѣситъ 279 караповъ. Онъ превосходной воды и прелестной формы, но имѣетъ недостатокъ.

Алмазъ Императора Всероссійскаго, купленный въ 1772 году, вѣситъ 193 карата.

Алмазъ Императора Австрійскаго вѣситъ 139 каратовъ.

Наконецъ алмазъ, принадлежащій Французскому Королю, вѣситъ 136 каратовъ. Онъ извѣстенъ подъ именемъ *Питтова* или *Регентова*, потому что былъ купленъ во время малолѣтства Людовика XV-го, у Англичанина Питта, Герцогомъ Орлеанскимъ, бывшимъ тогда Регентомъ. Форма его хороша, прозрачность совершенная.

Употребленіе алмазовъ довольно важно, если и не почитать ихъ предметомъ убранства. По своей чрезвычайной твердости, они предпочитаются всѣмъ другимъ веществамъ для составленія основы, на которой утверждаются и оборачиваются въ часахъ нѣжныя и совершеннѣйшія части оныхъ. Основы сіи обкладываются обыкновенно рубиномъ или сафиромъ, имѣя въ срединѣ алмазъ, придающій имъ необычайную прочность. Алмазъ употребляютъ также для разрѣзыванія стекла.

Digitized by Google

Теперь обратимся къ изслѣдованію свойствъ алмаза. Прежде думали, что алмазъ похожъ на другіе драгоцѣнные камни. Первый Ньютонъ, замѣтивъ, что воспламеняемыя и прозрачныя тѣла, каковы благовонныя масла, винный спиртъ и проч., имѣютъ свойство сильно преломлять и распространять свѣтовые лучи (*), и что алмазъ имѣетъ сіе свойство въ высокой степени, заключилъ изъ того, что сіе тѣло должно быть причислено къ веществамъ сгараемымъ. Предположеніе геніяльнаго человѣка было подтверждено Флорентинскою Академіею Del Cimento, нашедшею, что алмазъ, подставленный къ фокусу сильнаго зажигательнаго стекла, истлѣваетъ совершенно. Другимъ Химикамъ удалось сжечь алмазъ въ своихъ печахъ. Но первый Лавуазье пытался разложить остатки сгорѣвшаго вещества. Посредствомъ зажигательнаго стекла, онъ жегъ

(*) Свойство *преломлять* лучи состоитъ въ томъ, что вещества прозрачныя, преломляя свѣтовой лучъ, идущій изъ воздуха и падающій косвенно на ихъ поверхность, приближаютъ его къ перпендикуляру. Свойство сіе соединено въ тоже время и съ свойствомъ *распространять*, потому что различные цвѣтные лучи, изъ коихъ состоитъ свѣтовой лучъ, преломляясь неровно, распространяются, или отдѣляются одинъ отъ другаго, болѣе или менѣе, сообразно съ большею или меньшею силою преломляющаго тѣла.

алмазъ въ реципіентѣ, наполненномъ атмосферическимъ воздухомъ: алмазъ исчезъ, и на мѣстѣ его явилась угольная кислота. Изъ этого онъ заключилъ, что алмазъ имѣетъ великое сродство съ углемъ, ибо, сгорѣвши, онъ даетъ одинакое съ нимъ произведеніе.

Г-нъ Теннантъ, въ Лондонѣ, снова сдѣлалъ разложеніе алмаза, и съ большою отчетливостью. Для сего онъ положилъ въ золотую трубочку, закрытую съ одного конца, алмазъ извѣстнаго вѣса, вмѣстѣ съ самымъ чистымъ селитро-кислымъ поташемъ, и раскалилъ трубочку до красна. Оказалось, что алмазъ исчезъ, и что отъ него остался только углекислый поташъ, который Г. Теннантъ превратилъ въ углекислую известь и началъ на нее дѣйствовать фосфоромъ, похитившимъ кислотворъ угольной кислоты и отдѣлившимъ углетворъ въ видѣ чернаго порошка. Сей черный порошокъ, который былъ настоящій чистый уголь, собрали, свѣсили, и нашли, что вѣсъ его былъ почти совершенно равенъ вѣсу сожженнаго алмаза. Морво въ Парижѣ, Алленъ и Пеписъ въ Лондонѣ разнообразно повторяли сіи опыты, и всегда доходили до того-же слѣдствія, что алмазъ есть не иное что, какъ совершенно чистый уголь, называемый Химиками *углетворъ* (carbone), что, сгарая, онъ даетъ тѣже произведенія, какъ и обыкновенный уголь, что сіи произведенія сами могутъ быть разложены и приведены въ состояніе угля, а не алмаза, ибо въ семъ послѣднемъ веществѣ уголь находится въ кристаллообразномъ видѣ, слѣдовательно надобно сыскать тайну кристаллизаціи, чтобы превратить уголь въ алмазъ (*).

Съ перваго взгляда покажется странно, что алмазъ, вещество свѣтлое, прозрачное, блестящее, состоитъ изъ одинакихъ элементовъ съ углемъ, веществомъ чернымъ и непрозрачнымъ, и что вся разница между ими въ симметрическомъ расположеніи составныхъ частицъ, называемомъ *кристаллизаціею*. Но, размышляя объ этомъ странномъ явленіи, мы находимъ въ природѣ многія другія, совершенно сходныя съ онымъ. Такъ углекислая известь встрѣчается намъ всего чаще въ видѣ мѣла, мрамора и твердаго камня, называемаго горнымъ кремнемъ. Однакожъ, когда таже известь закристаллирована, то она представляется подъ видомъ прекраснаго прозрачнаго минерала, называемаго *известковый*

(*) Нѣкоторые Химики почитали алмазъ окисленнымъ углетворомъ, другіе оводотворенным углетворомъ. Всѣ сіи сомнѣнія разрѣшены послѣдними опытами Деви, который показалъ, что алмазъ, сжигаемый въ усиленномъ кислотворѣ, не даетъ воды, и что онъ превращаетъ часть кислотвора въ угольную кислоту, *не измѣняя количества* ея. Сіи два положенія достаточно показываютъ, что алмазъ есть совершенно чистый уголь.

Digitized by Google

шпатъ, который отражаетъ, распространяетъ свѣтовые лучи, и даже имѣетъ странное свойство придавать имъ полярность. Такъ-же точно кремнистая земля, обыкновенно являющаяся намъ подъ видомъ твердыхъ и темныхъ камней, бѣлаго песка или гранита, будучи закристаллирована, производитъ прелестные кристаллы, совершенно прозрачные и способные къ граненію и полированію.

Когда природа алмазовъ сдѣлалась извѣстна, то надлежало подумать о средствахъ къ узнанію кристаллизаціи угля, чтобы составить искуственные алмазы. Сначала надобно было разыскать, не можетъ-ли то состояніе, въ какомъ алмазъ находится въ природѣ, показать, какими средствами сіе тѣло составлялось. Мы знаемъ въ семъ отношеніи только то, что главныя формы кристаллизаціи онаго суть осьмигранникъ, кубъ, трегранникъ и ромбоидальный двѣнадцатигранникъ, и что алмазъ находится только въ перенесенныхъ земляхъ. Онъ явно древнѣе той эпохи, въ которую земли сіи были охвачены водою, и ничто не показываетъ, былъ-ли онъ составленъ въ земляхъ, подвергавшихся дѣйствію огня или воды.

Слѣдовательно, были принуждены искать средства закристаллировать уголь по обыкновеннымъ методамъ, употребляемымъ Химиками. Для закристаллированія какого либо тѣла, надобно разложить оное, въ жидкости или посредствомъ жара; въ послѣднемъ случаѣ разложеніе происходитъ въ теплотворѣ. Такъ расплавляя металлы, сѣру, и проч., кристаллируютъ ихъ посредствомъ продолжительнаго охлажденія. Средство сіе не могло быть испытано надъ углемъ, ибо онъ не плавится. Употребивъ дѣйствіе Вольтова столба, полагали, что въ оконечностяхъ угля, подверженныхъ сильному раскаленію при семъ опытѣ, видны начальные признаки плавки. Но вѣроятнѣе, что пепелъ сожигаемаго угля, заключая въ себѣ кремнистую землю и поташъ, доставлялъ здѣсь только родъ стекла, чрезвычайно крѣпкаго, но не имѣвшаго ни одного изъ свойствъ алмаза. Когда-же, увеличивая силу гальванической струи, хотѣли произвести сильнѣйшій жаръ, то уголь не растапливался, но разлетался мѣльчайшимъ порошкомъ, который покрывалъ стѣнки снаряда, служившаго для опыта. Не имѣя успѣха симъ способомъ, нѣкоторые ученые вздумали прибавить къ высокой температурѣ сильное давленіе. Кажется (хотя о томъ и не объявляютъ), что сіе средство было употреблено Г-мъ Каньяромъ. Въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ, 11-го Ноября 1828-го года, сей ученый показывалъ трубки, заключавшія въ себѣ, по его словамъ, алмазъ, или закристаллированный углетворъ; въ одной изъ трубокъ были даже небольшіе кристаллы, прозрачные, пирамидальной формы. Однакожъ Члены Коммисіи, назначенные Ака-

Digitized by Google

деміею, признали, что небольшіе кристаллы были составлены изъ кремнистой земли, хотя и весьма замѣчательны своимъ составленіемъ. Другое вещество, то есть пыль, по донесенію тѣхъ-же Членовъ Коммисіи, не есть чистый алмазъ, ибо при сожженіи она оставляетъ половину своей тяжести, состоящей изъ металлическихъ окисловъ. Она составлена не изъ смѣси чистаго алмаза и сихъ окисловъ, ибо хотя и обтачиваетъ стекло, но не обтачиваетъ алмаза, и сверхъ того въ увеличительное стекло въ ней незамѣтно никакой кристаллической части. Наконецъ, скорѣе кажется состоитъ она изъ угля, разложеннаго и покрытаго корою желѣзистаго шлака.

Другой способъ для полученія кристалловъ есть разрѣшеніе вещества въ жидкости и медленное выпариваніе оной: такъ кристаллируютъ соли. Но не открыта еще ни одна жидкость, способная разрѣшить уголь. Правда, есть жидкіе составы, въ коихъ углетворъ одна изъ основныхъ частей. Таковы благовонныя масла, алкоголь, эѳиръ; къ таковымъ-же можно причислить маслотворный газъ, объугленный водотворъ и даже угольную кислоту, ибо, хотя сіи два послѣднія вещества обыкновенно бываютъ въ видѣ газа, однакожъ извѣстно, что ихъ можно посредствомъ сильнаго давленія превратить въ жидкое состояніе. Хлоръ съ углетворомъ и водотворомъ также образуетъ составы текучіе. Но болѣе всѣхъ другихъ обратила на себя вниманіе Химиковъ еще одна жидкость, а именно: соединеніе угля съ сѣрою. Она образуетъ вещество, совершенно прозрачное, дѣйствующее на свѣтовые лучи съ особенною силою: это и заставило предполагать, что въ сей жидкости углетворъ находится въ состояніи, весьма близкомъ къ алмазу. Г-нъ Ганналь, Химикъ, хотѣлъ попытаться отдѣлить сѣру отъ сего угольнаго начала, дабы получить чистый закристаллированный углетворъ. Въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ, 3-го Ноября 1828-го года, онъ объявилъ о своемъ опытѣ. Оный состоитъ въ дѣйствованіи на соединеніе углетвора съ сѣрою, фосфоромъ и водою. Фосфоръ отдѣляетъ сѣру и составляетъ съ нею фосфорную смѣсь, а углетворъ, на поверхности, превращается въ кристаллы. Сія кристаллизація можетъ вполнѣ совершиться въ три мѣсяца. Отдѣленіе кристалловъ отъ фосфорной смѣси сопряжено съ большими затрудненіями, по причинѣ воспламеняемости сей смѣси. Но когда сіе вещество составлено, то выставленное противъ солнечныхъ лучей, оно представляетъ множество кристалловъ, отражающихъ всѣ оттѣнки радуги. Двадцать изъ сихъ кристалловъ были такъ крупны, что ихъ можно было отдѣлить концемъ перочиннаго ножичка; три равнялись просяному зерну. Сіи три кристалла были разсматриваемы Г-мъ Шампиньи, и показались ему настоящими алмазами (*). Донесеніе Членовъ Коммисіи о Запискѣ Г-на Ганналя, еще не было извѣстно въ то время, когда писана сія статья. Г-нъ Шампиньи, прежде управлявшій мастерскими ювелира Г-на Петито, былъ уже года два въ Женевѣ, когда услышалъ объ извѣстіи, касавшемся открытія Г-на Ганналя, сотоварища его въ 1822 мъ году. Онъ подарилъ Женевскому Музею одинъ изъ упомянутыхъ алмазовъ, находившійся у него. Алмазъ сей вѣситъ около $\frac{1}{16}$ доли карата.

Прибавимъ, что опыты надъ составленіемъ алмазовъ были производимы при Г-нѣ Шампиньи, въ 1822-мъ году; что онъ наблюдалъ оные внимательно; что порошокъ, о которомъ упоминаетъ Г-нъ Ганналь, былъ блестящъ, и отражалъ противъ солнца цвѣта призмы; что подаренный Женевскому Музею алмазъ находился въ семъ порошкѣ, но другіе собраны Г-мъ Ганналемъ не при Г-нѣ Шампиньи. Послѣ всего вышеписаннаго, для надлежащаго сужденія о важности новаго открытія, должно прочитать донесеніе Членовъ Коммисіи, назначенной Академіею, и знать, какіе успѣхи были при точномъ и послѣдовательномъ повтореніи опытовъ, вѣроятно произведенныхъ много разъ послѣ первыхъ попытокъ, сдѣланныхъ уже такъ давно. Замѣтимъ еще, что употреб-

---

(*) См. Le Globe, отъ 8-го Ноября 1828-го г., стр. 815-я.

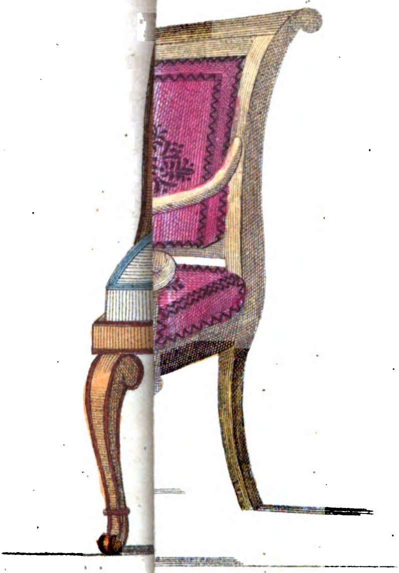
ленie слабаго и продолжительнаго дѣйствiя электричества было-бы, можетъ статься, вѣрнымъ средствомъ для произведенiя кристаллизацiи, ибо Г-нъ Беккерель съ успѣхомъ кристаллировалъ онымъ многiя тѣла, которыя, казалось, представляли для сего столько-же трудностей, какъ и уголь.

Изъ *Bibliothèque universelle,*
rédigée à Genève.

Къ сему № Прибавленiя приложено *изображенiе новомодныхъ Парижскихъ креселъ.*

Digitized by Google

рил. Моск. Тел. 1829.



Digitized by Google

THE NEW YORK
BLIC LIBRARY

LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R L

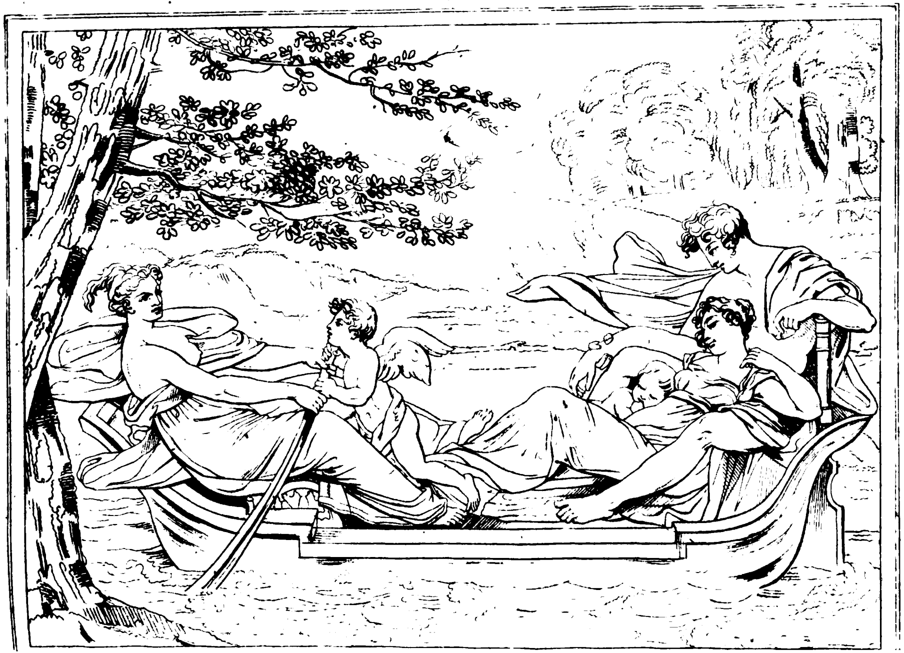
Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R

Digitized by Google

Къ N. 22 Моск. Тел. 1829.



Digitized by Google

№ 22. *Ноябрь.*

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

КАРТИНА ГРЕЦІИ

въ 1827 году.

(Окончаніе).

Мы не долго оставались въ Наполи ди Романія. 22-го числа, на разсвѣтѣ, мы отправились къ острову Идрѣ, и вечеромъ 23-го ч. прибыли туда. Корветта оставалась подъ парусами. Капитанъ и Г. Лабордъ сошли на землю и ночевали у Томбази. Созвали Эпитропію. Сіе собраніе приняло сообщеніе отъ уполномоченныхъ и отвѣчало самыми увѣрительными обѣщаніями.

Идра и главные острова Архипелага претерпѣли великія утраты со времени возстанія. Когда началась Французская революція, Греки овладѣли торговлею Средиземнаго моря; они совершенно замѣнили Французовъ и Итальянцевъ; они одни торговали въ Черномъ морѣ хлѣбомъ, и большею частію они снабжали имъ Константинополь. Богатства ихъ увеличились съ удивительною быстротою, и такъ, что они уже не

Digitized by Google

могли имѣть соперниковъ и не ограничивались одною выгодою отъ найма ихъ судовъ, но производили дѣла сами. Въ торговыхъ дѣлахъ съ Оттоманскою Имперіею имъ было оказываемо покровительство, ибо они, такъ-же какъ Европейцы, платили только 3 процента пошлины. Слѣдовательно, во всѣхъ своихъ торговыхъ оборотахъ они имѣли слѣдующія выгоды:

1-е, Служителей по весьма дешевой цѣнѣ. Матросы имъ стбили только отъ 15 до 20 франковъ въ мѣсяцъ, между тѣмъ какъ намъ стбятъ они отъ 50 до 60-ти;

2-е, Экономію въ пищѣ экипажа, ибо Греки умѣренны и постятся почти весь годъ. Лукъ, сельди, хлѣбъ и вода составляли всю ихъ корабельную провизію;

3-е, Скорость въ переходѣ судовъ, такъ что они могли дѣлать два или три переѣзда, въ то время какъ Европейцы дѣлали одинъ;

4-е, Они ничего не издерживали на Консуловъ, а это составляетъ, на корабль средняго груза, отъ 150 до 200 франковъ во всякомъ портѣ, гдѣ есть наши Консулы.

Столь выгодная торговля, ежедневно увеличивавшаяся дѣятельностью Греческихъ мореходовъ и водвореніемъ торговыхъ Греческихъ домовъ во Франціи и въ Англіи, привлекла на острова Архипелага, особенно-же на Идру, Спеццію, Ипсару, огромные капиталы.

Digitized by Google

Со времени возстанія, вся торговля исчезла; барыши прекратились; издержки на флотъ были безпрерывныя; сильные домы мало по малу истратили свои капиталы на поддержаніе моряковъ и на пропитаніе несчастныхъ жителей голыхъ скалъ. Нынѣ средства почти истощены, и жители Идры и Спецціи, умѣющіе существовать единственно промышленностью и мореходствомъ, умираютъ съ голоду. Посредническимъ Договоромъ запрещены имъ военныя дѣйствія; Адмиралы строго преслѣдуютъ морскіе разбои, а торговля еще не довольно безопасна, и потому не можетъ оживиться.

Надобно сказать, что Идра и Спецція, во все время возстанія, были двумя главными подпорами революціи. Они доставляли все, что имѣли: суда, деньги, людей, и доставляли безкорыстно, потому что не могли ожидать отъ сей невѣрной борьбы ничего, кромѣ потерь. Дотолѣ они наслаждались полною и совершенною свободою; обязанности ихъ были легки, торговля самая свободная въ мірѣ, а богатства безчисленны. Вошедши въ Эллинское сообщество, они принуждены нести на себѣ значительную часть тягостей, которыя долго еще будутъ бременить сіе новое государство. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, выплачивать налоги, займы, поддерживать Правительство и войско, когда на всѣ сіи обязанности останутся одни опустошенныя, нагія поля, народъ, чрезвычайно уменьшившійся въ числѣ, и торговля, лишенная своихъ величайшихъ подкрѣпленій и уже столько лѣтъ задержанная? Вѣроятно, однакожъ, что какъ скоро прекратится война, и спокойствіе будетъ возстановлено въ Греціи, то ея купеческая морская сила тотчасъ снова займетъ первое мѣсто въ Средиземномъ морѣ. Австрійскіе моряки воспользовались несчастіями Грековъ и увеличили свои дѣла, но сіи послѣднія тотчасъ могутъ уничтожиться, и если Черное море не будетъ закрыто для Грековъ, если они будутъ продолжать торговлю съ Оттоманскою Имперіею, то немедленно вознаградятъ свои потери.

Мы отправились съ Идры, желая совершить путешествіе въ Аѳины. Этотъ переѣздъ былъ сдѣланъ именно для насъ. Адмиралъ позволилъ Капитану попытаться, не льзя-ли будетъ намъ увидѣть сей знаменитый городъ. Зная, что Турки уже не пустили туда Англійскихъ путешественниковъ, мы взяли предосторожности, чтобы и съ нами не сдѣлали того-же. Мы остановились при входѣ въ Пирей. Немедленно посланъ былъ на землю кормчій, Грекъ, который зналъ по-Турецки. Онъ тотчасъ переговорилъ съ нѣсколькими всадниками, подъѣхавшими къ берегу для обозрѣнія нашего корабля. Онъ сказалъ имъ, что мы Французы, что начальникъ нашъ въ первый разъ находится на сихъ моряхъ, что онъ очень желаетъ посмотрѣть Аѳины, и проситъ истребовать на то позволеніе Паши.

Ожидая отвѣта, мы провели остатокъ дня въ странствованіи по полуострову Мунихіи. Сколько великихъ воспоминаній тѣснилось въ нашихъ мысляхъ! Мы были между тѣми славными пристанями, въ которыя торговля извѣстнаго міра собирала корабли всѣхъ народовъ, и тѣмъ тѣснымъ каналомъ, гдѣ, искуствомъ одного человѣка, небольшая Греческая эскадра истребила огромный флотъ великаго Царя. Впрочемъ, видя сіи мѣста, не льзя не спросить самого себя, какимъ образомъ столь узкій проливъ могъ вмѣстить въ себѣ такое необыкновенное число судовъ? Если не хотимъ сомнѣваться въ справедливости Историковъ, то должны полагать, что у Древнихъ корабли были не огромнѣе нынѣшнихъ нашихъ шлюпокъ.

Греки поставили гробницу Ѳемистокла на оконечности Мунихіи, прямо напротивъ Саламина. Еще остаются нѣкоторые слѣды сей знаменитой гробницы. Видны три колонны, опрокинутыя и омываемыя волнами, наполняющими самое мѣсто могилы, изсѣченной въ скалѣ. Весь полуостровъ былъ окруженъ толстою стѣною, которой основанія еще замѣтны. Съ вершины холма намъ видны были оба порта: Пирей и Мунихія. Высоты Фалерскія закрывали отъ насъ Аѳины и были увѣнчаны укрѣпленіями, которыя Греки оставили еще прежде сдачи Акрополиса. На покатости было видно мѣсто Бахусова театра, а внизу, на берегу моря, развалины монастыря Св. Спиридонія.

Всѣ сіи мѣста, нѣкогда покрытыя народомъ, столь дѣятельнымъ и многочисленнымъ, нынѣ пустынны. Жителямъ Пирея было недостаточно двухъ театровъ. За нѣсколько мѣсяцевъ таможня и монастыри оставались единственными обитаемыми мѣстами среди сихъ развалинъ: и они истреблены въ свою очередь.

Вечеромъ получили мы отъ Паши отвѣтъ благопріятный. Въ шесть часовъ утра, на берегу, должны были находиться для насъ лошади. На другой день мы не заставили себя ждать. Съ шести часовъ мы всѣ, въ мундирахъ Королевскаго флота, были уже подлѣ таможни. Насъ очень удивило только то, что вмѣстѣ съ приготовленными для насъ лошадьми явилось сорокъ человѣкъ Деліевъ, сопровождаемыхъ Дели-Башею и предшествуемыхъ литаврщикомъ, обыкновенно идущимъ впереди, для показанія высокаго достоинства своего начальника. Насъ встрѣтили со всѣми военными почестями. Мы отправились въ путь съ нашимъ прикрытіемъ и ѣхали среди масличнаго лѣса, простирающагося по всей долинѣ и орошаемаго Цефизомъ. Деревья скрывали подъ своею темною зеленью опустошеніе и показывали видъ, издали довольно веселый; но проѣзжая подлѣ нихъ,

Digitized by Google

мы вездѣ видѣли слѣды ужаснѣйшаго истребленія. Всѣ деревья были обломаны, обожжены; домы разрушены; виноградники, съ давнихъ лѣтъ покинутые, сохраняли слѣды обработки только въ правильности своего насажденія; плоды виноградные сдѣлались дикими. Наше почетное прикрытіе было на видъ столько-же нестройно, какъ земля, въ которой оно находилось. Оно шло грабительски черезъ лѣса и виноградники. Худыя, поджарыя лошади его скрывали подъ своими грубыми и безобразными формами врожденную пылкость, теряемую сими животными только при смерти. Выѣзжая изъ масличнаго лѣса, подъ Аѳинами, на поворотѣ въ деревушку Падиша, Дели-Баши раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ части, и на чистой равнинѣ заставилъ его дѣлать передъ нами эволюціи. Мы не могли опомниться отъ удивленія, увидѣвъ легкость, оборотливость, пылкость этихъ скверныхъ скакуновъ, казалось, умиравшихъ отъ голода. Не меньше дивились мы и ловкости всадниковъ: они пускались въ стрѣлки другъ противъ друга, смѣшивались, снова раздѣлялись, и все это съ такою быстротою, что глазамъ трудно было слѣдовать за ними. Выстрѣлы изъ пистолетовъ, заряженныхъ пулями, гремѣли со всѣхъ сторонъ. Я много видалъ у Турковъ подобныхъ эволюцій, но никогда, среди самой большой сумашохи, у нихъ не случалось при мнѣ никакого несчастія. Пусть спросятъ у нашихъ гусарскихъ офицеровъ, чего-бы не сдѣлали они съ такими всадниками?

Послѣ двухъ часовъ путешествія, мы пріѣхали въ главную квартиру Турецкую. Это была груда шалашей досчатыхъ и землянокъ, слѣпленныхъ изъ грязи, гдѣ въ кучѣ находились всадники, Албанскіе пѣхотинцы и нѣсколько Грековъ, возвратившихся съ Турками. Тутъ былъ даже Епископъ Греческій, назначенный своими соотечественниками, и призванный ободрять прежнихъ жителей и побуждать ихъ снова вступать въ свои владѣнія. У этого Епископа велѣлъ Паша угостить насъ завтракомъ. Надобно было ѣсть по-Турецки, къ чему мы привыкли уже во время нашихъ путешествій.

Долго не подавали кофе. Мы располагались ѣхать, но Паша спалъ, и сна его не хотѣли нарушить. Между тѣмъ время проходило, и мы начинали бояться, не дурачатъ-ли насъ. Терпѣніе наше кончилось, и мы отправились съ Акрополисскимъ Коммендантомъ и однимъ офицеромъ Паши, посланнымъ для того, чтобы намъ вездѣ отворяли ворота.

Объѣхавъ подошву горы Анхезма, мы приблизились къ стѣнамъ, защищеннымъ башнями, замыкающими новыя Аѳины. Прежде всего мы пошли взглянуть на остатки храма Юпитера Олимпійскаго, на Иссъ, и мѣсто, гдѣ была Стадія.

Возвратившись, мы прошли мимо воротъ Адріановыхъ и вступили въ новыя ворота, охраняемыя Албанскими солдатами. Какое ужасное зрѣлище представилось намъ! Это однѣ развалины и обломки. Никогда городъ, взятый приступомъ, не представлялъ бо̀льшаго безпорядка. Одинъ базаръ оставался цѣлъ или былъ снова выстроенъ въ срединѣ города. Вокругъ этого оазиса видны были только разрушенные домы и улицы, загроможденныя грудами камней; нѣтъ жителей, нѣтъ даже собакъ: онѣ, пожравши мертвыхъ лошадей, убѣжали и оставили одни скелеты ихъ украшать разнородные обломки. Албанскіе солдаты, встрѣтившіеся намъ на базарѣ, своимъ дикимъ видомъ и оборваннымъ платьемъ совершенно соотвѣтствовали ужасному своему мѣстопребыванію. Ихъ безстрастныя физіономіи, посреди всеобщаго разрушенія на этомъ отвратительномъ театрѣ ихъже неистовствъ, внушали неописанный ужасъ.

Мы спѣшили перейдти чрезъ сіи опустошенныя мѣста, чтобы скорѣе удивляться прекрасному храму Тезееву. Онъ не потерпѣлъ ничего и остался совершенно цѣлъ посреди всего этого безпорядка. Только одно ядро отбило уголъ у колонны; за то внутренность, служившая казармами Албанцамъ, казалась вертепомъ самыхъ нечистыхъ животныхъ. Отсюда мы вошли въ Акрополисъ. Дорога къ нему идетъ мимо Венеціянской башни, съ которой былъ сброшенъ несчаст-

Digitized by Google

ный Одиссей. Вошедши въ цитадель, мы увидѣли батареи, поставленныя напротивъ Турецкихъ батарей, находящихся на холмѣ, увѣнчанномъ могилою, такъ называемою Филопаповою. Онѣ были въ страшномъ безпорядкѣ: разныхъ калибровъ орудія были оборочены, лафеты разбиты, платформы, въ началѣ худо устроенныя, были тотчасъ разрушены, какъ скоро открыли огонь изъ пушекъ. Я думалъ тогда что Греки, еще не выходя изъ Акрополиса, срыли всѣ свои укрѣпленія, дабы не оставить Туркамъ ничего, что могло-бы имъ годиться. Но послѣ, къ великому моему удивленію, я узналъ отъ Филеллиновъ, бывшихъ тамъ съ Полковникомъ Фавье, что состояніе крѣпости было не лучше, когда Греки и занимали ее. Передъ нами, на всякомъ шагу, выходили, со всѣхъ сторонъ, многочисленныя войска Албанцевъ Намъ сказали, что ихъ было тутъ 3000. Почти мимоходомъ подивились мы Пропилеямъ, Пароенону, храму Эрихѳеи. Памятники потерпѣли отъ Англичанъ, болѣе нежели отъ Турецкихъ и Греческихъ пушекъ. Коммендантъ принялъ насъ въ небольшой досчатой комнатѣ, которая одна оставалась во всей цитадели. Насъ подчивали кофеемъ и трубками. Капитанъ, желая изъявить признательность за такія вѣжливости, подарилъ тутъ зрительную трубку.

Для возвращенія на корабль, намъ должно было проходить между холмами Музея и Филопапа. Такимъ образомъ, прямо по долинѣ, мы слѣдовали-бы развалинами, вдоль стѣнъ, то есть старою дорогою отъ Аѳинъ къ воротамъ; но мы хотѣли видѣть поле битвы, гдѣ Греки были столь несчастливы 6-го Мая. Мы спустились на берега Илисса и перешли черезъ небольшой окопъ, сдѣланный Турками для осады Аѳинъ. За Илиссомъ, мы опять взошли на возвышенія, косвенно простирающіяся къ морскому берегу, до болотъ Фалернскихъ. На сихъ-то высотахъ Греки выстроили свои окопы. Намъ разсказали здѣсь всѣ подробности ихъ сраженія, одного изъ самыхъ жаркихъ во все время войны за независимость. Мѣсто придавало сему разсказу такую занимательность, которой я не могу здѣсь сохранить. Тутъ кончилъ жизнь свою Караискаки, человѣкъ самый способный изъ всѣхъ, предводившихъ Греками. Никто лучше его не умѣлъ пользоваться ихъ добрыми и худыми качествами. Караискаки имѣлъ надъ Греками большую власть. Онъ былъ пораженъ въ то время, когда велъ стрѣлковъ. Жизнь его кончилась на гоэлеттѣ Лорда Кокрена. Послѣдними словами Караискаки были трогательныя желанія и превосходные совѣты отечеству: но время еще не исполнило завѣщанія одного изъ храбрѣйшихъ и достойнѣйшихъ защитниковъ Греціи.

Турки взяли тогда въ плѣнъ 500 человѣкъ, и тотчасъ отрубили имъ головы. Въ числѣ плѣнныхъ находился Паскаль, нѣкогда начальникъ Корсиканскихъ бандитовъ, но тутъ служившій въ первомъ баталіонѣ Филеллиновъ. Онъ съ величайшимъ хладнокровіемъ смотрѣлъ, какъ рубили головы товарищамъ его бѣдствія. Къ нему подходитъ палачъ, Грекъ, чтобы схватить его и казнить. Онъ опрокидываетъ палача. «Не хочу умереть отъ руки Грековъ, слишкомъ трусливыхъ,» говоритъ онъ, и подзываетъ къ себѣ Албанца: тотъ однимъ выстрѣломъ оканчиваетъ его жизнь. Между плѣнными былъ также Калержи; но онъ обѣщалъ Деліямъ Паши большой выкупъ, если они спасутъ ему жизнь. Они стали просить, чтобы его пощадили. Паша отказалъ, но послѣ принужденъ былъ согласиться съ своими алчными солдатами, возмутившимися противъ него. При всемъ этомъ варварствѣ Турковъ, часто встрѣчаются, отдѣльно у людей сего народа, удивительные примѣры доброты и великодушія. Одинъ Тактикосъ былъ взятъ въ плѣнъ Турецкимъ начальникомъ, и, слѣдовательно, сталъ невольникомъ его. Вскорѣ послѣ этого, Турка женилъ его на одной Гречанкѣ, также своей плѣнницѣ, подарилъ имъ 500 піастровъ и отпустилъ обоихъ на волю.

Проходя черезъ поле битвы, мы долго шли посреди скелетовъ. Они всѣ были безъ головъ, отрѣзанныхъ, и, по Турецкому обычаю, посланныхъ къ Султану. Путеводители услужливо обратили вниманіе наше на отвратительные остатки своей побѣды. Мы поспѣшили пройдти это поле мертвыхъ и возвратились на корабль, измученные усталостію, жаромъ, и опечаленные грустнымъ зрѣлищемъ, представлявшимся намъ во все время пути.

Въ слѣдующій день, 27 числа на разсвѣтѣ, мы отправились, и въ три часа вечера были уже на якорѣ, подлѣ Эгины. Островъ сей плодоносенъ; со стороны залива берегъ его крутъ и на вершинѣ горъ видны развалины храма Юпитера Панеллинскаго; но къ сторонѣ матерwindow берегъ низокъ. Въ городѣ нѣтъ порта: одна насыпь, идущая перпендикулярно отъ берега, защищаетъ нѣсколько суда отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Прежде Эгина была не важна и сдѣлалась значительною со времени несчастія Грековъ. Скоро и Правительство было принуждено тамъ водвориться. Народонаселеніе ея увеличилось всѣми, бѣжавшими съ Ипсары, изъ Аѳинъ, Мореи и съ острова Кандіи. Менѣе чѣмъ въ два мѣсяца было выстроено болѣе двухъ сотъ каменныхъ домовъ; вокругъ оныхъ, множество шалашей и палатокъ служили убѣжищемъ бѣднымъ семейстамъ. Въ благословенномъ тамошнемъ климатѣ, вѣтвь дерева, легкое полотно, могутъ укрыть отъ непогоды. Довольство царствовало въ городѣ; во всѣхъ сторонахъ открывались кофейные домы и лавки. Въ портѣ видна была великая дѣятельность. Шесть военныхъ бриговъ стояли на стапеляхъ и были готовы къ спуску. Вооружали брандеры. Веселость и надежда одушевляли всѣхъ и выражались на лицахъ. Между тѣмъ, въ городѣ нѣтъ укрѣпленій и никакой защиты. Одинъ Турецкій фрегатъ, не подвергаясь ни малѣйшей опасности, можетъ придти и сжечь городъ. Но такова трусость моряковъ Турецкихъ, что они никогда не осмѣливались, со своими военными кораблями подойдти къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ могли встрѣтить хотя одинъ Греческій корабль. Большая часть острововъ была безъ пушекъ и ни на одномъ не вооружилось-бы ста человѣкъ. Греческіе искатели приключеній безпрестанно грабили оные и обременяли поборами, а Турки никогда не смѣли тамъ показаться.

Эпитропія собралась здѣсь, такъ-же какъ на Идрѣ, и ей были сообщены тѣже свѣдѣнія. Засѣданіе ея происходило въ небольшой комнатѣ, надъ лавкою одного бочара: это были палаты Правительства на островѣ. Съ важностью сидѣли на землѣ и разсуждали о великихъ пользахъ государства. Секретарь говорилъ довольно хорошо по-Французски, слѣдовательно мы могли совершенно узнать мнѣніе собранія. По его словамъ, Греки были очень не довольны посредническимъ Договоромъ; при ужасномъ своемъ положеніи, они еще имѣли въ головѣ самыя несчастныя требованія. Договоръ сей обезпечивалъ ихъ отъ неизбѣжной опасности, и потому они уже забыли, что годъ назадъ, умоляя Англію о пособіи, они отказывались отъ всякой мысли о независимости, и что съ тѣхъ поръ, начальники ихъ не только не думали о свободѣ отечества, но что многіе изъ нихъ были готовы переговаривать съ Турками и продать имъ остатки свободы. Однакожъ перемиріе казалось Грекамъ самымъ невыгоднымъ для нихъ дѣломъ. Они были вездѣ разбиты, разсѣяны, теряли духъ, когда имъ надлежало дѣйствовать, но, по ихъ словамъ, посредничество благопріятствовало болѣе Туркамъ и спасало Константинополь, почти завоеванный (!!).

Изъ всѣхъ новыхъ Грековъ, одинъ Канари сходствуетъ съ героями древней Греціи. Простота и скромность еще болѣе возвышаютъ необыкновенную его смѣлость; отечество можетъ отъ него требовать всего, что онъ имѣетъ. Сто разъ подвергалъ онъ за него свою жизнь опасности, и никогда не требовалъ вознагражденія. Похвалы удивляютъ его: благородное поведеніе кажется ему совершенно естественнымъ. Онъ остался бѣденъ, потому что никогда не думалъ о себѣ. Изъ всѣхъ видѣнныхъ нами Грековъ, одинъ Канари не говоритъ ни о партіяхъ, ни о пронырствахъ. Онъ, кажется, понимаетъ, какъ много посредствующія Державы сдѣлали для его отечества. Будучи болѣнъ при насъ, онъ располагался еще служить ему и готовъ былъ ѣхать къ сборному мѣсту при Идрѣ, назначенному его судамъ Адмираломъ Міаули.

Мы провели у Канари много очень прiятныхъ часовъ, въ кругу его небольшаго семейства. Жена его еще молода и прекрасна, а дѣти чрезвычайно привлекательной наружности. Домикъ у Канари небольшой и убранъ просто, но въ ономъ замѣтна удивительная опрятность. Тамъ видѣли мы многихъ Французскихъ Докторовъ, находящихся въ службѣ Грековъ, подъ управленiемъ Доктора Бальи. Канари представилъ намъ одного Греческаго священника, сопутствующаго ему во всѣхъ походахъ. «Этотъ человѣкъ,» сказалъ онъ намъ, «молитъ у Бога прощенiя за насъ, когда намъ случается поднять на воздухъ нѣсколькихъ нашихъ враговъ.»

Въ Эгинѣ учреждено было призовое судилище, составленное изъ невѣждъ и людей жадныхъ, или обезславленныхъ и уже изгнанныхъ изъ Константинополя и другихъ торговыхъ мѣстъ за злостныя банкрутства. Расправа сего судилища была самая несправедливая. Однакожъ Европейскiе Адмиралы соглашались съ его приговорами и предавали наши несчастные купеческiе корабли его хищничеству. Ему было много дѣла, ибо дѣятельность и ловкость морскихъ разбойниковъ простирались до удивительной степени. Рѣдкiя суда ускользали отъ нихъ и всѣ были объявляемы призами. Если, паче чаянiя, какой нибудь Капитанъ подарками успѣвалъ вырваться изъ рукъ судей и освободить свой корабль, то онъ выигрывалъ немного: начальникъ морскихъ разбойниковъ, услышавъ о благопріятномъ приговорѣ судилища, входилъ въ Совѣтъ онаго, грозилъ судьямъ, и заставлялъ перемѣнить приговоръ въ свою пользу. Наконецъ, избѣгавшіе отъ всѣхъ сихъ несправедливостей и варварства, спасали только свой корабль, ибо грузъ его бывалъ разграбленъ еще прежде нежели оканчивалось сужденіе.

Оставивъ Эгину 28-го числа, мы отправились въ Поро, и въ тотъ-же день остановились передъ симъ островомъ. Онъ не великъ и безплоденъ, но могъ-бы сдѣлаться чрезвычайно важнымъ по величинѣ и красивости порта, образуемаго имъ и матерпкомъ. Сей портъ, защищенный отъ всѣхъ вѣтровъ — къ сѣверу полуостровомъ Метана, къ востоку и юго-востоку самымъ островомъ, а къ западу высокими горами Греціи — могъ-бы имѣть два тѣсные входа, удобные къ защитѣ. Одинъ изъ нихъ, сѣверный, гдѣ проливъ шириною почти въ милю, между полуостровомъ Метана и островомъ, проходимъ для самыхъ большихъ кораблей; другой, южный, болѣе перваго стѣсненный, теперь запертъ для судовъ скалами, находящимися почти наравнѣ съ поверхностью воды; но ихъ легко было-бы срыть. Стоя среди сего обширнаго рейда, можно подумать, что находишься на прелестномъ Швейцарскомъ озерѣ. Море здѣсь всегда тихо и ровно; берега его покрыты вѣчно-зелеными боскетами. Городъ Поро выстроенъ худо; въ немъ считается около 15,000 жителей, большею частію бѣжавшихъ изъ земель, занятыхъ Турками. Правительство хотѣло здѣсь поселиться, потому что Приготовительная Коммисія не могла долѣе оставаться въ Наполи, которая со дня на день могла быть осаждена Турками. Оно хотѣло удалиться на какой нибудь островъ, подъ защиту флота, и особенно желало быть подальше отъ Паликарскихъ начальниковъ, ибо ихъ страшилось оно болѣе всего. Посему-то предпочли Эгину, какъ болѣе удаленную отъ материка.

Коммисія Филеллиновъ обыкновенно находилась въ Поро и была составлена изъ Полковника Баварской службы Гейдеккера, завѣдывавшаго пособіями арміи, Доктора Горсо, опредѣленнаго для флота, и Доктора Бальи, надзиравшаго за госпиталями. Комитеты Европейскіе рѣшились только къ нимъ посылать деньги, жертвуемыя Европейскимъ великодушіемъ для пособія Грекамъ, и они одни распоряжались оными. Въ окрестностяхъ острова Поро морскіе разбойники грабили всѣхъ, встрѣчавшихся имъ, даже въ портѣ. Жители не смѣли выходить изъ города. Но Члены Приготовительной Коммисіи первые подали сей постыдный примѣръ. За нѣсколько времени прибылъ Американскій корабль, посланный Американскими Квакерами и нагруженный разными вещами для Грековъ, особенно-же платьемъ. Капитанъ думалъ,

Digitized by Google

что онъ сдѣлаетъ очень хорошо, если отдастъ свой грузъ начальникамъ Правительства. Они продали все, что имъ было не нужно, и оставили между прочимъ шесть сотъ рубашекъ для себя и для своихъ семействъ.

Мы были такъ близко отъ лагеря Полковника Фавье, что не могли противиться желанію посѣтить его въ той маленькой колоніи, которую онъ основалъ въ Метанѣ. Собственно Метаною называютъ полуостровъ, находящійся почти напротивъ Эгины, и прилегающій весьма узкимъ перешейкомъ къ другому полуострову, болѣе пространному, выдающемуся отъ берега материка, во всю ширину порта и острова Поро. Фавье построилъ на крутыхъ холмахъ, при входѣ на перешеекъ, укрѣпленія; лагерь его былъ при подошвѣ сихъ холмовъ, на берегу моря, образующаго тутъ небольшой портъ, гдѣ могутъ останавливаться фрегаты. Онъ избралъ сіе мѣсто въ 1826-мъ году, когда Египтяне намѣревались осадить Наполи. Онъ хотѣлъ безпрерывно тревожить ихъ съ тыла, покуда они будутъ производить осаду. Съ тѣхъ поръ мѣстоположеніе сіе сдѣлалось главною квартирою Тактикосовъ, почему его и называли Тактикополисомъ.

Метана есть единственное мѣсто во всей Греціи, пользовавшееся миромъ и спокойствіемъ со времени возстанія. Народонаселеніе полуострова состоитъ изъ 1800 или 2000 человѣкъ. Оставшись спокойными обладателями своихъ земель, они обрабатывали ихъ и доставляли регулярному корпусу всѣ необходимые жизненные припасы. Это также единственное мѣсто, гдѣ существовали порядокъ и управленiе благоразумное, бережливое, правильное. Укрѣпленiя были выстроены на двухъ крутизнахъ; болѣе возвышенная, называемая Дiамантъ, повелѣваетъ перешейкомъ и моремъ съ обоихъ береговъ. На немъ 7-мь орудiй 24-хъ фунтовыхъ, и небольшая казарма для гарнизона. На Тезеѣ, другомъ укрѣпленiи, находящемся въ полу-выстрѣлѣ отъ Дiаманта, три 24-хъ фунтовыхъ орудiя, казарма и вѣтряная мѣльница. Отъ сего укрѣпленiя идетъ довольно толстая, зубчатая стѣна, до самаго моря. Небольшая дорожка пролегаетъ черезъ скалы, отъ укрѣпленiй, и ведетъ, сначала къ батареѣ, изъ трехъ 24-хъ фунтовыхъ орудiй, обстрѣливающихъ портъ, потомъ къ огромной пещерѣ, служащей Полковнику конюшнею, и наконецъ къ его мѣстопребыванiю и лагерю. Тамъ жилища офицеровъ, палатки солдатъ, магазины съ порохомъ и съ жизненными припасами, печь, въ которой ежедневно приготовляется 2000 порцiй, и водоемъ, сдѣланный въ самородной скалѣ.

Все это устройство, укрѣпленiя и вооруженiе не стоили и 2000 франковъ. Слова мои покажутся ложью или останутся загадкою, если я не объясню ихъ. Всѣ построенiя производились подъ личнымъ руководствомъ. Фавье и сдѣланы его войсками. Они разбивали скалы, растворяли известь и употребляли матеріялы; офицеры должны были не одинъ разъ подавать имъ примѣръ, сами принимаясь за работу. Тридцать 24-хъ фунтовыхъ орудій стоили только 20 ф. стерлинговъ, вотъ какимъ образомъ: они были посланы въ Наполи Англійскимъ Комитетомъ, на кораблѣ, нанятомъ по сему случаю въ срокъ. Корабль прибылъ только за одинъ день до истеченія срока. Слѣдовательно, Греческому Правительству оставался только одинъ день, для снятія сихъ орудій: оно отказалось отъ нихъ. Фавье, находившійся въ это время въ Наполи, предложилъ Англійскому Капитану прибавки по пяти ф. ст. въ день, отослалъ его корабль въ Метану, и черезъ четыре дни орудія были уже на батареѣ.

Вѣтряная мѣльница не стоила ни одного обола. Она построена по новой модели, изобрѣтенной самимъ Полковникомъ; крылья у нея не вертикальныя: они оборачиваются горизонтально, надъ зданіемъ. Для нихъ употреблены доски, изъ ящиковъ съ разными вещами и запасами, посланными изъ Франціи; гвозди взяты также изъ сихъ ящиковъ. Фавье наблюдалъ такую строгую экономію въ своемъ управленіи, что ему достаточно было 25,000 таларисовъ на два года, для платы и содержанія 2000 человѣкъ. Корпусъ его при насъ состоялъ только изъ 1000 человѣкъ пѣхоты и 200 кавалеристовъ, изъ коихъ 60, не болѣе, имѣли лошадей. Для стражи и благоустройства въ укрѣпленіяхъ, онъ составилъ роту ветерановъ. Вдовамъ своихъ солдатъ, убитыхъ въ сраженіи, онъ давалъ убѣжище въ лагерѣ и по пяти су въ день пенсіи. Онъ не только вооружилъ укрѣпленія, но, еще до вступленія въ Акрополисъ, собралъ двадцать пять полевыхъ орудій, очень исправныхъ. Чорчъ взялъ ихъ, когда учреждалъ свой Фалерскій лагерь: изъ нихъ семнадцать были отняты Турками, четыре удержаны въ Эгинѣ Спецціотами, въ залогъ долга Чорчева, а остальныя четыре отосланы обратно въ Метану, безъ лафетовъ и будучи негодны къ дѣлу.

Въ то время какъ зависть и несправедливость Грековъ удерживали Фавье и часть его войска, такъ сказать, плѣнниками въ Аѳинахъ, все было употреблено для того, чтобы уничтожить образованный имъ корпусъ. Послѣ двухъ лѣтъ борьбы съ трудностями и огорченіями всѣхъ родовъ, Фавье увидѣлъ, что для главнаго начальствованія надъ войсками ему предпочли новаго пріѣзжаго, человѣка безъ военныхъ дарованій и неопытнаго въ военномъ дѣлѣ. Все, собранное имъ: людей, оружіе, военные припасы, расхитили, растеряли, и къ довершенію сей неблагодарности, обвиняли его въ томъ, что будто онъ продалъ цитадель Аѳинскую. Напрасно, въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, требовалъ онъ отъ Правительства чтобы его судили и назначили другаго начальника надъ регулярнымъ корпусомъ: онъ получалъ только отклонительные отвѣты. Въ семъ случаѣ недовѣрчивый характеръ Грековъ явился въ соединеніи со всѣми ихъ дарованіями къ пронырствамъ: они воспользовались случаемъ отнять у Фавье всю власть дѣйствовать или распустить войско, вообще преданное ему и дававшее начальнику своему нѣкоторое первенство въ дѣлахъ и внутреннихъ несогласіяхъ, если-бы онъ хотѣлъ принимать въ нихъ участіе; но, впослѣдствіи, были очень рады удержать его, для уравновѣшенія власти Генералиссимуса, начинавшаго приходить въ подозрѣніе. Такимъ-то образомъ во всѣ свои дѣла Греки впутываютъ множество постороннихъ соображеній и Макіавелевскихъ предосторожностей, о которыхъ Европейцы съ трудомъ могутъ имѣть понятіе, и которыя наконецъ всегда обращаются во вредъ самимъ Грекамъ.

Обходя лагерь въ Метанѣ, мы узнали отъ Филеллинскихъ офицеровъ подробности о ихъ Аѳинской экспедиціи, и о томъ, до какой жалкой крайности были они доведены. Они не встрѣтили большаго сопротивленія при занятіи Акрополиса въ Декабрѣ 1826 года. Турки, всегда безпечные, позволили имъ пройдти. Но выстрѣлъ изъ пушки съ Филопапа извѣстилъ Турковъ, и они напали на арріергардъ. Коммендантъ Робертъ получилъ тридцать четыре раны; съ большимъ трудомъ исторгли его изъ рукъ непрiятеля, и онъ умеръ при входѣ въ цитадель. Каждый Тактикосъ принесъ съ собою два мѣшка пороху и мѣшокъ съ кремнями; но провизiи у нихъ не было. Фавье думалъ выйдти черезъ два или три дни. Онъ самъ, не подозрѣвая ничего, принесъ Комменданту цитадели приказанiе удержать его. Гарнизонъ, умноженный такимъ образомъ 400-ми человѣкъ, вскорѣ нашелся въ большемъ противъ прежняго затрудненiи, и не замедлилъ требовать пособiй. Онъ грозилъ оставить крѣпость. Паликары не хотѣли болѣе сражаться и отказывались выходить. Вскорѣ оказался недостатокъ въ военныхъ припасахъ. Только изрѣдка могли стрѣлять изъ 24-хъ фунтоваго орудiя, находившагося напротивъ батареи Филопапа, между тѣмъ какъ Турки отвѣчали сильнымъ огнемъ. Послѣднiе снаряды берегли для ружейнаго огня. Въ цитадели приготовляли каждый день нѣсколько фунтовъ пороху, но онъ былъ такъ дуренъ, что едва бралъ на полъвыстрѣла. Жизненные припасы уменьшались съ каждымъ днемъ. Наконецъ принуждены были употреблять только по одному литру воды и по два съ половиною фунта ячменя въ день. Ночью черпали воду и мололи ячмень. Это несчастное положенiе еще увеличилось болѣзнями. Подать какую нибудь помощь больнымъ было невозможно. Яйцо продавалось по 5 франковъ, курица дороже 15 франковъ.

Греческій лекарь, который одинъ только и былъ въ Акрополисѣ, заставлялъ платить себѣ 5 франковъ за то, чтобы посмотрѣть пульсъ и дать немного опіума или лаудана. Тактикосы были несчастнѣе всѣхъ другихъ: безъ бѣлья, безъ пищи, они ужасно терпѣли отъ нечистоты, и между тѣмъ какъ у Паликаровъ были еще Турецкіе бобы и масло, Полковникъ Фавье принужденъ былъ и это покупать для своихъ больныхъ. Много разъ покушался онъ выйдти и силою пробиться сквозь ряды Турковъ; но Паликары не соглашались за нимъ слѣдовать. Наконецъ онъ рѣшился выйдти безъ нихъ. Уже войско его, хорошо построенное въ колонну, перешло передовые посты и было подлѣ укрѣпленій Турецкихъ, между масличными деревьями, когда пріѣхалъ посланный отъ Караискаки. Онъ привезъ отъ сего Генерала обѣщаніе, что менѣе нежели черезъ недѣлю онъ придетъ съ значительными силами къ Аѳинамъ и освободитъ крѣпость, или умретъ подъ ея стѣнами. Рѣшились возвратиться, но Турки преградили дорогу. Четверо Филеллиновъ было убито. Караискаки не спѣшилъ на помощь къ Аѳинамъ: онъ зналъ, что, въ крайности, крѣпость можетъ держаться еще много мѣсяцевъ. Въ это время онъ хотѣлъ пройдти въ Сули и Ѳессалію, возмутить весь тамошній народъ, учредить цѣпь, чтобы прервать всѣ сообщенія Турковъ, и послѣ сего идти со всѣми вновь возставшими людьми въ тылъ Решиду. Онъ долженъ былъ оставить сей планъ и спѣшить къ Аѳинамъ. Мы видѣли какъ несчастно кончилось дѣло, предпринятое для освобожденія сего города отъ осады. Тогда гарнизонъ не могъ уже болѣе надѣяться на вспомоществованіе. Онъ вступилъ въ переговоры о капитуляціи, при посредничествѣ Капитана Леблана, начальника Французскаго фрегата *Юноны*. Это начало переговоровъ не имѣло послѣдствій, и гарнизонъ рѣшился выйдти, оставивъ 400 человѣкъ, у которыхъ досталo-бы съѣстныхъ припасовъ на четыре мѣсяца. Все было готово, когда узнали что одинъ солдатъ Паликарскій перешелъ къ непріятелю. Фавье хотѣлъ, не смотря на это, отважиться на выступленіе; но другіе начальники отказались упорно. 27 Мая Турки овладѣли фалерскимъ лагеремъ: послѣ этого, для гарнизона Акрополисскаго не оставалось уже никакой надежды. Чорчъ послалъ къ нему приказъ, сдаться на капитуляцію; но Фавье, полагая что онъ не связанъ симъ приказомъ, отказался отдать оружіе своихъ солдатъ. Г-нъ Корнеръ, начальникъ Австрійскаго брига le Veneto, предложилъ тогда свое предстательство у Паши. Оно было принято, но Греки, не довѣряя Австрійцамъ, требовали удостовѣренія отъ другихъ начальниковъ эскадры Средиземнаго моря. Къ счастію, въ это время пріѣхалъ Адмиралъ Риньи. Греки просили его присоединиться къ Г-ну Корнеру въ тайныхъ переговорахъ. Адміралъ тотчасъ поѣхалъ къ Пашѣ. Многія статьи капитуляціи, сначала предложенной, показались Грекамъ слишкомъ жестокими. Адміралъ Риньи снова обратился къ Пашѣ съ настояніями, и старался исходатайствовать условія благопріятнѣйшія; онъ зналъ что Паша со дня на день ожидаетъ изъ Салоникъ регулярныхъ войскъ; онъ искусно воспользовался симъ обстоятельствомъ, замѣтивъ Турецкому Генералу, что если Акрополисъ сдастся по прибытіи новыхъ войскъ, то сей успѣхъ непремѣнно припишутъ имъ однимъ, и что такимъ образомъ онъ потеряетъ большую часть славы, которую принесетъ ему взятіе Аѳинъ. Паша убѣдился и позволилъ Грекамъ выйдти изъ крѣпости съ оружіемъ и обозомъ.

4 Іюня капитуляція была подписана. Адміралъ Риньи самъ пріѣхалъ съ четырьмя Беями, для послѣднихъ распоряженій. Грекамъ дали амманатовъ, и въ полдень гарнизонъ началъ выступать. Сорокъ пять женщинъ, семь старцевъ и дѣтей, больные и раненые, предшествуемые колонною Паликаровъ, вышли первые. Остальное нерегулярное войско шло двумя колоннами; Полковникъ Фавье и его Тактикосы составляли арріергардъ. Адміралъ Риньи, съ нѣсколькими офицерами своего Штаба, шелъ посреди войскъ. Беи, отданные аманатами, ѣхали позади, на коняхъ.

Но безъ твердости Паши, всѣ сіи предосторожности не спасли-бы Грековъ отъ истребленія. Албанцы хотѣли отмстить за смерть своихъ сотоварищей, и когда Греки выступили, они уже шли противъ нихъ. Паша велѣлъ своей кавалеріи атаковать ихъ и успѣлъ остановить. Черезъ полтора часа Греки перешли долину и прибыли къ мысу Коліа. На четыре Французскіе и два Австрійскіе корабля были посажены 1,934 человѣка и перевезены въ Саламинъ. Говорятъ, что нѣкоторые изъ нихъ умерли отъ радости, увидѣвъ себя спасенными. У всѣхъ этихъ людей жадность къ пищѣ была непостижимая: ихъ никакъ не могли накормить до сыта и особенно не могли утолить ихъ жажды. Нечистота сихъ несчастныхъ была такова, что ею они заразили корабли и долго послѣ того не могли истребить всѣхъ слѣдовъ оной. Въ Саламинѣ устроили госпиталь для пользованія больныхъ. Остальные очень скоро разошлись по разнымъ мѣстамъ. Одни Тактикосы вступили непосредственно въ свой лагерь.

У насъ мало оставалось времени и мы могли пробыть въ Метанѣ только нѣсколько часовъ. Возвратившись въ Поро, мы отправились оттуда 29 числа, а 31-го прибыли къ острову Сирѣ.

На семъ островѣ было прежде не болѣе трехъ или четырехъ тысячь жителей, Католиковъ.

Сначала они обитали на берегу моря, но безпрерывно тревожимые и грабимые жителями Греческихъ островов, удалились на вершину крутой возвышенности, гдѣ легко могли защищаться. Тамъ и донынѣ находится городъ Сира. Жители сохраняли въ портѣ только нѣкоторые конторы и магазины. Но со времени возстанія, тридцать тысячь человѣкъ, убѣжавшихъ изъ всѣхъ частей возмутившихся странъ, ринулись на островъ, водворились тамъ и овладѣли всѣмъ вокругъ порта. Новый городъ, госпиталь и верфь явились на мѣстѣ садовъ и покрыли поля прежнихъ владѣльцевъ. Католики, по слабости своей не могшіе сопротивляться, точно какъ непріятели новыхъ пришельцевъ, были ими стѣснены въ верхнемъ городѣ и вытерпѣли отъ нихъ нѣсколько нападеній. Нынѣ они едва осмѣливаются выходить къ порту и не могутъ почитать себя безопасными даже въ своихъ загородныхъ домахъ, во внутренности острова, потому что онъ наполненъ бандитами, которые не признаютъ никакого закона и безпрестанно нападаютъ на домы, грабятъ сады и убиваютъ всѣхъ, кто имъ противится. Адмиралъ Риньи былъ принужденъ много разъ посылать вооруженные отряды на землю, для возстановленія тамъ спокойствія и для избавленія прежнихъ жителей отъ смерти.

Въ Сирѣ морскіе разбойники продаютъ свои добычи. Базары тамошніе завалены товарами всѣхъ странъ, продаваемыми очень дешево. Островъ сей, прежде не производившiй никакой торговли, нынѣ очень оживленъ.

Вотъ часть того, что я видѣлъ или узналъ въ Грецiи, путешествовавши по сей странѣ одинъ мѣсяцъ. Я выслушивалъ всѣ партiи, спрашивалъ всѣхъ, кто зналъ общественныя дѣла или занимался ими: иностранцевъ, туземцевъ, должностныхъ покровителей, и людей, великодушно пришедшихъ служить имъ. Думаю что я раскрылъ истину и далъ вѣрное понятiе о состоянiи Грецiи при концѣ борьбы ея съ прежними своими повелителями. Можетъ быть найдутъ, что я строго судилъ Грековъ; но я считаю полезнымъ, даже для нихъ самихъ, чтобы вся истина была сказана. Довольно обманывали ихъ и льстили имъ для того, чтобы имѣть надъ ними влiянiе. Довольно и у насъ играли общественнымъ мнѣнiемъ и питали его нелѣпыми сказками. Справедливость требуетъ, чтобы народы, такъ много сдѣлавшiе для Грековъ, наконецъ узнали, о комъ они заботятся.

Всякiй убѣдится, такъ-же какъ и я, что Греки, сами по себѣ, и съ одними средствами своей страны, не могли въ 1827 году завоевать своей независимости и не могли упрочить себѣ оной учрежденiемъ хорошаго Правительства. Въ самомъ дѣлѣ, чего достигли они въ семь лѣтъ возстанiя? Имъ дали законы, которыхъ ни одинъ человѣкъ изъ нихъ не понималъ, которые были несообразны ни съ духомъ, ни съ нравами народа. Это, нѣтъ сомнѣнія, была работа какихъ нибудь юныхъ головъ, набитыхъ теоріями и неопытныхъ, думавшихъ что правительства и народы можно дѣлать, такъ-же какъ дѣлаютъ мебель, по данному образцу. Что-жъ вышло? Сенатъ собрался, законы были признаны, и не обуздали никого: каждый внималъ единственно своей пользѣ или своимъ прихотямъ, и, потому, только безначаліе и безпорядокъ были слѣдствіемъ новаго законодательства. Что спасло-бы всякій другой народъ, то губило Грековъ. Бездѣйствіе непріятеля не только не помогало имъ преобразовать что либо, но еще давало время партіямъ составляться и раздирать одной другую. Для вооруженія, для приготовленій къ какому нибудь походу, надобны были цѣлые годы; для заговоровъ и для непріятельскихъ дѣйствій между собою, достаточно было одной минуты. Можно сказать, что сей несчастный народъ былъ дѣятеленъ только тамъ, гдѣ онъ могъ повредить себѣ. Противъ непріятеля онъ шелъ, когда ему хотѣлось, и послѣ побѣды или пораженія, какъ скоро противники его бѣжали или покоились на своихъ лаврахъ, онъ, уподобляясь ребенку, забывалъ опасность и какъ будто не зналъ, что она всякій разъ явится для него снова, и болѣе грозною.

Напрасно человѣкъ, одаренный сильною душою и безкорыстiемъ, удивительнымъ въ наше время, иностранецъ, но совершенно преданный тому дѣлу, которое онъ пришелъ подкрѣплять, напрасно хочетъ онъ образовать армiю, и, начиная съ войскъ, дать первыя понятiя о подчиненности. Цѣлая Европа удивлялась этому человѣку, а Греки умѣли только завидовать ему! У нихъ никакое управленiе не могло утвердиться, ни одинъ налогъ не могъ быть взятъ правильно. Изъ столькихъ займовъ и добровольныхъ приношенiй, ничего не могли употребить для общественнаго блага. Деньги были разграблены начальниками; съѣстные припасы и разныя вещи, посыланныя Европейскими Комитетами, были всѣ проданы; часто даже непрiятель довольствовался съѣстными припасами, посланными для снабженiя крѣпостей, между тѣмъ какъ въ Греческой армiи не было хлѣба! Правосудiе наблюдалось не лучше управленiя страною, и, во все время, Правительство не имѣло ни силы, ни влiянiя: въ его распоряженiи никогда не было ни одного солдата и ни одного корабля. Говоря правильно, въ Грецiи не было и партiй, но было столько-же мѣстъ для сплетней, сколько тамъ деревень.

Худое согласiе возставшихъ объясняетъ разницу, замѣчаемую между Греческою и другими революцiями, освободившими нѣкоторые народы.

Digitized by Google

Въ другихъ революціяхъ, отъ безпорядка, неизбѣжнаго въ первыя минуты смущенія, переходили къ началу устройства и образованія; война создавала войско; публичныя совѣщанія творили правителей; наконецъ, отличные люди являлись среди сихъ революцій, направляли оныя и вели къ какой нибудь цѣли. Въ Греціи случилось противное. Тутъ въ первыя минуты наиболѣе показали жару, безкорыстія, любви къ отечеству. Тогда выступили на поприще дѣятельности люди отличные; но вскорѣ, низверженные пронырствами, они принуждены были оставаться въ бездѣйствіи; иные изъ нихъ были убиты. Послѣ сего, дѣла остались въ рукахъ негодяевъ, готовыхъ жертвовать всѣмъ для собственной выгоды, утомившихся борьбою за отечество не существующее, различно понимаемое каждымъ, не близкое ни для кого. Почитая бродящую жизнь свободою и будучи довольны ею, они отклоняли все, что могло приготовить народъ ко вступленію подъ бремя правленія, основаннаго на порядкѣ.

Когда настанетъ миръ, когда должно будетъ заняться только исправленіемъ золъ войны, что дѣлать тогда съ сими необузданными шайками, которыя всѣ находятся внѣ своихъ странъ, и можетъ быть, большею частію, потеряютъ, вслѣдствіе трактатовъ, настоящее свое отечество, свою родную землю, наслѣдіе своихъ отцовъ? Какъ заставить снова заниматься земледѣліемъ всѣхъ этихъ Клефтовъ, этихъ Паликаровъ, въ продолженіе столькихъ лѣтъ привыкшихъ жить войною? Глубоко сожалѣю о томъ, кто будетъ обязанъ разсѣять сей ужасный хаосъ и вывести изъ него свѣтъ и порядокъ! Греція свободна; никогда уже не преклонится она подъ иго прежнихъ ея тирановъ. Моряки наши своею кровію при Наваринѣ запечатлѣли обѣщанія своихъ Державъ. Но это еще самая легкая часть исполненія трактата. Покровительствующія Державы должны дать Грекамъ Правительство, создать изъ всѣхъ сихъ отдѣльныхъ толпъ, изъ всѣхъ сихъ разнородныхъ частей одинъ народъ, согласный, сильный, способный къ защитѣ самого себя отъ непріятеля, остающагося подлѣ него. Надобно преобразить нравы, обычаи, создать новыя пользы, согласно ведущія къ общему благу, принудить молчать партіи и удерживать ихъ до тѣхъ поръ, пока народъ узнаетъ, чего требуетъ отъ него общественное благо, что̀ есть отечество, чего хочетъ оно отъ сыновъ своихъ. Наконецъ, должно заставить всѣхъ понять, что безначаліе не есть свобода.

Какая важная, неизмѣримая обязанность!... Чья довольно сильная рука будетъ держать кормило и поведетъ сіе раждающееся государство къ спокойствію и благосостоянію!

Вольней утверждаетъ, что земледѣліе можетъ возвратить Грекамъ древнія ихъ добродѣтели. «Чтобы воскресить древнихъ Грековъ,» говоритъ онъ, «должно сообщить нравственность «Грекамъ новымъ, сдѣлавшимся самымъ вѣроломнымъ, самымъ испорченнымъ племенемъ во вселенной: одна земледѣльческая жизнь совершитъ «сіе чудо. Она исправитъ ихъ отъ безчувственности понятіемъ о собственности, отъ пороковъ праздности привлекательными занятіями, «отъ суевѣрія преобразованіемъ распространителей онаго, отъ трусости прекращеніемъ «тиранства, наконецъ отъ непрямодушія прекращеніемъ продажной жизни и удаленіемъ изъ «городовъ.»

Средство сіе, конечно вѣрное, кажется, будетъ продолжительно, если вмѣстѣ съ нимъ не употребятъ и другихъ средствъ. Надобно просвѣтить народъ, и начать это образованіемъ Греческихъ священниковъ, величайшихъ невѣждъ и самыхъ суевѣрныхъ людей во всемъ мірѣ. Особенно должно отучить народъ отъ покровительства людей богатыхъ; это глубоко вкоренилось въ нравахъ восточныхъ и удерживаетъ людей въ рабствѣ и огрубѣніи. При этомъ опасномъ покровительствѣ никогда не образуются граждане, дѣти одного и того-же отечества: всегда будутъ только рабы, готовые возмутить государство, для того чтобы услужить честолюбію покровителя. Мнѣ кажется, что для Греціи можетъ быть прилично одно̀ только федеральное правленіе. Она слишкомъ бѣдна, и потому не можетъ составить монархіи; пользы-же обитателей, которые составятъ сей новый народъ, столь противоположны, что общая хартія не можетъ обнять ихъ всѣхъ и не повредить большему числу.

Потребенъ народный конгресъ, который могъ-бы покровительствовать общимъ пользамъ. Оспориваніе и направленіе частныхъ дѣлъ можно предоставить мѣстнымъ обитателямъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОДРАЖАНІЕ 49-му ПСАЛМУ.

Богъ Боговъ воззрѣлъ на жертвы:
Грянулъ громъ — и на кострахъ
Жертвъ кровавыхъ кости мертвы
Вдругъ развѣялись, какъ прахъ;
Стѣны храма содрогнулись,
Суевѣры ужаснулись,
Жрецъ предъ алтаремъ упалъ:
Смолкли трубы, смолкло пѣнье,
И, казалось, въ то мгновенье
Судъ послѣдній наступалъ.

Засвѣтилась, заблистала,
Какъ востокъ, гора Сіонъ;
Буря вкругъ нея летала,
Молнія лилась — и Онъ,
Какъ заря весны прекрасной,
Какъ разсвѣтъ денницы ясной,
Въ ужасахъ и красотахъ,
Неба грознаго подъ сводомъ
Показался предъ народомъ
На Сіонскихъ высотахъ.

Вдругъ явилась, развернулась
Книга Божескихъ судовъ:
Совѣсть злая встрепенулась
У Царей и у рабовъ;

Лесть-лисица онѣмѣла;
Гордость-львица омертвѣла,
Разумъ-змѣй окаменѣлъ;
И тогда, подобно грому,
По всему лицу земному
Страшный голосъ прогремѣлъ:

«Все, что движется, что дышитъ —
«Океанъ, земля, лѣса,
«Все, что видитъ, все, что слышитъ —
«Солнце, звѣзды, небеса,
«Все взываю громогласно,
«Все приди и безпристрастно
«Разсуди дѣтей съ отцомъ;
«Обличи ихъ въ суевѣрствѣ,
«Въ своевольствѣ, въ лицемѣрствѣ,
«И смири ихъ предъ Творцомъ.»

Кто сей въ златѣ и лазури
На Сіонъ съ небесъ сошелъ?
Укротивъ и громъ и бури,
Тварямъ тварь судить велѣлъ?
Самъ могущій Царь природы,
Кѣмъ сіяютъ звѣздны своды,
Созданъ міръ и человѣкъ;
Самъ Богъ силъ, для усмиренья
Вѣроломнаго творенья
Сшелъ съ небесъ, и тако рекъ:

«Соберите вкругъ Сіона
«Всей вселенной мудрецовъ,
«Толкователей закона,
«Пѣснопѣвцевъ и жрецовъ —

«Всѣхъ, которые мечтаютъ,
«Что ихъ жертвы оправдаютъ,
«И хотятъ чрезъ пепл и кровь
«Примирить Меня съ собою,
«Устною одной мольбою
«Заслужить мою любовь.

«Слушай ухомъ чистой вѣры,
«Все, служащее звѣздамъ!
«Не дерзайте суевѣры
«Прерѣкать Моимъ судамъ!
«Перестаньте ослѣпляться,
«Тварямъ тлѣннымъ поклоняться;
«Но осмѣльтесь ввѣрить Мнѣ
«Сердце, слухъ и разумѣнье,
«Замолчите на мгновенье
«И внимайте въ тишинѣ!

«Долго-ль чадамъ развращенья
«Богу чуждому служить?
«Льститься блескомъ просвѣщенья,
«А во тмѣ безпечно жить?
«Долго-ль жертвовать пороку,
«Слѣпнуть внутреннему оку,
«Судъ и вѣчность забывать?
«Долго-ль сердцу, храму Божью,
«Долго-ль, наполняясь ложью,
«Храмомъ міра пребывать?

«Долго-ль о Царѣ Небесномъ
«Вамъ судить, какъ о земномъ?
«Думать только о тѣлесномъ
«Поклоненіи одномъ?

« Долго-ль Божію Державу,
« Судъ, законъ, любовь и славу
« Уподоблявать земнымъ?
« Слову истины не вѣрить,
« Мудрости безмѣрность мѣрить
« Окомъ разума слѣпымъ?

« Тщетно разумъ вашъ кружится
« Въ блескахъ внѣшности одной;
« Мой завѣтъ не объяснится
« Всею мудростью земной!
« Сколько буквамъ ни учитесь,
« Сколько знаньемъ ни гордитесь,
« Все вашъ толкъ пребудетъ лживъ:
« Храмъ, алтарь, слова, движенья,
« Лица, вещи, всесожженья —
« Все — Святой Гіероглифъ!

« Безъ меня глаголъ завѣта
« Для ума невнятный гласъ:
« Безъ душевнаго разсвѣта
« Самъ Я таинство для васъ:
« Падшій умъ — есть умъ тщеславный;
« Онъ всегда, какъ рабъ злонравный,
« Безначаліе любя,
« Въ образахъ и поклоненьяхъ,
« Въ самыхъ жертвоприношеньяхъ
« Ищетъ одного себя.

« Вникните и вразумитесь
« Въ смыслъ Моихъ завѣтныхъ словъ;
« Воспарите, вознеситесь
« Выше внѣшнихъ образовъ.

Digitized by Google

«Вскрою тайну передъ вами!
«Небо и земля громами
«Засвидѣтельствуютъ вамъ,
«Что Я Богъ вашъ и Создатель,
«Судія, Законодатель —
«Человѣкъ-же есть Мой храмъ!

«Не о жертвахъ Я желаю
«Говорить жрецамъ сѣдымъ:
«Ваши жертвы всѣ Я знаю,
«Вижу ихъ вседневно дымъ;
«Но не зрю на кости мертвы,
«Не хочу кровавой жертвы,
«Не приму Я отъ жрецовъ
«Ни кадилъ благоуханныхъ,
«Ни козловъ, Мнѣ въ даръ закланныхъ,
»Ни откормленыхъ тельцовъ.

«Что Создателю природы
«Можетъ тварь свое принесть?
«Ваши-ли земля и воды?
«Все Мое, что въ мірѣ есть:
«Кедры, лавры, плющъ и лозы,
«Лиліи, фіалки, розы,
«Птицы, звѣри и скоты;
«Все одинъ Собой объемлю:
«Небеса, моря и землю,
«Глубины и высоты.

«Если взалчу пищи тлѣнной,
«Не скажу вамъ, что взалкалъ:
«Обладаяй всей вселенной,
«Самъ-бы пищу Я сыскалъ;

«Но когда Царь Силъ небесныхъ
«Снѣдей требовалъ тѣлесныхъ,
«Или пилъ козлину кровь?
«Вразумитеся слѣпые!
«Нужны-ль жертвы Мнѣ земныя?
«Мнѣ нужна одна любовь.

«Вразумитесь: все земное
«На землѣ огонь пожретъ
«Порожденье вѣковое
«Также съ временемъ умретъ.
«Что безъ вѣры всесожженье,
«Безъ надежды обоженье,
«Безъ любви алтарь и жрецъ?
«Все наружное ничтожно:
«Возрожденье невозможно
«Для слѣпыхъ плотскихъ сердецъ.

«Какъ-бы внѣшніе обряды
«Суевѣръ ни уважалъ,
«И въ какіе-бы оклады
«Онъ Меня ни наряжалъ;
«Какъ-бы онъ ни бичевался,
«И хотя-бы сожигался
«Для спасенья своего;
«Но безъ внутренней работы,
«Безъ любви и безъ субботы,
«Это все — какъ ничего!

«Чтобъ достигнуть совершенства,
«Вразумитесь въ Мой завѣтъ,
«И познайте, что блаженства
«Безъ любви и въ небѣ нѣтъ.

« Погасите жертву крови:
« Я хочу святой любови.
« Дайте ваши Мнѣ сердца,
« Съединитесь въ духѣ съ Богомъ,
« Будьте дѣти, въ смыслѣ строгомъ:
« И довольно для отца.

Лицемѣру-жъ, какъ лжебрату,
Скажетъ Богъ Боговъ тогда:
« Кто душой прикованъ къ злату,
« Тотъ не избѣжитъ суда.
« Ты прикованъ къ славѣ ложной,
« Къ мудрости земной, ничтожной,
« Гордости и похваламъ;
« Хочешь, чтобы удивлялись,
« Подражали, покланялись
« Лжесвятымъ твоимъ дѣламъ.

« Ты тщеславишься смиреньемъ,
« Превозносишься постомъ,
« Хвастаешь благотвореньемъ,
« Хвалишься земнымъ трудомъ;
« Любишь знаньемъ отличаться,
« Любишь мудрымъ называться,
« Любишь ты учить другихъ;
« Ищешь въ Думахъ предсѣданья,
« На пирахъ предпочитанья
« И вѣнцовъ безъ дѣлъ благихъ.

« Ты съ порочными дружишься,
« Подражаешь ихъ дѣламъ;
« Своевольства не страшишься,
« Внемлешь ложнымъ похваламъ;

« Месть на братьевъ умышляешь,
« На пороки соблазняешь
« Собственныхъ своихъ дѣтей,
« И молчишь о преступленьи;
« Не радишь о исправленьи
« И не чувствуешь страстей;

« Мыслишь, что и Я подобно
« Злому дѣлу премолчу:
« Но твое Я сердце злобно
« Строго въ злобѣ обличу;
« Трепетать тебя заставлю,
« Всѣ дѣла твои представлю
« На судѣ передъ тебя;
« И тогда себя познаешь,
« Милости не пожелаешь,
« Но осудишь самъ себя. »

Не забудьте, лицемѣры,
Есть для васъ Судья и адъ!
Нѣтъ смиренья, нѣтъ и вѣры;
Нѣтъ любви, и нѣтъ наградъ.
Счастливъ, кто чрезъ покаянье
Воспаритъ въ богопознанье!
Тотъ къ безсмертью ключъ найдетъ!
Онъ одинъ изъ жизни мертвой,
Сдѣлавшись жрецомъ и жертвой,
Въ жизнь живую перейдетъ!

Шатровъ.

КЪ КОРАБЛЮ.

(Горац. Кн. I-я, Ода 3-я).

Хранитель ввѣренной святыни,
Лети съ Виргиліемъ въ Аѳины,
Лети, корабль, неси, лелѣй
Другую часть души моей!
Да вѣетъ Кавръ въ твои вѣтрила;
Плеядъ хранительныхъ свѣтила,
И матерь сильная любви
Путеводители твои!

Окованъ мѣдью былъ тройною,
Кто первый съ бренною доскою
Свирѣпымъ ввѣрился зыбямъ,
Кто бурь предвѣстницамъ — звѣздамъ,
Кто встрѣчныхъ вѣтровъ спорамъ равнымъ,
И Нота играмъ своенравнымъ
Адріатической волной,
Шелъ встрѣчу твердою душой.

Какихъ смертей не ждалъ отважный,
Когда чудовищъ бездны влажной,
Гнѣвъ Океана, гряды скалъ
Холоднымъ окомъ озиралъ?
Напрасно мудростію Дія
По сушѣ топи водяныя
Легли границей: корабли
Путь святотатственный нашли!

Digitized by Google

Такъ нашей дерзости безмѣрной
Нѣтъ страха, нѣтъ преграды вѣрной!
Такъ съ неба, къ пагубѣ людей,
Огонь похитилъ Прометей;
Его коварными слѣдами
На землю ринулась съ бѣдами
Толпа болѣзней, и съ тѣхъ лѣтъ
Смерть ускорила свой полетъ.

Въ укоръ землѣ, въ замѣнъ безсилья,
Дедалъ простеръ на воздухъ крылья;
За Стиксъ проникнулъ Геркулесъ;
Воюя самый сводъ небесъ,
Предавшись замысламъ преступнымъ,
Считаетъ смертный все доступнымъ!
И — надъ безумнаго челомъ
Не умолкаетъ Зевсовъ громъ.

В. Орловъ.

Ц. Село.

БУДИНСКІЙ ПАША.

(Продолженіе).

8.

Оба поѣхали обратно въ лагерь. Кюньи удалось испросить у Графа Гацфельда шестимѣсячный отпускъ храброму Оливьеру, для свиданія съ родственниками послѣ десятилѣтней разлуки. «Я долженъ поспѣшить къ своему начальнику,» сказалъ Кюньи, «и постараюсь получить отъ него позволеніе ѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ въ Швейцарію. Тамъ, на родинѣ проведемъ мы нѣсколько блаженныхъ дней. Тамъ, близъ каменоломни, выстроимъ мы хижины, одну для тебя, другую для меня, а третью для маленькой нашей маркитантщи. Тамъ оживимъ мы сладостныя воспоминанія дѣтскихъ лѣтъ!»

Друзья разстались съ утѣшительною надёждою скораго свиданія. Оливьеръ собрался въ путь, и сопровождаемый двумя служителями, отправился въ Швейцарію. Какъ забилось у него сердце, когда онъ узрѣлъ вдали родимый городокъ! Ему казалось, что онъ какъ будто вчера изъ него выѣхалъ. Но чѣмъ болѣе онъ къ нему приближался, тѣмъ болѣе находилъ перемѣнъ, разумѣется, маловажныхъ. Тутъ былъ плетень, здѣсь была бесѣдка, тамъ выстроенъ новый домъ — все это удивляло его. То, что въ дѣтскихъ лѣтахъ казалось ему огромнымъ, теперь какъ будто уменьшилось. Высокая колокольня понизилась, широкія улицы съузились, и родительскій домъ сдѣлался тѣснѣе. Невозможно описать, какую радость произвелъ пріѣздъ Оливьера на родину. Всѣ жители городка хотѣли посмотрѣть на возросшаго мальчика, который уже дослужился до Капитанскаго чина. На другой день своего прибытія, онъ посѣтилъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ. Само собою разумѣется, что онъ не забылъ маленькой сосѣдки Елены. Какъ удивился онъ, когда увидѣлъ ее въ домѣ ея родителей. Кровь разыгралась въ немъ отъ макушки до пятокъ. Дѣвушка подошла къ нему закраснѣвшись. Прелестное существо, въ полномъ цвѣтѣ юности! Ея плѣнительные взоры подѣйствовали-бы на самое холодное сердце! А сердце Оливьера было вовсе не холодное... Съ трепетомъ поцѣловалъ онъ нѣжную ручку, и не зналъ что сказать ей. Елена не была такъ застѣнчива; она осмотрѣла съ ногъ до головы товарища дѣтскихъ лѣтъ, поговорила съ нимъ очень ласково, и дружескимъ обхожденіемъ вывела его изъ замѣшательства.

Съ сей минуты возгорѣлась въ Оливьерѣ непреодолимая страсть. Ежедневно ходилъ онъ къ

Digitized by Google

родителямъ Елены, разумѣется не для нихъ, а для нея. Веселость и рѣзвость милой дѣвицы попеременно погружали его то въ райское блаженство, то въ адскія мученія; съ нею можно было свободно разговаривать обо всемъ, только не о любви. Елена была съ нимъ также откровенна, какъ и десять лѣтъ назадъ, когда они играли со стадами козъ; со всѣмъ тѣмъ, девятнадцатилѣтняя дѣвица, казалось, такъже мало понимала, какъ и въ то время. Правда, въ минуты веселости она привѣтствовала Оливьера короткимъ: ты! только въ этомъ, *ты*, было более шутливаго, нежели чего либо значущаго, и бѣдный влюбленный мучился! . . . Такимъ образомъ прошло нѣсколько недѣль и нѣсколько мѣсяцевъ. Многія прекрасныя дѣвушки изъ Ла Сарраза, Лозанны и Веве, поглядывали на статнаго воина гораздо ласковѣе, нежели предметъ его любви. Оливьеръ пытался даже различными волокитствами поселить ревность въ Еленѣ: но попытки его не удавались. Беззаботная дѣвушка не перемѣнялась въ своихъ чувствахъ, и какъ будто дразнила Оливьера дружескимъ обхожденіемъ, которое онъ охотно промѣнялъ-бы на кое-что другое. Между тѣмъ она держала своего Селадона такъ строго, что онъ не отваживался говорить ей о любви, которая проявлялась только въ его взглядахъ, задумчивости и въ нѣжныхъ прислуживаніяхъ молодой красавицѣ. Оливьеръ самъ началъ стыдиться своей страсти, превозмогалъ себя и искалъ разсѣянія въ разъѣздахъ по окрестностямъ, однако—чувствовалъ, что доколѣ онъ будетъ дышать воздухомъ очарованнаго круга Елены, то его излеченіе невозможно!

Въ это время дошли до него слухи о томъ, что въ домѣ родителей Елены содержалось въ тайнѣ. Господину фонъ Асперлину досталось по наслѣдству большое имѣніе; военная служба ему надоѣла; онъ рѣшился остаться на родинѣ, и—познакомившись съ Еленою въ Лозаннѣ, началъ свататься на ней. Родители вмѣнили это себѣ въ большую честь, приняли съ радостью предложеніе, увѣдомили о томъ Елену и требовали ея согласія. Но дѣвушка была не уступчива! Она рѣшительно объявила, что насмѣхается надъ господиномъ фонъ Асперлиномъ и надъ всѣмъ его богатствомъ, не намѣрена быть помѣщицею въ Бавуа, и на всѣ убѣжденія честолюбивой матери и угрозы отца отвѣчала только: не бывать этому! — Оливьеръ узналъ только о сватаніи Асперлина, но не объ отказѣ Елены. Онъ вообразилъ, что Асперлинъ былъ его счастливымъ соперникомъ, и тысячу разъ клялся его умертвить. Однако, разсудительно подумавши, онъ нашелъ, что смерть соперника не много принесетъ ему пользы. Сіе мучительное состояніе духа сдѣлало его печальнымъ и унылымъ. Елена замѣтила это, и старалась развеселить своего друга.

«Могу-ли я быть веселъ, когда я несчастливъ?» сказалъ онъ ей «Я люблю васъ, обожаю, а вы будете принадлежать другому. Вы теперь невѣста Асперлина.» Елена засмѣялась и отвѣчала: —Я ни чья невѣста, и этотъ Асперлинъ сдѣлался мнѣ несносенъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ началъ искать моей руки. Будьте всегда моимъ другомъ, но не обожайте меня. Любите меня просто, не желая ничего, и не сердитесь какъ упрямое дитя, которому не все дѣлается въ угоду. Сердце мое всегда наклонно къ дружбѣ. Что-же касается до любви и до того, что подъ симъ названіемъ разумѣютъ, то я все это считаю за дурачество, которое, какъ я видала у другихъ, не рѣдко превращается въ безуміе. Надѣюсь, милый Оливьеръ, что вы всегда были и будете разсудительнымъ человѣкомъ. Хотите вы жениться? Доброе дѣло! я сама постараюсь вамъ сыскать невѣсту. Только оставьте меня въ покоѣ. Я имѣю отвращеніе къ супружескому состоянію. Хорошо что мы объяснились и болѣе не будемъ объ этомъ говорить. И такъ, это дѣло кончено!

И дѣйствительно это дѣло было кончено для Елены, только не для Оливьера. Сей долженъ былъ противъ воли повиноваться судьбѣ. Къ счастію его, въ скоромъ времени, представился ему случай къ разсѣянію.

9.

Вдругъ вошелъ къ Оливьеру, долгое время впустѣ ожидаемый Кюньи. «Только мимоѣздомъ, сказалъ онъ ему. Я не долго здѣсь останусь. Отпуска не получилъ, а вмѣсто того мнѣ дали препорученіе въ Миланъ. Я могу пробыть въ Ла Сарразѣ одну недѣлю. Для этого я спѣшилъ дорогою день и ночь.

Отъ внезапной радости Оливьеръ забылъ свое горе. Онъ представилъ друга родителямъ своимъ и обязалъ его квартировать въ ихъ домѣ. Въ городкѣ только и было разговоровъ, что о маленькомъ пастухѣ. Когда онъ показывался на улицѣ, то окна отворялись, и всякій увидѣвшій его говорилъ: «Кто-бы подумалъ!... Такого прекраснаго, статнаго мужчины еще не видывали въ Ла Сарразѣ. Величавая его осанка, ловкость и красота плѣнили всѣхъ. Иные какъ будто со страхомъ, другіе какъ будто съ любовью всматривались въ его черные, сверкающіе глаза. Въ немъ все было не такъ какъ въ другихъ. О чемъ-бы ни толковали, о черныхъ-ли кудряхъ, которыя вились на его вискахъ, или о прекрасныхъ его усахъ, или о красивомъ военномъ одѣяніи, или о томъ, какъ онъ носилъ шпагу, или какъ онъ кланялся—во всемъ находили различіе съ другими. Если-бы тогдашнія Ла Сарразскія дѣвушки читали стихотворенія, то вѣрно сказали-бы о Кюньи: это Аполлонъ въ одеждѣ Марса.

Кюньи навѣстилъ своихъ родственниковъ: отца уже не было въ живыхъ. Потомъ Оливьеръ долженъ былъ представить его бывшей ихъ общей маркитантшѣ. «Чудо дѣвушка!» сказалъ Оливьеръ! «Только холодна какъ ледъ. Береги свое сердце!» Елена уже слышала о прибытіи Кюньи. Она вспомнила о хорошенькомъ пастушкѣ и отнюдь не дивилась тому, что всѣ описывали его красавцемъ. Но когда онъ вмѣстѣ съ Оливьеромъ вошелъ въ покой ея родителей, то она остолбенѣла, какъ будто отъ пріятнаго испуга или отъ сновидѣнія. Едва могла она отвѣчать на обыкновенныя привѣтствія. Кюньи, со сладостнымъ воспоминаніемъ, вглядывался въ прелестную дѣвушку. При каждомъ словѣ, которое она ему говорила, глаза ея блистали гораздо живѣе, и щечки покрывались необыкновеннымъ румянцемъ. Къ счастью никто не замѣтилъ этого, кромѣ Кюньи, который все сіе приписалъ застѣнчивости молодой красавицы и обѣщалъ почаще приходить, въ краткое свое пребываніе въ Ла Сарразѣ. Такъ и должно быть между сосѣдями! Что-же другое и дѣлать въ маленькомъ городкѣ? Пошли пиры, прогулки и поѣздки за городъ. Само собою разумѣется, что страна, гдѣ нѣкогда производилась война съ козьимъ войскомъ, не была забыта, и Елена праздновала сею прогулкою пріятныя воспоминанія, какъ водится, въ сопровожденіи двоюродныхъ братцевъ, сестрицъ и тетушекъ. Замѣчательно то, что во время сей прогулки возобновилась дружеская связь дѣтскихъ лѣтъ. Если Оливьеръ велъ подъ руку Елену, то она подъ разными предлогами старалась сдѣлать такъ, чтобы Кюньи былъ ея сопутникомъ. И когда они такимъ образомъ прогуливались вдвоемъ, то забывали Оливьера, всю компанію, дорогу, и, казалось имъ, что на всемъ земномъ шарѣ, кромѣ ихъ двоихъ, нѣтъ никого.

Когда еще въ первый разъ они пошли осматривать это поле сраженія дѣтскихъ лѣтъ, и какъ-то заблудились въ кустарникахъ, Кюньи, прижавши къ сердцу руку Елены, сказалъ ей съ чувствомъ: «Ахъ! почему не можемъ мы опять сдѣлаться дѣтьми? Какъ счастливы были мы въ этомъ возрастѣ, на этомъ самомъ мѣстѣ! Тогда я бралъ васъ въ плѣнъ. Теперь все перемѣнилось, и чувствую, что вы меня заполонили.»—Если-бы въ самомъ дѣлѣ такъ было, сказала Елена закраснѣвшись, то я не дозволила-бы вамъ пріѣхать сюда на короткое время.—«А можетъ быть лучше было-бы, если-бы я совсѣмъ не пріѣзжалъ?»—Можетъ быть, милый Кюньи! Впрочемъ, почему-же? Гораздо лучше то, что вы пріѣхали. На свѣтѣ живешь однажды. До будущаго горя нѣтъ дѣла; должно цѣнить настоящее удовольствіе.—«Правда ваша. За тѣ минуты, которыя я провождаю съ вами, охотно отдамъ я и прошедшую и предстоящую мнѣ жизнь. Я желалъ-бы умереть разставшись съ вами!» — Это желаніе несправедливо, Кюньи. Какъ можно смерть предпочитать жизни? Кто мѣшаетъ мнѣ, изъ одного блаженнаго мгновенія составить себѣ блаженное бытіе, въ которомъ, не заботясь о всемъ случающемся со мною, въ теченіе многихъ лѣтъ я буду блаженствовать въ одномъ только этомъ мгновеніи? — «Это блаженство будетъ лишь мечта.» — Какъ угодно! Для меня и жизнь мечта, и мечта — жизнь! — «Вы довольнѣе судьбою, нежели я. Вамъ все равно; вмѣстѣ мы, или за сто миль другъ отъ друга. Только мнѣ не все равно! Что вы на это скажете?»

Отвѣтъ остался за Еленою. Ея прекрасные глаза наполнились слезами; живой румянецъ разгорѣлся на ея щекахъ. Кюньи прижалъ ее къ сердцу; подобно двумъ огнямъ, души ихъ слились воедино. Они разговаривали еще о многомъ, о чемъ здѣсь скучно было-бы читать, и вступили въ дружескіе договоры, сами не зная какъ исполнить оные. Елена любила съ такою страстью, которую почти можно было назвать ужасающею; не потому, чтобы она была всѣмъ замѣтна: напротивъ никто и не подозрѣвалъ тайной любви сей четы; но Елена, нѣкогда издѣвавшаяся надъ любовью, нынѣ, при естественной рѣшительности и неустрашимости своего характера, была способна къ отчаяннѣйшимъ средствамъ. — Восемь дней скоро прошли. Кюньи началъ собираться въ путь. Елена велѣла ему остаться еще на недѣлю, не болѣе. Безпрекословно повиновался Кюньи очаровательной повелительницѣ. Онъ получилъ отъ нея сладостную награду за свое послушаніе: обѣщаніе вѣчной любви, взаимной переписки, и всего того, что можетъ усладить горесть разлуки. Само собою разумѣется, что Кюньи далъ клятву пріѣхать черезъ годъ или черезъ два, искать руки своей невѣсты, и, въ случаѣ отказа, похитить ее.

Вторая недѣля протекла еще скорѣе первой. Кюньи полетѣлъ за Альпы, въ Италію.

10.

Въ цѣломъ Ла Сарразѣ никому не вспало на умъ, чтобы эти молодые люди въ столь короткое время столь хорошо поладили между собою. Въ послѣднія минуты свиданія, Кюньи и Елена, въ присутствіи другихъ обходились между собою такъ-же какъ при первой встрѣчѣ. Самъ Оливьеръ ничего не подозрѣвалъ. Ему даже казалось, что со времени отъѣзда Кюньи, Елена сдѣлалась съ нимъ ласковѣе, и, можно сказать, какъ будто нѣжнѣе. Онъ принялъ это за раждающуюся склонность, къ коей передъ симъ она оказывалась неспособною. Только то вѣрно, что она охотнѣе нежели прежде искала его сообщества, и говорила съ нимъ откровеннѣе; потому-ли что онъ, какъ лучшій другъ Кюньи, сдѣлался въ ея глазахъ священною особою, или потому, что она находила блаженство въ безпрестанныхъ разговорахъ о Кюньи. Родители Елены съ безпокойствомъ взирали на сію тѣсную дружбу, и дорого-бы заплатили, если-бы Оливьеръ былъ тогда за тысячу миль отъ Ла Сарраза, потому что свадебные переговоры съ господиномъ фонъ Асперлиномъ зашли очень далеко, а у добрыхъ родителей только и было на умѣ, какъ-бы поскорѣе увидѣть дочь помѣщицею въ Бавуа. Они не могли удержаться, чтобы не сообщить своихъ опасеній Асперлину. Слѣдствіемъ сего было то, что Асперлинъ самъ пріѣхалъ въ Ла Сарразъ, и въ качествѣ будущаго зятя, остановился въ домѣ родителей Елены.

Легко можно себѣ вообразить, каково было первое свиданіе Оливьера и Асперлина. Они обошлись другъ съ другомъ съ холодною учтивостью, и показывали видъ, что они сроду не были знакомы, и даже не встрѣчались. Елена обращалась съ назначеннымъ ей супругомъ гордо и холодно, и всячески старалась его бѣсить. Выговоры родителей не помогали. Но Асперлинъ мало обращалъ вниманія на непріязненные поступки молодой проказницы. Онъ говорилъ: «Будь только свадьба сыграна, и все перемѣнится.» Родители были того-же мнѣнія и столько-же упорствовали съ своей стороны, сколько дочь со своей. Какъ ни сопротивлялась Елена, сколько ни плакала, ни просила, но формальный сговоръ ея съ Асперлиномъ былъ совершенъ, и она должна была, какъ невѣста господина помѣщика, принимать поздравленія цѣлаго городка.

Никто не страдалъ въ семъ случаѣ болѣе Оливьера. Онъ поклялся, что всѣмъ пожертвуетъ для ея спасенія. Въ отчаяніи своемъ, спросилъ онъ даже ее, хочетъ-ли она, чтобы онъ освободилъ ее силою, и гнуснаго Асперлина, съ которымъ, кромѣ сего, за старыя дѣла онъ долженъ развѣдаться, отправилъ на тотъ свѣтъ? Елена спокойно отвѣчала: «Не стоитъ труда. Счастіе имѣетъ свои причуды. Вы можете ошибиться въ разсчетѣ и сами получить то, что вы ему назначаете...» Оливьеръ былъ изумленъ симъ отвѣтомъ, котораго отнюдь не ожидалъ. И въ самомъ дѣлѣ было отъ чего изумиться. Со времени сговора, съ Еленою произошла перемѣна, всѣми замѣченная и весьма обрадовавшая ея родителей. Хотя Елена обращалась съ женихомъ не ласковѣе прежняго, но по крайней мѣрѣ соблюдала въ отношеніи къ нему нѣкоторое приличіе; брала отъ него дорогіе подарки, чего прежде не дѣлала, и онъ считалъ себя довольно счастливымъ, когда, за приношеніе богатыхъ жемчужныхъ ожерелій и брильянтовыхъ перстней, получалъ позволеніе поцѣловать ея прекрасные пальчики. О предстоящей свадьбѣ слышала она безъ досады; только безпрестанно требовала отсрочки отъ одной недѣли до другой, на что и женихъ былъ нѣкоторымъ образомъ согласенъ, потому что въ зäмкѣ его не все еще было приготовлено къ принятію новобрачной. Онъ много разсказывалъ ей о новѣйшихъ передѣлкахъ въ его зäмкѣ, спрашивалъ ея мнѣнія, исполнялъ ея желанія и намѣревался угодить ей болѣе нежели она сама хотѣла.

Оливьеръ въ душѣ проклиналъ всѣхъ женщинъ на свѣтѣ. Никогда не повѣрилъ-бы онъ, чтобы дѣвушка столь твердая и благородномыслящая, какъ Елена, могла такъ внезапно перемѣниться. Въ Ла Сарразѣ онъ уже не находилъ ничего пріятнаго, и оставался тамъ только по просьбѣ своихъ родителей. Охотно возвратился-бы онъ въ полкъ! Онъ сталъ рѣже ходить въ домъ Елены: и безъ того не принимали его тамъ слишкомъ ласково, а дружескіе взгляды Елены, которые не измѣнились и до сихъ поръ, причиняли ему скорѣе неудовольствіе, нежели радость.

11.

Тѣмъ болѣе изумился онъ, когда однажды Елена отвела его въ сторону и сказала: «Какъ только пробьетъ девять часовъ вечера, то непремѣнно приходите въ нашъ садикъ.» Какъ ни былъ онъ сердитъ на Елену, но въ назначенный часъ явился. Когда смерклось, онъ перелѣзъ через заборъ, прямо въ садикъ. Невѣста Асперлина пришла вскорѣ, повела его въ бесѣдку, и взявши за руку, сказала: «Любезный Оливьеръ! вы мнѣ столько разъ клялись, что готовы всѣмъ пожертвовать для моего счастія?»

— Я готовъ сдержать слово.

«Въ самомъ дѣлѣ?»

— Да. Прикажите для пробы; я пойду хоть на смерть.

«Хорошо. И такъ объявляю вамъ, что я не хочу быть женою Асперлина.»

— Возможно-ли? Да зачѣмъ-же вы согласились на помолвку?

«Теперь оставьте это, и выслушайте меня. Родители мои безъ сожалѣнія принесли меня въ жертву богатствамъ помѣщика въ Бавуа. Стало быть у меня нѣтъ родителей. Я одна на свѣтѣ. Ненавистная моя свадьба не отмѣняется. Завтраже я потихоньку оставлю этотъ домъ и Ла Сарразъ. У меня есть родные во Франціи. Лучшія мои вещи уже недѣля какъ туда отосланы. Хотите-ли вы мнѣ сопутствовать?»

Оливьеръ испугался, однако ни мало не думая сказалъ, что онъ согласенъ. Тутъ Елена упала въ его объятія и напечатлѣла горячій поцѣлуй на его устахъ. Онъ былъ внѣ себя. На что не отважился-бы онъ за этотъ поцѣлуй! Весь жаръ его страсти, такъ долго и съ такимъ трудомъ по-

Digitized by Google

давляемый, мгновенно вспыхнулъ. Но Елена слегка отстранивши его рукою, сказала: «Пошлите вашихъ служителей нынѣшнюю-же ночь по дорогѣ къ Жунь. А завтра въ десять часовъ ночи ожидайте меня на перекресткѣ, за верхними воротами. Приготовьте мнѣ смирную лошадь.»

Оливьеръ хотѣлъ отвѣчать, но Елена съ послѣдними словами убѣжала. Мечтая и блаженствуя, Оливьеръ обратно перелѣзъ черезъ заборъ и исполнилъ неожиданныя приказанія прекрасной повелительницы; служителей своихъ тайкомъ послалъ впередъ; собралъ всѣ свои вещи; написалъ къ родителямъ прощальное письмо, въ коемъ увѣдомлялъ, что по причинѣ внезапнаго отъѣзда онъ хотѣлъ и себя и ихъ избавить отъ горестнаго личнаго прощанія; оставилъ письмо, и послѣ обѣда отправился подъ предлогомъ, что ему надобно навѣстить одного пріятеля въ Лозаннѣ.

Онъ ѣхалъ недалеко, только до одного домика въ лѣсу, гдѣ одинъ изъ служителей дожидался его съ лошадью для Елены. Лишь только пробило десять часовъ, онъ опять былъ у воротъ Ла Сарраза. Вскорѣ появилась Елена. Она была одѣта въ мужское платье, завернувшись епанчею. Оливьеръ посадилъ ее на лошадь. Поѣхали; къ утру догнали высланныхъ напередъ служителей, перемѣнили усталыхъ лошадей и поспѣшно отправились въ путь. Вечеромъ остановились въ деревушкѣ, въ узкой долинѣ. Оливьеръ охотно доѣхалъ-бы со своею возлюбленною до ближайшаго городка, дабы ей доставить спокойный ночлегъ; но Елена клялась, что она до такой степени устала, что умретъ, если проѣдетъ еще нѣсколько шаговъ.

Въ этомъ случаѣ ей можно было повѣрить, потому что ее почти на рукахъ внесли въ постоялый дворъ. Послѣ довольно скуднаго ужина, она пожелала, чтобы ей отвели особенную горницу и приготовили постель. Положено было на разсвѣтѣ ѣхать въ дальнѣйшій путь. Еще разъ съ живѣйшею благодарностью обняла Елена своего избавителя и ушла въ назначенную для нея комнату. Оливьеръ, не менѣе утомленный долгою ѣздою и двумя безъ сна проведенными ночами, не раздѣваясь бросился на постель; для предосторожности положилъ подлѣ себя шпагу и пистолеты, приказалъ служителямъ постоялаго двора разбудить его какъ можно ранѣе, и погрузился въ глубокій, подкрѣпляющій сонъ.

На разсвѣтѣ его разбудили. Онъ бодро вскочилъ, велѣлъ подавать лошадей и пошелъ самъ будить Елену. Дверь была заперта; онъ постучался потихоньку, постучался погромче... нѣтъ отвѣта! Онъ ужаснулся. Напрасно онъ кликалъ и стучалъ въ дверь. Люди постоялаго двора полагали, что съ молодымъ господиномъ вѣрно сдѣлался какой нибудь припадокъ. Оливьеръ самъ

Digitized by Google

испугался и подумалъ, что молодой дѣвушкѣ послѣ утомительной ѣзды легко могло сдѣлаться дурно. Въ сильномъ безпокойствѣ выломалъ онъ дверь и съ неизъяснимымъ удивленіемъ увидѣлъ, что въ комнатѣ нѣтъ никого! Онъ осмотрѣлъ постель, на которой по видимому Елена почивала не раздѣваясь. Куда она вышла, этого никто не могъ угадать. Но одно окошко было до половины растворено. Нѣтъ сомнѣнія! Бѣдная дѣвушка похищена. Асперлинъ открылъ ихъ слѣдъ!

Между тѣмъ хозяева, всѣ служители и служанки увѣряли, что цѣлую ночь все было тихо; посторонній никто не заѣзжалъ, и даже ни одной лошади, ни одной повозки мимо не проѣзжало. Осмотрѣли еще разъ весь домъ и дворъ спереди и сзади, дабы открыть слѣдъ пропавшей. Ничего не нашли. Оливьеръ почти сходилъ съ ума. Нѣтъ сомнѣнія, что она была похищена, и никѣмъ другимъ, какъ подлецомъ Асперлиномъ, который засталъ бѣдную дѣвушку спящею, завязалъ ей ротъ, съ помощію своихъ людей вытащилъ въ окно и посадилъ на приготовленную лошадь, чтобы не сдѣлать шуму и не разбудить ея хранителей. Сей часъ велѣлъ Оливьеръ своимъ людямъ сѣдлать коней, и поскакалъ назадъ въ Ла Сарразъ, съ твердымъ намѣреніемъ освободить Елену. По дорогѣ разспрашивали вездѣ. Сказывали о многихъ проходившихъ и проѣзжавшихъ, но не было въ нихъ ничего похожаго на тѣхъ, коихъ искали. Уже наступалъ вечеръ, и Оливьеръ не только похитителей, но и слѣда ихъ не нашелъ.

12.

Оливьеръ пребылъ твердъ въ намѣреніи ѣхать на другой день въ Ла Сарразъ. Съ первымъ мерцаніемъ зари онъ уже былъ въ дорогѣ. Едва проѣхалъ онъ нѣсколько часовъ, какъ услышалъ конскій топотъ въ сторонѣ, и съ боковой дороги нѣсколько всадниковъ выѣхало къ нему на встрѣчу. Передовой, держа саблю въ рукахъ, закричалъ ему: « Стой! » Это былъ Асперлинъ.

« Разбойникъ! похититель! хорошо что ты мнѣ попался, » кричалъ онъ. « Долой съ лошади! Я требую мщенія, гнусный человѣкъ! Ты долженъ мнѣ кровію заплатить за похищеніе моей невѣсты, негодный Паша! »

Съ сими словами Асперлинъ соскочилъ съ лошади, а вооруженные его служители окружили людей Оливьера и схватили ихъ. Оливьеръ мигомъ напалъ на своего противника. Бой былъ непродолжителенъ. Смертельно раненый Асперлинъ упалъ, и устрашенные люди его подскочили къ нему. Оливьеръ сталъ на колѣно предъ умирающимъ и сказалъ: «Вотъ тебѣ, несчастный, давно заслуженное за Пашу! Зачѣмъ ты меня вездѣ преслѣдуешь? Сказывай: куда ты дѣвалъ Елену, и не лги разставаясь со свѣтомъ?»

— Злодѣй!—закричалъ Асперлинъ.—Кровь моя падетъ на тебя! Ты похитилъ Елену. Отдай родителямъ дочь; не то ты умрешь отъ руки палача.

«Не лги на исходѣ жизни,» повторилъ Оливьеръ. «Скажи мнѣ: гдѣ Елена?»

— Это ты знаешь лучше, нежели я. Эй, люди! помогите мнѣ!

Оливьеръ поодиночкѣ разспрашивалъ всѣхъ сопутниковъ Асперлина. Всѣ они показали, что вмѣстѣ съ господиномъ ѣхали ее отыскивать, подозрѣвая что увезъ ее Оливьеръ. Тутъ увидѣлъ онъ, что Асперлинъ не участвовалъ въ похищеніи Елены. Онъ сѣлъ на лошадь, созвалъ людей и поѣхалъ назадъ, по той-же самой дорогѣ. Вечеромъ онъ опять доѣхалъ до постоялаго двора, гдѣ пропала его возлюбленная. Тамъ никто не дознался объ ней. Начали дѣлать розыски и разспросы. Происшествіе сдѣлалось извѣстнымъ въ цѣлой деревнѣ, и всѣ жители, подстрекаемые собственнымъ любопытствомъ, догадывались, искали и разспрашивали.

Это дѣло осталось неизъяснимымъ для Оливьера, а Елена была для него потеряна. Послѣ всего происшедшаго, ему не зачѣмъ было долѣе оставаться въ сей странѣ. Онъ обязанъ былъ какъ можно скорѣе оставить Швейцарію, ибо разсчиталъ, что послѣ увоза Елены и убійства въ поединкѣ Асперлина, все мѣстное начальство пустится за нимъ въ погоню. Рано поутру выѣхалъ онъ изъ несчастнаго дома, поспѣшилъ за Рейнъ, въ Германію, и прибылъ обратно въ полкъ.

13.

Все, что случилось съ Оливьеромъ во время отлучки изъ полка, представлялось ему какъ сонъ, когда онъ опять попалъ въ однообразный бытъ военной службы. Оно и пропало какъ сонъ, въ особенности когда дни и годы протекли, и Оливьеръ отъ своихъ земляковъ, къ которымъ сначала довольно часто писалъ, не получилъ рѣшенія этой загадки. Онъ дѣйствительно любилъ Елену страстно, и по исходѣ многихъ годовъ не могъ вспомнить о ней безъ внутренняго движенія. Но, между тѣмъ молодой человѣкъ возмужалъ, а въ эту пору уже другими глазами смотрятъ на пылкія ощущенія юношескаго сердца! Страсть его угасла и осталось въ немъ только сознаніе, что въ цѣломъ свѣтѣ не бывало дѣвушки прекраснѣе и милѣе, Елены. Когда по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ родители Оливьера скончались, онъ и не думалъ о Ла Сарразѣ. Возвратиться на родину было невозможно; тамъ жили родственники Елены и Асперлина. Онъ рѣшился посвятить всю жизнь военной службѣ и никогда не жениться.

Такъ прошли десять лѣтъ, и во все сіе время ничего не случилось достопримѣчательнаго для читателей, а вѣроятно и для Оливьера. Онъ не измѣнилъ своему намѣренію. Не рѣдко привѣтствовали его красавицы выразительными улыбками, потому что и въ тридцать пять лѣтъ онъ былъ очень статный мужчина и могъ тронуть нѣжное сердце; но любовь и женитьба никогда и въ помышленія его не входили. Онъ совершенно посвятилъ себя военнымъ занятіямъ, и всего пріятнѣе было-бы для него объявленіе новой войны.

Это и случилось, по поводу мятежей въ Трансильваніи и Венгріи и завоеваній Турковъ, съ коими Императоръ Леопольдъ имѣлъ безпрестанныя распри. Въ 1663 году, храбрый и искусный Визирь Ахметъ Кіюперли, съ арміею во сто сорокъ тысячь человѣкъ, напалъ на Венгрію. Венгерскія области, недовольныя Австрійскимъ правленіемъ, сопротивлялись слабо. Все ихъ ополченіе едва составило двадцать тысячь человѣкъ; не сильнѣе была и Цесарская армія, которую могъ тогда Императоръ присоединить къ Венгерцамъ, подъ предводительствомъ славнаго полководца Монтекукули. Не мудрено, что Турки и Татары достигли Пресбурга и Моравіи, и забрали въ рабскій плѣнъ болѣе сорока тысячъ Христіанъ. Въ семъ затруднительномъ положеніи, Императоръ воззвалъ къ цѣлой Имперіи, къ Папѣ и къ Франціи. Помощь ему оказанная была не значительна. Изъ Франціи пришло шесть тысячъ войска, а вся Германская Имперія доставила едва пятьдесятъ тысячъ.

Въ первый походъ сей войны, Оливьеръ отличился во многихъ случаяхъ. Въ одномъ сраженіи едва не былъ онъ взятъ въ плѣнъ. Его освободили солдаты, и онъ съ тяжелою раною отправился въ Вѣну.

14.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ совершенно выздоровѣлъ и былъ уже готовъ возвратиться къ своей должности, какъ вдругъ неожиданное приключеніе удержало его въ Вѣнѣ. Однажды услышалъ онъ звуки трубъ и подошелъ къ окну. Французскій полкъ проходилъ по улицѣ. Оливьеръ чуть не обезпамятѣлъ, увидѣвъ, подлѣ Французскаго Генерала, ѣдущаго статнаго офицера, который былъ не иной кто какъ Кюньи. «Кюньи!

Digitized by Google

Кюньи!» закричалъ Оливьеръ, простирая къ нему руки изъ окна.

Офицеръ, оглянувшись, по видимому изумился, потомъ улыбнулся, привѣтствовалъ его шпагою и поѣхалъ далѣе, часто оборачиваясь и кивая головою. Оливьеръ погнался за полкомъ и настигнулъ офицера. Это былъ точно Кюньи. Держа за руку своего друга, онъ сопровождалъ его до тѣхъ поръ, пока велѣно было полку остановиться и размѣщаться по квартирамъ. Неизъяснима была радость Оливьера и Кюньи! Между тѣмъ надобно было исправить кое-что по службѣ. Друзья разстались до скораго свиданія, а Оливьеръ приготовилъ въ жилищѣ своемъ чѣмъ угостить друга.

Вечеромъ постучались въ дверь. Елена вошла въ комнату Оливьера, и за нею Кюньи. Оливьеръ остолбенѣлъ! Елена и Кюньи бросились ему на шею.

«Какъ вы сюда попали?» спросилъ онъ наконецъ Елену.

— Я пріѣхала съ моимъ мужемъ — отвѣчала она. — Неужели я должна была его покинуть?

«Такъ вы за мужемъ за Кюньи?» вскричалъ Оливьеръ внѣ себя.

— Уже десять лѣтъ. Неужели вы не знаете? Развѣ вы не получали моихъ писемъ? — спросила Елена.

Digitized by Google

«Ни строчки. Вы за мужемъ! Возможно-ли! Не во снѣ-ли я это вижу?»

— А мы — сказала Елена — видя что вы не удостоиваете насъ отвѣта, полагали, что вы гнѣваетесь, въ особенности на меня. Стало быть вы ни о чемъ не знаете, любезный Оливьеръ? И такъ я обязана изустно просить у васъ прощенія и разсказать о томъ, что я не разъ описывала вамъ со слезами. Такъ-ли, другъ мой? Вы меня простите? — При сихъ словахъ она обняла его и поцѣловала.

За это можно было и смертный грѣхъ простить. Только Оливьеръ не зналъ, въ чемъ испрашивали у него прощенія? Наконецъ послѣ первыхъ разспросовъ и обниманій, когда уже успокоились, все объяснилось. Елена разсказала свои похожденія, почти слѣдующимъ образомъ:

«Вѣроятно вы еще помните, мой добрый Оливьеръ, о моемъ положеніи въ родительскомъ домѣ въ Ла Сарразѣ. Признаюсь, что я васъ любила, очень любила и до сихъ поръ люблю. Но любовной страсти я и вѣрить не хотѣла. За это я была наказана! Когда этотъ проказникъ, мой мужъ, туда пріѣхалъ, то я узнала любовную страсть. Не могу объяснить, какимъ образомъ я въ нѣсколько дней и часовъ сдѣлалась съ нимъ гораздо откровеннѣе, нежели со всѣми мужчинами и женщинами, которыхъ знала уже многіе годы. Онъ узналъ отъ меня о горестномъ моемъ положеніи, и предложилъ мнѣ бѣжать. Въ моемъ отчаяніи, и чувствуя, что безъ Кюньи я жить не могу, я на все согласилась. Мы условились на счетъ важнѣйшихъ обстоятельствъ. Онъ поѣхалъ въ Миланъ. Мы переписывались тайно. Родители и женихъ мой были спокойны на мой счетъ, и какъ скоро Кюньи извѣстилъ меня о своемъ возвращеніи, то я всѣ свои драгоцѣнныя вещи отправила въ Базель. Часъ, день и мѣсто нашего свиданія были назначены. Я открылась вамъ въ моемъ намѣреніи и благополучно ушла изъ дому.

«Такъ какъ я знала, что Кюньи недалеко, то и настояла въ томъ, если вы помните, чтобы мы ночевали въ бѣдномъ постояломъ дворѣ. Лишь только я замѣтила что всѣ уже спятъ, то вылѣзла въ окошко, и не взирая на свою усталость, вышла, чрезъ деревеньку, на дорогу ведущую въ городокъ, куда въ тотъ-же вечеръ вы хотѣли меня привезть. Но я знала, что Кюньи долженъ былъ меня встрѣтить тамъ въ самую полночь. И въ самомъ дѣлѣ, я еще не прошла четверти часа, какъ уже нашла его. Легкая повозка стояла при въѣздѣ въ лѣсъ. Счастіе мое было неизъяснимо! Мы поѣхали, и безъ всякихъ препятствій Кюньи довезъ меня до Брисселя. Тамъ я сдѣлалась его супругою, и первымъ моимъ попеченіемъ было увѣдомить васъ обо всемъ и испросить себѣ прощенія за мой поступокъ. Но мы не получили отъ васъ отвѣта.»

Къ сему разсказу Елены Кюньи прибавилъ: «Повѣрь, что въ теченіе блаженныхъ десяти лѣтъ, нами проведенныхъ, ты былъ ежедневнымъ предметомъ нашихъ разговоровъ. Единственно въ надеждѣ отыскать тебя, если ты еще живъ, или по крайней мѣрѣ узнать о тебѣ, я всячески старался попасть во вспомогательное войско, которое нашъ Король посылаетъ Императору. Посредствомъ рекомендацій, мнѣ удалось быть помѣщену въ корпусъ Колиньи. Счастіе мнѣ болѣе благопріятствовало, нежели сколько я ожидалъ. Ты опять съ нами! Ты простишь намъ! Смотри, « продолжалъ Кюньи, вынувши складной ножикъ съ перломутовымъ черенкомъ, » смотри, Оливьеръ: ножикъ цѣлъ, и твой подарокъ насъ не поссорилъ.»

Съ чувствомъ прижалъ Оливьеръ друга своего къ сердцу и сказалъ улыбаясь: « Мнѣ должно было-бы самому все это отгадать! Ты еще будучи мальчикомъ, когда мы козами предводительствовали, не рѣдко отнималъ у меня невѣрную мою Елену! Но я за это не разгнѣваюсь на прекраснаго Париса, и не разрушу Илліона! »

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

— Histoire de Russie et de Pierre-le-Grand, par M. le général comte de Ségur (*Исторія Россіи и Петра Великаго*. **Сочиненіе Генерала Графа Сегюра**). **Парижъ, 1829 г.**

(*Окончаніе*).

Ни у одного изъ новыхъ народовъ, ни одна эпоха не имѣетъ такой существенной занимательности, какъ окончаніе шестнадцатаго и первые годы семнадцатаго столѣтія въ Россіи. Сія эпоха мало извѣстна въ остальной Европѣ, потому что она не имѣла Историковъ. И Графъ Сегюръ не хотѣлъ быть ея Историкомъ, ибо планъ его не соотвѣтствовалъ этому: царствованіе Петра — вотъ его цѣль; предшествующее оному, у него собственно только введеніе. Пропустимъ Бориса Годунова: этотъ похититель, ненавидимый дворянствомъ, оплакиваемый плебеями, имѣетъ сходство съ Людовикомъ XI-мъ, и съ тысячью другихъ тирановъ, донынѣ еще ужасающихъ, какъ скоро Исторія ставитъ насъ съ ними лицомъ къ лицу. Говорятъ, что Борисъ началъ первый приписывать крестьянъ къ землѣ: это мнѣніе общепринятое, но хронологически мало вѣроятное; по крайней мѣрѣ оно возбуждаетъ сомнѣнія, требуетъ изслѣдованій. И такъ Руские были свободны, когда половина міра еще носила оковы! Московія не только не отставала отъ Европейскаго просвѣщенія, но даже шла впереди онаго до 1590 года. Трудно вдругъ принять такое странное мнѣніе; но тогда былъ вѣкъ чудныхъ событій. Исторія Лжедимитрія есть задача особеннаго рода. Судьба его донынѣ еще облечена туманомъ; обманъ его не доказанъ совершенно; иные приписываютъ паденіе Димитрія не неправотѣ его, а приверженности къ Католической религіи. Онъ внушаетъ имъ ту-же благочестивую жалость, которая привлекаетъ насъ къ Маріи Стюартъ, не смотря на ея преступленія. Однимъ словомъ, не всѣ почитаютъ мужа Марины Мнишекъ обманщикомъ. Мнѣніе смѣшное! Гришка Отрепьевъ былъ Матюринъ Брюно своего времени, съ тою разницею, что онъ обрабатывалъ болѣе плодоносную землю. Впрочемъ, извѣстно, что главною причиною его бѣдствія были: Польская гвардія, Польскіе придворные, Польскій нарядъ его жены, знаменіе креста не Русское и музыкальные инструменты, которые онъ употреблялъ при обѣднѣ, въ противность уставовъ Греческой Церкви. Но всего болѣе погубила его свита Іезуитовъ. Это странное царствованіе, кажется, плѣнило воображеніе Шиллера. Онъ накидалъ свои идеи въ первомъ дѣйствіи трагедіи, богатомъ красками и движеніемъ. Димитрій, безпомощный, но исполненный честолюбія, является просителемъ на Польскомъ Сеймѣ. Волненіе сего собранія нарисовано шибкими чертами: это живая Исторія. Жаль что утомленіе или смерть не допустили Шиллера довершить сію картину.

События, совершившіяся послѣ Лжедимитрія, еще болѣе достойны воспламенить благородный

Digitized by Google

геній. Лѣтописи народовъ рѣдко представляютъ намъ союзъ различныхъ сословій государства, которыя, часто бывая врагами и всегда соперниками, рѣдко раздѣляли общую славу: торжество одного изъ нихъ почти всегда состояло въ униженіи другихъ. Вотъ причина и необыкновеннаго пристрастія нѣкоторыхъ изъ нашихъ новыхъ Историковъ: тотъ защищаетъ дворянство, другой духовенство, третій народъ. Думая давать отчетъ за вѣка минувшіе, они говорятъ о нихъ какъ о вчерашнемъ анекдотѣ. Они болѣе адвокаты, нежели Историки: для нихъ прошедшее есть дѣло, клонящееся ко вреду или къ пользѣ настоящаго. Выгода касты заставила ихъ взяться за перо: это такъ явно, что опытные глаза угадаютъ малѣйшія подробности общественнаго положенія Историка, по его сострастію или ненависти, преувеличенной строгости или излишней снисходительности.

И могло-ли быть иначе? Новая Исторія, съ начала до конца, не есть-ли судебное донесеніе объ отчаянной битвѣ между феодалами и рабами, между силою и слабостью? Историкъ судья на полѣ битвы: ему надлежало-бы оставаться безпристрастнымъ, но онъ человѣкъ, кровь кипитъ въ его жилахъ, онъ предается побѣдителю или побѣжденному и изъ судьи легко становится подсудимымъ. Этого сильнаго искушенія нечего бояться за ту эпоху Русской Исторіи, которая извѣстна подъ именемъ Междуцарствія. Сенека думалъ, что есть одно зрѣлище, не недостойное взора Божества: это добродѣтель въ борьбѣ съ несчастіемъ. Есть и другое зрѣлище, не менѣе достойное быть угоднымъ Божеству: это единодушное согласiе всѣхъ гражданъ на защиту отечества и отраженiе общаго непрiятеля. Поляки приближаются; Россiя можетъ быть завоевана; но народъ, духовенство, дворянство, возстаютъ всѣ: у нихъ одна душа, одинъ духъ. Настоятель Троицкiй жертвуетъ безчисленными богатствами своего монастыря; Мининъ, богатый купецъ, приноситъ все свое имѣнiе на публичную площадь; Князь Пожарскiй беретъ Минина за руку и летитъ съ нимъ на битву: они являются, чужеземецъ бѣжитъ, отечество спасено. За то, ничто не можетъ сравниться съ народностью сихъ воспоминанiй въ Россiи: нераздѣлимыя имена Пожарскаго и Минина въ устахъ, или лучше сказать въ сердцахъ всѣхъ. Знатный баринъ, живущiй въ палатахъ, нищiй, извощикъ, баба, мужикъ, всѣ знаютъ Пожарскаго и Минина, всѣ благословляютъ память ихъ. Бронзовыя статуи (*) двухъ друзей украшаютъ одну изъ площадей Московскихъ, и въ 1812 году, призывая имена Пожарскаго и Минина, Рускiе укрѣплялись духомъ въ героическомъ сопротивленiи неправедному нашествiю.

Принятой планъ не позволилъ Гр. Сегюру подробнѣе изложить Междуцарствiе: надобно пожалѣть объ этомъ. Богатая кисть его дала-бы истинную физiономiю симъ событiямъ, укорочен-

---

(*) Въ подлинникѣ сказано: les statues *en marbre*, разумѣется ошибкою. *Прим. Пер.*

нымъ въ его Исторіи. Мы увидѣли-бы, что Пожарскій, сей полководецъ столь-же великодушный сколько скромный, поднесъ предлагаемую ему корону Михаилу Романову (*). Мать сего юноши съ ужасомъ отвергаетъ подносимый ему даръ, почитая оный пагубнымъ; она видитъ въ немъ смертный приговоръ своему сыну, и на колѣняхъ умоляетъ народъ избавить его отъ опасныхъ благодѣяній. Царствованіе Михаила не оправдало предвѣщанія матери, слишкомъ боязливой: оно было мирно, даже славно, и если сей Государь заслужилъ отъ потомства только *уваженіе*, то этому причиной его счастіе и вмѣстѣ невыгода быть отцомъ Алексія и дѣдомъ Петра Великаго.

Царствованіе Алексія описано нѣсколько небрежно. Образователь Русской торговли, первый законодатель Русскій, однимъ словомъ предшественникъ Петра I-го, предуготовившій для него пути просвѣщенія, заслуживалъ нѣсколько такихъ страницъ, какія Гр. Сегюръ умѣетъ писать. Чувствуешь, что онъ спѣшитъ къ своему Герою. Едва произнесено имя Петра, какъ жизнь снова является въ его повѣствованіи: все одушевлено, все при-

---

(*) Къ занятію трона назначали двухъ человѣкъ: Михаила Романова, по избранію народа, и Князя Василія Голицына, по избранію дворянства и духовенства. Голосъ Пожарскаго утвердилъ выборъ народный. Исключеніе кандидата своего званія есть новая черта, довершающая сей изумительный характеръ. *См. Нарушевича. Прим. Автора.*

Digitized by Google

нимаетъ свой цвѣтъ. Вотъ Царица Наталія, неустрашимая мать Царевны Софіи, женщины честолюбивой и непредусмотрительной. Софія алкала крови своего брата. Она, кажется, имѣла много ума, и, питая въ душѣ своей звѣрскіе замыслы, любила Литтературу. Въ Королевской Библіотекѣ есть трагедія, сочиненная ею, подъ заглавіемъ *Новуходоносоръ*, и переводъ *Лекаря по неволѣ* (*). Софія и Мольеръ! Сганарель и Стрѣльцы! Трудно вѣрить ихъ современности. Мы жили съ Мольеромъ, но мы за десять столѣтій отъ Софіи: такъ сообразность или разница въ просвѣщеніи, въ нравахъ, въ обычаяхъ, сближаютъ или раздѣляютъ вѣка!

(*) Русскій Театръ родился въ тѣни монастырской. Въ семнадцатомъ столѣтіи, одинъ ученый духовный, причтенный Греческою Церковію къ лику Святыхъ, Димитрій, Митрополитъ Ростовскій, написалъ много драмъ и заставлялъ представлять ихъ въ монастыряхъ своей Епархіи. Всѣ предметы оныхъ заимствованы имъ изъ Св. Писанія. Таковы: *Рождество Христово*, *Воскресеніе*, *Эсѳирь и Агасферъ*, *Грѣшникъ кающійся*, и проч. Во время вакацій, студенты Университета (?) Кіевскаго ѣздили по Украйнѣ и сосѣдственнымъ областямъ, представляли благочестивыя драмы и сопровождали ихъ самою грубою мимикою. Въ 1676 году Бояринъ Матвѣевъ вывелъ передъ Царя Алексія Михайловича труппу Нѣмецкихъ комедіянтовъ. Они представили *дивную исторію о Царицѣ Олофернѣ, отсѣкающей голову непріятельскому полководцу*. Нѣсколько скрипокъ,

Digitized by Google

Не смотря на свой умъ, Софія не умѣла понять Петра: она ничего не провидѣла въ дѣтскихъ его забавахъ. Героическое дѣтство Царя одушевило Гр. Сегюра: этотъ отрывокъ у него прелестенъ, и я приведу оный вполнѣ. Читатель поблагодаритъ меня.

«... Удаленный отъ трона, Петръ избѣгаетъ атмосферы нѣги и лести, окружающей оный. Ненависть, внушаемая ему къ палачамъ его семейства, увеличиваетъ силу его характера. Онъ знаетъ, что долженъ завоевать свое мѣсто на тронѣ, занимаемомъ сестрою хитрою, честолюбивою, окруженною варварскимъ войскомъ. Съ сего времени дѣтство его имѣетъ то, чего слишкомъ часто не достаетъ зрѣлому возрасту: оно имѣетъ цѣль. Геній его, уже смѣлый и упорный, овладѣваетъ ею. Окруженный отважными умами людей предпріимчивыхъ, издалека пришедшихъ попытать своего счастія, онъ развивается быстро.

«Одинъ изъ окружавшихъ его, Лефортъ, безъ сомнѣнія увидѣвъ въ юномъ Царевичѣ слѣды образованности, посѣянной можетъ быть первымъ его

при помощи небольшихъ органовъ, составляли оркестръ, и спектакль кончился балетомъ, гдѣ поэтъ Орфей, пропѣвъ оду въ честь Царя, пустился плясать между двухъ движущихся пирамидъ. *См. Греча, Учебная книга. — Прим. Автора.*

наставникомъ (*), показываетъ ему блескъ Наукъ, Искуствъ Европейскихъ, и особенно Искуства Военнаго.

«Говорятъ, что тогда, при видѣ варварства своихъ соотечественниковъ, сей отрокъ проливаетъ слезы великодушной скорби. Кажется, юнымъ взорамъ новаго Ахиллеса представили мечъ: но Петръ болѣе и сего. Не будемъ удивляться, что игрушками его было оружіе, играми военныя экзерциціи; но вотъ что изумительно: онъ понялъ важность подчиненности въ такое время лѣтъ, когда она кажется игомъ нестерпимымъ; онъ подвергнулся ей съ такою пылкостію, съ какою люди обыкновенно уклоняются отъ нея; онъ упорно остался при этомъ въ самое измѣнчивое время жизни; наконецъ, онъ подавалъ примѣръ въ такомъ возрастѣ, когда едва умѣютъ брать оный.

«Пятьдесятъ юныхъ Россіянъ было опредѣлено къ нему, не какъ избранные юноши Египетскіе къ Сезострису, или, древле, сыновья вельможъ Персидскихъ къ юному Киру, но единственно въ товарищи для буйныхъ увеселеній, въ *потѣшники*, ибо такъ называли ихъ при грубой простотѣ того времени.

«Петръ такъ и принялъ ихъ, ибо тѣла его, столь-же могучаго какъ и умъ, доставало на все, на доброе и на худое. Но въ то-же время, съ

(*) См. Бассевича, *Записки Лефорта. Прим. Автора.*

удивительною разборчивостью, свойственною великимъ людямъ, и съ тою силою, какую имѣютъ они и надъ собою и надъ другими, онъ пользуется единственнымъ, оставленнымъ ему средствомъ, вырывается изъ окружающаго его варварства, и увлекаетъ за собою все окружающее его.

«Деревня, въ которую онъ былъ удаленъ, становится военною, Европейскою школою, товарищи учениками Военнаго Искуства, опытными, вооруженными, одѣтыми какъ иностранцы, которыхъ превосходство онъ увидѣлъ.

«Юный Царь хочетъ пройдти всѣ чины, исполнить самыя тягостныя обязанности оныхъ: онъ былъ барабанщикомъ, потомъ солдатомъ, наконецъ офицеромъ, не для суетной формы; онъ самъ, на тѣлежкѣ, сдѣланной его руками, вывозилъ землю изъ выкопанныхъ имъ шанцевъ, и также самъ, наряду съ послѣднимъ солдатомъ, стоялъ подлѣ нихъ на караулѣ.

«Онъ хочетъ возвысить сіе поприще, хочетъ оставить на немъ глубокіе слѣды Государя, дабы служить примѣромъ послѣдователямъ своимъ, и послѣ сего, давая еще славнѣйшій примѣръ, въ свободныя отъ службы минуты прилѣпляется къ изученію Нѣмецкаго языка и Математики, отдыхая трудомъ ума отъ трудовъ тѣла, и образуясь такимъ образомъ для жизни геройской.

. . . «Но Софія и ея Стрѣльцы со смѣхомъ глядятъ на сіи воинственныя игры. Въ сихъ послѣдовательныхъ усиліяхъ, идущихъ все по одному направленію, она не узнаетъ попытокъ раждающагося генія. Въ сихъ пятидесяти дѣтяхъ, составившихъ роту, такъ называемую *потѣшную*, она не провидитъ зародыша тѣхъ регулярныхъ корпусовъ, которые вскорѣ будутъ способствовать къ низверженію ея съ трона, къ уничтоженію ея приверженцевъ.»

Теперь взглянемъ на портретъ Петра, уже взрослаго человѣка.

... «Великое сердце его, безъ эгоизма въ самой эгоистической изъ страстей, заключаетъ въ одномъ себѣ высокое честолюбіе, принадлежащее цѣлому народу, чуждое личности: славу двадцати милліоновъ человѣкъ! ...

«Съ симъ величіемъ души онъ соединяетъ правоту сужденія, вѣрность ума, словомъ, тотъ здравый разсудокъ, который можно назвать шестымъ чувствомъ и который одинъ только можетъ дать всѣмъ силамъ души и тѣла полезное, и слѣдственно истинно великое направленіе.

«Прибавьте къ этому сложеніе великаго человѣка, сообразность крѣпости и дѣятельности физической и умственной, необходимую для живыхъ и сильныхъ помысловъ, для упорнаго исполненія и совершенія обширныхъ предпріятій; наконецъ ростъ героевъ баснословныхъ, рѣдко бывающій у истинныхъ, потому-ли что природа человѣческая не можетъ быть полною, и что она истощается въ огромныхъ размѣрахъ или души или тѣла, или потому что сіи два преимущества несоединимы, и люди, одаренные прекрасною наружностью, не принимаютъ на себя труда быть великими людьми.»

Digitized by Google

Я зналъ въ дѣтствѣ своемъ нѣсколькихъ стариковъ, почти столѣтнихъ, видѣвшихъ Царя. Видъ его былъ очень важенъ, чтобы не сказать очень ужасенъ. Когда жены Саардамскихъ матросовъ хотѣли унять крикъ своихъ дѣтей, то всегда пугали ихъ *большимъ Московскимъ плотникомъ* (*). Сила его соотвѣтствовала наружности. Однажды, за ужиномъ съ Августомъ, Королемъ Польскимъ, Петръ взялъ двѣ серебряныя тарелки, смялъ ихъ одну о другую и свернулъ въ трубки (**). Въ Амстердамѣ, въ 1697 году, онъ остановилъ одною рукою крылья мѣльницы, для того что ему хотѣлось разсмотрѣть ихъ получше. Подобныя безполезныя неосторожности часто могли стоить ему жизни; но его удовольствія могли-ли быть не столь-же исполинскими, какъ и его труды? Онъ былъ вездѣ тотъ-же: его работы, его забавы, все происходило изъ одного источника.

Онъ ненавидѣлъ роскошь, которую такъ любилъ его отецъ. Одинъ Англичанинъ, медикъ Алексія Михайловича, оставилъ намъ много подробностей о Дворѣ сего Монарха:

«Царь Алексій,» говоритъ Докторъ Самуилъ Коллинсъ, «показывается народу не иначе какъ покрытый жемчугомъ, бриліянтами, и окруженный множествомъ придворныхъ. Онъ никогда не посѣ-

---

(*) Scheltema, Russland en Nederlanden. 1817, II. *Прим. Автора.*

(**) Рукопись Нартова. *Прим. Автора.*

щалъ ни одного изъ частныхъ людей, кромѣ своего наставника, на смертномъ одрѣ. Стражи его стоятъ передъ нимъ угрюмы, вытянуты, неподвижны какъ истуканы. Можно подумать, что Дворецъ его есть необитаемое мѣсто: въ немъ всегда глубочайшее молчаніе. Алексій обѣдаетъ одинъ и посылаетъ нѣсколько блюдъ со своего стола къ Боярамъ, когда хочетъ изъявить имъ благоволеніе.»

Петръ отбросилъ этотъ восточный этикетъ: онъ не только не запирался въ великолѣпной пустынѣ, но поощрялъ собранія людей обоихъ половъ и любилъ участвовать въ нихъ. Нѣкоторые изъ нашихъ читателей, можетъ быть, удивятся, узнавъ, что Законодатель Россіи былъ также однимъ изъ лучшихъ танцоровъ своего отечества; однакожь это совершенно справедливо: балы начались въ Россіи съ его времени, и онъ, посѣщая каждый изъ нихъ, не бывалъ празднымъ зрителемъ. Однажды ему вздумалось заставить прыгать самыхъ старыхъ и самыхъ важныхъ особъ своей Имперіи: онъ самъ распоряжалъ танцами, дѣлалъ самыя странныя фигуры, трудные па, и принуждалъ неискусныхъ танцоровъ осушать большой бокалъ, прозванный *Большимъ орломъ*.

Петръ одѣвался очень просто. Онъ носилъ одежду своего времени (вѣка Людовика XIV-го), безъ лентъ и безъ перьевъ. Не болѣе какъ два торжественные случая заставили его одѣться парадно. Одинъ, слѣдующій, случай былъ слѣдствіемъ его политики: Князь Долгорукій и Графъ Головкинъ, занимавъ дипломатическія мѣста при различныхъ Европейскихъ Государяхъ, возвращались въ Россію. По общему мнѣнію, они научились въ Европѣ пріятности обращенія и переняли образованные нравы. Царь былъ чрезвычайно доволенъ этимъ, и рѣшился изъявить имъ свою признательность самымъ блестящимъ образомъ. Въ кафтанѣ изъ малиноваго бархата, вышитомъ золотомъ по швамъ, окруженный своею Фамиліею и гвардіею, онъ выѣхалъ на встрѣчу къ своимъ Посланникамъ, четыре часа ждалъ ихъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга, посадилъ ихъ въ свой экипажъ, и, заставивъ проѣхать черезъ весь городъ, какъ въ тріумфѣ, всенародно поздравилъ ихъ *совлекшись ветхаго человѣка* (*).

Хотятъ-ли знать, какъ онъ располагалъ своимъ днемъ? Это вполнѣ описано въ современныхъ Запискахъ. Петръ всегда ложился въ десять часовъ и вставалъ въ три, зимою и лѣтомъ. Вставши, онъ тотчасъ занимался *пересмотромъ* Журналовъ и книгъ иностранныхъ, переведенныхъ по его повелѣнію. Ни одно сочиненіе не печаталось, не бывъ напередъ разсмотрѣно и исправлено самимъ Императоромъ. Между четвертымъ и пятымъ часами онъ бралъ свою трость, записную книжку, и шелъ осматривать работы. Послѣ сего онъ занимался, до одиннадцати часовъ, въ Сенатѣ. Здѣсь оказывалъ онъ ту живость ума, ту быстроту въ работѣ, которыя принадлежатъ подобнымъ ему людямъ. Бассевичъ говоритъ, что Царь дѣлалъ въ одинъ часъ то, чего другіе не кончили-бы и въ четыре. По выходѣ изъ Сената начинались аудіэн-

---

(*) Бюшингъ, Бассевичъ, Бергольцъ. *Прим. Автора.*

ціи. Богатый, бѣдный, знатный баринъ, купецъ, крестьянинъ, рабъ, къ нему всѣ были равно допускаемы. Петръ выслушивалъ ихъ со вниманіемъ и давалъ рѣшенія *на мѣстѣ* (*). Около полудня онъ садился за столъ, въ кругу своего семейства. Столовая была подлѣ кухни, *чтобы кушанья не простывали:* поваръ вынималъ ихъ изъ печи и тотчасъ подавалъ на столъ Императорскій, *черезъ окно* (**). Послѣ обѣда отдыхъ въ яхтѣ, на Невѣ; послѣ сего политическія аудіэнціи, въ кабинетѣ или въ мастерской, при запертыхъ крѣпко дверяхъ, даже для Императрицы и Великихъ Княженъ. Тамъ побѣдитель Карла XII-го, основатель Петербурга, посылалъ свои приказы въ Архангельскъ, въ Астрахань, учился теоріи мореплаванія, разговаривалъ съ отличными людьми, или точилъ образъ Св. Николая Чудотворца.

Остановимся: сіи подробности мало извѣстны и, можетъ быть, покажутся не очень важными; посему ихъ надлежало исключить изъ сочиненія Гр. Сегюра. Я не буду со словъ его излагать предпріятій, учрежденій, войнъ Петра Великаго. Гр. Сегюръ описываетъ ихъ не какъ компиляторъ, но какъ воинъ, какъ политикъ. Онъ знаетъ что̀ должно дѣлать, дабы сообщить понятіе о великомъ человѣкѣ: онъ самъ жилъ вблизи великаго человѣка. Но это не все: въ его сочиненіи умилительная занимательность на высокой степени. Судъ Царевича Алексѣя разсказанъ превосходно: Историкъ болѣе

(*) Нартовъ, Голиковъ, Брюсъ. *Прим. Автора.*

(**) *Корниловичъ*, Русская Старина. *Прим. Автора.*

сожалѣетъ объ отцѣ, нежели судитъ его. Онъ видитъ Россію преображенную, и, какъ Виргилій, который колебался порицать Брута-республиканца, онъ не смѣетъ осуждать Брута-Самодержца:

Infelix! . . . utcumque ferant ea facta minores.

Впрочемъ, Гр. Сегюръ не только удивляется своему герою: онъ истинно боготворитъ его. И мы, вмѣстѣ съ нимъ, изумлены множествомъ чудесъ Петра; мы удивлены, поражены при видѣ человѣка-творца. Сія способность придала-бы ему, въ глазахъ Древности, нѣчто Божественное, тѣмъ болѣе, что слава подобныхъ ему ограничивается почти всегда однимъ даромъ истребленія. Но не слишкомъ-ли рѣзко исполнялъ онъ свои преобразованія? Не раздражалъ-ли онъ часто, безъ надобности, тотъ народъ, который хотѣлъ исправить? Не лучше-ли было-бы дать время обрить бороды, нежели вырывать ихъ насильственно? Приведемъ одинъ или два примѣра. Петръ уничтожилъ древнія названія Бояръ, Думныхъ Дьяковъ, и замѣнилъ ихъ титлами Президентовъ, Совѣтниковъ, и проч. Гр. Сегюръ хвалитъ его за сію перемѣну; а мы не нашли-бы въ ней повода къ хвалѣ. Говорятъ, что Литтература есть выраженіе общества. Если Русская Литтература донынѣ не имѣетъ собственной физіономіи, то причина этого не отыщется-ли въ слишкомъ точномъ сколкѣ съ иностранныхъ обычаевъ? Неужели Петръ имѣлъ надобность *сердить* (taquiner) своихъ подданныхъ, подписываясь Piter, по-Голландски, вмѣсто того чтобы просто подписываться по-Русски? Предпріятія его были велики, огромны, удивительны; но не вмѣшивалась-ли въ нихъ часто прихоть? Игрѣ воображенія обязаны мы самымъ правильнымъ городомъ въ мірѣ. Неаполь и Петербургъ находятся на двухъ оконечностяхъ Европы; подлѣ одного Везувій, подлѣ другаго Нева; зачѣмъ было вызывать столь грозныхъ сосѣдей? Неужели Петръ не умѣлъ предусматривать? Въ первый годъ основанія Петербурга, онъ увидѣлъ замѣтку на вершинѣ одного дерева, и спросилъ, что это значитъ? «Замѣтка послѣдняго наводненія, Государь!» отвѣчалъ ему простодушный житель. «Вода доходила до нея.» Царь не возразилъ ничего, но велѣлъ срубить дерево (*).

Желая придать большій блескъ славѣ Петра, не имѣющей надобности ни въ какомъ украшеніи, Историки преувеличили варварство, бывшее до него, и образованность, введенную имъ въ Россію. Что разумѣютъ они подъ названіемъ образованности? Пріятность въ обращеніи, въ разговорѣ, ученье Литтературное, занятіе Искусствами, прелесть, вѣжливость, отличающія высшее Русское

(*) Это мнѣніе Г-на Критика совершенно несправедливо. Не изъ прихоти, а по видамъ политическимъ Петръ основалъ Петербургъ. Если онъ велѣлъ срубить дерево съ замѣткой, то поступилъ очень умно: зачѣмъ давать поводъ черни толковать о томъ, чего она не понимаетъ? Если просвѣщенные люди, послѣ ста двадцати-лѣтняго процвѣтанія Петербурга, питаютъ сіи суевѣрные страхи, то можно-ли дозволять думать объ этомъ простолюдинамъ? *Прим. Перев.*

общество? Отдадимъ за это честь Петру, но не прямо: эта утонченная образованность не могла быть введена въ Россію безъ него, но въ его время она не существовала. Она принадлежитъ царствованіямъ Анны, Елисаветы; предполагаемъ даже, что она началась только во время Екатерины. Варварство, существовавшее прежде Петра, было конечно велико; но развѣ не былъ погруженъ въ варварство весь Сѣверъ? Принцесса Вильгельмина Прусская, Маркграфиня Байрейтская, насмѣхается надъ Дворомъ Русскимъ: но, судя по ея собственнымъ словамъ, многимъ-ли разнились Дворы Царя и Фридриха Вильгельма, отца ея?

Мы не согласны съ Графомъ Сегюромъ, будто Русскій народъ въ семнадцатомъ столѣтіи былъ пораженъ величайшимъ огрубѣніемъ и рабствомъ: его мнѣніе опровергается патріотическимъ движеніемъ Пожарскихъ, Мининыхъ, духовенства, дворянства, народа, цѣлой Россіи, во время вторженія Поляковъ. Не самъ-ли онъ привелъ примѣры смѣлости, данные членами всѣхъ классовъ общества, бѣднымъ извощикомъ, простымъ Капитаномъ и Княземъ Долгорукимъ? Не истинный-ли Римлянинъ этотъ вельможа, раздирающій несправедливый указъ передъ глазами самого Императора? Долгорукій соединялъ съ знаменитымъ именемъ благородный характеръ. Говоря, что у Русскихъ дворянъ нѣтъ ни предковъ, ни воспоминаній, Гр. Сегюръ конечно говоритъ не о великой, истинной аристократіи; онъ намекаетъ на нисшее дворянство, въ которое можетъ вступить, посредствомъ оберъ-офицерскаго диплома, посредствомъ ничтожной писарской должности, всякій сынъ вольноотпущенника или священника. Никакой высокій родъ не затмитъ происхожденія Русскихъ Князей, имѣющихъ сіе достоинство по праву рожденія. Одни, напримѣръ, Долгорукіе, потомки Рурика; другіе, отрасль Государей Польскихъ, Литовскихъ: таковы Голицыны, одинъ изъ могущественнѣйшихъ домовъ въ Европѣ, по числу, богатству, знатности; они, какъ Ягеллоны, происходятъ отъ одного изъ сыновъ Гидемина, владѣтельнаго Князя Литовскаго. Ягеллоны брали супругъ или зятьевъ отъ всѣхъ троновъ Христіанскихъ; кровь ихъ соединялась съ кровію Государей Баваріи, Саксоніи, Австріи, съ кровію Фуа, и слѣдственно Королей Французскихъ.

Хотя нѣкоторыя части царствованія Петра и омрачены темными пятнами, но умирая онъ имѣлъ право дать себѣ отчетъ, не имѣющій примѣра: что онъ одинъ совершилъ дѣло вѣковъ. Смерть его была поводомъ къ тысячѣ предположеній: Гр. Сегюръ разбираетъ ихъ съ большою проницательностью. Наконецъ, съ рѣдкимъ краснорѣчіемъ описываетъ онъ послѣднія минуты своего Героя.

« . . . Дворецъ въ смятеніи. Въ Лейденъ и Берлинъ скачутъ курьеры за спасительными совѣтами. Всѣ Петербургскіе медики призваны къ тому одру, на которомъ возлежитъ столько воспоминаній, столько надеждъ славы и народнаго блага. Тамъ, десять дней, при ужасныхъ средствахъ, употребляемыхъ для облегченія его, и, какъ говорятъ, ускорившихъ его кончину, онъ, то наполняетъ Дворецъ крикомъ, извлекаемымъ изъ него страданіями, що, негодуя на сію невольную слабость, восклицаетъ, *что въ немъ видятъ, какое бѣдное созданіе человѣкъ!*

«Наконецъ, 26-го Января, онъ предается Всевышней Волѣ, взываетъ громкимъ голосомъ къ Небу, принимаетъ послѣднія пособія религіи, и изъ Христіанскаго-ли смиренія, чувствуя-ли при смерти тягостныя воспоминанія, или покоряясь древнему обычаю, принадлежащему Россіи, онъ приказываетъ заплатить свои долги и освободить заключенныхъ въ тюрьмы. Тутъ-же говоритъ онъ: *Я надѣюсь, что Богъ обратитъ на меня милосердый взглядъ за все добро, какое сдѣлалъ я своему отечеству.*

«Умирая еще тысячу разъ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ дней, онъ, съ тѣмъ-же жаромъ къ просвѣщенію, съ тою-же твердостію, съ какою жилъ, завѣщаетъ, въ краткія минуты облегченія отъ боли, завѣщаетъ Екатеринѣ Академію Наукъ и велитъ призвать въ оную ученыхъ изъ Европы. Онъ указываетъ на Остермана слѣдующими словами: *Россія не можетъ обойдтись безъ него; одинъ онъ знаетъ истинныя пользы ея.* Послѣ сего онъ назначаетъ, сколько времени носить послѣ него трауръ.

«Онъ хочетъ напослѣдокъ изъявить письменно свою волю; но въ обманчивомъ спокойствіи неполной смерти, много разъ слѣдовавшей за его страданіями, онъ не знаетъ, какъ мало остается у него силъ. Трепещущая и уже отяжелѣвшая его рука проводитъ на бумагѣ однѣ черты неясныя; онъ самъ не можетъ въ нихъ прочитать ничего, кромѣ сихъ словъ: *Отдайте все*. . . Тутъ онъ велитъ призвать, какъ можно скорѣе, Княжну Анну, свою милую дочь; но когда она прибѣжала — голосъ, рука и вся лѣвая сторона тѣла ея отца уже умерли. Онъ усиливается окончить, но тщетно; воля его вполнѣ существуетъ еще, но уже безъ сообщенія съ здѣшнимъ міромъ. Сей Государь, столь могущественный, еще живетъ, и среди своего народа, окруженный своими приближенными, въ объятіяхъ своего семейства, уже отдѣленъ отъ нихъ. Такъ остается онъ, одинъ въ борьбѣ со смертью, сопротивляясь ей въ продолженіе пятнадцати часовъ ужаснѣйшаго томленія.

«Наконецъ, 28-го Января, около четырехъ часовъ утра, глаза его закрываются на вѣки. И въ тотъ обычный часъ, когда пробуждаясь отъ другаго сна, каждое утро снова начиналъ онъ трудиться для своей Имперіи, Петръ оканчиваетъ сорокъ три года царствованія и пятьдесятъ два года жизни, которою Россія живетъ и донынѣ.»

Благія желанія Петра услышаны: уже нѣсколько поколѣній потомки Княгини Анны занимаютъ Тронъ Россіи. Они близко слѣдовали своему Прадѣду въ любви ко всему великому, но не подражали его излишествамъ, ибо, не льзя скрыть отъ себя того, что Исторія Царя изумляетъ, но и тяготитъ душу. Величіе цѣли его внушаетъ удивленіе, но жестокость его средствъ хладитъ ужасомъ. Петръ не щадилъ крови, даже своей. Преобразованіе народа можетъ-ли вознаградить за такія пожертвованія? Должно-ли, для побѣды надъ варварствомъ, превзойдти его? Неужели будущее счастіе, плодъ преобразованія, можетъ быть приобрѣтаемо только скорбями въ настоящемъ? Человѣчество, стеная, отвергаетъ сію мысль, но опытъ видитъ прошедшее, и колеблется. Въ человѣкѣ такъ сильна животная сторона его; онъ такъ лѣнивъ, такой рабъ привычки, что ни одно измѣненіе въ его нравахъ, въ его законахъ, не можетъ совершиться безъ потрясеній. Народы дремлющіе, застывшіе среди вѣковыхъ преданій, пробуждаются только при ударѣ грома, и — дѣло ужасное, или, лучше сказать, непостижимое! — часто цѣлое поколѣніе приносится въ жертву поколѣніямъ слѣдующимъ! Примѣры недалеко отъ насъ: такъ въ мірѣ физическомъ сосѣдство волкановъ есть залогъ плодоносія. Но, если и надобно признать сей законъ природы, то мы должны не соглашаться съ тѣми изъ нашихъ братьевъ, которые захотѣли-бы примѣнить его къ намъ: пусть хвалы наши не поощряютъ никого употреблять это опасное оружіе. Не будемъ заставлять сихъ страшныхъ врачей рода человѣческаго слушать крики жертвъ, исцѣляемыхъ ими: они мало тронутъ ихъ; но покажемъ имъ, что потомство можетъ оспоривать у нихъ славу кровавую. Симъ гордымъ умамъ должно и говорить только о славѣ: это ихъ богъ, ихъ жизнь, ихъ сила и слабость; только ею они люди, только съ этой стороны они доступны. Не знаю, обманываюсь-ли я, но я твердо убѣжденъ, что со временемъ Исторія сдѣлается благоразумнѣе и будетъ соразмѣрять свое уваженіе болѣе съ выборомъ средствъ, нежели съ случайностями успѣха. Она будетъ сомнѣваться въ величіи генія, который могъ проявить себя не иначе, какъ поколебавъ границы нравственныя: въ немъ найдетъ она нѣчто неполное, недостаточное, и если послѣ строгаго разсмотрѣнія дастъ ему условныя награды, то по крайней мѣрѣ никакъ не будетъ сравнивать героевъ сего разряда съ тѣми, чье сердце было равно уму.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

* * *

— *Начертаніе Исторіи Государства Россійскаго*, составленное Профессоромъ Историческихъ наукъ въ Императорскомъ Царскосельскомъ Лицеѣ, Императорской Академіи Наукъ Корреспондентомъ, Статскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Иваномъ Кайдановымъ. СПб, 1829 г., въ т. Мед. Деп. Мин. Внутр. дѣлъ, in 8, XVIII и 489 стр., съ родословною таблицею.

Трудно-ли писать книги? Трудно, если подъ словомъ: *книга*, разумѣть проявленіе какой либо новой мысли, прибавленіе чего либо къ суммѣ человѣческихъ познаній; легко, если книгою называть кучу переработаннаго холстиннаго тряпья, испещреннаго сажею и масломъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, хотите-ли, напримѣръ, написать ученую книгу? Возьмите писавшихъ до васъ; спишите, что попадется вамъ подъ руку; примите на себя трудъ придумать названіе творенію вашему, и поздравляю васъ съ *книгою*.

Мы никакъ не причисляемъ сочиненія, изданнаго Г-мъ Кайдановымъ, къ числу такого рода книжныхъ явленій; сохрани насъ Богъ быть столь несправедливыми къ труду почтеннаго Автора! Но съ тѣмъ вмѣстѣ, мы не можемъ не сказать, что *Начертаніе Ист. Гос. Росс.*, изд. Г-мъ Кайдановымъ, навело на насъ грусть, и причиною этой грусти была мысль: неужели донынѣ мы такъ мало подвинулись впередъ? Къ чему-же всѣ наши усилія, наши старанія сколько нибудь уравняться съ другими Европейцами, наша надежда, что знанія, науки у насъ совершенствуются? Вотъ, въ 1829-мъ году вышла книга, сочиненная ученымъ человѣкомъ, преимущественно занимающимся Русскою Исторіею, и что̀ она такое? Сборъ стараго, не озаренный ни однимъ изъ лучей критики, проблескивавшихъ въ послѣднее время; произведеніе, доказывающее рѣшительную остановку на всѣхъ прежнихъ ошибкахъ и заблужденіяхъ въ Исторіи Русской.

Намъ скажутъ, что книга Г-на Кайданова есть *учебная*. Если прибавятъ къ этому, что учебная книга не должна быть *ученымъ* сочиненіемъ, то мы ни слова. Пусть тогда дѣлаютъ выборки хоть изъ Эмина и Татищева, не думаютъ о критикѣ, о наукѣ, печатаютъ, и учатъ, какъ угодно. Но, если согласятся съ нами, что учебная книга есть только особенная форма ученаго сочиненія, т. е. такая, гдѣ бываютъ собраны критическимъ, изыскательнымъ умомъ сочинителя онаго главнѣйшіе факты, кои предварительно должно передавать юношеству, дабы приучить его къ книгамъ, болѣе обширнымъ и болѣе объемлющимъ, то, какое оправданіе найдетъ сочинитель, называя свое сочиненіе *учебнымъ?* Тѣмъ съ большимъ стараніемъ для такого рода сочиненій должно ему заняться выборомъ предметовъ; тѣмъ искуснѣе должно ему говорить юнымъ читателямъ, чтобы предварительнымъ руководствомъ дать средство къ совершенному въ послѣдствіи познанію предмета. Впрочемъ, мы уже много разъ писали въ Телеграфѣ о книгахъ учебныхъ, и не будемъ здѣсь распространяться объ этомъ. Притомъ, Авторъ *Начертанія Ист. Гос. Росс.* самъ говоритъ: «Намѣреніе мое было «издать сію книгу въ видѣ учебной, *и вмѣстѣ съ* «*тѣмъ такъ, чтобы она могла быть не безполезною* «*и для людей всякаго возраста*... И такъ—parve... « liber ibis...»

Оставляя дальнѣйшія предисловія, обращаемся къ *Начертанію Ист. Г. Р.*, и скажемъ, что оно не удовлетворяетъ читателей ни въ какомъ отношеніи и ни съ какой стороны. Судя по небольшому объему онаго, событія выбраны въ него безъ всякаго соображенія относительной ихъ важности. Древняя Исторія Россіи представлена совершенно въ несправедливомъ и превратномъ видѣ. Средняя и Новая Исторія суть собранія хронологическихъ мѣтокъ, а не систематическій обзоръ происшествій. Все это составило сухую, безцвѣтную книгу, въ которой событія минувшаго мелькаютъ безъ всякой жизни, безъ всякаго разнообразія. Прочитавъ повѣствованіе о дѣлахъ полудикаго Рурика, едва можемъ мы найдти какую нибудь разницу противъ изображенія *новѣйшихъ событій*; и въ семъ отношеніи не льзя не поблагодарить Автора, что, по крайней мѣрѣ, въ отдѣльныхъ статейкахъ подсказываетъ онъ кой-какія измѣненія и разности одного времени противъ другаго.

Не знаю: для чего по большей части книги, издаваемыя для преподаванія Исторіи Русской (и вообще Исторіи Россіи, сочиняемыя Рускими; но мы будемъ говорить только объ учебныхъ), пишутся въ видѣ панегириковъ Россіи? Читая ихъ, видите Русскій народъ первымъ во вселенной, по уму, храбрости, образованію, добродѣтели. Мы вездѣ били враговъ, вездѣ торжествовали; учены мы стали съ X-го вѣка; добры мы всегда были такъ, что Исторія наша похожа на отчетъ въ дѣлахъ святаго отшельника. Въ тоже время, всѣ враги наши являются бездѣльниками, разбойниками, трусами, и почти сумасшедшими. Для чего все это? Неужели этимъ хотятъ юношей заставить полюбить Россію? Неужели не понимаютъ, что это можетъ имѣть дѣйствіе противное; что юноша, разочарованный въ послѣдствіи созерцаніемъ зла, которое всегда и вездѣ необходимо существуетъ, и которое отъ него скрывали, разлюбитъ и самое добро, которое увеличивали въ его понятіяхъ? Не лучше-ли, не прибѣгая къ уловкамъ хитрости, не обольщая юныхъ умовъ картинами небывалыхъ Утопій, говорить имъ святую истину, показывать яркіе цвѣты добра и темныя тѣни зла въ Исторіи Отечества, и только въ мудрыхъ наставленіяхъ Вѣры и Нравственности объяснять и кратковременное торжество порока и счастіе быть добродѣтельнымъ. Будто необходимо надобно добру торжествовать, чтобы оно заставило полюбить себя? Какое ложное мнѣніе! Нѣтъ: заставьте полюбить добродѣтель не въ Траянѣ, побѣдоносномъ владыкѣ Рима, но въ Сократѣ, выпивающемъ цикуту въ темницѣ!

Такъ смотрите на Исторію Русскую, такъ показывайте ее умамъ юнымъ. Изобразите все, какъ оно въ самомъ дѣлѣ было: покажите Славянъ, дикихъ варваровъ, рабами Скандинавскихъ пришельцевъ; опишите ихъ набѣги на окрестныя страны, ихъ безчеловѣчіе, свирѣпость, торжество образованія Грековъ, слабыхъ и ничтожныхъ, но побѣждавшихъ дикую силу Руссовъ своею хитростью, своими военными орудіями. Вѣра проникаетъ мракъ варварства, смягчаетъ нравы, но еще образованіе, просвѣщеніе Руси далеко: самая храбрость Руссовъ истощается въ удѣльныхъ междоусобіяхъ, и падаетъ унизительнымъ образомъ предъ толпами Азійскихъ варваровъ. Сіи варвары подавляютъ удѣлы, народный духъ, и только Христіанская вѣра и собственные уставы побѣдителей отчуждаютъ Руссовъ отъ рѣшительнаго соединенія съ Монголами. Россія оживаетъ подъ скипетромъ самобытнаго, но Азіятскаго, истинно-Монгольскаго деспотизма. Сей деспотизмъ перегараетъ потомъ въ горнилѣ новыхъ бѣдствій, которыя оживляютъ народный духъ, и изъ Азіятскаго державства дѣлаютъ кроткое самодержавіе, изъ презрѣнныхъ рабовъ — подданныхъ Государя. Но еще Россія въ грубыхъ формахъ, тяжелыхъ массахъ, и — Ангелъ Божій, въ видѣ Петра, даетъ сей землѣ неустроенной жизнь настоящую, вдвигаетъ ее въ Европу. Тутъ борьба новая; и не съ ничтожными врагами; напротивъ: Карлъ XII-й, истинный Баярдъ Сѣвера, *безъ страха и порока*; Фридрихъ Великій; и Наполеонъ — геніи безсмертные, борются съ нею. Россія устояла; она готова къ событіямъ великимъ. Покажите-же ее послѣ этого, какъ она есть: не льстите нашему бѣдному самолюбію; не говорите того, чего нѣтъ въ самомъ дѣлѣ. Зачѣмъ всѣ сіи надутыя восклицанія о нашей славѣ, нашей гремящей чести, нашемъ удивляющемъ свѣтъ просвѣщеніи? Возьмемъ примѣръ убѣдительный: кто больше похвалитъ нашего Монарха, нашего любимаго всѣми Николая? Тотъ-ли, кто, стоя предъ Нимъ на колѣнахъ, расточитъ ему похвалы и метафоры громкія и великолѣпныя, или тотъ, кто вѣрно изобразитъ Его — крѣпкаго въ бурѣ, загремѣвшей при началѣ царствованія и умолкнувшей отъ Его рѣшительности, Его сильнаго, мужественнаго характера; мощною рукою поражающаго Персію; въ виду коснѣющей Европы вступающагося за судьбу Грековъ, и среди вопля иноплеменниковъ потрясающаго ветхую Турцію; въ тоже время дающаго новые, ведущіе ко благу и счастію уставы, законы, свободу мыслей, ободряющаго науки, искуства; въ тоже время нѣжнаго брата, почтительнаго сына, попечительнаго родителя? Конечно, послѣдній, безъ всякихъ восклицаній, похвалитъ Монарха нашего болѣе, нежели расточитель великолѣпныхъ рѣчей, въ искренности коихъ ничто не ручается.—Примѣните это къ Россіи. Не уже-ли опасаетесь показать ее безъ увеличеній, безъ гиперболъ? Не бойтесь: Россія такъ велика, славна, что *истинная* Исторія оной не постыдитъ насъ, горячо ее любящихъ, дорожащихъ славою ея столько-же, сколько собственною своею честію. Если при томъ, въ картинѣ Исторіи Русской вы объясните намъ таинственные пути Провидѣнія, явите намъ связь событій, и, какъ патріотъ, какъ гражданинъ, скажете юношамъ: *чего* надѣемся мы отъ нихъ, что должны *они* дѣлать для счастія и славы Россіи, спрашиваемъ: не будетъ-ли это истинно-полезная Исторія, истинное руководство къ чести каждаго изъ насъ и счастію цѣлаго народа?

Читайте послѣ сего *Начертаніе Исторіи Росс. Государства*, изданное Г-мъ Кайдановымъ.

Семнадцать страницъ посвящено имъ голословному исчисленію Готѳовъ, Гунновъ, Аваровъ, мѣлкихъ народовъ, обитавшихъ въ нынѣшней Россіи, и нравамъ Славянъ, *героевъ* (стр. VI-я), которые *имя свое мечемъ и копіемъ внесли въ Греческія и Римскія лѣтописи* (стр. XII-я). — Затѣмъ, Славяне, Чудь, Меря и Весь «рѣшаются учредить у себя «правленіе монархическое,» и вотъ является Рурикъ, «честолюбивый, мужественный, дѣятельный,» ибо (важное доказательство!) «честолюбіе, мужество и дѣятельность свойственны основателямъ монархіи» (стр. 3-я). Бѣда не велика, если мы вспомнимъ, что преданія *ничего не говорятъ* намъ о Руриковыхъ дѣлахъ: «Память Рурика для насъ священна,» говоритъ Историкъ (стр. 3-я), и — вотъ Рурику наслѣдуетъ «храбрый и благоразумный» Олегъ, который «привелъ подъ «власть свою страны, нынѣ въ *Волынской, Подольской* и *Херсонской* губерніяхъ заключающіяся.» Вотъ «вторгаются въ южную *Россію* Угры,» и «Олегъ пропускаетъ ихъ черезъ свои владѣнія.» Напрасно возразимъ здѣсь, что Олегъ обладалъ тогда нѣсколькими городками, разбросанными въ жилищахъ маленькихъ народцевъ по Днѣпру; что имя *Россіи* тогда не существовало; что Хазары, Печенѣги, Половцы обладали тогда всѣмъ до Трубежа и Оки, и Олегъ, вѣроятно, едва удержался въ Кіевскомъ городкѣ своемъ, при появленіи грозныхъ Угровъ. Историкъ не слушаетъ: онъ ведетъ Олега съ—80,000 воиновъ къ Царьграду, показываетъ «любопытный памятникъ нашей древней *дипломаціи (?!)*,» и горько плачетъ, что великій Олегъ пошевелилъ ногою конскую голову, откуда выскочила змѣя и ужалила его. Какая неосторожность! Но утѣшимся: является Игорь, «*достойный престола Россійскаго*,» герой, страшилище Грековъ; при Святославѣ снова «оружіе Россійское озаряется славою;» онъ въ конецъ разбиваетъ Грековъ; потомъ Владиміръ «прославляетъ себя геройскими подвигами и возвеличиваетъ имя Россіи.»— «Слава оружія *Россійскаго Монарха*, мудрость «правленія его, блескъ его Двора и быстро возрастающее могущество Россіи, обратили на себя «вниманіе многихъ народовъ.« — Владиміръ, «по *рыцарскому* (?) духу своего времени» завоевываетъ супругу; тутъ начинаетъ блистать Русское образованіе, просвѣщеніе. «Щедроты и милости привлекаютъ многихъ ученыхъ Грековъ;» являются «прекрасныя произведенія Греческаго зодчества; Ярославъ «обращаетъ особенное вниманіе на оживленіе «*Наукъ и Изящныхъ Искуствъ*,» и такъ далѣе, и далѣе. Дочитавъ Йсторію до XVIII-го столѣтія, въ изумленіи спрашиваемъ мы: о чемъ-же заботился и что дѣлалъ Петръ Великій, потому, что отъ Рурика до Петра Россія была непрерывнымъ поприщемъ славы, просвѣщенія и добра? Правда, Татары владѣли ею два столѣтія; но междоусобія и иго Татаръ такъ искусно сглаживаются подъ шлифовкою Историковъ, что все таки Руские отъ X-го до XVIII-го вѣка едва-ли не были первымъ народомъ во вселенной.

Не продолжаемъ далѣе нашего разсмотрѣнія, ибо по представленнымъ нами замѣчаніямъ, кажется, мы имѣемъ полное право сказать, что отъ прежде изданныхъ учебныхъ и неучебныхъ книгъ Исторіи Русской, книга Г-на Кайданова ни сколько не ушла впередъ, а къ познанію Исторіи вообще не прибавляетъ она ни одной новой идеи, даже ни одного новаго взгляда, будучи сборомъ старой всячины.

«Но, по крайней мѣрѣ, *Начертаніе Исторіи*, Г-на Кайданова, вѣрно представляетъ факты?» — По годамъ, безспорно; но надобно исписать нѣсколько листовъ, чтобы показать всѣ не-хронологическія ошибки Автора. Онъ рѣшительно не руководствовался никакимъ критическимъ обозрѣніемъ Русской Исторіи. Переберемъ нѣсколько страницъ для примѣра.

Digitized by Google

(стр. VI-я) Давно забытое производство имени *Славянъ* отъ *славы* или *слова* получаетъ почетное мѣсто.

(стр. VII-я) Въ числѣ народцевъ, обитавшихъ въ нынѣшней Россіи до пришествія Варяговъ, пропущены *Ятвяги* и *Голяды*.

(idem) Основаніе Кіева и Новгорода полагается въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х. (думаемъ, что иначе нельзя понимать словъ Автора: «Славяне основали Новгородъ неизвѣстно когда, но, кажется, что *не прежде Рождества Христова.* »).

(стр. IX-я) Паденіе Хазарской державы приписывается оружію Святослава.

(стр. XII-я) Авторъ почитаетъ Варяговъ-*Руссовъ* жителями Шведской области *Росслагена*.

(стр. 2-я) Авторъ почитаетъ историческимъ фактомъ чудо, споспѣшествовавшее разбитію Руссовъ подъ Царьградомъ.

(стр. 3-я) Авторъ знаетъ, что Олегъ былъ *дядя* Игоря по матери, и увѣренъ въ томъ, что онъ былъ только *опекунъ Игоря*, а не самовластный Князь.

(стр. 5-я) Авторъ говоритъ, что Олегъ приходилъ подъ Царьградъ *съ 2000 судовъ*; что на каждомъ было по 40 человѣкъ, и что Олегъ взялъ съ Грековъ на одинъ флотъ — *двѣнадцать тысячь пудовъ серебра*, а отъѣзжая повѣсилъ свой щитъ на вратахъ Царьграда.

(стр. 6-я) Авторъ вѣритъ, что Греки испугались приготовленій Игоря ко вторичному походу, и отъ страха заключили миръ.

Digitized by Google

(стр. 10-я) Онъ вѣритъ ложному описанію похода Святослава въ Булгарію, помѣщенному въ нашихъ лѣтописяхъ.

(стр. 13-я) Авторъ вѣритъ походу Владиміра на Камскихъ Булгаровъ, и повѣствованію о разсмотрѣніи вѣръ.

Подобное указаніе ошибокъ въ цѣлой книгѣ будетъ утомительно и продолжительно. Самыя невѣрныя сказанія, извѣстія опровергаемыя самымъ поверхностнымъ взглядомъ, вмѣщены въ *Начертаніе Исторіи Росс. Государства*, какъ-то: супружество Анны, дочери Ярослава, съ Королемъ Французскимъ; мнѣніе, что Ярославъ написалъ уложеніе, извѣстное подъ именемъ *Русской Правды;* сказаніе, что Владиміръ Мономахъ получилъ царскія регаліи отъ Греческаго Императора, и проч. и проч.

Авторъ самъ требуетъ въ Предисловіи сужденій объ его книгѣ; мы сказали ему наше мнѣніе безпристрастно, и просимъ прощенія, если оно ему не понравится.

Н. П.

— *Описаніе Пекина*, съ приложеніемъ плана сей столицы, снятаго въ 1817-мъ году. Переведено съ Китайскаго Монахомъ Іакинѳомъ. СПб. 1829 г., въ т. А. Смирдина, in 8, XVI и 130 стр.

— *Description de Pékin*, avec un plan de cette capitale. Ouvrage traduit du Chinois en Russe par le Rév. P. Hyacinthe, trad. du Russe par Ferry de Pigny (*Описаніе Пекина*, и проч., переведенное съ Кит. на Русскій языкъ Отц. Іакинѳомъ, а съ Русскаго на Французскій Г-мъ Ферри-де-Пиньи) СПб. 1829 г., въ т. К. Крайя, in 8, XVI и 175 стр.).

При сей книгѣ приложенъ огромный на двухъ большихъ листахъ, и превосходно отдѣланный, планъ Пекина. Онъ снятъ въ точности съ Китайскаго подлинника, и въ точности противъ онаго раскрашенъ.

Мы читали извѣстіе, что отдавая отчетъ о семъ трудѣ О. Іакинѳа Парижскому Азіятскому Обществу, Г-нъ Эйріесъ упрекаетъ нашего почтеннаго соотечественника въ небреженіи, съ какимъ издана его книга. Что-жь это за небреженіе? Г-нъ Эйріесъ жалуется: почему О. Іакинѳъ издалъ *только переводъ Китайскаго подлинника*, а не приложилъ своихъ описаній, своихъ мыслей, своего взгляда на Пекинъ. Жалоба довольно странная! Развѣ О. Іакинѳъ обѣщалъ это? Развѣ онъ не сказалъ въ заглавіи Русскаго перевода: *переводъ съ Китайскаго*; въ заглавіи Французскаго перевода развѣ нѣтъ словъ: traduit du Chinois? Съ любопытствомъ будемъ читать собственное О. Іакинѳа описаніе Пекина, если ему когда либо вздумается издать оное; но теперь будемъ благодарны за рѣдкій подарокъ его. Богъ знаетъ, когда-бы дождались мы отъ Европейцевъ тѣхъ драгоцѣнныхъ книгъ, которыми донынѣ подарилъ насъ О. Іакинѳъ! Признаемся, что перебирая книги, издаваемыя Парижскими знатоками Китайскаго языка, и статьи въ Журналахъ, исключительно посвященныхъ Востоку, мы часто дивимся тому, какими пустыми подробностями, какими неважными предметами занимается по большей части и большая часть Французскихъ оріенталистовъ! Правда, при каждой почти статейкѣ журнальной, мы видимъ кучу примѣчаній, гдѣ ни Иродоту, ни Страбону покоя нѣтъ: таковъ обычай въ Парижѣ; но, право мы очень хорошо понимаемъ, что значитъ эта шумиха. ММ. ГГ.! давайте намъ такія книги, какъ: *Описаніе Тибета, Описаніе Чжунгаріи, Записки о Монголіи, Исторія Чингисъ-Хана* и *Описаніе Пекина;* за нихъ мы будемъ вамъ благодарнѣе, нежели за Китайскій романъ, переведенный Г-мъ Абель-Ремюза, и за переводы, какими наполненъ *Азіятскій Магазинъ* Г-на Клапрота, или *Новый Азіятскій Журналъ,* изд. въ Парижѣ. Да не подумаетъ кто либо, что мы хотимъ унижать одно на счетъ другаго; но не льзя-же не замѣтить, что на О. Іакинѳа жестоко устремляются теперь многіе Европейскіе ученые. Критикуй они дѣльно, справедливо — мы ни слова; но если и между людьми, которые занимаются предметами учеными и трудными, будетъ такая-же пустая борьба, какъ между нашими мѣлкими стихотворцами и журналистами, сколько вреда причинитъ это наукамъ и знаніямъ! Мы обратимся здѣсь на минуту къ спору Г-на Сенковскаго и Г-на Гаммера. Онъ еще не рѣшенъ; сильныхъ доказательствъ Гаммера мы не видали, а между тѣмъ безпрерывно сыплются на Г-на Сенковскаго колкости и пустыя замѣчаньица. Получивъ недавно книжку одного Англійскаго Журнала, гдѣ кстати пришлось сказать, что у Иродота встрѣчается въ описаніи Персіи названіе народа: *Γερμάνιοι*, Рецензентъ прибавляетъ, что Гаммеръ однажды *нашелъ было* у Мирхонди, что Ховарезмъ назывался древле: *Германія;* но что послѣ, Гаммеръ признался въ ошибкѣ, и въ томъ, что вмѣсто *Германіи,* должно читать: *Jorjania.* За тѣмъ слѣдуетъ: As far as we know of him, Mr. Hammer claims

Digitized by Google

no exemption from the common lot, but his slips certainly did not merit the *illiberal and indecent strictures lavisched on them by Senkowski.* — Что за аристократія такая въ области наукъ? Если Гаммеръ говоритъ вздоръ, Сенковскій имѣетъ право уличить его. Докажите несправедливость улики, и насмѣшки обратятся на самого Сенковскаго; а какимъ образомъ вздумаетъ уличать Гаммера Сенковскій, намъ что за дѣло?

Оставимъ критиковъ, и обратимся къ книгѣ. Изъ приложеннаго О. Іакинѳомъ краткаго Введенія, и изъ самого Описанія Пекина можно составить себѣ ясное понятіе о столицѣ огромнаго, и страннаго во всѣхъ отношеніяхъ, Китайскаго государства. Описатель Пекина распространяется въ изъясненіяхъ и разсказываетъ обо всемъ исторически и топографически. Описаніе это сдѣлано было въ 1788-мъ г., и, по неподвижности всего у Китайцевъ, весьма ново. Планъ, къ нему принадлежащій, снятъ былъ въ 1817-мъ г. искуснымъ Китайскимъ Геодезистомъ.

Пекинъ, *Бэй-цзинъ*, или *Бэ-гинъ*, по Китайски, т. е. *Сѣверная столица*, иначе называемая *Цзинъ-ченъ* (столица), а собственно именуемый *Шунь-тьхянь* или *Шунь-тьхянь-фу*, находится подъ 132° 55′ долг. отъ Ферро и 39° 55′ сѣв. широты. Онъ, безъ предмѣстій, содержитъ въ окружности своей 58 ли Китайскихъ, т. е. около $31\frac{1}{2}$ версты. Какъ странно смотрѣть на планъ его: это правильный четырехъ-угольникъ, прорѣзанный однообразными полосами, четырехъ-угольниками и стѣнами. Живое изображеніе Китая, какъ Петербургъ есть изображеніе Россіи! Онъ раздѣляется на *внѣшній* и *внутренній* городъ; первый обведенъ стѣнами въ 1421–1439 г.; вторый въ 1544 году. Пекинъ извѣстенъ въ Исторіи съ 1121-го г. до Р. Х., и находится на обширной равнинѣ, во многихъ мѣстахъ песчаной и топкой. Взглядъ на его наружность любопытенъ, и помѣщенъ, вмѣстѣ съ Исторіею Пекина, во Введеніи, которое приложилъ отъ себя О. Іакинѳъ. Въ самомъ Описаніи подробности знакомятъ читателей съ мѣстностью и характеромъ города и его странныхъ обитателей, которыхъ, какъ говорятъ Европейскіе географы, тѣснится въ Пекинѣ до двухъ милліоновъ.

— *О Соборахъ, бывшихъ въ Россіи* со времени введенія въ ней Христіанства до царствованія Іоанна IV, Васильевича. СПб. 1829 г., въ т. Мед. Деп. Мин. Вн. дѣлъ, in 8, 184 стр.

Въ сей книгѣ, составленной Г-мъ И. Т., собраны довольно подробныя извѣстія о всѣхъ церковныхъ Соборахъ, бывшихъ въ Россіи со введенія Христіанской вѣры, до царствованія Іоанна Васильевича. Авторъ насчитываетъ ихъ 23. Чтеніе сей книги назидательно и любопытно. Съ одной стороны, оно показываетъ Христіанину незыблемыя никакими покушеніями враговъ основанія Церкви православной; съ другой стороны любопытно потому, что Исторія Соборовъ есть важное дополненіе къ исторіи ума человѣческаго. Тутъ каждый вѣкъ является безъ покрывала въ своемъ умоначертаніи, своихъ нравахъ и философіи. Съ негодованіемъ видишь безумныя заблужденія и нововведенія еретиковъ; но, въ тоже время, съ прискорбіемъ замѣчаешь, какъ въ древніе вѣки сами защитники Церкви отступали отъ правилъ кротости и смиренія, какія жестокія мученія и наказанія тѣлесныя были удѣломъ несчастныхъ, заблуждшихся чадъ церки! — Весьма жаль, что почтенный Сочинитель книги, о которой извѣщаемъ, не написалъ вполнѣ Исторіи Русскихъ Соборовъ: онъ кончилъ, повторяемъ, княженіемъ Василія Іоанновича; но послѣ того, до Петра Великаго было еще нѣсколько Соборовъ, и весьма замѣчательныхъ, каковы: *Стоглавный*, также Соборы, для низверженія Патріарха Никона и для истребленія мѣстничества собиравшіеся. Г-нъ Т. писалъ по препорученію Графа Н. П. Румянцева, который назначилъ предѣломъ книги княженіе Василія. — Желаемъ видѣть сочиненіе Г-на Т. напечатанное *вторымъ* изданіемъ и въ видѣ болѣе полномъ.

— *Наставленіе о приготовленіи хлористыхъ соединеній* и употребленіи оныхъ для очищенія отъ заразительныхъ веществъ и бѣленія, составленное Н. Щегловымъ, и изд. иждив. Императорскаго Вольнаго Экономич. Общества. СПб. 1829 г. въ т. Мед. Деп. Мин. Вн. дѣлъ, in 8, 99 стран. съ рисункомъ.

Не льзя не радоваться, смотря на издаваемыя почтеннымъ Н. П. Щегловымъ книги, не льзя нерадоваться, говоримъ, выбору предметовъ, какими онъ занимаетъ нашихъ читателей. Г-нъ Щегловъ выбираетъ именно то, что въ *настоящемъ* положеніи нашемъ можетъ принести наибольшую пользу. Такова и новая, изданная имъ книга о приготовленіи *хлористыхъ соединеній* (chlorures). Можно посовѣтовать всякому хозяину, не только врачу, или фабриканту и заводчику, запастись книгою Г-на Щеглова. Въ ней подробно и ясно объяснена сущность хлор. соединеній, ихъ приготовленіе и многообразное употребленіе. Удивительное вещество сіе приноситъ человѣку пользы неисчислимыя. Оно очищаетъ всякую гнилость, зловоніе, и заразительныя вещества до такой степени, что трупъ гніющій стоитъ только обмыть онымъ, и зловоніе и гнилость прекращаются. Больницы, госпитали, конюшни, стойла очищаются онымъ; наконецъ, оно бѣлитъ разныя вещества, съ удивительною быстротою. Теперь въ Европѣ бѣлятъ онымъ бумагу, истребляютъ дурной запахъ во рту, очищаютъ больницы, спасаютъ дерева отъ вредныхъ насѣкомыхъ, и проч. и проч.—Всѣ способы употребленія хлористыхъ соединеній читатели найдутъ описанными въ книгѣ Г-на Щеглова, а на приложенномъ рисункѣ изображены снаряды, потребные для производства хлора и его различныхъ соединеній.

— *О библейскомъ и духовномъ краснорѣчіи*; по отношенію къ общей нравственности и Словесности. Соч. Сергѣя Глинки. 2 ч. М. 1829 г., въ т. Университ., in 8, XI, 147 и 180 стр.

Сію книгу можно-бы назвать собственно собраніемъ мыслей самого Сочинителя и разныхъ писателей о библейскомъ и духовномъ краснорѣчіи, и о томъ, что нравственное направленіе ведетъ къ краснорѣчію высокому, чему почтенный Авторъ предлагаетъ доказательства и примѣры, искусно выбранные и прекрасно переведенные.—Во *Введеніи* изложены мысли Автора, по поводу задачи, предложенной Французскою Академіею въ 1827-мъ г., которою требовалось изложить сущность милосердія (la charité), и разсмотрѣть его отношенія и примѣненія къ обществу гражданскому и къ человѣку. — Вообще, читая сочиненія С. Н. Глинки, иногда не соглашаетесь съ нимъ, но никогда не откажете ему въ благородномъ стремленіи ко всему доброму и прекрасному: это космополитъ по сердцу и эгоистъ по уму. Отъ того онъ умѣетъ такъ хорошо говорить сердцу каждаго, не всегда убѣждая умъ своего читателя.

СМѢСЬ.

Мечта счастія.

Къ сему № Телеграфа приложена картинка: это рисунокъ съ большой картины, которая находилась на выставкѣ произведеній Французской живописи въ 1819-мъ году, подъ названіемъ: Le rêve du bonheur; потомъ купили ее для Французскаго Короля; нынѣ картина сія помѣщена въ Тріанонѣ.

Съ сею картиною соединяется трогательное воспоминаніе о творцѣ оной. Ее написала дѣвица Мейеръ, молодая артистка, показывавшая необыкновенный талантъ. Дѣвица Мейеръ была воспитанница знаменитаго Французскаго живописца Прюдона (Prudhon). Не смотря на старость своего воспитателя, она была привязана къ нему истинною любовью , и , неизвинительная въ глазахъ свѣта , страсть сія заставила ее забыть всѣ приличія. Ужасный случай погубилъ дѣвицу Мейеръ , и Прюдонъ не пережилъ ея: она погибла въ концѣ 1821-го года; Прюдонъ плакалъ надъ ея гробомъ цѣлый годъ , и умеръ въ Февралѣ 1823-го года.

Художница хотѣла изобразить *мечту счастія.* Знатоки находятъ, что картина не выражаетъ этой мысли. Можетъ быть; но она многое высказываетъ нашему сердцу. Юные супруги, нѣжно обнявшись, сидятъ въ лодкѣ: дитя спитъ подлѣ нихъ. Благодѣтельное существо правитъ веслами: это *Фортуна;* измѣнчивое колесо ея скрыто отъ супруговъ, но *мы* видимъ его, и, кажется, только любовь, умоляя Фортуну, помогая даже ей управлять веслами, удерживаетъ прихотливую, своенравную вѣтренницу, ежеминутно готовую улетѣть. Часъ разлуки ея съ счастливцами можетъ быть близокъ; можетъ быть любовь устанетъ умаливать счастіе побыть еще съ ними; счастіе исчезнетъ — и тогда — останется-ли съ ними и любовь? Куда-же умчитъ легкую лодку ихъ стремленіе стихіи, по которой поплыветъ она безъ кормчаго?. . . Невольно вспоминаете слова поэта:

Все пропало, измѣнило!
Разлетѣлися друзья!

Въ безднѣ брошена унылой
Одинокая ладья!
Року странница послушна,
Не желаетъ и не ждетъ,
И — прискорбна, равнодушна —
Въ безпредѣльное плыветъ...

Литтературныя извѣстія.

Многіе изъ читателей Русскихъ конечно съ удовольствіемъ услышатъ, что *Димитрій Самозванецъ*, новый романъ, сочиненный Ѳ. В. Булгаринымъ, уже печатается, и въ Январѣ, или половинѣ Февраля будущаго 1830-го года, выйдетъ въ свѣтъ. Съ особеннымъ любопытствомъ желаемъ видѣть опытъ трудовъ Г-на Булгарина на поприщѣ совершенно новомъ, и для него самого и для Русской публики. Новый романъ его принадлежитъ къ роду, такъ называемыхъ, *историческихъ*, и будетъ *первый оригинальный* романъ сего рода на Русскомъ языкѣ. Авторъ беретъ эпоху любопытную въ высокой степени, и таланту его есть гдѣ разыграться. Мы читали отрывокъ, напечатанный въ N° 45 и 46-мъ Сына Отечества; если весь романъ будетъ такъ мастерски отдѣланъ въ подробностяхъ; если притомъ основная идея его будетъ также хорошо выдержана и необыкновенные характеры дѣйствующихъ лицъ изображены столь-же вѣрно, какъ въ семъ отрывкѣ, мы — поздравляемъ Автора съ полнымъ успѣхомъ. — Изданіе книги будетъ прекрасное; картинки гравируются въ Вѣнѣ и Петербургѣ отличными художниками.

Умножаясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Альманахи начинаютъ у насъ болѣе и болѣе разнообразиться. Кромѣ Альманаховъ, содержащихъ въ себѣ стихи и прозу, и драматическихъ, на будущій годъ явится: *Альманахъ Анекдотовъ*. Его издаетъ въ Петербургѣ К. И. Зейдель. Онъ обѣщаетъ выборъ замѣчательнѣйшихъ и забавныхъ анекдотовъ, острыхъ словъ, и проч. и проч.

Ждемъ вскорѣ появленія въ Москвѣ оригинальнаго романа: *Жизнь и мнѣнія Новаго Тристрама*, сочиненія Я. И. Де-Санглена. — Отрывки изъ него были нѣкогда напечатаны; но Авторъ все передѣлалъ, перемѣнилъ, и то, что мы теперь слышали изъ Русскаго Тристрама, даетъ надежду на романъ остроумный и занимательный. Сначала Авторъ хочетъ издать только *двѣ части* своего романа, которыя будутъ однакожь содержать въ себѣ отдѣльную картину.

С.Петербургскій Театръ.

(*Письма въ Москву.*)

I.

Давно собирался я подать тебѣ вѣсть о здѣшнемъ театрѣ, но по ходу репертуара не могъ исполнить своего намѣренія. Согласись самъ, что о бенефисныхъ уродахъ-скороспѣлкахъ говорить нечего: ихъ сперва сшиваютъ авторы, потомъ склеиваютъ на скорую руку актеры, и наконецъ все это зданіе распадается въ глазахъ зрителя (я говорю о большей части бенефисовъ). Впрочемъ, здѣсь бываетъ подъ часъ о чемъ потолковать, и вообще здѣсь замѣтно болѣе жизни, нежели на Московской сценѣ. Въ репертуарѣ Петербургскомъ видно желаніе пріобрѣтать пьесы, могущія поддержать его, а труппа актеровъ, взятая вообще, станетъ выше Московской. Я полагаю, что большинство голосовъ будетъ на моей сторонѣ; также полагаю, что буду правъ, когда скажу, что Москва по части декораціонной ничего добраго не перейметъ отъ Петербурга: въ Москвѣ рѣже прогуливаются по декораціямъ шесты, въ виду партера, *солнца блещутъ ярче*, и проч. и проч. Но, обратимся къ дѣлу. Недавно мы видѣли здѣсь трагедію Грильпарцера: *Прародительница* (*die Ahnfrau*), переводъ Г-на Ободовскаго. Противный бракъ соединилъ Прародительницу, за нѣсколько столѣтій прежде дѣйствія, съ однимъ изъ владѣтелей дома *Баротиновъ*. За невѣрность она была умерщвлена супругомъ, и озлобленная тѣнь убитой истребляетъ поколѣніе *Баромина*. Послѣдняя отрасль дома его, *Яромиръ*, былъ похищенъ разбойниками, и, воспитанный ими, сталъ ихъ атаманомъ; въ домѣ всѣ почитали Яромира утонувшимъ. У старца Баромина осталась дочь; она, встрѣтясь съ Яромиромъ, избавившимъ ее отъ смерти, полюбила его, не зная что онъ и братъ ея и разбойникъ. Въ ходѣ трагедіи это открывается: рука *Прародительницы* управляетъ Яромиромъ; онъ беретъ отъ любовницы кинжалъ, поразившій праматерь, и убиваетъ отца своего. Дочь лишается ума и умираетъ. Яромиръ, не зная что Берта сестра его, уговариваетъ ее бѣжать изъ дома отцовскаго, и ждетъ ее въ подземельѣ. Но на мѣсто свиданія является Прародительница, и душитъ Яромира въ объятіяхъ.

Кромѣ нѣсколькихъ сценъ, на пр. когда Яромиръ беретъ кинжалъ, поразившій праматерь его, и говоритъ, что онъ знаетъ это оружіе, что кинжалъ сей, висѣвшій на стѣнѣ,

Казалось, лучъ кровавый изливалъ!

и сцены въ храмѣ, гдѣ между гробовъ является Прародительница, показываетъ Яромиру трупъ сестры его, зоветъ его въ свои объятія, душитъ его, и, опускаясь въ могилу, говоритъ:

Приговоръ судьбы свершился!
Родъ преступный истребился!
Гробъ! прими навѣкъ подъ сѣнь
Прародительницы тѣнь!..

Digitized by Google

въ цѣлой трагедіи ничего нѣтъ. Все запутано, все пахнетъ мелодрамою, такъ, что досадно, какъ вздумаешь о Переводчикѣ, убившемъ свѣтлыя минуты въ трудѣ надъ Грильпарцеромъ. Смѣло увѣряю, что такъ написать, такую трагедію, не мудрено. Въ переводѣ слышны хорошіе стихи; но что-жь они значатъ?...

Роль Яромира, со всею нестройностью, несообразностями оной, мѣстами была прекрасно выдержана Г-мъ Каратыгинымъ. Когда онъ снималъ кинжалъ со стѣны, въ немъ видна была поэтическая душа истиннаго артиста, а слова, когда онъ укоряетъ разбойника, его похитившаго и воспитавшаго атаманомъ —

Ты святотатственно мнѣ въ сердце поселился!

Невольно западаютъ въ грудь.

Если-бы Г-нъ Каратыгинъ менѣе рисовался на сценѣ, онъ былъ-бы еще лучше; но талантъ выкупаетъ многое. Еще нѣсколько словъ: пусть Г-нъ Каратыгинъ вѣритъ въ свой талантъ, но не увлекается самонадѣянностью; пусть онъ увѣрится, что Трагедія на Руси не у него одного въ рукахъ, что онъ имѣетъ опасныхъ соперниковъ въ Гг. Брянскомъ и Мочаловѣ; пусть увѣрится, что нѣтъ *мистификацій,* когда хвалятъ сего послѣдняго. У Г-жи Каратыгиной вырывались счастливыя мѣста. Всего лучше она была, когда Берта лишается ума; но эта сцена на Большомъ театрѣ пропала.—Не льзя умолчать объ актрисѣ, представлявшей тѣнь *Прародительницы:* она ходила по сценѣ, какъ изъ мрамора изваянная.

II.

Средство выдавать дочерей за мужъ, водевиль, переведенный Писаревымъ; *Замокъ Палюцци*, драма, и *Миръ съ Турками*, вод. соч. П. С. Ѳедоровымъ (бенефисъ Г-на Величкина), 11-го Ноября.

Вотъ спектакль бенефисный, съ шумомъ, крикомъ, и длинной въ аршинъ аффишею. Водевиль — жизнь Московской сцены — здѣсь идетъ со грѣхомъ по-поламъ. Сколько разъ я смотрѣлъ на водевили, переѣхавшіе изъ Москвы и поддерживаемые тамъ игрою Щепкина, Сабурова, и не узнавалъ ихъ. Мнѣ скажутъ въ оправданіе, что артисты имѣютъ мало времени для обстановки водевилей; но лучше ихъ не ставить, или распоряжаться такъ, чтобъ у актеровъ слово, сей даръ Божій, вязалось во рту. *Средство выдавать дочерей за мужъ*, одинъ изъ остроумныхъ водевилей покойнаго Писарева, здѣсь рѣшительно растянулся. Больно было слышать разсуждающій партеръ: «*Да это вздоры! да что это такое?*» Вся бѣда пала на Автора. Если-бъ покойный Писаревъ воскресъ и увидѣлъ, какъ играютъ здѣсь большую часть его водевилей, онъ съ досады умеръ-бы въ другой разъ.

Замокъ Палюцци, драма, пер. съ Французскаго. Графъ Сальвіати влюбляется въ Графиню N. У ней есть женихъ, котораго оклеветалъ Графъ Сальвіати въ Сенатѣ, когда сей соперникъ былъ въ плѣну. Графъ женится. Между тѣмъ соперникъ нашелъ средство избавиться отъ плѣна, и пріѣзжаетъ въ замокъ Палюцци, увидѣть прежнюю невѣсту и вручить ей бумаги, которыми онъ могъ-бы погубить ея мужа. Въ это время Графъ, увѣдомленный товарищемъ своимъ, вбѣгаетъ въ залу, рѣжетъ соперника, и заставляетъ Графиню дать клятву въ молчаніи. Служанка все видѣла, и въ послѣдствіи доноситъ о преступленіи Графа Сальвіати. Это одно изъ первыхъ произведеній Французовъ, бросившихся во всѣ ужасы. Здѣсь когда-то играна была эта пьеса; теперь поставлена вновь — и не надолго. Скелетъ чего-то страшнаго есть; но ни что не развито; страстей нѣтъ — рѣжутся, да и только! Артисты были такъ хороши, какъ только можно быть въ подобной пьесѣ.

Миръ съ Турками, водевиль, соч. *П. С. Өедоровымъ*. Есть удивительное сходство между П. С. Өедоровымъ и *Б. М. Өедоровымъ*, извѣстнымъ *дѣтскими* книжками, и пѣснями, военными, мирными, крестинными, имянинными, похоронными, и проч.—П. С. Өедоровъ рвется на сцену съ водевилями, съ пѣснями: *Ужь давно, какъ Карповна живетъ у насъ въ селѣ*, и проч. — Вотъ что въ его водевилѣ: Къ станціонному смотрителю пріѣзжаетъ офицеръ, который былъ влюбленъ когда-то, кричитъ о мирѣ съ Турками; потомъ является барыня, съ дочерью и картежнымъ игрокомъ, женихомъ дочери. Дочь встрѣчается съ офицеромъ, объясняется; выходитъ мать, кричитъ, вызываетъ жениха, велитъ ему драться; офицеръ узнаетъ въ немъ плута, прогоняетъ его, женится самъ; опять кричитъ о мирѣ — и все кончено. Гдѣ тутъ *миръ съ Турками*? Я вспомнилъ слова одного пріятеля. *Это потопъ словъ въ пустынѣ мыслей!* говаривалъ онъ, глядя на подобныя шалости ума человѣческаго. Въ куплетахъ вотъ какіе стихи: *И я никакъ уже влюб-*

день! и проч. Пѣсня П. С. Ѳедорова толкуетъ вотъ что: «Бабушка, идучи со двора, заперла внучку, и приходитъ назадъ *самъ-другъ; бабушка, пришедъ домой, наклюкавшись была!!!* Она застаетъ внучку также *не одну* и поетъ: *Вотъ-те бабушка Юрьевъ день!*» Г-ну Величкину досадно было, что эту пѣсню ошикали; ему хотѣлось пропѣть ее еще разъ. Кстати: онъ чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Онъ заставилъ лицедѣйствовать на сценѣ всѣхъ дѣтей своихъ, собралъ всю семью свою —

. . . считая
Отъ тридцати до двухъ годовъ . . .

Р. А.

Русскій (Московскій) Театръ.

Свадьба Фигаро, комедія въ 5 дѣйствіяхъ; *Двѣ записки*, водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ; *Праздникъ въ лагерѣ*, дивертисманъ (представленіе въ пользу Г-жи Сабуровой, 19-го Ноября).

Мы извѣщали нашихъ читателей о скоромъ представленіи комедіи: *Женитьба Фигаро*, полагая, что справедливое замѣчаніе, уже сдѣланное въ Сѣверной Пчелѣ Г-ну Переводчику, могло его убѣдить въ томъ, что: mariage, значитъ женитьба, а не свадьба. Но у насъ въ Россіи считаютъ за стыдъ воспользоваться благонамѣренными замѣчаніями. Былъ вздоръ, пусть вздоръ и останется! Чести своей никому не отдамъ!! И мы, въ слѣдствіе таковой чести, видѣли на здѣшнемъ театрѣ: *Свадьбу Фигаро*, вмѣсто женитьбы. Да будетъ *Свадьба!*

Поговоримъ о *Женитьбѣ*, то есть о извѣстной комедіи извѣстнаго Бомарше.

Едва-ли не всѣмъ нашимъ читателямъ извѣстно, хотя по слухамъ и преданіямъ, чтò такое Версаль? Всѣ знаютъ, что это великолѣпное жилище Королей Французскихъ было сооружено Людовикомъ XIV-мъ; что построеніе онаго изнурило государственную казну; что во время революціи было оно разграблено; что гордый Наполеонъ, желая отдѣлать внутренніе покои сихъ пышныхъ чертоговъ, не рѣшился опредѣлить огромной суммы, требовавшейся по смѣтамъ, или, какъ сказалъ Людовикъ XVIII, онъ устрашился счета *поставщика мебелей* (le tapissier); что сей-же самый Король, когда вознамѣрился жилищу предковъ своихъ возвратить прежній блескъ, въ свою очередь устрашился подобнаго счета. Все это слишкомъ извѣстно. Но можетъ быть многіе изъ нашихъ читателей не знаютъ, чтò такое *былъ* Версаль, въ нравственномъ и политическомъ отношеніи къ Франціи? Мы постараемся дать имъ понятіе объ этомъ.

Если Парижъ называли новѣйшими Аѳинами, то по справедливости слѣдовало прежній Версаль назвать Олимпомъ Франціи. Тамъ было виталище земныхъ боговъ и полубоговъ. Тамъ — Король, совершенно отчужденный своего народа, былъ окружаемъ только царедворцами; важнѣйшія отрасли государственнаго управленія зависѣли отъ придворныхъ, которые, кромѣ длинныхъ родословныхъ, не могли представить никакихъ правъ на почетное приближеніе къ особѣ Монарха; знатность рода затмѣвала заслуги; доступъ къ Государю былъ затруднителенъ для храбраго и лаврами увѣнчаннаго воина, долголѣтнею службою и подвигами стяжавшаго званіе Генерала или Полковника, между тѣмъ какъ сынъ какого нибудь Дюка, по праву рожденія своего, безъ службы назначался командиромъ полка. Изъ Версали истекалъ обильный источникъ милостей, который напоялъ только приближенныхъ, а недоступные къ сему Олимпу поражались только градомъ приказовъ о заточеніи (lettres de cachet). Все это дѣлалось безъ вѣдома Монарха. Дворцовые Меры (Maires du Palais) двухъ первыхъ династій, со всѣмъ своимъ могуществомъ ничего не значили, въ сравненіи съ сонмомъ Версальскихъ Дюковъ, Маркизовъ и другихъ знатныхъ особъ. Сіи послѣдніе были настоящіе полубоги, отдѣлившіе свой Олимпъ отъ всего земнаго шара. Версаль былъ раемъ для вельможъ, и страшилищемъ для мирныхъ гражданъ. Щедроты Короля содѣлывались добычами знатныхъ особъ, которыя искажали самыя благія намѣренія Монарха. Но эти полубоги, чтимые, или, лучше сказать, стращимые обыкновенными людьми, дѣйствительно-ли были свыше естества человѣческаго? Или они своими отличными и возвышенными добродѣтелями стяжали право быть единственными избранными своего Государя? Напротивъ! Эти люди (они были также люди) имѣли въ тысячу разъ болѣе пороковъ, нежели сколько простой, незначущій человѣкъ можетъ имѣть слабостей, сопряженныхъ съ нашимъ бреннымъ существомъ. Вельможи, отъ колыбели и до старости, не знали и не могли знать, что̀ есть нужда? что̀ есть затрудненіе въ предпріятіяхъ? что̀ есть служба государственная, постепенно и почетнымъ образомъ доставляющая знатность и извѣстность? Они знали только удовольствія пышной придворной жизни. Добро-бы еще оною довольствовались! Но таковъ уже законъ природы!... Эти безполезные люди скоро пресыщались наслажденіями своего бытія. Они искали другихъ удовольствій, и часто Дюкъ, гордящійся своимъ высокимъ происхожденіемъ, покидалъ супругу, знаменитую отрасль доблестныхъ предковъ, стараясь приобрѣсть благосклонность простой служанки!... Но довольно о сихъ гнусныхъ поступкахъ!... Злополучный Людовикъ XVI, возсѣвши на престолъ прародительскій, въ кругу своего Августѣйшаго семейства являлъ примѣръ добродѣтели. Ни одна фаворитка не охладила его любви къ прелестной и несчастной Маріи Антуанетѣ. Примѣръ великій!, но Дворъ не послѣдовалъ оному и не отсталъ отъ своихъ привычекъ. — Въ эту эпоху, остроумный и смѣтливый писатель, умѣвшій вкрасться въ неприступные чертоги Монарха, отважный Бомарше, рѣшился мастерскою кистью изобразить, во узнаніе народа, пороки Версальскихъ полубоговъ, поведеніе коихъ уже довольно было пристыжено добродѣтельною жизнію Короля. Бомарше написалъ свою знаменитую комедію. Приближенные къ Государю, имѣвшіе довольно твердости послѣдовать примѣру Монарха, одобрили произведеніе искуснаго комика. Но другіе придворные возопіяли противъ дерзости ничтожнаго сына часовыхъ дѣлъ мастера (т. е. Бомарше), и старались всячески воспретить представленіе пьесы. Комедія, неоднократно читанная въ различныхъ Парижскихъ обществахъ, пролежала четыре года подъ запрещеніемъ. Хитрый Бомарше не отчаявался! Разными происками удалось ему исходатайствовать вожделѣнный приказъ представленія, И вотъ объявлена комедія!... Парижъ и Версаль въ волненіи!.... Вдругъ запрещеніе!.. Еще разъ объявлена.... еще запрещеніе! Но неустрашимый Бомарше преодолѣлъ всѣ трудности, и 21 Апрѣля 1784 года назначено рѣшительное представленіе Фигаровой Женитьбы. Достопримѣчательно въ семъ случаѣ то, что первѣйшіе актеры ссорились за роли: каждый хотѣлъ участвовать въ семъ спектаклѣ! Въ день представленія, уже въ три часа по полудни были заперты касса и двери Французскаго Театра; публика уже съѣхалась, не исключая и знатнѣйшихъ вельможей. Около двухъ часовъ надлежало дожидаться поднятія занавѣса; едва-ли какое народное сходбище было когда нибудь такъ говорливо, какъ собравшіеся въ то время зрители. Одни толковали, что это изящное произведеніе (дѣло шло о комедіи), другіе утверждали, что она упадетъ, третьи говорили что слѣдуетъ ее уронить, потому что она посягаетъ на пороки знатныхъ, и проч. и проч. и проч. Наконецъ комедія разыграна. Приготовленные свистки онѣмѣли, громкія, единогласныя рукоплесканія признали достоинство сочиненія. Бомарше восторжествовалъ.... Пьеса объявлена на другой день. Толпа народа, тѣснившагося около театра, заставила полицію принять мѣры къ отвращенію несчастныхъ случаевъ, могущихъ отъ

Digitized by Google

сего произойдти. По объявленіи представленія на третій день, актеры получили приказъ отложить спектакль до другаго времени; но Королевскіе комедіянты (такъ доселѣ называютъ артистовъ Французскаго Театра), имѣя полную привиллегію отъ придворныхъ (Gentilshommes de la chambre du Roi.) не захотѣли потерять богатаго сбора и выхлопотали отмѣненіе сего приказа. Пьеса была играна къ ряду *восемьдесятъ разъ* (!!), и только болѣзнь актера Превилля, сдѣланная предлогомъ другой причины: утомленія артистовъ — заставила прекратить представленія сей комедіи.

Въ продолженіе сего времени, въ Парижѣ и Версали ни о чемъ болѣе не разговаривали, какъ только о Женитьбѣ Фигаро. Въ гостиныхъ и кофейныхъ не было другой занимательнѣйшей новости. Придворные, въ особенности дамы, негодовали на Автора (и между тѣмъ исправно посѣщали всѣ представленія его комедіи); не столь высокое сословіе восхищалось мѣткою сатирою на знатныхъ и изобличеніемъ ихъ порочныхъ наклонностей; изъ писателей, одни превозносили пьесу до небесъ, другіе, въ угодность своимъ Меценатамъ, называли оную плоскимъ фарсомъ; стихамъ, pour et contre, не было конца. Поэтъ Жильберъ (requiescat in pace!), въ одномъ стихотвореніи, означилъ произведеніе Бомарше слѣдующимъ образомъ:

Cette pièce où l'on voit un insolent valet
Disputer sans pudeur son amante à son maitre,

т. е. «пьеса, въ коей мы видимъ наглаго слугу, безстыдно оспоривающаго свою любовницу у своего господина.» Сказано красно, только несправедливо! По нашему мнѣнію надлежало-бы сказать: «пьеса, въ коей мы видимъ безстыднаго вельможу, отнимающаго *невѣсту* у своего слуги.» — Это было-бы гораздо ближе къ истинѣ, и поясняло-бы цѣль Автора. Нынѣ все это перемѣнилось, и новѣйшіе вельможи ни сколько не похожи на тѣхъ, которые были предметомъ сатиры остроумнаго Бомарше. Тѣмъ не менѣе его комедія играется до сихъ поръ на всѣхъ театрахъ, и всегда приноситъ удовольствіе публикѣ. Причинами сему суть: живость дѣйствія, безпрерывная занимательность сценъ, и искусное изображеніе главнаго дѣйствующаго лица, то есть Фигаро. Этотъ характеръ достоинъ подробнаго разсмотрѣнія.

До появленія на сценѣ сего лица, Маскарили, Гро-рене, Криспины, Скапины и Паскины занимали, въ условномъ театральномъ мірѣ, условную должность комическихъ слугъ, состоящую въ томъ, чтобы различными хитростями выпутывать изъ бѣды своихъ господъ, то есть вспомоществовать развязкѣ пьесы. Таково было и начальное предназначеніе Фигаро. Въ Севильскомъ Цирюльникѣ, Бомарше уже ознакомилъ публику съ симъ страннымъ человѣкомъ, и нѣкоторымъ образомъ предсказалъ будущія его отношенія къ Графу Альмавива. Въ этой пьесѣ, остроумный цирюльникъ, по примѣру всѣхъ комическихъ слугъ, помогаетъ вельможѣ достать невѣсту. Но хитрости или, лучше сказать, плутни его выходятъ изъ разряда обыкновенныхъ лакейскихъ проказъ, потому что самъ онъ не есть обыкновенный комическій лакей, но неволѣ послушный своему господину, и дѣйствующій природнымъ умомъ. Нѣтъ! Фигаро уже вышелъ изъ этой сферы! Онъ былъ удостоенъ негодованія министра и испытывалъ свои способности на тернистомъ поприщѣ литтературы. Это уже не Маскариль и не Криспинъ. Въ Фигаро мы видимъ человѣка умнаго, образованнаго, котораго неудачи сдѣлали веселымъ философомъ. Услуживая Графу Альмавива, онъ руководствуется не усердіемъ, не преданностью къ бывшему своему господину, но единственно намѣреніемъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, который упрямая фортуна представляетъ ему на сей разъ. Угождать людямъ осыпаннымъ дарами счастія: вотъ наилучшая поживка для умнаго бѣдняка! Но испытанный судьбою Фигаро зналъ, что благодарность знатныхъ людей продолжается столько-же времени, сколько и желанія ихъ, которыя совершенно исчезаютъ по удовлетвореніи оныхъ. Для упроченія своего благосостоянія, умный цирюльникъ умѣлъ сдѣлаться необходимымъ своему господину. Богатство, почести, знатность окружали самую колыбель Графа Альмавива. Они сдѣлались для него столько-же обыкновенными, какъ воздухъ для всякаго дышущаго существа; напротивъ того бѣдному Фигаро, по собственному его признанію, нужно было болѣе ума для того, чтобы прожить одинъ день, нежели сколько онаго потребно на управленіе всею Испаніею въ теченіе столѣтія. Это выраженіе заключаетъ въ себѣ многое! Оно въ самомъ ясномъ видѣ выказываетъ трудную борьбу съ препятствіями, не къ достиженію честолюбивыхъ замысловъ, или утонченныхъ наслажденій жизнію, а единственно къ удовлетворенію первѣйшихъ и необходимѣйшихъ потребностей бытія. Какая разительная противоположность съ блестящимъ состояніемъ Испанскаго Гранда! Но между тѣмъ предвѣчныя судьбы сохраняютъ взаимную зависимость всѣхъ живущихъ. Тяжкая борьба съ бѣдствіями, до такой степени возлелѣяла умъ бѣднаго Фигаро, что вельможа, котораго всѣ способности изнѣжились отъ бездѣйствія, столько-же нуждается въ смышлености своего слуги, сколько сей нуждается въ деньгахъ своего господина. И это весьма естественное отношеніе двухъ лицъ, совершенно разныхъ по мѣсту, занимаемому ими въ свѣтѣ, весьма искусно показано остроумнымъ Комикомъ, въ разныхъ мѣстахъ его пьесы. Графъ Альмавива не можетъ удалить отъ себя хитраго слуги, главнаго препятствія въ исполненіи любовной прихоти вельможи. Но что же этотъ бѣдный Фигаро? Доволенъ-ли онъ достиженіемъ своей цѣли, сдѣлавшись необходимымъ для знатнаго покровителя и слѣдовательно обезпечивши себя на счетъ всесильной нужды? Нѣтъ! Ему суждено испытать неудачу или лучше сказать бѣдствіе другаго рода, для отвращенія коего онъ обязанъ истощить весь запасъ своего опытнаго ума. Довольный въ домѣ Графа Альмавива, хитрый дворецкій ознакомился съ другою потребностью, съ потребностью любить: прелестная, ловкая служанка охотно отдаетъ ему руку и сердце; блаженство супружескаго состоянія готово озарить сиротскій бытъ космополита Фигаро; все по видимому благопріятствуетъ ему, и онъ, доставившій супругу своему господину, имѣетъ полное право ожидать содѣйствія вельможи къ увѣнчанію законныхъ желаній вѣрнаго слуги. Вмѣсто сего знатный баринъ, пресытившись наслажденіями брачнаго состоянія и безпрестанно отыскивая новой пищи своему сластолюбію, почувствовалъ нѣчто похожее на страсть къ юной невѣстѣ Фигаро. Священнѣйшій союзъ природы долженъ быть нарушенъ въ угожденіе прихотямъ Графа. Вотъ послѣднее и тягостнѣйшее истязаніе для умнаго служителя. Нужда, и трудность снискивать дневное пропитаніе, были уже имъ испытаны: это горе по видимому для него миновалось. Но потерять невѣсту, будущую подругу его жизни... это новое испытаніе своенравной фортуны слишкомъ жестоко. Въ подобномъ случаѣ, едва-ли утѣшитъ стоико-философическая пословица: Терпи казакъ, атаманъ будешь! Что дѣлать несчастному Фигаро? Исхитить юную красавицу изъ когтей могущественнаго сластолюбца и искать съ нею въ подлунной уголка, гдѣ можно было-бы укрыться отъ преслѣдованій Графа? А нужда? нужда, короткая и страшная знакомая, которая такъ и грозитъ новыми угнетеніями!... Дѣлать нечего! Должно привести въ дѣйствіе всѣ пружины того великаго ума, коего, по мнѣнію Фигаро, было-бы слишкомъ достаточно для управленія государствами! И Фигаро такъ мастерски проводитъ вельможу и окружающихъ его, что побѣда хитраго слуги дѣлается несомнѣнною. По видимому, онъ учтивымъ образомъ одурачитъ Графа. Но нѣтъ! Его

Digitized by Google

философія должна выдержать еще испытаніе. Женскій умъ вознамѣрился перехитрить Фигаро, и веселая, бойкая Сусанна, условившись съ Графинею, назначаетъ свиданіе прихотливому вельможѣ. И объ этомъ провѣдалъ бѣдный Фигаро! И ревность, досада, возгорѣлись въ сердцѣ, приготовленномъ къ блаженству. Фигаро намѣренъ отмстить невѣрной невѣстѣ и ея обольстителю. Онъ поджидаетъ ихъ на самомъ мѣстѣ назначеннаго свиданія, и въ длинномъ монологѣ облегчаетъ душу разсказомъ о всѣхъ происшествіяхъ своей жизни. Классическіе критики находятъ сей монологъ неумѣстнымъ, но Бомарше вѣроятно лучше зналъ того человѣка, коего онъ изобразилъ. Описаніе всѣхъ превратностей судьбы, испытанныхъ его идеаломъ — въ полномъ смыслѣ превосходно, и самымъ естественнымъ образомъ высказывается дѣйствующимъ лицемъ. Человѣкъ, въ годину мучительнаго недоумѣнія, охотно растравляетъ зажившія раны своего сердца и въ воспоминаніи своихъ бѣдствій какъ будто находитъ облегченіе... Но чѣмъ-же окончилось это происшествіе? По волѣ Автора, женщины такъ искусно всѣхъ обманули, что самъ Фигаро принужденъ былъ смириться и сознаться въ побѣдѣ прекраснаго пола... Краткость журнальной статьи не дозволяетъ намъ входить во всѣ подробности сей прекрасной пьесы. Тѣмъ не менѣе мы смѣло утверждаемъ, что въ мірѣ комическомъ, Фигаро есть тоже, что Шекспировъ Гамлетъ въ мірѣ трагическомъ. — Теперь, дадимъ отчетъ о представленіи сей комедіи на здѣшнемъ театрѣ.

Digitized by Google

О совершенствѣ обстановки пьесы нигдѣ столько не заботятся, какъ въ Парижѣ. Тамъ, искуснѣйшіе и опытные артисты добровольно подвергаются тяжкой работѣ: пробовать пьесу нѣсколько десятковъ разъ прежде перваго представленія оной. При самомъ тщательномъ изученіи своихъ ролей поодиначкѣ, они вторично изучаютъ оныя *для цѣлаго* (l'ensemble). Не только мѣста, занимаемыя дѣйствующими лицами на сценѣ, но даже декораціи, мебели, костюмы и всѣ мѣльчайшія принадлежности, располагаются такимъ образомъ, чтобъ ничто не препятствовало общему согласію въ ходѣ пьесы. Устроивши порядокъ представленія, артисты вносятъ въ особенную книгу подробное описаніе онаго и никогда уже не отступаютъ отъ предначертаннаго. У насъ также слѣдуютъ сему правилу, и *никогда не перемѣняютъ того порядка, или безпорядка, который былъ при первомъ представленіи.* Но въ Парижѣ всѣ зрѣлища выдерживаютъ искусъ критики, и только общее одобреніе даетъ привиллегію пьесѣ остаться въ томъ видѣ, въ какомъ она была выставлена. У насъ и это легче обходится. До критики нѣтъ дѣла: толкуй что хочешь, а мы, актеры, будемъ руководствоваться тѣмъ правиломъ, которое изложено въ самомъ началѣ сей статьи. Великороссійскій обычай. . . . Но это не избавляетъ критика отъ обязанности давать отчетъ о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, и хотя-бы сказанное имъ пропадало, какъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ, тѣмъ не менѣе долженъ онъ свято хранить уваженіе къ образованной публикѣ и увѣдом-

Digitized by Google

лять ее о всемъ имъ замѣченномъ. Что-же замѣтили мы въ представленіи знаменитаго творенія *Бомарше?* О семъ будемъ имѣть честь донести, и, слѣдуя пословицѣ, встрѣтимъ нашихъ артистовъ *по платью*, а проводимъ *по уму*. — По указанію Автора, Графъ Альмавива въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ выходитъ на сцену въ охотничьемъ платьѣ (habit de chasse). На Французскомъ языкѣ это выраженіе означаетъ, что вельможа долженъ быть обутъ въ сапоги и одѣтъ просто, безъ принадлежностей параднаго костюма. У насъ Графъ Альмавива явился въ одеждѣ рыцаря среднихъ вѣковъ, съ длиннымъ мечемъ. Къ чему этотъ мечъ? спросятъ меня. Не знаю! Можетъ быть, для прикалыванія зайцевъ; только преданія не упоминаютъ о таковомъ обычаѣ Испанскихъ Грандовъ.—Тотъ-же самый Авторъ представилъ Графиню нездоровою и обязалъ ее быть одѣтою по домашнему, что весьма естественно. Знатная дама, въ собственномъ загородномъ замкѣ, не имѣетъ надобности наряжаться. У насъ супруга Коррежидора Андалузіи соблаговолила надѣть атласную робу съ предлиннымъ шлейфомъ. Видно, что болѣзнь не воспрепятствовала ей заняться туалетомъ. — *Idem*, Авторъ хотѣлъ, чтобъ прекрасный пажикъ былъ одѣтъ, какъ одѣваются пажи Испанскихъ вельможей: костюмъ, не рѣдко нами видѣнный на Московскомъ театрѣ, въ различныхъ операхъ и балетахъ. У насъ — Донъ Серафимъ нарядился въ танцовальное платье, какого никогда и не видано въ Испаніи, а *понеже* во время нечаяннаго прибытія Графа въ спальню своей супруги, сія упоминаетъ о томъ, что пажъ безъ плаща, то Донъ Серафимъ, для оправданія словъ своей госпожи, накинулъ на плеча какую-то шинель, въ какой вѣроятно ни одинъ пажъ, ни Испанскій, ни Португальскій, не осмѣлился-бы показаться во внутреннихъ покояхъ знатной дамы. — *Idem*, Авторъ вѣроятно никогда не воображалъ, чтобъ Испанскій органистъ и учитель музыки одѣвался какъ Литовскій или Бѣлорусскій Жидъ; тѣмъ не менѣе въ подобномъ костюмѣ видѣли мы на здѣшнемъ театрѣ Донъ Базиля. — *Idem*, Каронъ де Бомарше, выведши на сцену Севильскаго судью, никакъ не предполагалъ, чтобъ полстолѣтія спустя, въ образованномъ государствѣ, на великолѣпномъ театрѣ, забавный Brid'oison явился въ какомъ-то казакинѣ или чекменѣ, какіе на святой Руси носятъ псовые охотники. — *Idem*, Бомарше назначилъ мѣсто свиданія Графа и хитрой субретки въ Андалузіи, подъ каштановыми деревьями. Такъ какъ мы неоднократно прогуливались сами подъ каштановыми деревьями, то можемъ утвердительно сказать, что листвіе сихъ древесъ бываетъ чрезвычайно густое, темнозеленаго цвѣта, а вышина оныхъ въ нѣсколько сажень. Въ послѣднемъ дѣйствіи комедіи: *Свадьба Фигаро*, на сценѣ здѣшняго театра, мѣсто вожделѣннаго свиданія было украшено двухъ-аршинными, блѣдно-зелеными деревцами, что весьма было похоже на *анжерейную выставку*, какъ говорятъ подмосковные садовники. — *Idem*, тотъ-же самый Авторъ, послѣ тысячи препятствій и непріятностей успѣвшій подарить литтературный міръ превосходною комедіею, вѣрно не ожидалъ того, чтобы оная въ обширной столицѣ величайшей Державы была представлена съ такими несообразностями, какихъ напрасно будемъ мы искать на самыхъ бѣдныхъ провинціяльныхъ театрахъ.

Но это еще не все. Исчисленные нами недостатки конечно никогда *не будутъ* исправлены (по причинамъ, изложеннымъ въ началѣ сей статьи), но по крайней мѣрѣ *могутъ быть* замѣнены должнымъ. У насъ комедія Бомарше подвержена другому истязанію, которое въ тысячу разъ тошнѣе несообразныхъ костюмовъ и декорацій. Мы говоримъ о переводѣ этой пьесы. — Если-бы нѣсколько плохихъ гудочниковъ взялись разыграть увертюру Моцарта или Вебера, то ихъ нескладная игра, вѣроятно, не столько терзала-бы уши любителей музыки, сколько наши бѣдныя орудія слуха пострадали отъ новаго перевода Женитьбы Фигаро. Пьеса обрѣзана какъ червонецъ, побывавшій въ рукахъ Жида. Блестящій, остроумный разговоръ Бомарше совершенно исчезъ на Русскомъ языкѣ. Вмѣсто замысловатыхъ рѣчей и колкихъ насмѣшекъ умнаго Фигаро, слухъ нашъ поражали самыя непростительныя ошибки. Однимъ словомъ, не льзя было поступить безжалостнѣе съ такою прекрасною комедіею. Вотъ нѣсколько примѣровъ, которые могутъ убѣдить въ истинѣ сказаннаго нами. *Явленіе* 1-е. «Графъ, соскучась обольщать постороннихъ красавицъ, вздумалъ опять обратить сіятельные взоры на *свой собственный* замокъ.» По смыслу выходитъ, что Графъ Альмавива влюбился въ замокъ Агвасъ-Фрескасъ. Странный вкусъ. Въ подлинникѣ совсѣмъ не то сказано. — *Явленіе* 3-е.

Digitized by Google

«Докторъ моего сердца,» восклицаетъ Фигаро! — Это переводъ выраженія: docteur de mon cœur! — *Явленіе* 4-е. Бартоло называетъ Графиню *притворщицею*. За что?... Въ подлинникѣ Докторъ говоритъ: la perfide Rosine. Въ каждомъ лексиконѣ можно отыскать, что слово perfide, значитъ: вѣроломная, измѣнница, и т. п. *Явленіе* 5-е. Какъ думаютъ читатели переведено слово: duègne? Вѣроятно: надзирательница, надсмотрщица, а можетъ быть просто *дуэнна*, потому что это Испанское выраженіе, означающее пожилую женщину, коей поручено смотрѣніе за дѣвицами, употребляется безъ измѣненія на всѣхъ Европейскихъ языкахъ. — Увы! Въ Русскомъ переводѣ, умная Марцелина, воспитавшая супругу Испанскаго Гранда, разжалована въ *ключницы*!!! — *Явленіе* 7-е. Пажъ говоритъ Сусаннѣ: ты *идешь* за мужъ, а я *ѣду!»* — Пора учиться Русскому языку. — Въ третьемъ дѣйствіи, Фигаро напоминаетъ Графу о томъ, какъ онъ помогъ ему «вырвать Графиню изъ Докторскихъ лапъ!» А Графъ спрашиваетъ: «отъ чего во всѣхъ твоихъ поступкахъ есть какая-то *двусмысленность* (!!).» Послѣ этого мы имѣемъ полное право спросить: отъ чего въ большей части нашихъ переводовъ есть какая-то *безсмысленность*? — Въ томъ-же дѣйствіи толкуютъ о *союзѣ*, который *соединяетъ во едино*... Подобныя ошибки не прощаются двѣнадцатилѣтнимъ ученикамъ. Въ томъ-же дѣйствіи, знаменитая сцена тяжбы выставлена въ такомъ жалкомъ видѣ, что стыдно было слушать. У Бомарше вся завязка процеса основана на частицахъ et и ou, которыя каплею чернилъ замараны въ распискѣ,

Digitized by Google

данной Марцелинѣ. Бартоло говоритъ, что въ заемномъ письмѣ сказано: и на ней женюсь. Фигаро утверждаетъ, что написано: или на ней женюсь. Наконецъ Докторъ соглашается, что поставлено: ou. Но такъ какъ это словцо на Французскомъ языкѣ можетъ означать и союзъ и нарѣчіе, то каждая сторона толкуетъ оное по своему. Въ новѣйшемъ Русскомъ переводѣ, вся эта замысловатая сцена совершенно потеряна. Бартоло говоритъ: «положимъ, что поставлено *или,*» и послѣ сего хочетъ посредствомъ запятой (!) превратить смыслъ рѣчи... Всякій, имѣющій понятіе о Грамматикѣ, сей часъ увидитъ, что принявши выраженіе: *или* на ней женюсь, Докторъ уже оправдываетъ своего противника. Еще разъ повторимъ, что подобные промахи не прощаются малолѣтнымъ ученикамъ. Въ старинномъ переводѣ сей пьесы, Г-нъ Лабзинъ сохранилъ игру словъ, на коей основано сіе явленіе. У него сказано, *а будучи долженъ,* на ней женюсь. Бартоло читаетъ: и будучи долженъ, Фигаро утверждаетъ: *а* будучи долженъ. Потомъ Докторъ принимаетъ по своему выраженіе: будучи *долженъ*, вмѣняя оное въ *обязанность* жениться на старухѣ. Фигаро опровергаетъ его, относя вышеписанное выраженіе къ денежному долгу. Конечно, въ этомъ переводѣ есть натяжка, но за то нѣтъ безсмыслицы. Лучше было оставить старое!... Въ послѣднемъ дѣйствіи, Сусанна говоритъ, что *пощечинами дождь идетъ!!!*... Но довольно: оставимъ исчисленіе сихъ нелѣпостей и пожалѣемъ о томъ, что въ XIX-мъ столѣтіи подобные переводы выставляются на столичныхъ театрахъ.

Digitized by Google

Что-же касается до игры актеровъ, то мы не смѣемъ быть строги и взыскательны въ нашемъ сужденіи, потому что комедія Бомарше подвергнулась общей участи всѣхъ бенефисныхъ пьесъ, а именно: была обставлена на скорую руку. Въ цѣломъ, зависящемъ отъ долговременнаго изученія ролей и частыхъ репетицій, на сей разъ не было согласія. Со всѣмъ тѣмъ актеры играли очень порядочно — по одиначкѣ. О Г-нѣ Мочаловѣ, занимавшемъ роль Графа Альмавива, нечего и говорить. Онъ вездѣ играетъ прекрасно. — Первый нашъ комикъ, Г-нъ Щепкинъ, остался при роли Доктора Бартоло, игранной имъ въ Севильскомъ Цирюльникѣ.—За болѣзнію Г-жи Львовой-Синецкой, роль Графини занимала Г-жа Рыкалова. Гдѣ нужда, тамъ нѣтъ суда! — Молодой актеръ, Г-нъ Аѳанасьевъ, въ роли Донъ Гусмана порадовалъ насъ пріятною надеждою, видѣть въ немъ со временемъ отличнаго артиста.—Съ удовольствіемъ также смотрѣли мы на Г-на П. Степанова (то есть, не на Г-на В. Степанова) занимавшаго роль Донъ Базиля. Этотъ молодой артистъ рѣшительно имѣетъ въ тысячу разъ болѣе таланта, нежели его однофамилецъ. Должно надѣяться, что со временемъ его репертуаръ не будетъ ограничиваться десятками словъ въ незначущихъ пьесахъ, и что онъ *дослужится* до амплуа, приличнаго его природнымъ способностямъ, о коихъ свидѣтельствуютъ игранныя имъ роли Донъ Базиля, и Судьи, въ прекрасномъ водевилѣ: *Невинный въ винѣ.* — Хорошенькій пажъ былъ очень милъ. Тѣмъ не менѣе мы жалѣли о томъ, что роль сія досталась Г-жѣ Потанчиковой. Раждающійся талантъ должно поберегать, и Графинѣ Вальтронъ не слѣдовало-бы превращаться въ маленькаго шалуна.—Трудная роль Сусанны не могла быть выполнена ни одною актрисою здѣшняго театра лучше Г-жи Сабуровой. Эта отличная артистка много утратила по неизбѣжнымъ судьбамъ неумолимаго времени. Однако до сихъ поръ она не имѣетъ достойныхъ преемницъ ея таланта.—Но никто не причинилъ намъ столько досады въ сіе представленіе, какъ Г-нъ Сабуровъ въ роли Фигаро. Смѣло можемъ сказать, что въ цѣлой Россіи ни одинъ актеръ не въ силахъ выполнить сей замысловатой роли лучше Г-на Сабурова, подобно тому, какъ ни одинъ актеръ не достигнетъ совершенства Г-на Сосницкаго въ роляхъ Графовъ Ольгиныхъ и другихъ одинаковаго разряда. Къ сожалѣнію нашему, Г-нъ Сабуровъ, въ костюмѣ Фигаро, пренебрегъ существенною и прочною славою, и захотѣлъ выманить у райка нѣсколько громкихъ браво и рукоплесканій. Доказательствомъ утверждаемаго нами можетъ служить знаменитый монологъ пятаго дѣйствія. Мы никогда не повѣримъ тому, чтобы Г-нъ Сабуровъ не понялъ сего мѣста своей роли, потому что первые четыре акта сыграны имъ прекрасно. Его выкрикиванья и размахиванья руками въ семъ монологѣ напоминали провинціяльныхъ актеровъ. Неужели Г-нъ Сабуровъ забылъ на сей разъ, что въ креслахъ здѣшняго театра сидѣла публика образованная, коей рѣдкія рукоплесканія болѣе значатъ, нежели всѣ неистовые вопли райка? Если Г-нъ Сабуровъ почитаетъ самого себя обыкновеннымъ, безталаннымъ актеромъ, то онъ очень ошибается. Просвѣщенные любители театра думаютъ о немъ иначе, и утверждаютъ, что онъ не имѣетъ никакой надобности прибѣгать къ натяжкамъ въ выполненіи трудныхъ ролей; что съ его умомъ и искуствомъ можно удовлетворить требованіямъ самыхъ прихотливыхъ знатоковъ; что какой нибудь жалкій актеръ, занимающій роль Фигаро на здѣшнѣмъ Французскомъ театрѣ, никогда не будетъ ему предпочтенъ, не взирая на снисходительность Московской публики къ чужестраннымъ актерамъ. Отъ души совѣтуемъ Г-ну Сабурову по-болѣе дорожить своимъ талантомъ и избѣгать уловокъ, неприличныхъ хорошему артисту.— Желали-бы мы утѣшить нашихъ читателей надеждою, что знаменитая комедія Бомарше будетъ лучше сыграна въ слѣдующіе разы, но не смѣемъ сего предрекать, по причинѣ, изложенной въ началѣ сеи статьи.

Данный послѣ комедіи водевиль: *Двѣ записки*, уже извѣстенъ нашей публикѣ. Поговоримъ лучше о дивертисементѣ: *Праздникъ въ лагерѣ*, который на длиннѣйшей аффишкѣ былъ объявленъ заключеніемъ длиннѣйшаго бенефиснаго спектакля.—Въ настоящее время, когда достославный миръ увѣнчалъ блистательные успѣхи Россійскаго оружія, слова: лагерь, войско, имѣютъ магическое дѣйствіе на всѣхъ сыновъ отечества. Мы думали, что увидимъ нѣчто подобное выставляемымъ на сценѣ С. Петербургскаго театра интермедіямъ и дивертисементамъ, въ коихъ мирнымъ жителямъ столицы напоминаютъ о новѣйшихъ подвигахъ нашего воинства. Что-же было вмѣсто сего? Какой-то Генералъ пропѣлъ кантату; *Герои, грозны чада славы*, которую, вѣроятно, Его Превосходительство затвердилъ въ чинѣ Прапорщика. Потомъ двое адъютантовъ, одинъ по музыкальной, другой по танцовальной части показали свое умѣнье. За симъ первые артисты балетной труппы кое-что поплясали; наконецъ солдаты помаршировали, и тѣмъ все кончилось. А зрители, пожавши плечами, разъѣхались по домамъ въ первомъ часу по полуночи. Московская публика приняла-бы съ восторгомъ зрѣлище, въ коемъ что-нибудь изображало-бы новую славу благополучнаго царствованія и новые лавры, пожатые нашими героями. Но не все то дѣлается, чего намъ хочется!

В. У.

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ ОБЩЕСТВА и ЛИТТЕРАТУРЫ.

ПРОЭКТЪ

о томъ, чтобы невѣсты не засиживались въ родительскихъ домахъ, составленный С. К. Затѣйкинымъ, Членомъ многихъ ученыхъ обществъ.

Sine ira et studio.

Извѣстно, что основанія общественнаго благосостоянія, заключаясь въ благоразумномъ исполненіи обязанностей каждымъ членомъ онаго, могутъ доводить цѣлое общество ко благу и счастію. Аббатъ Де Льё-Комменъ, въ книгѣ своей: Sur les origines des lois, весьма благоразумно говоритъ: «Каждый долженъ прежде всего быть добрымъ человѣкомъ.» Аббатъ Беланже, въ книгѣ своей: Trésor de la vertu, прибавляетъ къ сему еще: «обязанъ исполнять свой долгъ.» Не приводимъ мнѣній другихъ знаменитыхъ, древнихъ и новыхъ, писателей, изъ коихъ дѣлается ясно, что мужчина, остающійся не женатымъ, не исполняетъ своего долга, и дѣвушка, не вышедшая за мужъ, также долга своего не исполняетъ. Если древніе Римляне, извѣстные своею мудростію, давали награды женщинѣ, когда она была матерью многочисленнаго семейства, то, само собою разумѣется, что безсемейное созданіе Божіе должно подвергаться какому либо штрафу, что подтверждаетъ и ученый Іоганнъ Христофоръ фонъ-Баусъ, въ книгѣ своей: Vom Ursprunge des Zeltischen Volks, доказывая, что Цельты справедливо подвергали холостяковъ большому наказанію, за то, что они не женятся. Но не одни Цельты: премудрая природа всѣхъ такихъ людей подвергаетъ сильному наказанію, ибо, говоря словами одного Русскаго Писателя, у холостяка «подъ «ногами шатко, въ головѣ перемѣнная погода, и «сердце со всего срывается.» Состояніе пренепріятное! Не говорю объ участи дѣвушекъ, не вышедшихъ за мужъ; но должно, кажется, послѣ всего сказаннаго мною согласиться, что невѣстамъ выходить за мужъ, а женихамъ жениться слѣдуетъ непремѣнно.

Разсматривая предметъ съ сей стороны, и видя, что вопреки мнѣніямъ ученыхъ людей и голосу природы, много остается на бѣломъ свѣтѣ невѣстъ и жениховъ, никогда не бывающихъ женами и мужьями, я старался разыскать причину, и наконецъ нашелъ ее, такъ неоспоримо, что устранивъ оную, мы никогда не увидимъ ни засидѣвшихся невѣстъ, ни старыхъ холостяковъ. Еще болѣе: въ моемъ

Digitized by Google

открытіи заключается главнѣйшая причина несчастливыхъ супружествъ. Я готовъ восклицать, прыгая, какъ Архимедъ : *нашелъ, нашелъ !* и спѣшу подѣлиться моею находкою со всѣми благомыслящими людьми.

Пересмотрите всѣ несчастныя супружества, отъ того, въ которомъ мужъ смиренно сгибается подъ башмакъ своей любезной половины, до противоположнаго полюса, т. е. супружества, въ которомъ любезный муженекъ заставляетъ жену свою ходить, что называется, по струночкѣ; отъ того, въ которомъ мужъ и жена даютъ другъ другу полную волю дѣлать что угодно, до того въ которомъ мужъ костыляетъ свою сожительницу, почему она безъ спроса его выглянула въ окошко. Этого мало: переберите холостяковъ, отъ толстаго не женатаго волокиты, у котораго фракъ запачканъ пудрою, летящею съ плѣшивой головы его, до тощаго какого нибудь холостяка, въ теченіе сорока лѣтъ корпящаго за бумагами. Вездѣ, и тамъ и здѣсь, вы найдете, что причиною худаго супружества и безженства, не на половину, а на девять десятыхъ частей бываетъ

ПРИДАНОЕ!

Такъ, ММ. ГГ., вотъ открытіе, которымъ горжусь я, въ которомъ, смѣло утверждаю, заключена причина зла.

Происхожденіе приданаго относится ко временамъ невѣжества, къ народамъ варварскимъ. Въ древнія, благословенныя времена не знали другаго приданаго, кромѣ красоты души и тѣла. Угодно-ли примѣры: вспомните Іакова, который работалъ четырнадцать лѣтъ за Рахиль, и не думалъ о приданомъ. Но когда нравы измѣнились, люди развратились, добродѣтель улетѣла на небеса, а истина спряталась въ колодецъ, женщины упали въ мнѣніи мужчинъ, гордыхъ, несправедливыхъ: ихъ стали считать не-человѣками, равными мужчинѣ, а чѣмъ-то ниже человѣка. Тогда явилась и пословица: *курица не птица, женщина не человѣкъ*. Проклинаю твою память, безсовѣстный мужчина, тебя, который въ первый разъ отъ начала міра потребовалъ придачи къ прелестному созданію, и произнесъ пагубныя слова: *дайте приданое!* Исторія приданаго весьма любопытна, и я намѣренъ издать ее особо, въ трехъ томахъ въ восьмушку, съ 2352-ю цитатами изъ Конфуція, Платона, Гуго Гроція, Плинія, разныхъ знаменитыхъ Русскихъ Археологовъ, какъ-то: И. В. Нехачина, Т. И. Мальгина, М. Т. Каченовскаго, и проч. и проч. — Много было всякой всячины: въ Скиѳіи, напримѣръ, дамы, оскорбленныя мыслью о приданомъ, рѣшительно возстали на мужчинъ, ушли отъ нихъ и составили особое царство, бывшее извѣстнымъ подъ именемъ *Амазонскаго*. Въ Азіи онѣ не только не согласились на приданое, но требовали, чтобы мужчины платили за невѣстъ, и согласились отказаться отъ всего, только-бы удалить приданое. По взаимному условію, ихъ стали запирать, стеречь, закрывать, но за то *калымъ* утѣшаетъ Азіятскихъ дамъ.

У насъ, просвѣщенныхъ Европейцевъ, приданое

Digitized by Google

вошло въ совершенный законъ. Безъ приданаго — будь у невѣсты во лбу свѣтлый мѣсяцъ, по косицамъ частыя звѣзды, будь она такъ хороша, чтобы видно было, какъ у нея изъ косточки въ косточку можжечекъ переливается—спокойно можетъ она сидѣть въ родительскомъ домѣ. Напротивъ, будь невѣста огромнѣе въ ширину, нежели въ вышину; не досчитывайся одного глаза, двѣнадцати зубовъ и ковыляй на деревяшкѣ; будь притомъ у нея носъ, какъ руль корабельный; будь она еще притомъ тиха, какъ Ксантиппа, добродѣтельна, какъ Фрина, умна, какъ житель дома сумасшедшихъ—жениховъ не отобьется: давай только приданое. Дайте вѣсомъ за нее червонцевъ — хоть ассигнацій по курсу — и о сборищѣ всего дурнаго будетъ вздыхать и молодой гусаръ, и тучный Генералъ, и ловкій купецъ, и — даже какой нибудь Мулла не посовѣстится поохать о прелестницѣ! Невѣстами идетъ нынѣ совершенный торг Отецъ, котораго благословилъ Богъ дочками, [illegible]етъ и говоритъ: «Охъ! раззорился: *семь* дочерей!» Матушка, у которой доматываютъ дѣтки послѣднія родительскія крохи, любуется ими и говоритъ: «Перебѣсятся, а тамъ — *три* сына, *три* свадьбы, и на старости не уморятъ меня съ голоду.» — По Москвѣ рыскаютъ сотни потаскушекъ, сплетчицъ, старушекъ, съ росписями приданаго, въ которыхъ все написано, кромѣ того, какова невѣста; это въ *придачу*, такъ, что̀ о придачѣ спрашивать?

Отцы, матери, тетки, дяди, бабушки и дѣдушки! Подумайте, до чего все это насъ доводитъ?

Молодая дѣвочка не думаетъ учиться, не думаетъ быть хорошею хозяйкою; отъ чего? Она знаетъ, что и безъ того будутъ за нею ухаживать. Потому не старается она быть ни доброю, ни послушною; потому къ молоденькимъ богатымъ дѣвчонкамъ летаютъ письмецы, записочки; для этого выдуманы проклятые котильоны, мазурки, вальсы. Замѣтьте на нашихъ балахъ: за кѣмъ волокитство? Съ кѣмъ шептанье, разговоры? Съ *приданымъ!* А дѣвушка, прелестная, да безъ приданаго, сидитъ дома въ углу и — вяжетъ чулочки папенькѣ, между тѣмъ какъ онъ ходитъ и думаетъ: «Что̀ дѣлать? Дѣвочка-то у меня на возрастѣ!»

А юноши наши? Отъ чего, какъ не отъ мысли о приданомъ, они шалятъ въ училищахъ, повѣсничаютъ въ свѣтѣ, пьютъ и играютъ въ службѣ? *Приданое все поправитъ!* кричатъ они.

Взгляните на супружества наши: *приданое*, вышедшее за мужъ, имѣетъ-ли право требовать къ себѣ уваженія, любви, привязанности? Его возятъ на балы, съ нимъ развозятъ визиты, берутъ отъ него деньги — и только! Возьмемъ другую крайность: если придача къ приданому держитъ муженька на своркѣ; за чашку шоколата говоритъ ему: *ты дуракъ!* кусокъ бисквита заставляетъ проглотить съ припоминаніемъ, что онъ искалъ только денегъ, и, звеня ему подъ ухо деньгами, награждаетъ щелчками... каково супружество? Положимъ, что и супруга съ приданымъ, и мужъ, включившій себя въ роспись женниныхъ вещей, поладили: онъ съ одной стороны, она съ другой сводятъ домокъ, живутъ весело, встрѣчаются только въ гостяхъ, говорятъ другъ другу сперва только: *дай денегъ*, а потомъ: *подпиши вексель*, а потомъ: *убирайся къ чорту!* . . . спрашиваю: для этого-ли сказано: «*недобро быти человѣку единому; сотворимъ ему помощницу.*»

Но ничто не научаетъ насъ. Девять изъ десяти дѣвушекъ живутъ отшельницами и не *хотятъ* идти за мужъ, потому что ихъ не берутъ безъ придачи: это неоспоримо; но я обращаюсь къ холостякамъ. Развѣ не девять изъ десяти не женятся отъ того, что или ищутъ *приданаго*, или боятся взять *безъ приданаго*, говоря: «У нея ничего; у меня тоже, а чѣмъ-же намъ *жить?*» Жить значитъ въ нынѣшнемъ свѣтѣ: *мотать*, также, какъ слово: *умеръ*, значитъ: *промотался*. Этотъ смыслъ произвело — *приданое*. Оно даетъ *средства жить*, а женщины, которымъ безъ приданаго удалось выйдти за мужъ, почитаютъ мужей приданымъ, и, точно какъ сундуку, говорятъ: «Дай шаль, дай фермуаръ, дай шляпку, дай денегъ на жемчугъ: я не виновата, что ты безъ *приданаго* взялъ меня; не хочу быть *хуже другихъ!*»

Не хочу продолжать далѣе моихъ объясненій, и думаю, что теперь каждый согласится, что худыя супружества происходятъ отъ того, что *есть приданое*, а безсемейная жизнь отъ того, что *нѣтъ приданаго*. Исключеній изъ сего правила такъ мало, что объ нихъ не стоитъ говорить. Легко послѣ этого понять, въ чемъ состоитъ мой проэктъ.

Отцы, матери, дядюшки, тетушки, бабушки, дѣдушки; юноши, желающіе добра; дѣвушки, желающія быть счастливыми! Соединитесь со мною, и закричимъ въ одинъ голосъ: «*Да уничтожится приданое! Да погибнетъ эта язва, убивающая счастіе на бѣломъ свѣтѣ!*»

Предлагаю: уничтожить, рѣшительно и навсегда, всякое движимое и недвижимое приданое; положить, чтобы никто и никогда, ни по купчей, ни по рядной, ни по духовной, ни векселями, ни условіями и никакъ, не смѣлъ давать за дѣвушкою приданаго, кромѣ души и сердца, которыя нынѣ при отдачѣ приданаго часто забываются. Всякое имѣніе принадлежитъ отцу, мужу, сыну, а не матери, не женѣ и не дочери...

Но, что̀ если я моимъ проэктомъ не всѣмъ угожу? Диво-ли, когда и *никому* не угожу? Я хотѣлъ было войти здѣсь въ подробное изложеніе моего проэкта: не буду-ли я пѣть пѣсню для глухихъ ушей? Такъ и быть; погожу: не кричите, промотавшіеся повѣсы, некрасивыя невѣсты! еще приданое не отнято у васъ! Но послушайте:

Если мой проэктъ будетъ принятъ... золотой вѣкъ едва-ли не возвратится на землю. Сынки будутъ беречь батюшкины деньги, потому что не будетъ имъ надежды поправиться женитьбою; богатые отцы будутъ заботиться о воспитаніи дочерей, потому что не пучками ассигнацій будетъ цѣниться достоинство невѣстъ; бѣдныя дѣвушки не засидятся у отца и матери, потому что достоинства будутъ рѣшать выборъ невѣстъ, и дочери и богатыхъ и бѣдныхъ будутъ равны, какъ на Страшномъ Судѣ; красавицы захотятъ отличиться душевными красотами, чтобы чѣмъ нибудь взять преимущество, а не-красавицы — о! вы, милыя созданія, которыхъ часто Провидѣніе съ избыткомъ награждаетъ за недостатокъ хорошенькаго личика! вы превзойдете тогда самихъ себя, и вы-то всего скорѣе тогда будете за мужемъ, потому что смазливое личико... Но я не смѣю быть неучтивымъ, и скажу только, что съ уничтоженіемъ приданаго, женщины будутъ истинныя владычицы душъ и сердецъ!

Безъ этого — скоро супружество сдѣлается у насъ... Да, что я говорю? Наши невѣсты и безъ того уже совершенный товаръ; балы—биржи; свахи-маклера; женихи—покупатели, а отцы и матери что̀?

Совершенное безкорыстіе руководствуетъ мною. Я безденеженъ, это правда; но за то я бездѣтенъ и старъ, слѣдственно: ни женить, ни жениться не имѣю надобности, а предлагаю мой проэктъ желая добра моимъ соотечественникамъ и соотечественницамъ, которыя конечно поблагодарятъ меня, если хорошенько подумаютъ о томъ, что̀ я предлагаю.

С. Затѣйкинъ.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

A la rentrée de Mad. Malibran-García, un chapeau de velours couleur pensée, était orné d'une bande du même velours, aussi large que la forme était haute. Les deux bouts de la bande étaient ornés d'une frange à très-longs brins. Par devant, figuraient deux ailes de papillon en blonde blanche.

Deux dames portaient sur le devant d'une coeffure en cheveux, cinq ou six plumes d'autruche posées en auréole. Les plumes d'une de ces coeffures étaient alternativement blanches et bleues.

Cette année tous les satins, soit de couleurs vives, soit de couleurs tendres sont *glacés*; presque tous les taffetas et *gros* (de Naples, de Chine, des Indes, d'hiver, etc.) sont *à reflet*, ou *changeans*. Vert et violet se nomme *armure bronzée*; vert et blanc, *Blaise et Babet*, etc.

Un nouveau vert, dit *vert-de-cour*, est un peu plus vif que le *vert anglais*; on l'emploie en robes.

De toutes les couleurs à la mode la plus nouvelle se nomme *toucan*, à cause de la nuance orangée de la gorge du toucan, oiseau du Brésil. On fait des capotes et même des

---

(*) До 20 Ноября (н. с.) 1829.

robes de cette nuance de jaune. Toucan se marie très-bien dans les rubans de gaze avec le rouge-cerise.

Une dame que son élégance fait remarquer dans toutes les salles de spectacle, portait dernièrement à l'Opéra, une robe de gaze de laine couleur toucan, dont les manches étaient divisées en trois bouffans par trois cordons de martre; mais la mode régnante est celle de manches *à la Donna Maria*. Au dessus du coude, il *y* a quelquefois comme une corbeille dentelée dans laquelle entre le haut de manche bouffant. — Quelques spencers en velours vert-de-cour ont des manches *à la Donna Maria*: on porte avec ces spencers des robes de soie de la même couleur. — A l'une des dernières représentations des Bouffes, une dame avait une robe de satin, dont les manches *à la Donna Maria* étaient de blonde en haut, c'est-à-dire dans la partie bouffante, et de satin depuis le coude jusqu'au poignet.

Pour rendre plus chauds les manteaux de mérinos double à raies dites *tramées*, quelques élégantes les font ouatter; d'autres, au lieu de manteau, portent une pelisse en forme de redingote et à manches larges. Cette pelisse est bordée de martre ou de chinchilla.

Les danseuses à prétention portent des bas de soie à jour dont les quadrilles et les coins montant jusqu'à mi-jambe, sont dessinés par de légers filets d'or.

Les chapeaux élastiques ne sont plus de mode: un élégant va en soirée avec un chapeau ordinaire dont la coeffe est de peau blanche; il le tient toujours à la main.

Plusieurs élégans n'ont plus ni favoris, ni barbe, ni moustaches.

Головные уборы. Въ спектаклѣ, по случаю возвращенія на театръ пѣвицы Малибранъ-Гарціа, одна изъ дамъ была въ бархатной шляпкѣ, цвѣта *пансе*, убранной изъ такого-же бархата полосою, широкою во всю вышину шляпы. Оба конца полосы были украшены длинною бахромою. Передъ шляпки убранъ былъ двумя крыльями мотылька, сдѣланными изъ бѣлыхъ блондъ. — У двухъ дамъ уборка волосовъ украшена была спереди пятью или шестью строусовыми перьями, расположенными по головѣ въ видѣ вѣнца. Въ одной изъ сихъ уборокъ перья были голубыя и бѣлыя.

Модныя платья и матеріи. Всѣ атласы нынѣшній годъ, и яркихъ и нѣжныхъ цвѣтовъ, бываютъ *гласированы*, (съ лоскомъ); почти всѣ другія шелковыя матеріи и гро (денапль, Китайскій, Индійскій, зимній, и проч.) съ отливомъ, или двуличныя. Имъ даютъ особыя имена: зеленый цвѣтъ съ фіолетовымъ отливомъ называется: *бронзовая броня*; зеленый цвѣтъ съ бѣлымъ отливомъ называется: *Блезъ и Бабета*, и проч. — Новый зеленый оттѣнокъ, называемый *придворнымъ зеленымъ*, немного ярче такъ называемаго *Англійскаго зеленаго*: его употребляютъ на дамскія платья. —Изъ модныхъ цвѣтовъ самый новѣйшій называешся: *тукановый*, шакъ названный по имени шукана, Бразильской пшицы, у кошорой шея оранжеваго ошшѣнка. Къ шукановому цвѣшу въ газовыхъ леншахъ прекрасно идешъ цвѣшъ красновишневый. — Одна дама, замѣшная по щегольскому наряду во всѣхъ спекшакляхъ, была въ Оперѣ, одѣшая въ плашьѣ изъ шерсшянаго газа шукановаго цвѣша; рукава у плашья были раздѣлены на шри буфа шремя полосками шумаковаго мѣха. Но самые модные рукава называюшся, по имени Поршугальской Королевы Маріи Глоріи, *à la Donna Maria*: у нихъ выше локшей дѣлаешся, какъ будшо зубчашая корзинка, въ кошорую входяшъ буфированные рукава. — Дѣлаюшъ спенсеры, бархашные, цвѣша зеленаго-придворнаго, съ рукавами *à la Donna Maria*; шакіе спенсеры носяшъ съ шелковыми плашьями, одинаковаго съ ними цвѣша.—Въ одномъ изъ послѣднихъ представленій въ шеашрѣ Оперы Буффы, на одной дамѣ было ашласное плашье, съ рукавами *à la Donna Maria*, сдѣланными изъ ашласа и блондъ: буфъ до локшей былъ блондовый, а осшальной рукавъ, ошъ локшя до кисши руки, ашласный.

Чшобы манто или плащи, изъ двойной мериносовой машеріи, съ полосками, кошорыя называюшся *шкаными*, были шеплѣе, нѣкошорыя щеголихи дѣлаюшъ ихъ на вашѣ; другія, вмѣсшо плащей, носяшъ шубу, въ родѣ реденгошовъ, съ широкими рукавами. У шакой шубы бываешъ шумаковая, или шиншиловая опушка.

Модныя мѣлочи. Дамы, щеголяющія танцами, носятъ шелковые чулки *ажуръ*, у которыхъ рѣшетки и стрѣлки обрисовываются тоненькими золотыми нитками.

Мужскія моды. Мягкія шляпы вышли изъ моды. Щеголь является на вечеръ съ обыкновенною шляпою, у которой тулья подшита бѣлою кожею; онъ долженъ безпрестанно имѣть шляпу въ рукахъ.

На бакенбарты, бородки и усы—также проходитъ мода: многіе щеголи обрили ихъ.

На приложенныхъ картинкахъ:

Дама. Атласная шляпка-капотъ; реденготъ изъ Китайскаго гро, съ отливомъ; бархатная пеллеринка; жаконнатовые панталоны; Турецкіе атласные полусапожки.

Мужчина. Суконные фракъ и панталоны; шелковой матеріи жилетъ.

Дитя. Суконные спенсеръ и панталоны, суконный каскетъ, вышитые, и съ бархатомъ; сафьянный галстучекъ и батистовая колерешка.

О концертѣ Г-дъ Контскихъ.

Семейство Контскихъ, о прибытіи коего увѣдомляли мы нашихъ читателей, уже давало, въ залѣ Благороднаго Собранія, концертъ, удостоенный присутствія Его Высочества Принца Хозрева Мирзы и стеченія многочисленной публики. Нынѣ ожидаемъ мы вторичнаго концерта юныхъ виртуозовъ и не преминемъ сообщить читателямъ наше мнѣніе о талантахъ сихъ необыкновенныхъ дѣтей.

Опечатка.

Въ № 20 Телеграфа, на стр. 546, въ строкѣ 3, вмѣсто: «бенефисъ *Г-жи Глушковской,* должно быть: «бенефисъ *Г-на Лобанова.*»

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

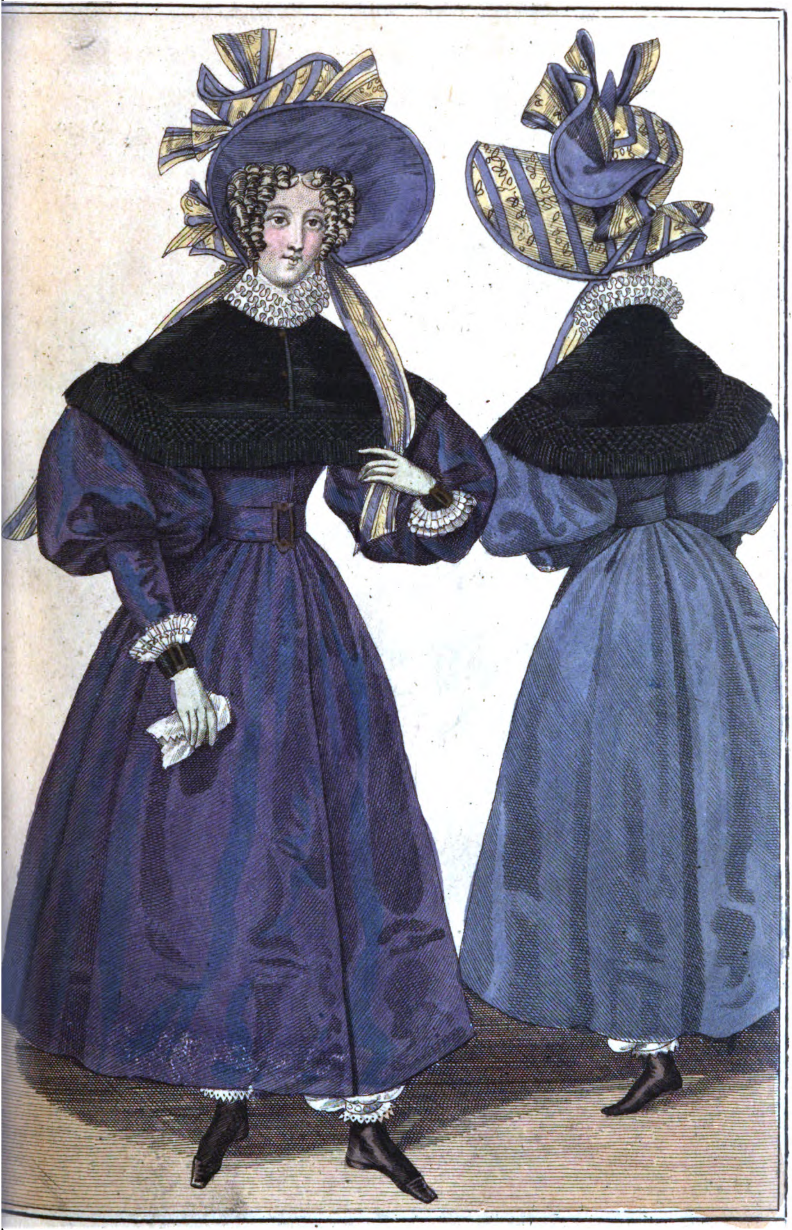
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Ноября 28 дня, 1829 года.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

Digitized by Google

Digitized by Google

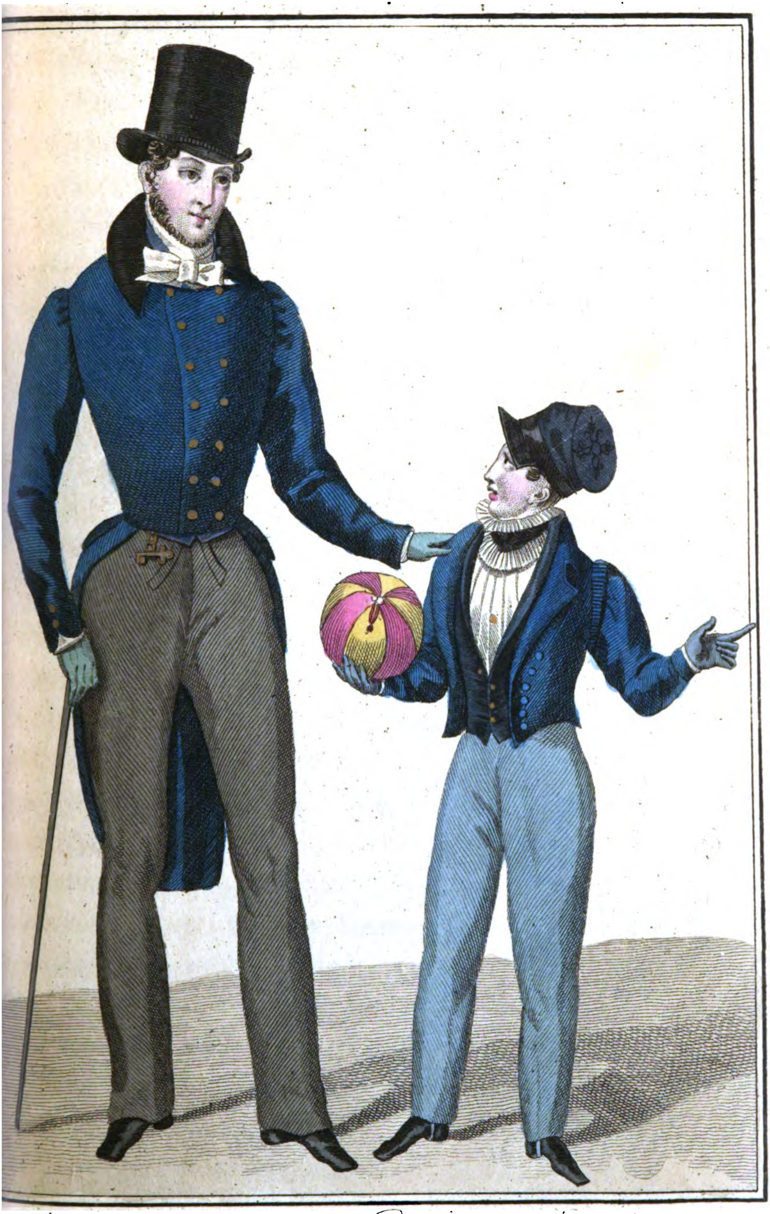


Въ Парижѣ, 20 Ноября (н. с.) 1829.

Digitized by Google

Digitized by Google

Къ N. 22 Моск. Тел. 1829.



Въ Парижѣ, 15 Ноября (н. с.) 1829.

Digitized by Google

[illegible] AND
TILDEN FOUNDATIONS

Digitized by Google

ПРИБАВЛЕНІЕ
КЪ
МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

N° 22. *Ноябрь* 1829.

О ПОЛЬЗѢ ОБРАБОТЫВАНІЯ БЕЗПЛОДНЫХЪ ЗЕМЕЛЬ.

(Сочиненіе Валтера Скотта).

Безпрерывно увеличивающееся распространеніе машинъ, кажется, возбуждаетъ во многихъ темное чувство ужаса. Сіи люди думаютъ, что, въ земледѣльческой или фабричной промышленности, замѣна рукъ машинами, заступа сохою, веретена или пряслицы машиною мюль-дженни, есть зло, тѣмъ болѣе пагубное, что оно не отвратимо. Изъ состраданія къ трудолюбивымъ классамъ народа, бѣдствующимъ съ того времени какъ развелись машины, они, не имѣя возможности запретить введенія сихъ послѣднихъ, желали-бы по крайней мѣрѣ уменьшить число ихъ, наложивъ пошлины на всѣ будущія изобрѣтенія, сокращающія трудъ. И въ самомъ дѣлѣ, почему-бы не согласиться съ ними, если только будетъ

доказано, что машины дѣйствительно причи
ютъ зло многочисленнѣйшей части обществ
Но не таково наше мнѣніе. Мы не только
видимъ зла въ употребленіи машинъ, но рад
емся каждому новому примѣненію открытій
наукахъ и искуствахъ къ промышленности, ка
дому средству, сокращающему время и издер
ки на трудъ, и почитаемъ это шагомъ на по
поприщѣ улучшеній, по которому Всемогущ
Творецъ ведетъ насъ къ земному блаженств
Замѣнивъ ручныя работы машинами на фабр
кахъ, увеличили, хотя и не прямо, число люде
могущихъ заняться усовершенствованіемъ и ра
пространеніемъ земледѣлія. Отъ этого умнож
лись силы и средства государственныя, и люд
стали счастливѣе.

Въ настоящее время происходитъ сильный
реломъ во внутренней экономіи общества. Д
нашихъ фабрикъ явилось столько рукъ, стол
животныхъ машинъ, что не знаютъ уже к
употребить ихъ, и куда дѣваться съ эти
излишними средствами. Уменьшить-ли рабо
каждаго изъ людей низшихъ классовъ, на по
вину, чтобы всѣ были заняты ею, или пред
часть сихъ несчастныхъ уничиженію и случ
нымъ пособіямъ общественнаго милосердія?

По нашему мнѣнію, можно избѣжать того
другаго. Трудящіеся классы людей не буду

принуждены довольствоваться недостаточнымъ пропитаніемъ и не будутъ питаться милостынею. Ихъ дѣятельности открыто новое поле. Но гдѣ-же оно? Фабрики набиты работниками, земледѣльческіе округи также населены съ излишкомъ (*). Чѣмъ пособить этому?... Чѣмъ? Переселеніемъ: но переселеніемъ не въ отдаленныя заморскія страны, а въ болота и на земли нашего-же государства, остающіяся необработанными. Вотъ неизсякаемое поле, даруемое намъ природою; вотъ рудникъ богатства, который, если только его надлежащимъ образомъ разрабатывать, доставитъ прибыльное занятіе милліонамъ людей. Мы скажемъ нашему, и всѣмъ другимъ народамъ Европы: если границы вашихъ владѣній слишкомъ тѣсны, то раздвиньте ихъ! Народу слишкомъ много, говорите вы, а работы слишкомъ мало, такъ что вы принуждены оставлять часть людей въ праздности? Хорошо: такъ удалите-же ихъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они лишніе, и переселите въ тѣ округи, гдѣ они будутъ не только жить собственною промышленностью, но сдѣлаются для государства источникомъ непомѣрнаго увеличенія доходовъ.

Природа явно ведетъ насъ къ тому, чтобы наконецъ вся земля была обработана и занята.

(*) Авторъ говоритъ о Великобританіи и Ирландіи. *Прим. Пер.*

Но успѣхи сего обрабатыванія должны быть медленны и постепенны. Сначала, народонаселенію надлежитъ увеличиться до того, чтобы оно потребляло всѣ произведенія полей, уже удобренныхъ, и потомъ приниматься за разработку земель новыхъ. Природа сама заботится объ улучшеніи безплодныхъ полей каждой страны, и о приспособленіи оныхъ къ работамъ земледѣла. Никогда дѣятельность ея не дремлетъ: она съ упорствомъ приготовляетъ жилища для умножающагося народонаселенія. Границы плодоносія не суть преграды ненарушимыя: напротивъ, въ каждой странѣ онѣ безпрерывно стремятся къ расширенію самихъ себя. Безмѣрныя пространства невоздѣланныхъ земель, за нѣсколько вѣковъ казавшіяся совершенно безплодными, сдѣлались послѣ того изумительно плодоносны. Разложеніе растеній, часто почти незамѣтныхъ, послѣ многихъ лѣтъ покрываетъ сіи пространства слоемъ земли растительной, столько глубокимъ, что земледѣлъ принимается обрабатывать оный. Многія земли, нынѣ по видимому осужденныя на вѣчное безплодіе, должны, нѣкогда, обогатить и страну свою и владѣльца, вслѣдствіе медленныхъ, но вѣрныхъ приготовленій природы.

Умы невнимательные, не наблюдавшіе сихъ постепенныхъ приготовленій, и не знающіе исторіи земледѣлія, почитаютъ нынѣшнее безплодіе нашихъ луговъ и невоздѣланныхъ земель доказательствомъ, что они не могутъ быть удобрены безъ такихъ издержекъ, которыя не вознаградятся произведеніями. Мы думаемъ иначе, и полагаемъ напротивъ, что есть много земель, требующихъ небольшаго пособія для принесенія земныхъ произведеній, и что количество и цѣна сихъ произведеній увеличатся при обработываніи постоянномъ и благоразумномъ. Часть лучшихъ земель нашихъ была нѣкогда столько-же безплодна, какъ и наши луга; промышленность человѣка, при помощи природы, довела ихъ до нынѣшняго ихъ состоянія. Пусть руки человѣка разверзаютъ землю: атмосфера положитъ въ нее обильныя начала своего плодородія, которыя, составляя естественную пищу растеній, облегчаютъ ихъ произрастаніе и вознаградятъ предпріимчиваго земледѣла, долженствующаго покорить власти перваго изъ искуствъ непроизводящую почву.

Любопытно наблюдать незамѣтные шаги земледѣлія, постепенно возобладавшаго обширными округами, дающими нынѣ, послѣ многихъ вѣковъ безплодія, обильныя произведенія. Сначала, на необработанной почвѣ возвышалось монастырское или господское жилище, печальное видомъ. Вскорѣ вокругъ него стали соединяться кой-гдѣ хижины, отдѣленныя небольшими оградами. Бѣдные жители выпускали днемъ свой скотъ, ка-

Digitized by Google

кой былъ у нихъ, пастись и щипать траву, на свободѣ; вечеромъ, животныя возвращались въ ограду и удобряли ее. Въ сіи отдаленныя времена, пахарь улучшалъ землю въ своей оградѣ и тою землею, которую на лопатѣ приносилъ онъ съ поверхности необработанныхъ полей. Когда народонаселеніе деревни увеличивалось, то и границы ограды раздвигались; обрабатываніе дѣлало новыя завоеванія въ древней области безплодія. Выстраивались еще хижины; новыя семейства увеличивали деревню, и Баронъ или Аббатъ умножалъ число своихъ вассаловъ. Владѣлецъ каждой новой хижины расчищалъ новую часть пустоши. Работа сія вообще производилась ручными орудіями; да и почва, набитая каменьями и сучьями деревьевъ, не могла быть обработываема сохою. Когда-же и не было сихъ препятствій, то бѣдность не позволяла земледѣлу употреблять орудій, слишкомъ дорогихъ для него. Такъ каждое обиталище или каждый приходъ дѣлался центромъ сборища хижинъ, имѣвшихъ отдѣльныя ограды, и пользовавшихся общимъ правомъ пасти скотъ на сосѣдственныхъ пустошахъ.

Кто путешествовалъ по многимъ частямъ сѣвернаго материка Европы, тотъ видалъ на пустошахъ нѣкоторыя мѣста, несходныя даже нынѣ плодородіемъ своимъ съ окружающею оныя безплодностью. Начните спрашивать, и вы узнаесте, что прежде тутъ все было равно безплодно; что эта противоположность есть слѣдствіе труда рукъ человѣческихъ, и что сей трудъ, нѣкогда столь полезный для видимой вами страны, былъ-бы потерянъ для нея или можетъ быть обращенъ противъ ея пользъ, если-бы изъ него не сдѣлали благаго употребленія.

Система сія способствовала улучшенію огороженныхъ мѣстъ, не потому только, что земледѣлъ заботился о нихъ и удобрялъ ихъ почву, но еще и по другому отношенію, достойному упоминанія. Ограды, по необходимости, занимали очень небольшое пространство, и слѣдовательно рвы и насыпи вокругъ нихъ были гораздо значительнѣе, нежели вокругъ обширныхъ владѣній. Люди, не чуждые Сельскаго Хозяйства, знаютъ, какъ быстро увеличиваются во рвахъ плодородіе и объемъ земли. Атмосфера всегда наполнена разложенными началами веществъ животныхъ и растительныхъ, находящихся въ видѣ газообразномъ или летучемъ, и сѣменами, столь мѣлкими, что глазъ не можетъ видѣть ихъ. Но заборы составляютъ родъ преградъ, которыя удерживаютъ сіи разсѣянныя въ воздухѣ начала, останавливаютъ дальнѣйшее ихъ распространеніе, привлекаютъ къ себѣ и низводятъ на почву, между тѣмъ какъ деревцы, составляющія сіи заборы, овладѣваютъ влажностью атмосферы, распространяющейся впослѣдствіи по чернозему, въ глубинѣ и съ боковъ рвовъ. Отъ сего-то рвы и насыпи, болѣе подвергающіеся дѣйствію вѣтровъ въ сухое лѣтнее и осеннее время, когда растительныя вещества, летающія въ атмосферѣ, свободнѣе переносятся съ одного мѣста на другое, всегда бываютъ украшены разнообразными растеніями, необыкновенно сильными.

Дѣйствіе оградъ на плодоносіе почвы было прежде столь извѣстно, что во многихъ округахъ ихъ нарочно для сего дѣлали. Напримѣръ, въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи, обыкновенно окружали извѣстныя пространства почвы насыпями и полосами земли. Землепашцы на сихъ небольшихъ владѣніяхъ строили хижины, коихъ стѣны были также земляныя и покрытыя соломою, тростникомъ и сухимъ папоротникомъ. Вмѣстѣ со временемъ, огорожи и самыя хижины такъ насыщались растительными веществами, что становились грудами удобрительными. Земледѣлъ разрывалъ ихъ и тщательно раскидывалъ по поверхности почвы, а между тѣмъ выстраивалъ другую хижину, въ другомъ мѣстѣ, и окружалъ свое поле новою огорожею. Такимъ-то, или подобнымъ сему образомъ, большая часть почвы въ Англіи доведена до нынѣшней ея степени плодородія.

Въ сихъ удивительныхъ дѣйствіяхъ, какъ не признать благости и мудрости Провидѣнія, желающаго, чтобы въ экономіи природы ничто не погибало! Ограды необходимы для защиты жатвъ отъ опустошенія животныхъ; но чтобы мѣсто, занимаемое ими, и земля, изъ коей они составлены, не были безполезны, онѣ останавливаютъ движеніе плодоносныхъ сѣменъ, разсѣянныхъ въ атмосферѣ, и тѣмъ весьма сильно увеличиваютъ богатство почвы, закрываемой ими только по наружности.

Мы увѣрены, что достойные люди, недавно съ такимъ рвеніемъ занимавшіеся вопросомъ о переселеніи въ чужія земли, поймутъ предметъ нашъ. Съ своей стороны, мы отдаемъ полную справедливость чистотѣ ихъ побужденій. Мы знаемъ, что единственная цѣль ихъ есть улучшеніе состоянія нисшихъ классовъ общества. И мы стремимся къ той-же цѣли, разнствуя съ ними только въ выборѣ средствъ. Мы гордимся, что въ числѣ противниковъ нашихъ находятся многіе изъ нашихъ друзей, и думаемъ, что они слишкомъ уменьшаютъ средства необработанной земли нашего государства, увеличивая въ тоже время плодоносіе нашихъ за-Атлантическихъ владѣній. Послушать ихъ, такъ кажется, что природа наградила сіи отдаленныя страны плодородіемъ неистощимымъ. Но опытъ вскорѣ показываетъ земледѣлу Сѣверной Америки, что это вовсе несправедливо. Когда земледѣлъ тамошній очистит почву от деревьев и кустарников, покрывающих оную, то в течение нескольких лет сряду он имеет обильную жатву; но едва перестал он поддерживать силу ея унавоживанием, или отдыхом, то почва сія тотчас истощается. Ничего не может быть опустошительнее человека, когда он вообразит, что средства его неистощимы. Непредусмотрительный земледел Соединенных Штатов, очистив поле, продолжает на нем сеяніе каждый год, без унавоживанія, и вскоре дикія травы принуждают его оставить сіе поле. Тогда он оставляет свою соху, берет топор и сваливает новый участок леса; но после четырех или пяти добрых жатв, ему должно опять идти в леса, на завоеваніе новаго поля.

Таким образом в Америке необдуманное земледеліе принудило бросить милліоны акров земли, истощенной; но при других, больше благоразумных распоряженіях, земля сія и доныне сохраняла-бы свое плодородіе.

Мы не утверждаем, что необработанныя земли и луга Британских островов точно также плодоносны, как пустыни Канадскія, но говорим только, что у нас есть обширныя невозделанныя поля, покрытыя довольно толстым слоем растительной земли, так что ее можно распахивать, и что сіи поля имѣютъ еще одно безцѣнное преимущество передъ полями Новаго Свѣта: они подлѣ насъ, а не на томъ берегу Атлантическаго Океана.

Событія въ странахъ Европейскаго материка, приближенныхъ къ Англійскимъ берегамъ, подтверждаютъ въ семъ случаѣ наше мнѣніе. Въ Нидерландахъ есть земледѣльческій округъ, называемый Весландъ, между Гентомъ и Антверпеномъ. Онъ болѣе населенъ, лучше воздѣланъ, и болѣе производитъ, нежели какой либо участокъ земли въ Европѣ, равный ему пространствомъ. Во время междоусобныхъ войнъ во Фландріи, это было не иное что, какъ обширное песчаное поле, ненаселенное, невоздѣланное. Скота на немъ не было. Измѣненіе почвы его произошло отъ вышеписаннаго, медленнаго дѣйствія природы, при вспомоществованіи дѣятельныхъ трудовъ многихъ поколѣній. Слѣдствія сихъ трудовъ явны при первомъ взглядѣ на плодородіе земли, на удобныя жилища народа, здороваго и хорошо одѣтаго, на красоту скота и всѣ другіе признаки сельскаго благосостоянія.

«Извѣстно,» говоритъ Аббатъ Маннъ въ Запискѣ о земледѣліи Нидерландовъ, «что сѣверная часть области Брабантской, называемая Кампине, была прежде покрыта пескомъ, кочкарникомъ, купами пихтовыхъ деревъ и большими болотами. По преданіямъ, она составляла нѣкогда часть моря; и нынѣ, на почвѣ невоздѣланной, тамъ однѣ пихты и кочкарникъ. Песокъ тамошній самаго дурнаго качества и, кажется, ни коимъ образомъ не повинуется воздѣлыванію. Но какъ пріобрѣтеніе сей почвы не стоитъ почти ничего, то многіе пытались воздѣлывать нѣкоторые участки оной, и правительство всячески покровительствовало таковымъ предпріятіямъ. Все это однакожъ было неудачно, и многіе раззорились отъ сихъ предпріятій. Въ Кампине есть воздѣланныя земли; но это было слѣдствіемъ усилій разныхъ монастырей, тамъ находившихся, и особенно аббатствъ Тонгерлоо и Эвербоде. Упорная и постоянная дѣятельность ихъ, въ продолженіе пяти или шести столѣтій, возобладала сими безплодными песками, и во многихъ мѣстахъ сдѣлала ихъ очень плодоносными.

Тамъ слѣдовали простой и однообразной методѣ: никогда не начинали обрабатывать болѣе двѣнадцати или пятнадцати акровъ въ годъ, и еще не приступая къ дѣлу, разсматривали всякій разъ количество находившихся въ распоряженіи средствъ удобренія. Если участокъ удобренной земли могъ прокормить семейство, то выстраивали на ономъ удобное жилище и отдавали его въ наемъ на легкихъ условіяхъ. Такъ значительныя части Кампине были распаханы и покрылись деревнями, жилищами, хорошо выстроенными, церквами и за̀мками.

Г-нъ Коулингъ, искусный гражданскій инженеръ, доставилъ Комитету, покровительствующему переселеніямъ, слѣдующую таблицу, показывающую состояніе почвы въ Великобританіи, Ирландіи и сосѣдственныхъ островахъ. Въ таблицѣ сей означено количество земель воздѣланныхъ, земель способныхъ къ воздѣланію, но остающихся въ дикомъ положеніи, и наконецъ земель, вовсе неспособныхъ ни къ какому улучшенію.

Раздѣленіе земли по странамъ.	Земель пахатныхъ и подъ садами.	Луговъ и болотъ.	Земель невоздѣланныхъ, но способныхъ къ улучшенію.	Земель невоздѣланныхъ и неспособныхъ къ улучшенію.	Итогъ земель въ каждой странѣ.
Англія	10,252,800	15,379,200	3,454,000	3,256,400	32,342,400
Область Валлисская...	890,570	2,226,430	530,000	1,105,000	4,752,000
Шотландія..	2,493,950	2,771,050	5,950,000	8,523,930	19,738,930
Ирландія......	5,389,040	6,736,240	4,900,000	2,416,664	19,441,944
Острова.....	109,630	274,060	166,000	569,469	1,119,159
Всего, акровъ	19,135,990	27,386,980	15,000,000	15,871,463	77,394,433

Исчисленіе сіе основано на свѣдѣніяхъ, отчасти конечно предположительныхъ, однакожъ, вѣроятно, близкихъ къ истинѣ. Изъ нихъ можно видѣть, сколько еще есть на островахъ Британскихъ земель, способныхъ давать произведенія; но отъ нашей безпечности пораженныхъ безплодіемъ. Впрочемъ, для убѣжденія себя въ этомъ, стоитъ только отъѣхать миль десятка на два отъ Лондона, по какой угодно дорогѣ. Тутъ непремѣнно встрѣтятся участки земли, которые вмѣстѣ составили-бы значительное пространство; но еще никто не вздумалъ исхитить ихъ изъ рукъ природы, и они остаются въ первобытной дикости. Даже обитатель Сити, во время недальныхъ своихъ воскресныхъ прогулокъ, вѣрно встрѣтитъ подобныя земли. Если-же въ близкомъ сосѣдствѣ одного изъ величайшихъ и роскошнѣйшихъ городовъ въ мірѣ, путешественникъ видитъ земли невоздѣланныя, и удобныя для земледѣлія, то можно повѣрить, что ихъ есть еще и большее число въ другихъ частяхъ Соединенныхъ Королевствъ.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ болѣе путешественникъ удаляется отъ столицы, тѣмъ многочисленнѣе и пространнѣе становятся невоздѣланныя земли. Г-нъ Коулингъ думаетъ, что таковыя земли въ Англіи стоятъ дороже, чѣмъ въ Ирландіи, и что въ сей послѣдней ихъ легче было-бы улучшить, чѣмъ въ Шотландіи.

Онъ полагаетъ еще, не объясняя почему, что хотя сіи пустоши были-бы очень удобны къ воздѣланію, однакожъ, кто первый примется за обработываніе оныхъ, тотъ непремѣнно будетъ въ убыткѣ. Онъ хочетъ, чтобы предпріятіе сіе производилось сначала на счетъ общественный, и замѣчаетъ, что сборы на оное уравновѣсятся уменьшеніемъ сбора на бѣдныхъ. «Теперь,» говоритъ онъ, «у васъ много лишнихъ работниковъ, которые стоятъ вамъ, ежегодно, невозвратнаго расхода два милліона фунтовъ стерлинговъ (50,000,000 франковъ). Если вы употребите сихъ работниковъ на воздѣлываніе пустошей, и потеряете отъ того милліонъ ф. стерлинговъ въ годъ, то все еще у васъ останется въ выигрышѣ милліонъ, ибо расходъ уменьшится на половину.» Въ семъ случаѣ, мы идемъ далѣе Г-на Коулинга. Мы убѣждены, что благоразумное обработываніе нѣкоторыхъ великихъ пространствъ земли, находящихся въ границахъ нашихъ, не только уменьшило-бы сборъ на бѣдныхъ, но было-бы выгоднымъ дѣломъ для предпринявшихъ оное. Полагаемъ даже, что, особенно въ Ирландіи, есть весьма обширныя земли, которыхъ обработываніе составило-бы одно изъ самыхъ прибыльныхъ предпріятій промышленности.

Болота (bogs) Ирландскія состоятъ не изъ извѣстнаго только числа топкихъ земель, какъ полагаютъ иностранцы, но подраздѣляются на небольшія болота, изъ коихъ каждое окружено землями возвышенными и очень сухими. Напримѣръ, на востокъ отъ Шаннона, болота, занимающія значительную часть Графства Королевскаго и

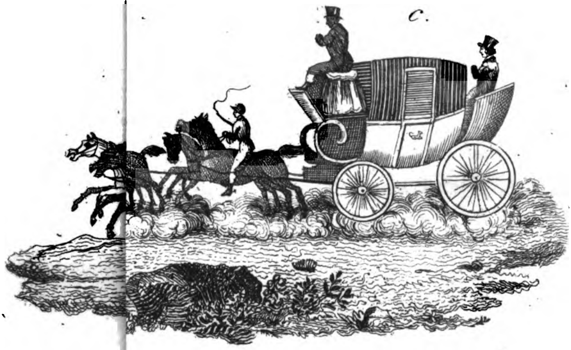
Digitized by Google

Графства Кильдеръ, извѣстны вообще подъ именемъ Болотъ Аллемскихъ. Но названныя симъ родовымъ именемъ земли отнюдь не составляютъ сплошнаго болота, и пресѣкаются на всякомъ шагу землями возвышенными, совершенно сухими. Ясно, какъ сіе расположеніе почвы облегчило-бы обработываніе оной. Въ доказательство сего, подтвердимъ слова наши слѣдующими достовѣрными событіями.

(До слѣд. книжки).

Къ сему № Прибавленія приложено *изображеніе пароваго дилижанса*, изобрѣтеннаго Г-мъ Гюрнеемъ. Отличіе его состоитъ въ томъ, что паровая машина *a*, заключена въ особой тѣлегѣ, а дилижансъ *b*, прикрѣпляется къ ней цѣпью и составляетъ отдѣльный экипажъ. Въ концѣ Іюля сего года, изобрѣтатель ѣздилъ уже въ своемъ дилижансѣ, и теперь хотятъ заводить подобныя кареты въ Англіи. Впереди и сзади пароваго дилижанса ѣхали экипажи, запряженные лошадьми, *c*. Передовые едва успѣвали уѣзжать, а задніе догонять паровой дилижансъ. Онъ такъ устроенъ, что безъ всякой опасности дѣлаетъ всѣ обороты, спускается съ горы и подымается на гору.

ид. Моск. Тел. 1829.



THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R

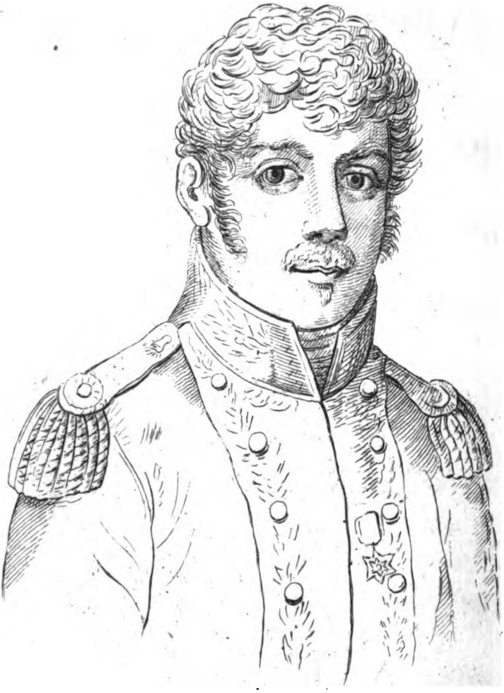
Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R L

Digitized by Google

Къ N. 23 Моск. Тел. 1829.



Digitized by Google

№ 23. *Декабрь.*

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О МОСКОВСКОМЪ ЗАВЕДЕНІИ ДЛЯ СОРТИРОВАНІЯ РОССІЙСКОЙ ШЕРСТИ,

открытомъ на Воробьевыхъ горахъ, съ Іюня мѣсяца 1829 года.

Неоспоримо, что всякое полезное заведеніе есть даръ обществу и въ особенности тому сословію и предмету, которымъ исключительно оно посвящается. Слава Правительству, умножающему въ государствѣ такія заведенія, не жалѣя ни средствъ, ни денегъ; честь и хвала ревнителямъ полезнаго, кои принимаютъ на себя почтенную обязанность быть исполнителями видовъ Начальства и изъ благой воли жертвуютъ соотечественникамъ своими трудами и опытомъ.

Нѣкогда Россія находилась въ такомъ бѣдномъ состояніи относительно промышленности, что одна иностранная торговля могла доставлять ей предметы, улучшающіе общественный и семейственный бытъ человѣка. Но это миновалось, и настало время, когда Петръ Великій, воздвигнувъ

Digitized by Google

изъ небытія фабричную производимость въ нашемъ отечествѣ, далъ оной основанія, кои донынѣ сохраняютъ часть свою въ удивленіи, неразлучномъ съ дѣяніями сего исполина человѣчества. Послѣдовательница его и довершительница дѣлъ его Екатерина II, по господствовавшему въ Европѣ духу времени, увлекалась мнѣніями физіократизма, и въ отношеніи къ фабричной нашей промышленности — недозрѣлому плоду малой науки, по словамъ Кантемира—кажется рано предоставила ей совершенную свободу. Послѣдствія доказали, сколь вредно было для фабрикъ уничтоженіе центральнаго правительственнаго мѣста, каковымъ была сдѣлана Петромъ Первымъ Мануфактуръ-Коллегія. Но съ новымъ вѣкомъ, вошло новое свѣтило на горизонтъ нашъ, и вышнія судьбы, предоставивъ Александру I-му возстановленіе спокойствія Европы, не изъяли изъ лавроваго вѣнца Его славы покровителя и водворителя въ Россіи Европейской промышленности. Чего, впрочемъ, не достигнетъ мощное законностію и правдою единодержавіе? Занявшаяся съ Александромъ заря, уже выше и выше возноситъ наше солнце, и теплота и благость его одушевляютъ новою жизнію все пространство безпримѣрнаго государства, отъ края до края его. Но обратимся къ настоящему предмету. Не первая Россія испытываетъ всѣ возрасты государственнаго бытія; не у первыхъ у насъ начала гражданственности: земледѣліе, торговля и промышленность совершаютъ естественное теченіе въ предустановленной постепенности. Было время, когда Англія, и самая Франція — ближайшій предметъ нашей подражательности — терпѣли десятками лѣтъ голодъ, потерю въ жителяхъ; и отъ чего-же? Отъ недостатка хлѣба. Что-же въ послѣдствіи отвратило сокрушительные бичи и какимъ пособіемъ сіи страны приведены теперь въ цвѣтущее ихъ состояніе? Конечно промышленностію, слѣдствіемъ дѣятельности человѣческаго ума, которому все покоряется и который всегда и вездѣ изыскиваетъ и творитъ, посредствомъ дѣятельности, вспомоществуемой полезными знаніями. Мы говоримъ *промышленностію* и надѣемся, никто того не оспоритъ. Чѣмъ занимается торговля, какъ не перенесеніемъ съ мѣста на мѣсто произведеній промышленности? Долговременна-ли торговля произведеніями естественными? Не въ глазахъ-ли нашихъ примѣры, какъ многіе люди водворяютъ на родной почвѣ, или замѣняютъ другимъ, то, что казалось нѣкогда исключительнымъ достояніемъ иноплеменныхъ народовъ?

Такъ опредѣляя промышленности первое мѣсто въ ряду началъ гражданственности, потомъ переходя отъ предметовъ общихъ къ особеннымъ, и разсматривая ее въ отношеніи къ Россіи, оказывается, что *суконное дѣло* составляетъ у насъ одну

Digitized by Google

изъ главнѣйшихъ вѣтвей производимости. Многочисленная армія и флотъ, климатъ почти всего государства, роскошь вошедшая въ среднее состояніе, и многія иныя обстоятельства, свойственныя впрочемъ и другимъ народамъ, искони доставляли у насъ суконоделію ту важность, которая дѣлала его постояннымъ предметомъ попечительности Правительства. Впрочемъ сія заботливость оправдывалась видимыми, болѣе или менѣе быстрыми успѣхами; недостатокъ-же въ скотѣ и въ особенности рунномъ, никогда не служилъ препятствіемъ, если не улучшенія, то по крайней мѣрѣ распространенія суконодѣлія. Намъ недоставало всегда машинъ, мастеровъ и тонкошерстныхъ овецъ, доставляющихъ волну для высокихъ сортовъ суконъ. Однако же пришло время побѣды и надъ сими препятствіями. Люди значительные не остановились преклонить своего вниманія къ скромнымъ занятіямъ скотоводствомъ (таковъ духъ времени и обстоятельствъ!), пожертвовали значительными капиталами, вникли въ тонкости дѣла: и вотъ остальная Европа снабдила насъ совершеннѣйшими произведеніями коренныхъ заводовъ своихъ; кровь нашихъ стадъ, обширныхъ какъ степи, улучшена, шерсть утончена и наконецъ въ непродолжительномъ времени произведеніе домашнее, являясь на всѣхъ торжищахъ, раскрываетъ источники матеріальнаго изобилія и образованной роскоши для фабричнаго производства.

Но между тѣмъ какъ суконныя заведенія начинали счастливое шествіе къ самобытности, и дѣйствіями Правительства, знаменовавшаго благодушіе свое не токмо поощреніями, но самыми пожертвованіями, вступали съ иностранными фабриками въ противоборство, трудное, но тѣмъ не менѣе славное — опытъ открылъ въ настоящемъ состояніи нашихъ овчаренъ новый, дотолѣ не замѣченный заводчиками недостатокъ: фабриканты не совсѣмъ охотно покупали нашу шерсть. Что-же было причиною?

Въ сопредѣльныхъ намъ Пруссіи, Германіи и Венгріи выгоды овцеводовъ исключительно основаны на высшихъ сортахъ шерсти: фабриканты раскупаютъ ее скорѣе, и расходъ на тонкія сукна въ тѣхъ земляхъ значительнѣе. Посему старание каждаго заводчика обращено на то, чтобы сколь можно улучшить овецъ. Но какъ не всѣ имѣютъ на сіе средства, а между тѣмъ множество жителей въ овцеводствѣ находятъ единственную промышленность, то отъ сего изобиліе въ нисшихъ и среднихъ сортахъ шерсти чрезмѣрно. Куда-же сбывать ихъ, когда нѣтъ продажи дома? Въ Россію! И дѣйствительно, оттсюду посредственная шерсть стала привозиться къ намъ въ огромнѣйшихъ партіяхъ, и домашнее руно, подобно фабрикамъ, вездѣ начало встрѣчать въ иностранномъ своего соперника, который-бы не долженъ быть опасенъ по пространству нашихъ степей и дешевизнѣ продовольствія.

Такое противоборство, необходимое впрочемъ для успѣховъ возникающей промышленности, конечно не повредило-бы сбыту и цѣнамъ отечественнаго произведенія. Хорошій товаръ Русскій предпочитался-бы посредственному иностранному, и ни тотъ, ни другой не теряли-бы въ торговлѣ цѣнности, соразмѣрной настоящему достоинству. Но тутъ мѣшала коренная причина, составлявшая недостатокъ нашего овцеводства. Это *сортировка шерсти*, на что иностранцы давно обратили вниманіе, и что мы оставляли въ совершенномъ небреженіи. Заграничная шерсть сколь-бы ни была посредственна, но она оказывалась тщательно разсортированною; въ партіяхъ оной каждый сортъ былъ отдѣленъ отъ другаго, по его достоинству, и покупатель, которому нуженъ тотъ или этотъ, могъ пріобрѣтать потребное его количество, и притомъ оставаться спокойнымъ отъ подлоговъ и другихъ непріятностей, болѣе или менѣе затруднительныхъ и вредныхъ для торговаго кредита. Наша шерсть напротивъ, достоинствомъ не уступаетъ иностранной, но за то снимается кое-какъ, обработывается нерадиво, вообще не имѣетъ наружнаго вида, и теряетъ въ самомъ качествѣ своемъ отъ смѣшенія въ партіяхъ разныхъ сортовъ. Вотъ по сей-то причинѣ, усиленной кромѣ того возможностію сходнаго пріобрѣтенія иностранной шерсти—съ чѣмъ покупатель избѣгалъ сторонняго для суконделія заводскаго сортированія — домашнее произведеніе сходитъ съ рукъ не такъ, какъ-бы должно было (*).

Изъ сего произошелъ уже самъ собою и тотъ вредъ для промышленности, что въ Москвѣ продавцы Русской шерсти поставляются въ необходимость или оставаться съ товаромъ на рукахъ, или уступать его за цѣну, какую назначатъ сами покупщики, ссылающіеся обыкновенно на иностранную шерсть; а какъ Москва есть средоточіе мануфактурной промышленности и торговли шерстью, то ходъ дѣлъ въ оной отражается и на другихъ мѣстахъ государства къ ощутительной невыгодѣ всѣхъ заводчиковъ и явному вреду овчарныхъ заведеній. Уничтоженіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, если-бы оставить все въ теперешнемъ видѣ, было-бы неминуемымъ послѣдствіемъ.

Цѣль всякаго хозяйственнаго предпріятія есть вообще выгода, и мѣра оной или поощряетъ ка-

---

(*) Рекомендуемъ читателямъ по сему предмету замѣчательное Разсужденіе о сортировкѣ шерсти, читанное въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, Членомъ онаго Г-мъ Сабуровымъ, и напечатанное особо.

питалистовъ къ дальнѣйшимъ оборотамъ, или вовсе уничтожаетъ намѣренiе. Послѣ сего можно представить себѣ, сколь непрiятная будущность открывалась для овцеводовъ при дальнѣйшемъ ходѣ вышеобъясненныхъ обстоятельствъ. Нѣкоторые изъ просвѣщенныхъ заводчиковъ, участвующихъ собственными капиталами и трудами въ развитiи сей промышленности, слѣдили ходъ оной съ прозорливымъ вниманiемъ, и наконецъ вопросъ, о распространенiи въ Россiи способовъ изящной разборки шерсти, былъ рѣшенъ въ общемъ мнѣнiи тѣмъ, что водворенiе сего искусства необходимо въ равной мѣрѣ какъ для овцеводовъ, такъ и для фабрикантовъ нашихъ. Опытъ не замедлилъ доказать основательность соображенiй, кои руководствовали къ сему рѣшенiю: нѣкоторые помѣщики Новороссiйскаго края, года три назадъ, учредили на свой счетъ, въ кругу помѣстьевъ своихъ, частное заведенiе для разборки мериносовой шерсти, и въ три года дѣйствiя, сiе заведенiе, распространяя постепенно производство, въ прошломъ году отпустило уже значительныя партiи шерсти, которыя имѣли успѣшный и выгодный сбытъ въ Москвѣ, за границей, и, преимущественно въ Англiи, гдѣ приняты съ одобренiемъ высокiе сорты.—Пожелаемъ сему заведенiю дальнѣйшихъ успѣховъ! . . . Но предпрiятiе частное, болѣе или менѣе ограниченное, и по мѣстности отдаленное отъ средоточiя суконныхъ фабрикъ и торговли шерстью, удовлетворяло-ли потребностямъ промышленности, и могло-ли убѣжденіе нѣсколькихъ помѣщиковъ въ полезности дѣла, пролить спасительное вліяніе вообще на массу овчарныхъ заводчиковъ, тамъ и сямъ по цѣлой Россіи находящихся съ своими стадами? Конечно нѣтъ: кому неизвѣстна затруднительность распространенія общеполезныхъ свѣдѣній, по деревнямъ и даже по городамъ? Кто не знаетъ, какъ недовѣрчиво вѣрятъ не только тому, что говорятъ, но и тому, что пишутъ, и потомъ, съ какимъ трудомъ закоренѣлый предразсудокъ уступаетъ свою власть всякому нововведенію, и какъ смущаетъ онъ каждаго человѣка, проводящаго жизнь подъ знаменемъ привычки, при всякомъ случаѣ, гдѣ требуется перемѣна и пожертвованіе?

Вотъ почему частное заведеніе, при всемъ превосходствѣ его, было-бы безсильно пособить промышленности, и служить какъ примѣромъ подражанія, такъ и средствомъ упрочить для овцеводства возможность правильной, изящной и притомъ дешевой сортировки; однимъ словомъ: быть разсадникомъ сего искуства въ нашемъ отечествѣ.

Я говорю: разсадникомъ искуства; ибо это есть важнѣйшій предметъ въ настоящемъ случаѣ. Хозяйственно-ли поступитъ садовникъ, если для поддержанія своего сада каждый годъ станетъ возобновлять заемъ иноземельныхъ растеній отъ чужаго неба, не заботясь о разведеніи собственныхъ? Конечно нѣтъ. Точно такъ, и въ отношеніи сортированія: временная и непрочная вышла-бы польза, если-бы предполагалось обезпечивать его работою однихъ иностранныхъ сортировщиковъ, выписывая ихъ ежегодно изъ за границы, подобно Италіянскимъ актерамъ.

Такъ-то отношеніе овцеводства къ торговлѣ и соперничество оной съ шерстью иностранною, обнаруживъ необходимость правильнаго сортированія, съ тѣмъ вмѣстѣ породили мысль о потребности усвоить Россіи столь полезное искуство.

Но какъ достигнуть сего? Пути къ тому отверзаются, или изобильными капиталами, или заграничными связями: то и другое не у всѣхъ есть. Кто отыщетъ намъ сортировщиковъ, да и согласятся-ли ѣхать въ глубину нашихъ степей избалованные общественностію иностранцы, для ограниченнаго къ каждому изъ насъ занятія и изъ умѣреннаго жалованья?

Затрудненіе важное, и опасеніе справедливое. Но къ преодолѣнію его является намъ покровитель, всепоборающій, тотъ, предъ которымъ земля отверзаетъ нѣдра, который богатитъ ея поверхность, врачуетъ всѣ части государственнаго тѣла, управляя дѣйствіями ихъ, и который самъ утверждаясь тверже всего и возносясь выше всего, назидаетъ повсюду свое владычество, какъ солнце на востокѣ и на западѣ всегда одинакое.

Мы говоримъ здѣсь о Правительствѣ. Во время настоящей борьбы между нашею и чужеземною промышленностію и между торгомъ иностранною и собственною шерстью, Правительство склонило нынѣ вниманіе къ недостаткамъ овцеводства, и въ слѣдствіе того съ Высочайшаго соизволенія учреждено въ Москвѣ, съ прошлаго лѣта, *Образцовое заведеніе для сортированія Русской шерсти*, и при ономъ *Школа* сортировщиковъ, въ которой-бы обучались сему искуству свободные и крѣпостные люди, даромъ, съ платежемъ за одно содержаніе свое по 80 р. въ годъ. Существованіе сего заведенія обезпечено отъ щедротъ Правительства помѣщеніемъ и суммою на первоначальное устройство, выписку иностранныхъ мастеровъ и на четырехъ-годичное имъ жалованье.

Желательно было-бы сообщить читателямъ полное свѣдѣніе объ основаніяхъ сего заведенія; но предѣлы журнальной статьи не даютъ мѣста подробностямъ, и потому любопытнымъ рекомендуемъ Журналъ Мануфактуръ и Внутренней Торговли, гдѣ въ восьмой книжкѣ напечатанъ Уставъ и правила пріема шерсти, съ приложеніями. Здѣсь упомянемъ мы о главнѣйшихъ предметахъ.

Заведенiемъ управляетъ въ главномъ отношенiи особый Комитетъ, составленный, подъ председательствомъ Гг. Президента и Вице-Президента Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, изъ опытнѣйшихъ по части овцеводства Членовъ онаго, и изъ нѣкоторыхъ суконныхъ фабрикантовъ. Непосредственное управленiе возлагается на особую контору. Разборъ шерсти производится выписываемыми изъ Саксонiи сортировщиками, подъ надзоромъ главнаго мастера и особыхъ подмастерьевъ; нынѣ вызвано ихъ 15-ть человѣкъ; при нихъ обучаются и отданные на то люди. Способъ сортированiя установленъ Саксонскiй, какъ вездѣ предпочитаемый, и особенно въ Англiи. Шерсть для разбора принимается отъ всѣхъ желающихъ пользоваться заведенiемъ, и всѣхъ сортовъ, кромѣ простой, но единственно Россiйская; цѣны-же за то назначаются Комитетомъ ежегодно и притомъ самыя умѣренныя (*).

Вникая въ правила Московскаго Заведенiя, нельзя не согласиться, что они проникнуты благою цѣлiю: доставить возможную пользу овчарнымъ заводчикамъ, торговцамъ шерстью и суконнымъ фабрикантамъ. Обстоятельность оныхъ въ отношенiи всего, что входитъ въ составъ заведенiя,

---

(*) Онѣ публикуются въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

отчетливость предъ хозяевами шерсти, и вѣрное обезпеченіе отъ подлоговъ, какіе представить себѣ можно, исполнятъ мѣру желаній всякаго, кто только вступитъ въ дѣло съ симъ учрежденіемъ. Вѣрнѣйшею-же порукою за вожделѣнный успѣхъ доброму началу да послужитъ главное управленіе заведенія, составленное изъ людей дознанной опытности и извѣстныхъ по ревнію къ общей пользѣ и по званію своему.

Оканчивая изложенныя здѣсь съ возможною краткостію причины, служившія основаніемъ къ открытію Московскаго Заведенія, извиняемся предъ читателями, если убѣжденіе въ важности предмета привело насъ къ показанію самыхъ началъ, породившихъ сіи обстоятельства. И если-бы за симъ недовѣрчивый усомнился въ важности настоящаго предпріятія, то, къ увѣренію его, намъ остается только исчислить здѣсь въ совокупности всѣ тѣ выгоды, какія проистекутъ для овцеводовъ и фабрикантовъ отъ водворенія въ Россіи правильнаго и изящнаго разбора своеземной шерсти. Онѣ суть:

Относительно овцеводовъ:

1) Ясное и опредѣлительное понятіе о настоящемъ достоинствѣ стадъ ихъ, которое безусловно обнаруживается одною правильною сортировкою. 2) Средства наблюдать за улучшені-

емъ оныхъ и во время предупреждать упадокъ. 3) Вѣрный сбытъ шерсти на отечественныя фабрики и даже въ иностранныя государства. 4) Удостовѣреніе, что всякое пожертвованіе на улучшеніе овчарныхъ заводовъ немедленно вознаградится, и скорѣйшею и болѣе возвышенною продажею.

Относительно фабрикантовъ,

1) Безошибочное понятіе о качествѣ закупаемой ими на свои заведенія шерсти. 2) Возможность пріобрѣтать въ нужномъ для каждаго количествѣ тотъ именно сортъ, который требуется производящимся у фабриканта сортомъ издѣлія, и къ коему исключительно приспособлено заведеніе и работники. 3) Средства производить большія партіи одинакаго сорта и доброты, до чего не взирая на всѣ усилія, не могутъ достигнуть Русскія мануфактуры — недостатокъ важный, лишающій фирмы ихъ нужнаго въ торговлѣ довѣрія, и въ слѣдствіе котораго покупатель съ Русской фабрики не можетъ брать товара безъ пересмотра каждой порознь половинки. 4) Усовершенствованіе суконодѣлія, что непосредственно зависитъ отъ достоинства и одинакости первообразнаго матеріяла.

Кромѣ сихъ выгодъ, никто не оспоритъ и того, что правильное и совершенное сортированіе своеземной шерсти, распредѣляя всѣ сорты оной, донынѣ больше или меньше перемѣшанные, и открывъ рѣшительно настоящую степень качества каждаго изъ нихъ, не можетъ остаться безъ полезнаго для насъ вліянія на уничтоженіе изобильнаго прилива изъ за границы тѣхъ сортовъ, которымъ отдается покупателями преимущество по тому только, что они какъ должно разобраны; вмѣстѣ-же съ тѣмъ должно надѣяться (сіе доказываютъ уже опыты), что откроются пути къ сбыту за границу тѣхъ изъ нашихъ сортовъ, кои по тонкости или по инымъ причинамъ окажутся ненужными для домашняго потребленія, и кои теперь не находятъ мѣста въ иностранной торговлѣ, единственно по худому разбору оныхъ.

Н. Р—овъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МѢДНЫЙ БЫКЪ.

(Украинская мелодія).

Въ Варшавѣ на площади много народу;
Какъ мутныя волны ревутъ въ непогоду,
Какъ вѣтви, отъ вѣтра ломаясь, скрипятъ,
Какъ боръ закачаетъ зеленой главою:
Такъ бурно столпившись Поляки шумятъ,
И страшно внимать безобразному вою!
Уланскія шапки, на пикахъ значки,
Межъ кунтушей строятся грозно въ полки.

Зачѣмъ же Варшава теперь взволновалась?
Война-ли съ Украйной опять отозвалась?
На новую-ль битву, на Сеймъ, иль на пиръ
Сарматы сбѣгаются буйной толпою?
Не къ битвѣ! не къ Сейму! Смотрите: кумиръ
Огромнымъ быкомъ надъ народной главою,
Чтобъ каждому видѣнъ со всѣхъ былъ сторонъ,
Высоко, высоко стоитъ взгромождёнъ.

И вотъ, изъ лѣсовъ Радзивила, Сапеги,
Со скрипомъ катятся съ дровами тѣлеги.
Подъ бременемъ грузнымъ дровяныхъ тѣхъ горъ
Колеса визжали, вращаяся съ трескомъ.

Подъ мѣдныя ребра сложили костёръ,
И пламень раздули съ торжественнымъ плескомъ;
Сперва между скважинъ огонь пробивалъ,
И только дымился; потомъ запылалъ!

И долго, покамѣстъ огонь разгорѣлся,
Отъ чернаго дыму металлъ лишь коптѣлся;
Когда-жь сталъ краснѣть онъ. . . чудовищный ревъ
Пронзительно вышелъ, какъ будто изъ ада,
Чрезъ скважину пасти; казалось, свой зѣвъ
Раскрывъ, заревѣла отъ боли громада!
Ребячески, буйно народъ хохоталъ,
И шапками каждый огонь раздувалъ. . .

И долго чудовище, долго горѣло,
Отверстою пастью стонало, ревѣло;
Мальчишки съ весельемъ скакали кругомъ,
Отцы приводили дѣтей на потѣху,
И Польки младыя стихію платкомъ
Дразнили, съ служанокъ срывая для смѣху,
Кидали во пламень одежду и шёлкъ;
Но ревъ сталъ слабѣе, слабѣе, и — смолкъ. . .

Желѣзною цѣпью обвивши, въ то время
Быка сволокли, и съ усиліемъ бремя,
Тащили; онъ ребрами землю пожогъ,
И каждый отъ жару, тѣснясь межъ народу,
Кидался оттуда, подалѣ какъ могъ;
Но взлили на ребра холодную воду,
Поднялся шарами удушливый паръ,
И мѣдь зашипѣла, и стихнулъ пожаръ.

Декабрь 1829.

Пока раскаленный металлъ охладился,
Народъ въ нетерпѣньи роптал, и тѣснился;
Быка растворили — и чтожь тамъ нашлось?
Чьи смрадныя кости безъ жилъ и безъ тѣла?
Чей черепъ засохшій, безъ глазъ, безъ волосъ?
Чья кровь отъ огня запеклась, почернѣла?
Погибшій за вѣру и честь нашихъ странъ,
То былъ — *Наливайко*, Казачій Гетманъ.

Н. Маркевичъ.

РАЗМЫШЛЕНІЕ.

(Съ Испанскаго; соч. Лопеца де Веги).

Намъ радости на краткій мигъ даны!
Ведемъ мы жизнь средь тягостной войны;
Берутъ насъ въ плѣнъ печали и мученья.
Спасаемся тогда изъ заточенья,
Когда пробьетъ неотразимый часъ.
Презрѣнный червь и прахъ — слѣды по насъ;
И Царь и рабъ — все въ прахъ преобратится!
Удержитъ-ли кто времени полетъ?
Толпа вѣковъ во слѣдъ вѣкамъ пройдетъ;
Ничтожество лишь здѣсь не измѣнится.
Мучитель вѣчный нашъ — къ честямъ стремленье;
Но слава, честь — лишь мысль одна, мечта;
Мечтанія-жь земныя — суета.
Въ семъ морѣ зла грозитъ намъ потопленье,
А мы толпой спѣшимъ химерамъ въ слѣдъ,

Не къ пристани, гдѣ ждетъ насъ избавленье!
Къ чему-же нашъ честолюбивый бредъ?
Что въ славѣ намъ, коль зависть съ нею вѣчно?
Къ чему намъ все, коль все такъ скоротечно?

К. *Масальскій.*

ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ и ДИТЯ.

Пут. Кто ты, любезное дитя!
Скажи мнѣ родъ твой и прозванье?
Дитя. По матери зовуся я:
Отъ ней имѣлъ я пропитанье;
Отца не зналъ.
Пут. — Гдѣ-жь мать твоя?
Дитя. Вотъ видишь, путникъ, тамъ могила
И бѣдный крестъ на холмѣ томъ:
Тамъ мать моя спитъ крѣпкимъ сномъ.
Цвѣты рука моя садила,
А крестъ поставили вдвоемъ
Слѣпецъ съ калѣкой...
Пут. — Въ жалкой долѣ,
Кто-жь для тебя отецъ съ тѣхъ поръ?
Кто шлетъ отрадный разговоръ?
Гдѣ для тебя родное поле?
Дитя. Съ тѣхъ дней я ласки не встрѣчалъ,
Спознался съ тяжкою заботой.
Для бѣдной пищи засыпалъ,
Я, слабый, часто за работой!

И чуждый средь большой семьи,
И взрослый межъ дѣтей ватагой,
Считать умѣю дни свои,
А не терять ихъ за забавой.

Пут. На полѣ жизни цвѣтъ младой
Безъ тѣни!... Но, скажи, мой милый,
Куда отецъ дѣвался твой?

Дитя. Мать говорила: вражьи силы
Когда внеслися въ край родной,
Тогда отца въ солдаты взяли.

Пут. И тамъ объ немъ ужь не слыхали?

Дитя. Нѣтъ, мать не знала; но когда
По смерти матушки, я вскорѣ,
Уставъ однажды отъ труда,
Хотѣлъ вдругъ выплакать все горе,
Ко мнѣ пришелъ старикъ солдатъ —
(Ему ребята указали
Меня) на немъ медалей рядъ,
Да крестъ, какъ солнышко, сіяли.
Гдѣ мать твоя? солдатъ спросилъ;
Узнавъ, припалъ онъ на могилу,
Меня слезами омочилъ,
Потомъ, казалось, черезъ силу
Меня онъ крѣпко цѣловалъ.
Тебя хоть видѣлъ, слава Богу!
Перекрестяся онъ сказалъ,
И за своими на дорогу...
И только я его видалъ. —

Пут. Кто-жъ былъ старикъ?

Дитя. Когда крестьяне
Сказали, что отецъ онъ мой,

Я долго, долго по полянѣ
Бѣжалъ за ротою одной.
Но войска много проходило —
Отца я больше не видалъ,
А сердце внятно говорило:
«Тебя родной твой цѣловалъ!»
Да и теперь, когда порою
Сгрустнется мнѣ — вѣдь жизнь горька!
Вдругъ вижу я передъ собою
Лицо солдата старика,
И веселѣй на мысляхъ станетъ:
Какъ словно изъ за грозныхъ тучь,
Когда на небѣ солнца лучъ
Въ работѣ гостемъ мнѣ проглянетъ.

Карлгофъ.

Digitized by Google

БУДИНСКІЙ ПАША.

(*Окончаніе*).

15.

Счастливые друзья прожили вмѣстѣ три недѣли. Каждый день былъ для нихъ настоящимъ праздникомъ. Иногда въ душѣ Оливьера изъ подъ пепла возгаралась прежняя страсть къ Еленѣ, но онъ мужественно преодолѣвалъ оную. Любовь замѣнялась нѣжнѣйшею дружбою. Елена не была способна къ слабости; Кюньи не былъ ревнивъ. Полкъ, въ коемъ служилъ Кюньи, отправился въ Венгрію. Елена должна была остаться въ столицѣ, съ тѣмъ что по окончаніи кампаніи, въ зимнее время Кюньи выпишетъ ее къ себѣ. Нѣсколько дней спустя и Оливьеръ обязанъ былъ отправиться въ полкъ. Онъ не прежде выѣхалъ изъ Вѣны, какъ совершенно устроивши все необходимое для жены своего друга.

Не буду описывать ни горестнаго разставанія друзей, ни кампаніи въ Венгріи. Извѣстно, что Верховный Визирь Ахметъ Кюперли дошелъ до рѣки Раабъ, что Цесарскій Фельдмаршалъ Монтекукули встрѣтилъ его близъ деревни Сенъ-Готардъ, что тутъ наконецъ, 1-го Августа 1664 года, произошло рѣшительное сраженіе, въ коемъ Христіане одержали совершенную побѣду надъ поклонниками Магомета. Въ сей битвѣ, Оливьеръ дѣйствовалъ со свойственнымъ ему геройствомъ. Турки сопротивлялись мужественно. Со всѣхъ сторонъ падали храбрые сподвижники Оливьера: но онъ съ остальными пробился впередъ, имѣлъ честь содѣйствовать одержанію побѣды, и быть замѣченнымъ Главнокомандующимъ, въ то время, когда онъ, какъ старшій Капитанъ, предводительствовалъ остатками своего разбитаго полка. Монтекукули, на полѣ битвы, произвелъ его въ Маіоры.

Радость о побѣдѣ, равно какъ и о повышеніи была чрезмѣрно огорчена нѣсколько дней спустя. Оливьеръ, безпокоясь о участи своего друга, который также былъ въ сраженіи при С. Готардѣ, освѣдомился о Французскихъ полкахъ, и получилъ извѣстіе о смерти Кюньи. Со слезами прочиталъ онъ дражайшее имя въ спискѣ убитыхъ. Кюньи, въ запальчивости своей, слишкомъ далеко заѣхалъ съ эскадрономъ и былъ окруженъ многочисленнымъ непріятельскимъ отрядомъ. Видя себя отрѣзаннымъ, приказалъ онъ своимъ воинамъ саблями очистить дорогу назадъ, и самъ первый показалъ примѣръ. Произошла ужаснѣйшая стычка, и только десять или двѣнадцать воиновъ, покрытые ранами, возвратились въ полкъ. Всѣ прочіе, и между ними Кюньи, были изрублены. Тѣло его найдено совершенно обезображенное и разбитое подъ грудою трупов Янычарскихъ.

Такъ кончилъ жизнь свою храбрый Кюньи! Горесть Оливьера была неизъяснима. Онъ впалъ въ меланхолію; желалъ и искалъ только смерти. Въ послѣдующихъ сраженіяхъ, не столько съ неустрашимостію, сколько съ отчаяннымъ легкомысліемъ, бросался онъ въ видимую опасность, но смерти не нашелъ! Кампанія слишкомъ рано для него окончилась. Императоръ, не взирая на блистательную побѣду при С. Готардѣ, возобновилъ съ Портою двадцатилѣтнее перемиріе. Войска размѣстились по квартирамъ. Полкъ Оливьера былъ помѣщенъ въ Рейгейзелѣ. Долгое время не имѣлъ онъ силы или лучше сказать мужества, увѣдомить Елену о смерти Кюньи. Наконецъ, по заключеніи перемирія, онъ отправилъ къ ней письмо. Отвѣтъ Елены возобновилъ его горесть. Она узнала о кончинѣ своего мужа, вскорѣ послѣ сраженія, о чемъ увѣдомилъ ее письменно самъ Колиньи, весьма любившій ея супруга. Отъ испуга и горести она занемогла; нынѣ-же начала выздоравливать, и очень желаетъ видѣться съ Оливьеромъ, ибо лишившись мужа, она осталась хотя не безъ состоянія, но тѣмъ не менѣе безъ родныхъ и друзей, совершенною сиротою въ чужой землѣ.

16.

Коль скоро Оливьеръ получилъ отпускъ, то немедленно отправился въ Вѣну. Прибытіе друга оживило горесть прекрасной вдовы. Положено было, чтобы Г-жа Кюньи, получивши въ Бриссе-ля собственное и оставшееся послѣ супруга имѣніе, возвратилась въ Австрійскія владѣнія, къ вѣрному другу ея мужа. — Она уѣхала. Путешествіе нѣсколько разсѣяло ея грусть. Болѣе года прожила она въ Нидерландахъ до окончанія своихъ дѣлъ. Между тѣмъ переписка съ Оливьеромъ была безпрерывна. Оливьеръ былъ все тотъ-же, то есть не могъ перемѣнить своего сердца. Хорошенькая малютка маркитантша, прекрасная дѣвица, которая хотѣла имѣть его только другомъ, прелестная тридцатилѣтняя вдовушка — всѣ были ему равно милы. Правда, въ письмахъ своихъ онъ клялся, что уже не ощущаетъ любовной страсти, только въ этихъ письмахъ былъ замѣтенъ такой пламень *дружбы*, который всякая другая легко могла принять за пламень *любви*.

Наконецъ Г-жа Кюньи возвратилась изъ Нидерландовъ. Ей не нужно было отыскивать въ Венгріи своего друга; онъ уже поселился въ Вѣнѣ, и выѣхалъ къ ней на встрѣчу въ Линцѣ. Первыя привѣтствія и лобзанія были гораздо нѣжнѣе, нежели они оба полагали. Прижавшись къ груди Оливьера, Елена облилась слезами. «Я теперь совершенная сирота въ Божьемъ свѣтѣ,» сказала она. «Кромѣ васъ, любезный Маіоръ, у меня нѣтъ никого. Вамъ однимъ я принадлежу.»— А я кому долженъ принадлежать, возразилъ онъ? У меня нѣтъ ни родныхъ, ни друзей. Самъ Господь благоволилъ меня соединить съ подругою дѣтскихъ лѣтъ!

Оливьеръ уже приготовилъ въ Вѣнѣ для прекрасной вдовы спокойное и пріятное жилище, вблизи отъ своей квартиры. Елена не знала, какъ возблагодарить за его заботливость. Оба жили счастливо, и не могли обойдтись другъ безъ друга. Тѣмъ не менѣе они оставались на прежнихъ отношеніяхъ, что вовсе было не по душѣ Оливьеру. «Не мнѣ-ли одному въ цѣломъ свѣтѣ принадлежитъ твое сердце?» сказалъ онъ Еленѣ. «Почему-же ты не отдашь мнѣ своей руки? Зачѣмъ жить врознь двумъ существамъ, которые кромѣ другъ друга никого не имѣютъ въ семъ мірѣ?»

Елена отвѣчала: «Я не хотѣла-бы, чтобъ вы отъ меня сего требовали. Но если это можетъ васъ сдѣлать счастливымъ, то я согласна. Я не имѣю права вамъ отказывать.» Это согласіе могло-бы быть изъявлено нѣсколько поласковѣе, но Оливьеръ охотно извинилъ жестокость словъ, вылетѣвшихъ изъ столь прелестнихъ устъ. Елена сдѣлалась супругою Оливьера. Эта чета, спокойно, счастливо и безмятежно проводила свое бытіе въ маломъ, но избранномъ кругу друзей.

Послѣ девятнадцатилѣтняго супружества Елена умерла. Страхъ и нужда, въ продолженіе осады Вѣны Турками, въ 1683 году, много содѣйствовали усиленію ея болѣзни. Оливьеръ думалъ, что онъ не переживетъ ея кончины. Добровольно искалъ онъ смерти въ каждой стычкѣ съ Турками; но желаніе его не исполнялось. Цесарскіе солдаты подумали даже, что онъ колдунъ и можетъ противустоять штыкамъ, саблямъ и ядрамъ, ибо когда все вокругъ его валилось отъ непріятельскаго оружія, онъ одинъ оставался невредимъ. Наконецъ, Вѣна была избавлена мужественнымъ Королемъ Польскимъ Іоанномъ Собіескимъ. Турки отретировались въ Венгрію и далѣе. Но крѣпости сего края остались въ ихъ власти, и въ числѣ оныхъ Офенъ, древняя столица Маджаровъ, при Дунаѣ, называемая Венгерцами *Буда*. Крѣпость сію почитали Турки твердымъ оплотомъ противъ Христіанъ. Тамъ помѣстили они храбрѣйшихъ своихъ воиновъ, а начальство надъ городомъ было поручено Апти Пашѣ, отважнѣйшему, благоразумнѣйшему и счастливѣйшему изъ всѣхъ Оттоманскихъ полководцевъ.

Этотъ Апти, который въ скоромъ времени для добраго Оливьера сдѣлался важнѣе, нежели думаютъ, еще въ званіи Аги не мало содѣйствовалъ завоеванію Турками острова Кандіи въ 1669 году, не взирая на мужественное сопротивленіе Христіанъ. Будучи Сераскиромъ, этотъже самый Апти взялъ въ 1672 году Польскую крѣпость Каменецъ. Султанъ возвелъ его за сей подвигъ въ достоинство Паши Бендерскаго. Когда Верховный Визирь Кара Мустафа былъ разбитъ подъ Вѣною въ 1683 году, и величайшее смятеніе произошло въ его войскѣ, Апти, подъ стѣнами Буды, привелъ въ порядокъ Оттомановъ и вскорѣ послѣ сего назначенъ главнокомандующимъ сей крѣпости, потому что прежній начальникъ умеръ отъ ранъ.

17.

Два года война производилась въ Венгріи безуспѣшно. Крѣпость Буда казалась непобѣдимою. Лѣтомъ, въ 1686 году, Герцогъ Лотарингскій подступилъ къ сей твердынѣ, со свѣжими войсками. Подъ начальствомъ его служили Баварскій Курфирстъ Максимиліанъ Эммануилъ и Баденскій Принцъ Людовикъ. Такимъ образомъ три знаменитѣйшіе полководца того времени соединились для покоренія Буды. Осадныя работы производились съ необычайною дѣятельностью; дѣлали приступъ за приступомъ, но благоразумная и мужественная оборона Апти Паши все отражала. Между тѣмъ траншеи и батареи подвигались къ крѣпости. Герцогъ Лотарингскій послалъ къ Пашѣ Графа Кенигсегта съ письмомъ и требованіемъ сдачи города. Паша отвѣчалъ очень учтиво: «Я сдамъ только трупы и развалины.» Эта записка была обвернута шелковиною кроваваго цвѣта, дабы легче было узнать содержаніе оной.

Этотъ Спартанскій отвѣтъ раздражилъ осаждающихъ; они учинили осадныя работы. Паша могъ по видимому надѣяться на вспоможеніе стоявшей не въ далекѣ обсерваціонной арміи Верховнаго Визиря, но сей полководецъ былъ разбитъ Герцогомъ Лотарингскимъ, а между тѣмъ въ стѣнахъ Буды сдѣланъ былъ проломъ. Когда оный довольно увеличился, то положено было приступить къ штурму. Однако отчаянная храбрость Паши заставила призадуматься. Надѣялись, что если при вторичномъ требованіи сдачи, будутъ сдѣланы ему блестящія предложенія, то можетъ статься онъ вступитъ въ переговоры. Но кого послать къ нему? Принцъ Баденскій предложилъ служащаго подъ его начальствомъ Маіора Оливьера, какъ искуснѣйшаго и надежнѣйшаго изъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ.

Въ слѣдствіе сего, Оливьеръ получилъ приказаніе отправиться въ Буду и стараться склонить Пашу къ сдачѣ города, тѣмъ болѣе, что уже не было надежды къ спасенію онаго; въ случаѣ сопротивленія, объявить Пашѣ, что при первомъ удачномъ приступѣ, съ нимъ и со всѣми осажденными будетъ поступлено безъ пощады. Оливьеръ, въ сопровожденіи переводчика и трубача, поѣхалъ въ крѣпость. Его сей часъ впустили и повели во Дворецъ Паши.

18.

Апти Паша, мощный, бодрый, можно даже сказать красивый мужчина, лѣтъ пятидесяти или шестидесяти, принялъ посланнаго отъ Христіанскихъ войскъ, со свойственнымъ всѣмъ Туркамъ, спокойнымъ и гордымъ видомъ. Наружность Паши была величественная и богатое восточное одѣяніе придавало оной еще болѣе важности. Онъ подалъ знакъ рукою и Оливьеръ съ благородствомъ, рѣшительностью и вѣжливостью высказалъ предложенія своихъ начальниковъ. Паша стоялъ предъ нимъ съ хладнокровіемъ побѣдителя и не сводилъ глазъ съ Оливьера, доколѣ толмачъ не перевелъ его рѣчи на Турецкій языкъ. Тогда странная улыбка оказалась на лицѣ Паши. Оливьеръ это замѣтилъ и ожидалъ отвѣта гордаго Мусульманина. Но сей долгое время молчалъ, какъ будто размышляя о рѣшеніи, которое онъ долженъ дать. Наконецъ спросилъ онъ, посредствомъ переводчика, какъ зовутъ Маіора, откуда онъ родомъ, давно-ли служитъ, и въ какомъ полку? Оливьеръ отвѣчалъ кратко и вторично просилъ рѣшенія на счетъ сдачи крѣпости. Паша началъ въ задумчивости расхаживать по великолѣпной залѣ, вдругъ повернулся въ сторону, и ушелъ въ другую комнату, чрезъ минуту опять возвратился и подошелъ къ Маіору. «Fa reteri té geins, y fari réteri lé min,» проговорилъ Паша скоро и съ важнымъ видомъ. Оливьеръ поглядѣлъ на переводчика, который, не понявши сихъ словъ, озирался то на Пашу, то на Маіора. Мусульманинъ, полагая что онъ выразился не внятно, повторилъ сказанное имъ Оливьеру протяжно и явственно: Te dio, fa reteri té geins, y fari reteri lé min (говорятъ тебѣ, вели выйдти отсюда своимъ людямъ, я вышлю моихъ).

Оливьеръ остолбенѣлъ отъ удивленія, слыша въ Будѣ, изъ устъ Паши, нарѣчіе своей родины, испорченный Французскій языкъ, коимъ говорятъ въ Ла Сарразѣ. Еще болѣе изумился онъ, когда Паша, держа между пальцами знакомый ножикъ съ перломутовымъ черенкомъ, поднялъ оный вверхъ. Со смятеніемъ вглядывался Оливьеръ въ походку и осанку Паши... Это былъ не иной кто, какъ Кюньи! Оливьеръ велѣлъ удалиться переводчику и трубачу. Али Паша приказалъ своей свитѣ оставить его на единѣ съ посланнымъ, и угостить сопровождавшихъ его Христіанъ. Лишь только затворились двери по выходѣ присутствовавшихъ, Оливьеръ и Кюньи съ радостными слезами бросились въ объятія другъ къ другу.

«Довелось-же намъ въ преклонныхъ лѣтахъ, посѣдѣвшимъ старикамъ, воевать одному противъ другаго, подобно тому какъ въ дѣтствѣ мы сражались, предводительствуя козьимъ войскомъ!» воскликнулъ Кюньи. «Скажи, гдѣ наша маркитантша, моя Елена?»

Сильно тронутый Оливьеръ громко зарыдалъ. Успокоившись, онъ разсказалъ своему другу о произошедшемъ со времени битвы подъ С. Готардомъ, когда за двадцать лѣтъ назадъ оплакивали смерть Кюньи, о бракосочетаніи его съ Еленою и наконецъ о ея кончинѣ. «Миръ праху ея!» сказалъ Паша прерывающимся голосомъ и утирая глаза. «Духъ ея ожидаетъ насъ въ странѣ безсмертія. Не будемъ сѣтовать; она все еще намъ принадлежитъ. Въ чертогахъ общаго Отца, во вселенной, мы перемѣняемъ только наши жилища.»

— Но ты еще живъ! воскликнулъ Маіоръ, отступивши назадъ и вглядываясь въ своего друга? Ты — Мусульманинъ! ты страшный Апти Паша! Не во снѣ-ли я это вижу? «Позавтракаемъ вмѣстѣ, Оливьеръ,» сказалъ Кюньи, и повелъ Маіора въ другую комнату, гдѣ по мановенію Паши подана была роскошная закуска.

19.

Когда служители удалились и друзья остались наединѣ, Кюньи объяснилъ Оливьеру всю загадку. «Я легко могъ догадаться,» сказалъ Паша, что меня считали въ числѣ убитыхъ, потому что подъ С. Готардомъ ни одинъ изъ моихъ воиновъ, какъ я полагаю, не остался въ живыхъ. Я, съ подстрѣленною лошадью пробился впередъ, былъ обезоруженъ Янычарами и взятъ въ плѣнъ; однако меня не ограбили. Въ послѣдствіи времени я узналъ, что этой милостью я былъ обязанъ приказанію самого Верховнаго Визиря Ахмета Кьюперли, который самъ видѣлъ, какъ я съ моими солдатами поражалъ его воиновъ. Онъ взялъ меня плѣнникомъ на свою долю; меня отвели въ Константинополь и отдали подъ надзоръ вѣроотступника, родомъ изъ Прованса, называемаго Али Мухамедомъ. Я скоро съ нимъ подружился. Онъ былъ человѣкъ очень хорошій и полюбилъ меня. Когда Верховный Визирь возвратился въ столицу, то Али Мухамедъ увѣдомилъ его о моихъ свѣдѣніяхъ въ Артиллеріи и Фортификаціи. Меня заставили снять нѣсколько плановъ. Визирь призывалъ меня къ себѣ и неоднократно разговаривалъ со мною о Военномъ Искуствѣ. Я надѣялся, что меня освободятъ и что по окончаніи войны я пойду въ размѣнъ плѣнныхъ; но Визирь мнѣ сказалъ: «Объ этомъ и не помышляй. Тебя полагаютъ въ числѣ убитыхъ. Я удерживаю тебя за собою. Отъ тебя зависитъ получить свободу, вступленіемъ въ службу Оттоманской Порты. Сдѣлайся Мусульманиномъ и я сей часъ жалую тебя чиномъ Аги. Съ твоими познаніями, ты въ скоромъ времени достигнешь у насъ почетнаго званія. Ты двадцать лѣтъ служилъ Франкамъ, и со всѣмъ твоимъ мужествомъ, съ твоимъ усердіемъ не выслужилъ болѣе Капитанскаго чина. Мудрено было-бы тебѣ повыситься! Таковъ уже непостижимый обычай Франковъ, которые внимательны не къ личному достоинству человѣка, а къ его предкамъ, и званія, требующія ума и отважности, раздаютъ не тѣмъ кои умны и отважны, а единственно людямъ знатнаго происхожденія. Вступи въ нашъ законъ! Сей часъ будешь Ага.»

«Не взирая на краснорѣчивые доводы Визиря, его предложеніе мнѣ было противно. Али-Мухамедъ также напрасно старался побудить меня къ послѣдованію его примѣру. Сдѣлаться вѣроотступникомъ! Измѣнить присягѣ, данной моему законному Государю! Лучше умереть! Ни Визирь, управлявшій обширною Имперіею Оттомановъ, ни клевреты его не могли меня убѣдить. «Не глупъ-ли ты?» сказалъ мнѣ однажды Визирь. «Если Король Французскій къ намъ пошлетъ вспомогательное войско, неужели ты заупрямишься въ такомъ случаѣ, и не пожелаешь воевать подъ моимъ предводительствомъ, вмѣстѣ съ нашими храбрыми Мусульманами?» Я отвѣчалъ, что покорность волѣ моего Государя всегда вмѣнялъ и вмѣняю себѣ въ главнѣйшую обязанность. — «Но теперь я твой властелинъ!» возразилъ Визирь. «Ты мой невольникъ. Для Франковъ ты уже не существуешь: они считаютъ тебя убитымъ. Какая-же присяга связуетъ тебя съ Королемъ Французскимъ?» — Государь! — сказалъ я: — отрекшись отъ моей вѣры и отъ моего Монарха, я не могу заслужить довѣрія самаго ничтожнаго человѣка. Нынѣ ты мой властелинъ; ты обѣщаешь мнѣ почести и блистательныя награды; но скажи самъ, Государь! будешь-ли ты имѣть какую либо увѣренность въ человѣкѣ, который ослѣпясь заманчивыми предложеніями, продаетъ свою честь? — «Безумный!» закричалъ Визирь, «развѣ ты вмѣняешь себѣ въ безчестіе служить подъ моими знаменами? Развѣ многократныя наши побѣды не доказали тебѣ, что Мусульманы не трусливѣе Франковъ?

Выдь вонъ, негодный райя! Тебя ожидаетъ заслуженное тобою наказаніе за дерзкія рѣчи!»

«Послѣ сихъ словъ, произнесенныхъ съ бѣшенствомъ, я удалился, ожидая неминуемой казни. Вмѣсто оной, возобновились увѣщанія вѣроотступника Али-Мухамеда, присланнаго ко мнѣ Верховнымъ Визиремъ. «Образумься, Кюньи,» говорилъ онъ мнѣ, «не навлекай на себя несчастнѣйшей участи.» — За вѣру отцевъ своихъ готовъ я воспріять мученическую смерть—отвѣчалъ я рѣшительно. — «То-то и бѣда,» возразилъ Али-Мухамедъ, «что тебѣ готовится не смерть, а вѣчное рабство. Тебя отправятъ въ кандалахъ въ Азію. Тамъ долженъ будешь ты, подъ палкою невольника Мусульманина, влачить самую бѣдственную жизнь, безъ пользы для себя и для другихъ.» — О! въ такомъ случаѣ я самъ лишу себя жизни! — «Безумный!» сказалъ вѣроотступникъ, «на что ты отваживаешься? За вѣру и за Государя ты можешь и долженъ жертвовать своею жизнію, полагаясь на волю Всевышняго, который даровалъ тебѣ оную. Но покуситься самому на драгоцѣннѣйшій даръ Творца!... Знаешь-ли ты, что вѣроотступничество гораздо простительнѣе сего тяжкаго грѣха? Перемѣнивши религію, ты все будешь вѣренъ Богу, который у всѣхъ насъ одинъ; лишивши себя бытія, ты попираешь благіе дары Создателя и учиняешь преступленіе, которое никакимъ покаяніемъ не можетъ быть заглажено.» — Признаюсь, Оливьеръ, что эти слова сильно подѣйствовали на меня. Но когда я вспомнилъ объ Еленѣ, о тебѣ, о благодѣтелѣ моемъ Маршалѣ Беллефонѣ, то рѣшительность моя сдѣлаться Мусульманиномъ, колебалась. Прошли два года. Я зналъ, что меня считали умершимъ, и какъ будто предчувствовалъ, что ты соединишься со моею Еленою. Признаюсь, что я этого желалъ. Оба вы были мнѣ такъ милы, а я для васъ на вѣки былъ потерянъ!

«Однажды Али-Мухамедъ со слезами объявилъ мнѣ, что я назначенъ къ отправленію въ Азію, вмѣстѣ съ другими невольниками. «До чего доводитъ тебя упрямство!» сказалъ онъ мнѣ. «Тебя ожидала такая блистательная участь!» Въ тотъ-же день Визирь позвалъ меня къ себѣ. «Въ послѣдній разъ спрашиваю тебя,» сказалъ онъ. «Хочешь-ли ты служить подъ достославными знаменами нашего Государя, или намѣренъ въ рабскомъ состояніи умерешь подъ палкою моего служителя?» Оливьеръ! это было тяжкое испытаніе! Я рѣшился сдѣлаться Мусульманиномъ, давши себѣ слово быть по мѣрѣ возможности полезнымъ всѣмъ Христіанамъ, которые попадутся намъ въ плѣнъ... Меня назвали Апти и дали хорошую квартиру въ загородномъ домѣ Верховнаго Визиря. Ахметъ Кьюперли прислалъ мнѣ въ подарокъ богатую чалму, пышное одѣяніе, саблю осыпанную драгоцѣнными камнями и два кошелька, изъ коихъ одинъ былъ наполненъ золотыми монетами, а въ другомъ былъ дипломъ на званіе Аги.

20.

«Съ того времени,» продолжалъ Кюньи, «жизнь моя была исполнена дѣятельности. Болѣе двадцати лѣтъ осаждали Турки крѣпость Кандію, на островѣ сего имени. Венеціяне отчаянно защищались въ укрѣпленіяхъ. Ахметъ Кьюперли непремѣнно хотѣлъ завладѣть сею, по видимому недоступною крѣпостью. Въ 1666 году отправился онъ къ оной со многочисленнымъ войскомъ. По моему совѣту и подъ моимъ надзоромъ было вылито множество осадныхъ орудій; я располагалъ всѣми работами атаки. Намъ удалось, по истеченіи трехъ лѣтъ, овладѣть Кандіею. Еще во время осады, былъ я возведенъ въ достоинство Сераскира, равняющееся съ чиномъ Европейскаго Генерала, и самъ Верховный Визирь представилъ меня Султану Мухамеду IV.

«Спустя два года войска наши пошли въ Польшу. Мнѣ препоручена была осада Каменца. Я взялъ эту крѣпость въ 1672 году. Въ вознагражденіе за сіе, Султанъ наименовалъ меня Пашею Бендерскимъ. По заключеніи мира я отправился во ввѣренный мнѣ городъ. Тамъ, вмѣстѣ съ наслажденіями восточною роскошью въ чертогахъ моихъ, открылось для меня обширное поле благотворительной дѣятельности. Я старался, правосудіемъ замѣнить притѣсненіе, образовать варваровъ и въ полудикихъ Татарахъ поселить чувство человѣчества. У меня были не рабы, а служители, даже не служители, а друзья. Если мнѣ присылали въ подарокъ или я покупалъ Европейца, то въ скоромъ времени возвращалъ ему свободу, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ побывалъ въ Вѣнѣ и освѣдомился о тебѣ или объ Еленѣ. Тому, кто принесъ-бы мнѣ вѣрное извѣстіе объ васъ, обѣщалъ я царскую награду. Но ни одинъ изъ освобожденныхъ мною не возвращался. Въ Бендерахъ между военноплѣнными нашелъ я одного, который говорилъ по-Французски. Это былъ одинъ изъ трехъ сотъ дворянъ, приведенныхъ Ла Фёлльядомъ на защиту Кандіи. Онъ назывался Дюмонтъ и былъ взятъ въ плѣнъ въ той стычкѣ, въ коей погибъ Герцогъ Бофортъ. Я препоручилъ этому Дюмонту увѣдомить меня о тебѣ и о Маршалѣ Беллефонѣ; не открывая ему тайны своего происхожденія, я отпустилъ его на волю и полагался на его честное слово. Но я не получилъ отъ него никакого извѣстія. Такимъ образомъ жилъ я въ Бендерахъ, всѣми уваженный и всѣми любимый. Я былъ доволенъ своею судьбою. Единственное мое желаніе было увидѣть тебя и мою Елену. Въ числѣ моихъ драгоцѣнностей, хранился твой ножикъ. Смотри: я положилъ его въ золотой футляръ, украшенный твоимъ именемъ. Это былъ для меня единственный и дражайшій остатокъ давно минувшаго блаженства дѣтскихъ лѣтъ. — Война въ Венгріи исторгнула меня изъ спокойнаго состоянія. Я сдѣланъ былъ начальникомъ войска, подъ предводительствомъ Верховнаго Визиря Кара Мустафы, и по разбитіи нашихъ подъ Вѣною, ввѣрено было мнѣ защищеніе Буды. И подъ Вѣною, и здѣсь, распрашивалъ я о тебѣ многихъ военноплѣнныхъ. Удивительно, что ни одинъ изъ нихъ не зналъ тебя. Я полагалъ, что ты уже умеръ. Благодарю судьбу, мой другъ, за то что она такъ неожиданно привела тебя ко мнѣ!»

Оба кинулись въ объятія другъ другу и на минуту позабыли о враждебныхъ обстоятельствахъ, которыя ихъ свели вмѣстѣ. Все утро было проведено во множествѣ воспоминаній и разсказовъ о протекшемъ и въ разговорахъ о настоящей войнѣ, о полководцахъ, ихъ ошибкахъ, о причинахъ побѣдъ или пораженій. Оливьеръ сообщилъ своему другу, доселѣ неизвѣстныя ему, послѣдствія сраженія 14 Августа, въ коемъ Верховный Визирь, имѣя подъ начальствомъ только тридцать тысячь, былъ вытѣсненъ изъ укрѣплeній и на голову разбитъ Цесарскими войсками. Будинскій Паша сказалъ сердито: «Я ему напередъ говорилъ, что надлежащая пора еще не наступила.»

21.

«И такъ,» возразилъ Маіоръ Оливьеръ, «не надѣйся на снятіе осады. Ты уже довольно сдѣлалъ для славы Оттоманской Порты и для своей. Всѣ твои предпріятія послужатъ ко вреду твоего государства и твоему собственному. Тебѣ невозможно удержать Буду; но, сдавши крѣпость, ты можешь спасти своихъ храбрыхъ воиновъ и присовокупить ихъ къ обезсиленному войску Верховнаго Визиря. Проломъ уже сдѣланъ, и мы стоимъ предъ послѣднею стѣною. Для рѣшительнаго приступа все приготовлено. Съ какимъ-бы мужествомъ ты ни сопротивлялся, какія-бы средства ни были въ твоей власти, увѣряю тебя, что крѣпость будетъ взята и подвергнется ужаснѣйшей участи. Къ чему это неумѣстное и безполезное упорство, которое губитъ большой городъ и храбрый гарнизонъ, и видимо противится выгодамъ Дивана? Дай руку, Кюньи! Пощадимъ кровь человѣческую! Герцогъ Лотарингскій уважаетъ тебя. Онъ приказалъ мнѣ объявить тебѣ: что если ты внемлешь гласу человѣколюбія, что благодарность Герцога будетъ неограниченна, и ты можешь требовать всякой награды. Дай-же мнѣ руку! Для спасенія многихъ тысячь, заключимъ условіе почетной сдачи города. Неужели ты хочешь, чтобы мы завтра обращали оружіе другъ противъ друга? Будешь ты убитъ? На что мнѣ жизнь! Я паду? Другъ мой! Вспомни, что ты могъ меня спасти!! . . .

Въ продолженіе сей рѣчи Маіора, Паша съ мрачнымъ видомъ хранилъ молчаніе. Когда Оливьеръ окончилъ и ожидалъ отвѣта, Паша сердито взглянулъ на него и сказалъ: «Маіоръ, ты что-то проговорилъ о благодарности и наградахъ, если я сдамъ крѣпость. Надѣюсь, что ты не считаешь меня способнымъ къ такой подлости. Если-бы ты въ самомъ дѣлѣ такъ обо мнѣ думалъ, то знай, Оливьеръ, что наша дружба прекратилась-бы навсегда! Я оборотился-бы къ тебѣ спиною и пожалѣлъ-бы о утратѣ твоего благороднаго образа мыслей. Но нѣтъ! Я знаю тебя! Ты имѣлъ препорученія къ Будинскому Пашѣ; ты исполнилъ свою обязанность, а я исполню свою. Твой примѣръ еще болѣе побуждаетъ меня жить и умереть честнымъ человѣкомъ. И такъ слушай, и донеси своему начальнику, что въ настоящее время я не знаю никакихъ выгодъ, кромѣ тѣхъ, которыя предписываются должностью и честью. Буда принадлежитъ не мнѣ, а Султану; безъ его повелѣнія не могу я сдать города непріятелю. Теперь не льзя и ожидать подобнаго приказанія, а посему или я удержу за Султаномъ крѣпость, или погибну подъ ея развалинами. Вотъ тебѣ рѣшительный мой отвѣтъ!»

Почти таковъ былъ смыслъ отзыва Паши, внушеннаго ему вѣрностью и честью. Послѣ онаго дружба воспріяла свои права. Кюньи, обнявши Оливьера, сказалъ: «Другъ мой! теперь я съ моей стороны сдѣлаю тебѣ предложеніе. Отнеси поскорѣе мой отвѣтъ своимъ начальникамъ; завтра исполняй свою обязанность, только не вдавайся въ опасность. Жизнь твоя для меня дороже моей собственной. И если, какъ я надѣюсь, не потеряю я ни жизни, ни крѣпости, то переселись ко мнѣ, другъ мой! У меня найдешь ты довольство и успокоеніе на старости.»

Оливьеръ призадумался, и наконецъ сказалъ: «Завтра Богъ рѣшитъ! Тѣмъ не менѣе, я благодарю тебя, Кюньи, и принимаю твое предложеніе. Мнѣ хотѣлось-бы пожить счастливо на бѣломъ свѣтѣ, а счастливымъ могу я быть только съ тобою.» Кюньи вынудилъ своего друга принять мѣшокъ съ золотомъ, и послѣ сего они разстались.

22.

Это неожиданное и необыкновенное происшествіе причинило Оливьеру множество живѣйшихъ и противорѣчащихъ ощущеній, такъ что по выходѣ изъ крѣпости онъ едва могъ образумиться. Долгое время не слышалъ онъ распросовъ сопровождавшаго его офицера о успѣхѣ переговоровъ. Припоминая невѣроятное и странное приключеніе, онъ громко смѣялся, и послѣ не могъ удержать своихъ слезъ. Сопутники Маіора не могли добиться отъ него ни слова, и напослѣдокъ подумали, что храбрый Оливьеръ лишился разсудка, или, можетъ быть, Апти Паша задалъ ему какого нибудь зелія, отъ котораго онъ обезумѣлъ.—Приближаясь къ Цесарскимъ форпостамъ, Оливьеръ пришелъ въ себя, омоченными глазами посмотрѣлъ на бывшаго при немъ офицера, пожалъ его руку и сказалъ: «Извините меня! со мною случилось самое необыкновенное происшествіе. Вообразите, что въ Апти Пашѣ я нашелъ стариннаго и возлюбленнѣйшаго друга моихъ дѣтскихъ лѣтъ!»

Послѣ сего онъ разсказалъ вкратцѣ о свиданіи своемъ съ Пашею, и прибавилъ: «Приходите вечеромъ въ мою палатку. За стаканомъ вина, я дамъ вамъ подробное свѣдѣніе о моихъ связяхъ съ Пашею. Этимъ разсказомъ я облегчу свое сердце, которое отъ радости и печали какъ будто хочетъ выпрыгнуть изъ груди (*).» По прибытіи ъ лагерь, Маіоръ явился въ главную квартиру, и сообщилъ собравшимся Принцамъ и Генералитету о послѣдствіяхъ своего посольства. Не утаилъ онъ и того, что Паша, который далъ ему толь рѣшительный отказъ, былъ его землякъ, другъ съ самаго дѣтства, Кюньи, коего почитали убитымъ подъ С. Готардомъ. Въ разсказѣ Оливьера замѣтны были сильное ощущеніе и уваженіе къ Пашѣ.

Съ улыбкою удивленія выслушали его Принцы; нашли, что сказанное имъ очень похоже на романъ, поострились на его счетъ и занялись тѣмъ, что долженствовало имъ предстоять послѣ рѣшенія безстрашнаго Будинскаго Паши. Нѣкоторые присутствовавшіе офицеры, не слишкомъ расположенные къ Маіору Оливьеру, перетолковали въ худую сторону похвалы, воздаваемыя имъ Пашѣ. Они начали намекать, что Оливьеръ, во время посольства, можетъ быть оказалъ дурную услугу Цесарскому войску. Оливьеръ узналъ объ этомъ отъ того самаго Капитана, коего онъ пригласилъ къ себѣ на вечеръ. Въ туже минуту пошелъ онъ къ Принцу Баденскому и, для оправданія

(*) Вѣроятно, этимъ самымъ офицеромъ доставлены свѣдѣнія о семъ приключеніи, напечатанныя въ послѣдствіи времени.

своего, просилъ позволенія завтра на приступѣ находиться въ самомъ опасномъ мѣстѣ.—На другой день, 2-го Сентября 1686-го года, крѣпость Буда была штурмована со всѣхъ сторонъ. Въ продолженіе цѣлой войны не дѣйствовали съ такою исправностью, такъ благоразумно и отважно, какъ въ семъ случаѣ. Никогда еще, со стороны храбрыхъ защитниковъ Буды, не отражались нападенія съ такимъ мужествомъ. Все то, что военное знаніе и искуство полководцевъ могли оказать, было оказано въ сей достопамятный день. Апти Паша самъ находился тамъ, гдѣ сраженіе производилось съ наибольшимъ ожесточеніемъ, именно на проломѣ. Его распоряженіями и храбростью обученныхъ имъ воиновъ, всѣ нападенія осаждающихъ были отражаемы съ большою для нихъ потерею. — Съ Цесарской стороны подвигнуто было къ пролому свѣжее войско. Тутъ находился полкъ Принца Людовика Баденскаго, въ коемъ служилъ Маіоръ Оливьеръ. Сей отважный офицеръ пробился съ своими солдатами къ главному пункту кровопролитной битвы. Всѣ узнали Пашу, находившагося позади войскъ, имъ предводительствуемыхъ. Полкъ Принца Баденскаго, сдѣлавши залпъ, пошелъ на штыки. Всѣ увидѣли паденіе Паши, пораженнаго выстрѣломъ. Маіоръ Оливьеръ, со шпагою въ рукѣ, приблизился къ тому мѣсту, гдѣ палъ его другъ. Вскорѣ его солдаты узрѣли его низвергнутаго множествомъ выстрѣловъ. Турки, ожесточенные смертью любимаго ими полководца, дрались съ отчаяніемъ. Но всѣ ихъ усилія къ защищенію пролома остались тщетными. Христіане одержали побѣду. Крѣпость Буда, выдержавшая въ теченіе двухъ мѣсяцевъ съ половиною всѣ ужасы блокады, была взята приступомъ.

Такъ пали съ оружіемъ въ рукахъ два великодушные друга, достойные уваженія не по высокому происхожденію, а по личному достоинству!

Крымскіе Сонеты Адама Мицкевича. Переводы и подражанія Ивана Козлова. СПб. 1829 г., въ т. Департ. Внѣшн. Торг., XII и 36 стр., in 8.

Неоднократно было упоминаемо въ Русскихъ Журналахъ о произведеніяхъ Польскаго Поэта Мицкевича, произведеніяхъ, которыя какъ рѣдкій и удивляющій феноменъ явились на полѣ Словесности, долгое время казавшемся совершенно безплоднымъ и неспособнымъ къ обрабатыванію. Наши соотечественники, ознакомившіеся съ языкомъ Польскимъ, съ восторгомъ приняли цвѣты поэзіи соплеменнаго нарѣчія, возращенные въ самой Россіи. Стихотворенія Мицкевича содѣлались предметомъ общаго вниманія всѣхъ Русскихъ Литтераторовъ, и Сарматскій пѣвецъ былъ гораздо болѣе превознесенъ въ нашемъ отечествѣ, нежели на своей родинѣ, гдѣ, по настоящему, красоты юнаго поэта могли-бы скорѣе быть оцѣнены. Этотъ странный случай невольнымъ образомъ увлекаетъ насъ въ политико-историческія изслѣдованія о духѣ двухъ народовъ, столь долгое время бывшихъ непримиримыми врагами, и наконецъ наслаждающихся благоденствіемъ подъ одною Державою. Все сіе по видимому не у мѣста въ журнальномъ разборѣ стихотвореній; но если, по баснословнымъ преданіямъ, лиры пѣвцовъ возбуждали мужество въ герояхъ предъ битвою, то мудрено-ли, что сладкогласная лира Мицкевича пораждаетъ непреодолимое желаніе вкратцѣ обозрѣть минувшія распри и новыя;

Digitized by Google

прочный союзъ двухъ единоязычныхъ племенъ? — Впрочемъ, читатели увидятъ, что это обозрѣніе будетъ имѣть предметомъ только поясненіе несправедливости, оказанной Польскому Поэту его единоземцами.

Дѣеписанія Польши представляютъ длинный рядъ междоусобій, коимъ несчастная сія страна была подвержена въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Безначаліе было главною и даже единственною причиною сихъ бѣдствій. Между тѣмъ какъ просвѣщеніе упрочивало могущество сосѣдственныхъ Державъ, пользующихся благосостояніемъ, сопряженнымъ съ неизмѣняемымъ Монархическимъ правленіемъ, храбрый народъ Польскій, болѣе и болѣе изнуряя свои силы внутренними раздорами, подвергнулся общей участи тѣхъ государствъ, въ коихъ слабое Правительство безпрерывно враждуетъ съ необузданностью подданныхъ. Королевство Польское исчезло, и потомки доблестныхъ Сарматовъ разсѣялись по лицу земли. По видимому они должны были испытать участь древнихъ Іудеевъ, и лишенные отечества, сохраняя токмо законъ своихъ предковъ, впасть въ то безсильное и презрѣнное состояніе, въ коемъ донынѣ Евреи стараются только снискивать скудное пропитаніе. Но Провидѣніе опредѣлило иначе, и храбрый народъ Польскій сохранился, по Всевышней волѣ. Родимый край его раздѣлился на участки, подпавшіе подъ чужеплеменныя Державы, чего требовала особенная безопасность сосѣдственныхъ государствъ: но духъ народа, его любовь къ погибшему отечеству, утѣшительныя воспоминанія о прежней славѣ, не угасли въ сердцахъ Поляковъ, и, подобно священному огню, сохраняли нравственное бытіе погибнувшей націи. Остатки войскъ, разсѣянныхъ побѣдоносными Россійскимъ оружіемъ, рѣшились испытать свою доблесть въ другой странѣ, которая, по удивительному сцѣпленію обстоятельствъ, въ тоже самое время раздиралась междоусобіями, происходящими отъ безначалія. Поляки были принесены въ жертву благоразумной и осмотрительной политикѣ близъ-лежащихъ государствъ; Франція сама возжгла пламень мятежа въ средѣ сыновъ своихъ, ниспроверженіемъ законной власти. Это образованное государство, для сохраненія своей цѣлости, возобновило всѣ ужасы нападенія Азіятскихъ варваровъ на просвѣщенную Европу. Пресытившись кровью своихъ чадъ, Французская Республика кровью другихъ народовъ поддерживала временное свое бытіе. Въ эту несчастную страну отвелъ Домбровскій храбрые Польскіе легіоны, бѣдствующіе остатки сильной Державы. Безпріютные Поляки посвятили себя служенію колосса, возникавшаго изъ развалинъ ниспроверженной Французской монархіи. Наполеонъ присоединилъ храбрыхъ сподвижниковъ Костюшки къ мужественнымъ полкамъ, изумившимъ своими побѣдами три части свѣта. Заря надежды возсіяла для Поляковъ; въ отважномъ Корсиканцѣ видѣли они воскресителя ихъ отечества. Поляки, въ полномъ смыслѣ, вѣрою и правдою служили Наполеону, единственно въ чаяніи видѣть возстановленіе погибнувшаго государства древнихъ Ляховъ. Сіе желаніе исполнилось: Царство Польское, подобно фениксу, возродилось изъ праха своего; но не гордый завоеватель Европы сотворилъ сіе чудо. Властолюбивый Наполеонъ окончилъ жизнь въ тяжкомъ заточеніи, на скалѣ, окруженной хлябями Океана, а Внукъ Великія Екатерины, Благословенный Миротворецъ Европы, принялъ подъ свое покровительство народъ Польскій, столь долгое время бывшій непримиримымъ врагомъ Россіи. Великодушный Монархъ даровалъ Польшѣ права, благосостояніе и прочное существованіе, которое на вѣки утвердилось вѣнчаніемъ священной главы Его Преемника въ столицѣ Польскаго Царства. Подъ симъ благотворнымъ покровительствомъ мощной Державы, всѣ отрасли промышленности оживились въ государствѣ, долгое время изнуряемомъ войною. Торговля начала процвѣтать, и все то, что составляетъ роскошь образованности, пробудилось отъ вынужденнаго усыпленія. Языкъ Сарматовъ, который долженъ былъ исчезнуть съ лица земли, вмѣстѣ съ родимою страною, занялъ въ Европейской Словесности такое-же значительное мѣсто, какое Польша занимаетъ въ политическомъ составѣ сей просвѣщеннѣйшей части свѣта. Литтература Польская оживилась. Новое поколѣніе Поляковъ, не обязанное обрекать себя на пролитіе крови, для отысканія погибшаго отечества, пользуется своимъ благосостояніемъ, и подъ мирною сѣнью могущественнаго покровительства старается придать новый блескъ родному краю, приношеніемъ обильныхъ жертвъ Музамъ. На семъ новомъ и достославномъ поприщѣ появился Мицкевичъ, который, содѣлавшись представителемъ, или, лучше сказать, героемъ Словесности Польской, по удивительному случаю, нашелъ первыхъ цѣнителей своего таланта въ средѣ Русскихъ Литтераторовъ, подобно тому, какъ его отечество въ Русскомъ Царѣ нашло своего благотворителя.

Но что-жь дѣлалось тѣмъ временемъ въ Литтературѣ Польской? Что споспѣшествовало ея прозябенію? Что содѣйствовало ея ходу и достиженію вожделѣнной славы? Для поясненія сего мы должны обратиться къ вышеописанному, краткому начертанію политическихъ переворотовъ Польши. Словесность есть не иное что, какъ возращеніе дара слова, безъ коего не можетъ существовать ни одинъ народъ. Словесность показываетъ различныя эпохи прозябенія языка, употребляемаго націею, и носитъ на себѣ отпечатокъ политическаго быта своей отчизны. Примѣры, долженствующіе подтвердить сказанное, увлекли-бы насъ слишкомъ далеко. Ограничимся одною Польскою Литтературою. Въ старые годы она была проста, выразительна и мощна, какъ и сами представители ея, свидѣтели славы Жигмунтовъ и Собіескихъ. Подъ владычествомъ роскошнаго Августа, Курфирста Саксонскаго и Короля Польскаго, она изнемогала вмѣстѣ съ государствомъ. Станиславъ Августъ, съ перемѣною древняго наряда Королей Польскихъ, какъ будто-бы одѣлъ во Французскій кафтанъ Словесность своего края. По раздѣленіи Польши, оная исчезла. Напѣвы для краковяковъ и мазурокъ составляли главную отрасль ея промышленности. Надежда возстановленія Польши оживилась во время воинственнаго владычества Наполеона. Франція содѣлалась животворящимъ свѣтиломъ для обитателей береговъ Вислы. Въ ихъ глазахъ блескъ новой Имперіи затмѣвалъ всѣ прочія страны земнаго шара, а посему и Словесность Польская долженствовала сдѣлаться раболѣпною поклонницею Піитики Буало. Въ эту эпоху умы Поляковъ начали понемногу окриляться; необходимость отечественной Литтературы болѣе и болѣе дѣлалась ощутительною; писателей самобытныхъ уже не было; кодексъ Французской Академіи былъ по неволѣ уважаемъ наравнѣ съ грозными орлами Наполеона. Въ такомъ случаѣ, по пословицѣ: *кто ранѣе всталъ, да палку взялъ, тотъ и капралъ.* Въ сіе время, благопріятное для посредственности, нѣсколько самозванцевъ-Литтераторовъ вновь свили разрушенное гнѣздо Музъ въ Варшавѣ. Само собою разумѣется, что критика, или лучше сказать, законодательство новаго литтературнаго міра должно было возникнуть въ новомъ заведеніи для просвѣщенія раждающихся талантовъ. Въ выборѣ основанія для сей важной части литтературнаго производства, руководствовались извѣстнымъ школьнымъ соритомъ, посредствомъ коего можно доказать, что я, имярекъ, первый человѣкъ въ мірѣ. Полякамъ покровительствуетъ Франція; по побѣдамъ своимъ, она есть могущественнѣйшее государство въ Европѣ; управляющій оною Наполеонъ есть сильнѣйшій Государь; слѣдовательно его законоположенія суть наилучшія, и такъ какъ Французская Академія (или тогдашній Институтъ) состоитъ подъ его властью, то изъ сего можно заключить, что Французская Піитика есть единая непогрѣшительная. Возженный такимъ образомъ свѣточъ критики, за недостаткомъ умныхъ головъ, былъ присвоенъ Фр. Дмоховскимъ (*), а собратья его, завладѣвши каждый какою либо отраслью наукъ, единодушно согласились воздавать должное почтеніе Надвислянскому Литтературному Наполеону. Все благопріятствовало новому законодателю. Варшава и почти вся Польша такъ долго страдали отъ военныхъ угнетеній, что драгоцѣнный даръ слова въ теченіе многихъ лѣтъ былъ употребляемъ единственно для переговоровъ съ фуражирами и квартирмейстерами. Музы почивали. Образованнѣйшая Польская молодежь провела лучшіе годы своей жизни на бивакахъ, и, кромѣ Парижа, не знала другаго святилища. Кто могъ кое-какъ изъясняться на Французскомъ языкѣ и видѣлъ Тальму, тотъ почитался уже просвѣщеннѣйшимъ человѣкомъ. А Дмоховскій? О!... Для его критическихъ подвиговъ эпоха возстановленія Царства Польскаго была благопріятнѣе, нежели 18-е Брюмера для Бонапарта. Храбрые воины, собравшіеся изъ разныхъ странъ Европы, занимались устройствомъ новаго порядка службы подъ знаме-

---

(*) Переводя Предисловіе Мицкевича къ полному Собранію его стихотвореній (см. 17-ю кн. М. Т.), мы не объявили имени сего знаменитаго Варшавскаго Критика. Нынѣ-же, по причинамъ, кои будутъ видны изъ сего разбора, мы не посовѣстились выставить вполнѣ прозвище сего Іерарха Польскихъ Рецензентовъ. *В. У.*

цами Августѣйшаго Вождя: государственные чиновники, Нунціи и Депутаты, представители воскресшаго царства, старались приготовиться къ содѣйствію благимъ намѣреніямъ великодушнаго Монарха; вся Польша, подобно селенію опустошенному бурею, обрадовалась вновь возсіявшему солнцу, и заботилась о изглаженіи слѣдовъ разрушенія. Можно-ли было въ это время заниматься Словесностію? И мудрено-ли, что въ семъ суетливомъ положеніи государства неозабоченный гражданинъ успѣлъ соорудить грозное сѣдалище литтературнаго судьи изъ Курса Лагарпа и нѣсколькихъ Латинскихъ изрѣченій? Такимъ-то образомъ Дмоховскій овладѣлъ неумытнымъ жезломъ критики, подобно тому какъ у насъ въ Москвѣ Вѣстникъ Европы. . . Но не будемъ упоминать о семъ забвенномъ Журналѣ!— Между тѣмъ какъ сановная Іерархія Варшавскихъ критиковъ (слова Мицкевича) корпѣлй надъ созиданіемъ правилъ, долженствовавшихъ упрочить ея могущество, Музы лелѣяли подъ маслиною всеобщаго мира новыхъ своихъ питомцевъ, и новый орелъ воспарилъ надъ областью Польской поэзіи: это Мицкевичъ. Подобно кругамъ, описываемымъ въ воздухѣ вьющеюся ласточкою, первыя стихотворенія Мицкевича никакъ не могли быть измѣрены по масштабу школярныхъ правилъ. Литтературный Ареопагъ Варшавскій, какъ говорится по-Русски, сталъ въ тупикъ. Опредѣленіе настоящаго достоинства произведеній юнаго поэта было также для нихъ затруднительно, какъ для Гамлета важный вопросъ: to be, or not to be? Сколько ни рылися въ условномъ кодексѣ Словесности, но изъ всѣхъ ветошекъ, оный составляющихъ, не отыскали ни одной, которая могла-бы разрѣшить ихъ недоумѣніе: хорошо, или дурно пишетъ Мицкевичъ? Между тѣмъ читающая публика увлекалась прелестью поэзіи своего единоземца, и безъ всякихъ справокъ съ піитиками отдавала ему должную справедливость. Узнавши о таковомъ направленіи вкуса непослушной и своевольной публики, Литтературный Ареопагъ принялся за работу. Надобно было похвалить Мицкевича; но какимъ образомъ? Красоты его стихотворенія должны быть исчислены и указаны къ свѣдѣнію читающихъ. А это намъ было не подъ силу, потому, что у Польскаго Поэта все какъ-то вырывается за ограду Классическихъ правилъ! Сказать просто, что сочиненія Мицкевича превосходны? Не годится. Если Ареопагъ не будетъ казаться грознымъ, то власть его скоро пропадетъ. Сказать и доказать по правиламъ, что новыя стихотворенія въ полномъ смыслѣ не хороши? Это легко! Въ Классическихъ кодексахъ есть чему поживиться литтературнымъ подьячимъ: ко всему найдутъ придирку. Но публика, злодѣйка публика, которая восхищается Мицкевичемъ, какъ-то она приметъ подобный приговоръ? Надобно жить въ ладу съ этою своенравною дамою. . . И въ слѣдствіе сего рѣшено: признать въ Мицкевичѣ *талантъ*, а между тѣмъ сдѣлать ему нѣсколько строгихъ замѣчаній, дабы посредствомъ сего придать болѣе важности своему сужденію. Это опредѣленіе Варшавско-критической Іерархіи довольно похоже на похвалы, которыя несвѣдущій пожилой человѣкъ воздаетъ удачной работѣ отрока, говоря: Хорошо, братъ, хорошо! похвально! только надобно учиться. Старайся, прилежи, и проч. — Само собою разумѣется, что Мицкевичъ не подорожилъ подобными похвалами, и не уважилъ замѣчаніями своихъ рецензентовъ. Онъ отвѣчалъ имъ новыми произведеніями, которыя безпрерывно были съ восторгомъ принимаемы всѣми просвѣщенными читателями. Видя сіи успѣхи, критическій Ареопагъ зажужжалъ погромче, и, пользуясь всеобщимъ средствомъ плохихъ критиковъ, яже суть разсѣяны по лицу земли, началъ болѣть о чистотѣ роднаго языка, якобы искажаемаго перомъ смѣлаго Поэта. Раздались жалобные вопли сановной Іерархіи... Но Мицкевичъ не отвѣчалъ, а публика съ жадностью читала новыя его творенія. — Наконецъ Польскій Поэтъ достигъ своей цѣли. Въ своей особѣ явилъ онъ могущественнаго представителя Словесности роднаго края, и поставилъ Польскую Литтературу на ряду со всѣми другими. Совершивши сей важный подвигъ, Мицкевичъ обратилъ вниманіе на жалкое состояніе критики въ его отечествѣ. Въ теченіе шести лѣтъ одерживая блистательныя побѣды на поприщѣ поэзіи, онъ поступалъ съ пресмыкающимися противниками, какъ Орелъ въ притчѣ И. И. Дмитріева: бросалъ на нихъ гордые взгляды и возлеталъ къ солнцу. Напослѣдокъ онъ вынужденъ былъ послѣдовать примѣру пернатаго сопутника Зевеса, описанному въ древней Маріевой поэмѣ. Къ полному Собранію своихъ стихотвореній присовокупилъ онъ общій отвѣтъ всѣмъ своимъ рецензентамъ. Цѣлью его было не собственное оправданіе предъ читающею публикою: въ этомъ онъ не нуждался; но онъ желалъ обнажить ограниченность свѣдѣній Варшавско-критическаго Ареопага, столь долгое время управлявшаго умами и дѣйствіями единоземныхъ поэтовъ. Мицкевичъ успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Его возраженіе написано сильно и благородно, вполнѣ объемлетъ свой предметъ и безъ пощады поражаетъ литтературныхъ изувѣровъ. Нашимъ читателямъ извѣстно это Предисловіе къ сочиненіямъ Польскаго Поэта. Но послѣ сего грознаго удара умолкло-ли гнѣздо Варшавскихъ Критиковъ? Созналось-ли оно въ своей посредственности? О, нѣтъ! посредственность можно уподобить злой женщинѣ, которая, получивши заслуженный толчекъ отъ мощной десницы мужчины, въ безсильной злобѣ своей старается облегчить душу обильнымъ токомъ ругательствъ, на которыя мужчина не обращаетъ вниманія. Дмоховскій, видя что доказательства его невѣжества пригвождены къ безсмертнымъ твореніямъ Мицкевича, и слѣдовательно достигнутъ позднѣйшаго потомства, почувствовалъ, что литтературное его владычество можетъ подвергнуться участи Наполеоновой Имперіи. Онъ рѣшился сдѣлать послѣднюю попытку защищенія мнимыхъ своихъ правъ, и разразился тяжеловѣсною антикритикою, напечатанною особенною книжкою и напоминающею любознательность и любопытательность Вѣстника Европы. Намъ довелось прочитать это курьёзное произведеніе. Смѣло утверждаемъ, что сія книжица есть лучшее доказательство истины того, что сказано Мицкевичемъ о Варшавскихъ Критикахъ и

Рецензентахъ. Желая обнаружить фарисейскую систему литтературныхъ законодателей Польскихъ, Мицкевичъ указывалъ на несомнительные признаки ихъ невѣжества. Критическій Іерархъ вздумалъ прикрывать оные фарисействомъ: средство употребляемое не въ одной Варшавѣ. Грозное возраженіе Дмоховскаго основывается на томъ, что скромность, сирѣчь обязанность безусловно принимать недѣльныя замѣчанія, есть одно изъ главнѣйшихъ достоинствъ молодаго генія. Не споримъ въ томъ, что заносчивость и наглость не должны быть терпимы въ недозрѣлыхъ писакахъ, и что недоучившіеся студенты, которые подъ предводительствомъ одряхлѣвшаго желчнаго педагога размахиваютъ руками и вызываютъ на кулачный бой Литтераторовъ — всегда и вездѣ подвергаются презрѣнію и осмѣянію. Но Мицкевичъ, протекая избранное имъ поприще, никогда не оказывалъ себя наглымъ или заносчивымъ; смѣлымъ, отважнымъ, безстрашно пролагающимъ новыя стези въ областяхъ поэзіи — такъ! И за эту нескромность благодарятъ его всѣ образованные читатели. Смѣшно читать упреки Дмоховскаго за употребленіе Мицкевичемъ Восточныхъ выраженій въ Крымскихъ Сонетахъ. Вотъ образецъ этихъ велемудрыхъ уроковъ. Въ Сонетѣ: *Чатырдахъ,* Мусульманинъ привѣтствуетъ сего великана Тавриды и называетъ его *минаретомъ* свѣта и *Падишахомъ* горъ. При семъ прекрасномъ стихѣ, сатирическая улыбка оказывается на критической физіономіи Дмоховскаго. «Развѣ минаретъ крыша?» говоритъ онъ, желая симъ доказать, что въ слѣдствіе его географическихъ свѣдѣній, ему извѣстно, что Чатырдахъ не высочайшая гора на земномъ шарѣ. Потомъ увѣдомляетъ, что онъ не бывалъ въ Крыму, не знаетъ, похожа-ли эта гора на минаретъ, и совѣтуетъ назвать ее лучше храмомъ. Безъ всякихъ поѣздокъ въ Крымъ, образованному человѣку должно быть извѣстно, что ни одна гора въ свѣтѣ не похожа ни на минаретъ, ни на колокольню, ни на храмъ; что Мусульманинъ, для котораго весь свѣтъ заключается въ областяхъ Султана, выраженіемъ: минаретъ, желаетъ означить возвышенность чтимой имъ горы, а назвавши оную Падишахомъ горъ, придаетъ ей по своему обыкновенію самый почетный титулъ. Надъ этимъ Падишахомъ въ волю потѣшился Дмоховскій и предаваясь вполнѣ своей критической веселости, весьма *тупоумно* спрашиваетъ Поэта: какимъ титуломъ возвеличалъ-бы онъ гору въ Швейцаріи, въ Испаніи или въ Швеціи? — Нелѣпость подобныхъ придирокъ такъ бросается въ глаза образованнаго читателя, что мнѣ не нужно доказывать оную, и я скажу со вздохомъ, что, не рѣдко, прочитавши нѣкоторыя ученыя и глубокомысленныя замѣчанія на великихъ поэтовъ, я невольнымъ образомъ припоминалъ кое-что изъ аттестата, даннаго Кутейкину при увольненіи его изъ Семинаріи!... Въ сей тоскѣ, производимой хвалеными успѣхами просвѣщенія, порадуемся по крайней мѣрѣ тому, что Поэтъ чужеземный, въ нашемъ отечествѣ нашелъ благой пріютъ для своего таланта. Мицкевичъ большую часть своихъ стихотвореній написалъ въ сердцѣ древней Россіи; его языкъ мало извѣстенъ нашимъ соотечественникамъ, но сладость звуковъ его лиры была ими восчувствована. Русскіе Литтераторы привѣтствовали Мицкевича, какъ новое свѣтило на горизонтѣ всеобщей Словесности. Наши Журналы воздали ему должную похвалу (*); наши Литтераторы стараются пересадить на родимую почву прелестные цвѣты его поэзіи, и вотъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ стихотворцевъ подарилъ Россію переводомъ всѣхъ Крымскихъ Сонетовъ, сихъ очаровательныхъ произведеній, блестящихъ роскошью Востока. Изложимъ наше мнѣніе о семъ переводѣ.

Наши Русскіе Литтераторы и Поэты, вообще очень мало сочиняютъ, а между тѣмъ число переводовъ годъ отъ года увеличивается. Мы какъ будто признаемъ себя, предъ цѣлою Европою, не способными творить и довольствуемся хваленымъ качествомъ Русскаго народа: переимчивостью. Въ этомъ нѣтъ большой бѣды! Почему не перенимать хорошаго? Дастъ Богъ, придетъ и наша пора; и у насъ будутъ перенимать. Скажемъ болѣе. Судя по многимъ признакамъ, эта пора уже наступаетъ. Языкъ нашъ усовершается и вмѣстѣ съ симъ отрывается изъ подъ спуда сокровищница отечественной Словесности. Собственныя произведенія

(*) Мы смѣло можемъ увѣрить нашихъ соотечественниковъ, что образованные единоземцы Мицкевича болѣе уважаютъ мнѣніемъ Русскихъ Журналовъ, нежели сужденіями Варшавскихъ Классиковъ, и сему имѣемъ мы неоспоримыя доказательства.

принимаются съ восторгомъ нашими единоземцами, и переводы часъ отъ часу дѣлаются затруднительнѣе, по причинѣ взыскательныхъ требованій тѣхъ людей, которые понимая красоты иноземныхъ писателей, умѣютъ цѣнить богатство родимаго нарѣчія. Въ настоящее время хотятъ, чтобы изящное чужеязычное было въ полномъ смыслѣ изящно передано на нашемъ языкѣ. Эфемерные переводы, выказывающіе незнаніе своего и чужаго языка, не пользуются долголѣтіемъ и даже не привѣтствуются ласково читающею публикою. Было время золотое, когда имя автора переводимаго, выставленное на заглавномъ листкѣ перевода, затмѣвало всѣ недостатки господина переводчика. Нынѣ все перемѣнилось, потому что народъ поумнѣлъ. Нынѣ, съ помощью періодическихъ изданій, размножающихся въ нашемъ отечествѣ, можно получать вѣрнѣйшія извѣстія о новыхъ, отличныхъ произведеніяхъ чужестранныхъ Музъ, и читатели наши, знакомясь болѣе и болѣе съ отечественнымъ нарѣчіемъ, по справедливости негодуютъ, когда въ переводѣ хваленаго творенія не видятъ ничего хорошаго, и по справедливости же всю вину слагаютъ на переводчика. Да не подумаютъ наши читатели, что все это касается разбираемаго нами перевода Крымскихъ Сонетовъ. Нѣтъ! Вышесказанное относится къ молодымъ нашимъ геніямъ, которые, изъ журнальныхъ разборовъ и критикъ получивши нѣкоторое понятіе о знаменитыхъ писателяхъ, и выучившись съ помощію лексиконовъ кое-какъ понимать пятое или десятое слово въ великихъ твореніяхъ, съ отважностью (по одобренію школьныхъ товарищей) принимаются за переводы изящнѣйшихъ произведеній, не зная основательно ни своего языка, ни того, съ коего переводятъ. Такіе переводчики, подобно воинамъ, возродившимся изъ посѣянныхъ Кадмомъ драконовыхъ зубовъ, являются у насъ ежеминутно, и, подобно симъ баснословнымъ ратоборцамъ, съ яростью нападаютъ другъ на друга, доньдеже истребятся. О Поэтѣ, заслуживающемъ уваженіе, сколько по своему несчастію, столько и по дарованіямъ, о творцѣ Чернеца, мы будемъ говорить другимъ языкомъ, понятнымъ для него самого. Отличный писатель, не будучи самъ критикомъ, знаетъ, въ чемъ состоитъ сія обязанность, и самолюбіе его не оскорбится замѣчаніями благонамѣренными.

Переводить поэтовъ на родимый поэтическій языкъ, значитъ или заимствовать основную мысль и украсить оную богатствами собственнаго нарѣчія, или постигая силу піитическихъ выраженій, передавать оныя съ вѣрностью на своемъ языкѣ. Послѣднее въ тысячу разъ труднѣе. Изъ множества примѣровъ, подтверждающихъ сказанное нами, мы приведемъ только два. Всѣмъ извѣстно, что прекрасная Ода по случаю грома, И. И. Дмитріева, есть подражаніе Гётеву Зевесу, и что превосходная Баллада Людмила, вполнѣ заимствована Жуковскимъ изъ Бюргеровой Леоноры. Тѣмъ не менѣе оба сіи стихотворенія имѣютъ на Русскомъ языкѣ такую оригинальность, что не читавшій иностранныхъ источниковъ, изъ коихъ оныя почерпнуты, всегда сочтетъ ихъ плодами собственнаго воображенія нашихъ поэтовъ. До такой степени мощна, выразительна и непринужденна ихъ поэзія! Гораздо труднѣе было Жуковскому написать стихотвореніе: Моя богиня, въ коемъ онъ, сохраняя форму сего произведенія Гёте, и переводя стихъ за стихомъ, умѣлъ сохранить легкость, благозвучіе и смѣлыя выраженія подлинника. Сколько я могу припомнить, кромѣ Жуковскаго, ни одинъ изъ нашихъ писателей не передавалъ съ такою точностью иностранныхъ пiитическихъ произведеній, и всѣ другіе называли переводы свои подражаніями. Въ это затруднительное положеніе поставилъ Мицкевичъ нашихъ поэтовъ, желающихъ обогатить отечественную Словесность сокровищами Польскаго Пѣвца. Его прелестные Крымскіе Сонеты въ особенности подстрекнули національную гордость нашихъ писателей, которые какъ будто устыдились невниманія отечественныхъ лиръ къ очаровательнымъ явленіямъ природы въ странѣ, принадлежащей Россіи. Лучшіе наши стихотворцы начали списывать обворожительныя картины, въ коихъ Мицкевичъ изобразилъ Тавриду. Не говоря о переводахъ сихъ Сонетовъ по одиначкѣ, въ семъ году вышли двѣ книжки, заключающія въ себѣ полныя собранія сихъ плодовъ путешествія Польскаго Поэта. Мы займемся разборомъ лучшаго изъ сихъ переводовъ.

Г. Козловъ только въ трехъ стихотвореніяхъ сохранилъ форму Сонета. Прочія пятнадцать переведены различными размѣрами, и написаны прекрасными стихами. Со всѣмъ тѣмъ, сладкогласный пѣвецъ бѣдствій Княгини Долгорукой, не совладалъ съ трудностями, которыя почти при каждомъ стихѣ являли ему красоты подлинника, и блестящіе цвѣты поэзіи Мицкевича, не рѣдко исчезаютъ въ переводѣ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ первомъ сонетѣ, названномъ: Акерманскія Степи, Поэтъ уподобляетъ свой экипажъ лодкѣ, носящейся по океану растеній и плывущей мимо *багряныхъ островоs бурьяна* (omijam koralowe ostrowy burzanu). Переводчикъ выражаетъ это: *минуя бережно* багровый кустъ бурьяна. Это уже совсѣмъ не то. Въ сонетѣ: Видъ горъ изъ степей Козловскихъ, Пилигримъ, указывая на надоблачную вершину Палатъ-горы, спрашиваетъ у своего проводника: не *Алла*-ли тамъ отлилъ, для своихъ ангеловъ, престолъ изъ замерзшихъ паровъ? Не *Дивы-ли*, изъ части матерuка воздвигнули стѣны, для воспрепятствованія шествію съ востока каравановъ звѣздъ? По-Русски сказано:

Кто поднялъ волны ледяныя,
И кто изъ мерзлыхъ облаковъ
Престолы отлилъ вѣковые
Для роя свѣтлаго духовъ?
Ужъ не обломки-ли вселенной
Воздвигнуты стѣной нетлѣнной,
Чтобъ караванъ ночныхъ свѣтилъ
Съ востока къ намъ не проходилъ?

Строфа прекрасная, но тѣмъ не менѣе краткая выразительность подлинника совершенно ослаблена. — Въ томъ-же сонетѣ, Мирза отвѣтствуетъ: «Тамъ? я былъ! тамъ царствуетъ зима и

Digitized by Google

проч. И піитическій свой отвѣтъ заключаетъ словами: «это Чатырдахъ! — А! га!» восклицаетъ Пилигримъ. Это: А! га! было крѣпко не понутру Варшавскимъ критикамъ. Впрочемъ, о вкусахъ спорить не льзя. Въ Русскомъ переводѣ выпущено *фатальное* А! га! Но за то и прелесть поэзіи исчезла, подобно этому А! га! Вотъ какъ изъясняется Мирза:

Не вьется гдѣ орелъ, я тамъ стремилъ мой бѣгъ,
Гдѣ царствуетъ зима, свершилъ я путь далекій
. . . .
И надъ чалмой моей горѣла въ небесахъ
Одна уже звѣзда, — и былъ то. . . .

Пилигримъ.

Чатырдахъ!

Въ сонетѣ: Алушта днемъ, Поэтъ совершенно знакомитъ читателя съ языкомъ Восточной поэзіи. Онъ употребляетъ выраженія чалмоносцевъ. Такъ говоритъ: «Высоты снимаютъ съ персей своихъ покровы (*халаты*) мглы; златоклясная нива шумитъ какъ утренній намазъ (молитва Магометанъ); древеса склоняютъ вершины, и съ зеленаго ихъ листвія, какъ съ четокъ Халифа, сыплются гранаты и рубины.» Въ переводѣ:

Гора отрясаетъ мракъ ночи *лѣнивый*
И *раннимъ* намазомъ волнуются нивы,
И злато струями вездѣ разлилось,
Лѣсъ темный склоняетъ густыя вершины,
Какъ съ четокъ Халифовъ гранаты, рубины
Онъ сыплетъ съ кудрявыхъ зеленыхъ волосъ.

Digitized by Google

Уподобленіе Магометанской утренней молитвѣ колыханія и шопота нивныхъ злаковъ, волнуемыхъ раннимъ вѣтеркомъ, у Мицкевича превосходно, а въ Русскомъ переводѣ двусмысленно, такъ что читатели могутъ принять *намазъ* за дуновеніе вѣтра.

Въ слѣдующемъ сонетѣ: Алушта ночью, Поэтъ придаетъ даръ слова таинственнымъ красамъ природы. У него: «Воздухъ, навѣвая благовоніе, сію музыку цвѣтовъ, говоритъ сердцу гласомъ, непонятнымъ для уха.» Въ переводѣ:

И вѣетъ ароматъ; отъ слуха утаенный
Онъ сердцу говоритъ въ мелодіи цвѣтовъ.

И мысль и выраженіе подлинника сохранены, но по расположенію словъ выразительность не та! Въ послѣднемъ сонетѣ: Аюдахъ, у Мицкевича «пѣнистыя волны, то бушуютъ, сомкнувшись въ черные ряды, то подобно серебровиднымъ снѣжинкамъ въ безчисленныхъ дугахъ величественно клубятся.» Въ переводѣ:

. . . Смотрѣть; какъ черныхъ волнъ несется зыбкій строй,
Какъ пѣнится, кипитъ бунтующая влага,
То въ радуги дробясь, то пылью снѣговой.

Далѣе въ подлинникѣ: «Ударяются объ отмѣли и разбиваясь на валы, подобно рати китовъ облегаютъ берега, съ торжествомъ овладѣваютъ сушею, и вспять обращаясь, мечутъ за собою раковины, кораллы и жемчугъ.» Переводъ:

И сушу — *рать китовъ, воюя, облегаетъ* (?)
Опять стремится въ бѣгъ отъ *влажныхъ береговъ*,
И дань богатую въ побѣгѣ оставляетъ:
Сребристыхъ раковинъ, коралловъ, жемчуговъ.

Безъ всякихъ толкованій видно, что переводъ весьма далекъ отъ подлинника. За то остальные стихи сего сонета переданы такъ хорошо и вѣрно, что мы не можемъ воздержаться отъ удовольствія выписать оные:

> Такъ страсти пылкія, подъемляся грозою,
> На сердцѣ у тебя кипятъ, младой пѣвецъ:
> Но лютню ты берешь, и вдругъ всему конецъ.
> Мятежныя бѣгутъ, смѣняясь тишиною,
> И пѣсни дивныя роняютъ за собою:
> Изъ нихъ вѣка плетутъ безсмертный твой вѣнецъ.

Мы исчислили всѣ недостатки перевода, и читатели могутъ замѣтить, что разборъ нашъ не только строгъ, но даже привязчивъ. Это дѣлается не съ намѣреніемъ унизить талантъ переводчика, но съ другою, гораздо полезнѣйшею цѣлью, которую при сей вѣрной оказіи имѣемъ пояснить. Если стихотворецъ отличный, пріобрѣтшій извѣстность въ литтературномъ мірѣ, встрѣтилъ непреодолимыя затрудненія въ переводѣ великаго писателя, то чего-же должны мы ожидать отъ предпріятій мѣлкотравчатыхъ писакъ, которые, не зная ни отечественнаго, ни иностранныхъ языковъ, съ отважностью берутся переводить геніяльныя произведенія поэтовъ, стяжавшихъ вѣковую славу? Вотъ уже подлинно *переводятъ*! Не уподобляются-ли эти господа младенцамъ, которые по неразумію своему, рвутъ и грызутъ все, что попадется имъ въ руки? Но при младенцахъ бываютъ няньки, не дозволяющія имъ портить хорошее. У нашихъ скороспѣлокъ-литтераторовъ по несчастію нѣтъ другой няньки кромѣ благонамѣренной критики, которою они не слишкомъ дорожатъ. Хвали насъ! Вотъ общее требованіе цѣлаго сигклита младенцевъ-поэтовъ. А если критикъ, не находя въ ихъ произведеніяхъ ничего достойнаго хвалы, изъ состраданія умалчиваетъ объ оныхъ, тогда появляется другое младенческое требованіе: брани меня! доказывай, почему я не хорошъ! Если-же критикъ удовлетворитъ сему желанію, и съ математическими доказательствами выкажетъ всѣ недостатки знаменитаго творенія, тогда полно писать! Мы удаляемся изъ литтературнаго міра! А школьные друзья отшельника, говорятъ о немъ: Онъ могъ-бы быть самостоятельнымъ талантомъ, но критика его убила! — Этимъ господамъ мы смѣло скажемъ, что критика никогда не убиваетъ таланта. Глупыя и желчныя придирки подвергаются всеобщему презрѣнію читающей публики; критика благонамѣренная, не одобряющая того, что не зрѣло, есть не иное что какъ урокъ, коимъ писатель можетъ воспользоваться; молчаніе-же критики, есть *милость*, за которую должно благодарить. Имѣяй разумъ разумѣти, да разумѣетъ!

В. У.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

* * *

Русская литтература.

— *Собраніе писемъ Императора* Петра I-го къ разнымъ лицамъ, съ отвѣтами на оныя (собраны В. Н. Берхомъ) Ч. 1 и 2-я. СПб. 1829 г. въ т. Морской, in 8, V, 343 и 393 стр.

Посвящая нынѣ время свое на составленіе Исторіи Русскаго флота, В. Н. Берхъ, съ нѣсколькихъ уже лѣтъ, прилежно занимался разборкою Адмиралтейскаго Архива. Здѣсь собралъ онъ богатые матеріялы, не только для своего предмета, но и вообще для Русской Исторіи. Если-бы осмѣлились мы быть нескромными, то наименовали-бы читателямъ нашимъ многіе, предполагаемые В. Н. Берхомъ литтературные труды, о которыхъ, по дружескому расположенію своему, предварительно сказывалъ намъ сей почтенный и извѣстный своими литтературными заслугами писатель. Теперь заготовлены имъ къ изданію: Жизнеописанія 54-хъ первыхъ флагмановъ Русскаго флота, 3-хъ капитанъ-командоровъ и 3-хъ преподавателей наукъ; шесть списковъ морскихъ офицеровъ, бывшихъ въ Русскомъ флотѣ, отъ начала существованія онаго, и Историческія извѣстія о первыхъ морскихъ училищахъ и основаніи Морскаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса. Сіи три сочиненія печатаются на счетъ Правительства. Въ бумагахъ Адмиралтейскаго Архива между прочимъ найдено было Г-мъ Берхомъ болѣе 1000 писемъ Петра Великаго и отвѣтовъ на оныя отъ разныхъ особъ. Сію драгоцѣнность долженствовало довести до свѣдѣнія публики немедленно и отдѣльно. Дорожа своею находкою, Г-нъ Берхъ предположилъ напечатать письма Петра Великаго прежде всего другаго, и теперь *два тома* оныхъ вышло въ свѣтъ. Г-нъ Берхъ не рѣшился дѣлать никакихъ примѣчаній и выписокъ, представляя читателямъ только самые вѣрнѣйшіе списки съ подлинниковъ, для чего онъ *самъ списалъ всѣ письма*, боясь ввѣрить ихъ неискуснымъ рукамъ писцовъ. Извѣстно притомъ, что почеркъ Петра Великаго, чрезвычайно связный, весьма трудно разбирать, и это особенно могло увеличить ошибки при перепискѣ. Кстати замѣтимъ здѣсь, можетъ быть не всѣми замѣченное, что почеркъ Петра чрезвычайно сходенъ съ почеркомъ Наполеона. Если на разсмотрѣніи почерка можно основать нѣкоторыя разгадки характера человѣка, то къ какимъ важнымъ размышленіямъ ведетъ наше замѣчаніе!

Съ прекращеніемъ въ новѣйшей Исторіи лѣтописей, и съ тѣхъ поръ, какъ люди выучились не только *рукоприкладствовать*, но и *писать*, записки достопамятныхъ людей и переписка ихъ составляютъ любопытнѣйшіе, и, едвали не больше оффиціяльныхъ актовъ, важные матеріялы для Исторіи. Въ оффиціяльныхъ актахъ человѣкъ является въ парадѣ, внѣшній, окруженный блескомъ, на сценѣ: въ запискахъ, въ перепискѣ онъ одинъ, въ своемъ кабинетѣ, безъ всякаго оптическаго обмана внѣшностей. Какъ часто клочекъ бумажки, исписанный карандашемъ, поясняетъ намъ дѣло, отъ котораго потомъ шелъ цѣлый рядъ событій, и какъ часто кипа стараго пергамента Архивскаго не пояснитъ намъ, почему такое-то дѣло сдѣлалось такъ, а не иначе, когда нѣсколько строчекъ какого нибудь Савари, Бурръеня, даже d'une Contemporaine, дѣлаютъ все обстоятельство яснымъ. Никогда не понимали сей истины столь хорошо, какъ въ нашъ вѣкъ, и наше время для новѣйшей Исторіи можно-бы назвать *эпохою исповѣдей*. Утомясь дѣйствовать, герои былаго говорятъ о своемъ прежнемъ житьѣ-бытьѣ, и мы загружены теперь признаніями министровъ полиціи, кардиналовъ, шпіоновъ полиціи, полководцевъ, любовницъ королевскихъ, полковыхъ аптекарей, и, наконецъ, даже самыхъ главныхъ дѣйствователей. Для насъ Рускихъ время сей откровенности еще не настало. Переписки и записки нашихъ историческихъ лицъ, и людей, жившихъ съ историческими лицами, у насъ все еще хранятся подъ спудомъ. Не должно думать однакожъ, чтобы подобныхъ матеріяловъ у насъ не было. Рецензентъ самъ удостовѣрился въ противномъ, и, занимаясь новѣйшею Русскою Исторіею, имѣлъ въ рукахъ истинно-драгоцѣнныя частныя записки и письма временъ Петра, Анны, Елисаветы, Екатерины и временъ къ намъ ближайшихъ. Удивляемся: почему все это не печатаютъ, подобно Запискамъ Манштейна, Миниха, Бирона, Князя Я. П. Шаховскаго, изданным, и читаемым всѣми съ величайшимъ любопытствомъ?

Желаемъ, чтобы примѣръ почтеннаго В. Н. Берха имѣлъ многихъ послѣдователей. Издаваемая имъ переписка Петра Великаго будетъ заключаться въ 4-хъ томахъ. Два изданные тома содержатъ въ себѣ 360 писемъ Петра Великаго и 298 писемъ отъ разныхъ лицъ къ Петру Великому. Все это простирается до 1715 года; въ двухъ послѣднихъ томахъ переписка будетъ доведена до 1725 г.

Нѣкоторыя изъ напечатанныхъ Г-мъ Берхомъ писемъ Петра Великаго были уже прежде изданы Голиковымъ, Туманскимъ и Щербатовымъ, но невѣрно; наибольшая-же часть писемъ во все новыхъ, особливо писемъ къ Петру Великому. Надобно сказать вообще, что хотя издаваемыя Г-мъ Берхомъ письма весьма драгоцѣнны, но не могутъ имѣть общаго большаго интереса для читателей, ибо содержаніе ихъ, почти всѣхъ, касается собственно флота, бывшаго однимъ изъ любимыхъ предметовъ попеченій Петра. За всѣмъ тѣмъ многія письма однакожъ любопытны чрезвычайно; да и въ тѣхъ даже, коихъ содержаніе частно, читатель внимательный и наблюдательный откроетъ много поводовъ къ размышленію и наблюденію. Великій во всемъ великъ! Въ маленькой записочкѣ Петръ виденъ мощный, неутомимый, и—всегда оригинальный, даже въ самыхъ шуткахъ и выраженіяхъ. Геній его всюду изумляетъ. Сообразите только мѣста, *откуда*, и числа, *когда* писаны многія письма. Въ 1709 году, Карлъ XII-й былъ въ Россіи, страшный и непобѣдимый, но отъ 24 Января 1709 г. Петръ пишетъ изъ *Сумъ*, къ Апраксину, о флотскихъ дѣлахъ, увѣдомляетъ, что Шведы идутъ къ Днѣпру, и говоритъ: «Въ приготовленіи судовъ не изволь быть сонею, дабы сего, отъ Бога даваемаго, времени не потерять;» отъ Февраля 5, онъ пишетъ уже изъ *Ахтырки;* отъ Февраля 21 изъ *Воронежа;* отъ Мая 9, изъ *Азова*, и во всѣхъ письмахъ входитъ въ подробности, мѣлочи касательно постройки судовъ, и между тѣмъ отъ 9-го Мая до Полтавской битвы оставалось не болѣе 49 дней! Кажется, что Петръ забылъ о Шведахъ, что все вниманіе его обращено было на постройку лодокъ и шнявъ: не вѣрите читая.

Приведемъ примѣръ оригинальности писемъ Петра. Онъ спрашиваетъ Крюйса, почему не дѣлаютъ у него морскихъ экзерцицій; если потому, прибавляетъ Петръ, что корабли негодны — «сіе есть великой важности; я буду оное свидѣтельствовать, и аще не такъ найдется, то не легко плачено будетъ, ибо *недобро есть брать серебро, а дѣла дѣлать свинцовыя.*» — Вотъ еще нѣсколько словъ изъ письма къ Апраксину, изъ Польши, въ 1707 году: » О здѣшнихъ вѣдомостяхъ знатнаго не могу ничего писать, понеже здѣсь всѣ дѣла Польскія, *яко молодая брага идутъ.* »

Историкъ Петра Великаго поблагодаритъ В. Н. Берха за изданіе книги, о которой мы теперь говоримъ и пожелаетъ, чтобы и другіе подобные труды Г-на Берха были безъ замедленія изданы въ свѣтъ.

– *Рѣчь и стихи*, произнесенные въ торжественномъ собраніи Московской Губернской Гимназіи, 1829 года, Ноября 15 дня. При семъ Отчетъ Гимназіи за 1828 годъ. М. 1829 г. въ т. Университетской, in 4, 46 стр.

Въ сей брошюркѣ помѣщены: *Рѣчь о добромъ направленіи сердца*, соч. Старшимъ учителемъ Гимназіи В. И. Оболенскимъ; *Сравненіе Ломоносова съ Карамзинымъ*, соч. ученика Гимназіи, А. Шуббе; *О главнѣйшихъ причинахъ, по коимъ познаніе иностранныхъ языковъ важно для Рускихъ* (на *Французскомъ* языкѣ), соч. ученика Гимназіи Сомина; Рѣчь (на *Нѣмецкомъ* языкѣ), соч. ученика Гимназіи Сомина; Разсужденіе на *Итальянскомъ* языкѣ, соч. ученика Гимназіи Борелли; Разсужденіе на *Англійскомъ* языкѣ, соч. ученика Гимназіи Козмина, и стихи (*Духъ Россовъ*), соч. ученика Гимназіи Бобылева.

– *Ночь мщенія*. Соч. Петра Машкова. Писано въ 1828 году. СПб. 1829 г. въ т. Штаб. Отд. Корпуса внутр. стражи, in 8, 28 стр.

Что слава? Яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца!

говоритъ книгопродавецъ въ 1-й главѣ Евгенія Онѣгина.

Что слава? Звукъ молвы, гулъ свѣта,
Невѣжей судъ, ученыхъ споръ,
Презрѣнной зависти укоръ!

говоритъ Г-нъ Машковъ, и объявляетъ, что онъ пишетъ не для славы, а для друзей. Но онъ печатаетъ свою поэму, и имѣетъ на то многія причины. Содержаніе поэмы не затѣйливо; стихи въ ней со грѣхомъ пополамъ, и всю ее можно разсказать въ немногихъ словахъ. Дѣло въ томъ, что одинъ юноша перебилъ у другаго невѣсту; оставленный сошелъ съ ума и сидѣлъ въ домѣ сумасшедшихъ. На бѣду, чета счастливыхъ супруговъ, лѣтъ черезъ пять послѣ свадьбы, шла мимо дома сумасшедшихъ, и вздумала пѣть пѣсни. Сумасшедшій взбѣсился, сорвался съ цѣпи, прибѣжалъ въ шалашъ измѣнницы, и убилъ ее, и мужа. Сколько тутъ поводовъ къ полезнымъ заключеніямъ: 1-е не должно пѣть близъ дома сумасшедшихъ; 2-е, должно запирать сумасшедшихъ крѣпче; 3-е, на ночь надобно запирать домы и шалаши крѣпче, и, наконецъ — 4-е, не должно отбивать невѣстъ, потому что легко можно навязать себѣ множество хлопотъ. Можно-бы присовокупить здѣсь еще одно полезное для сочинителей поэмъ замѣчаніе, но — побережемъ его для будущаго.

Т. М.

— Poezye Alexandra Chodźki (*Стихотворснія Александра Ходзьки*). СПб. 1829 г., въ т. К. Крайя, in 12, VIII и 281 стр., съ лит. картинкою.

Александръ Ходзько не Мицкевичъ, но однакожъ писатель съ большими дарованіями, и одинъ изъ любимыхъ Польскими Музами современныхъ поэтовъ. Онъ соединяетъ съ даромъ: выражаться въ звучныхъ стихахъ, пламенное воображеніе, и еще особенную способность изучать языки. Г-нъ Ходзько почитается однимъ изъ отличныхъ учениковъ С. Петербургскаго Института Восточныхъ языковъ. Весьма хорошо зная Персидскій, Арабскій и Турецкій языки, онъ находился Переводчикомъ при Его Высочествѣ, Принцѣ Хозревѣ-Мирзѣ, во все время бытности Принца въ С. Петербургѣ. Къ познаніямъ Восточныхъ языковъ, Г-нъ Ходзько присовокупилъ еще знаніе Греческаго, Латинскаго, многихъ новѣйшихъ Европейскихъ и, наконецъ, нашего Русскаго языка.

Изданныя имъ теперь Стихотворенія состоятъ большею частію изъ переводовъ. Г-нъ Ходзько напечаталъ въ семъ собраніи переводъ ново-Греческихъ пѣсенъ, съ которыми отчасти познакомилъ насъ Н. И. Гнѣдичъ, и, кажется, что переводы Г-на Ходзьки не уступятъ переводамъ нашего Поэта, ни въ вѣрности, ни въ силѣ. Далѣе слѣдуетъ: *Дераръ*, повѣсть изъ двухъ Арабскихъ кассидъ составленная, въ которой изумляетесь ученому знанію Востока, и очаровываетесь силою воображенія поэта. Въ концѣ книги помѣщены: *элегіи*, *баллады*, *пѣсни* и мѣлкія стихотворенія (всего 35 пьесъ). Здѣсь мы съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтили прекрасные переводы: стихотворенія Жуковскаго: *Море*; Пѣсни Миньоны; Черкесской пѣсни, Пушкина; двухъ пьесъ изъ Байрона, и наконецъ—нѣсколько Литовскихъ и Морлацкихъ пѣсенъ, переданныхъ съ прелестною, поэтическою простотою. Мы желали-бы привесть здѣсь примѣры всего сказаннаго нами о стихотвореніяхъ любезнаго Польскаго Поэта, но, къ сожалѣнію, Русскимъ читателямъ такъ мало извѣстенъ Польскій языкъ, что это было-бы излишне. Впрочемъ, кажется, скоро наступитъ время, что мы будемъ учиться Польскому языку на равнѣ съ языками Гёте и Байрона: Мицкевичъ принудитъ насъ къ этому.

— *Партизаны.* Описательная поэма. Сочиненіе Николая Невѣдомскаго. СПб. 1829 г. въ т. Восп. Дома, in 8, 48 стр.

Рецензентъ напередъ признается, что описательныя поэмы, такъ-же какъ Французскіе Discours en vers, кажутся ему только призраками поэзіи, которыхъ не сильно оживитъ самое сильное дарованіе. Возможно-ли сдѣлать что-либо порядочное, набирая нѣсколько сотъ стиховъ на заданный предметъ, какъ варіяціи на извѣстную тему? Будутъ звуки счастливые, прекрасные, мѣста яркія, но тѣмъ не менѣе общность останется чѣмъ-то холоднымъ, сухимъ и пестрымъ, если не вовсе безцвѣтнымъ.

Размѣромъ, который употреблялъ Жуковскій въ *Пѣвцѣ на Кремлѣ* и *Пѣвцѣ въ станѣ Русскихъ воиновъ*, Г-нъ Невѣдомскій описываетъ житье и подвиги Партизановъ въ 1812 и 1813 годахъ, и судьбу Фигнера. Тонъ поэмы не выдержанъ. Сочинитель испытываетъ всѣ образы выраженій: шутливый, унылый, сатирическій, патетическій, но почти вездѣ неудачно. Множество выраженій сверхъ того, невольно останавливаютъ читателя. Кучу Наполеондоровъ, на примѣръ, Г-нъ Невѣдомскій называетъ—*толпою золотыхъ Наполеоновъ* (стр. 7);

описывая нападенія на Французовъ, онъ говоритъ, что Партизаны *не давали имъ дохнуть, какъ петля роковая* (стр. 8): уподобленіе довольно странное! Такъ море называетъ Г-нъ Невѣдомскій *соленою пучиною*; сказываетъ, что Партизаны были въ безпрерывномъ движеніи, *какъ маятникъ стучащій*; говоритъ, что Фигнеръ —

Ни разу, *какъ нѣмые,*
Султановы послы съ снуркомъ,
Не сжалился надъ жертвой, и проч.

— *Стихотворенія Адама Мицкевича.* Перевелъ съ Польскаго В. Р. СПб. 1829 г. въ т. Деп. вн. торговли, in 8, 42 стр.

Слава Мицкевича и всеобщее сознаніе въ достоинствахъ сего знаменитаго современника нашего, суть вѣрныя доказательства, что полета генія не останавливаютъ никакія обстоятельства, никакіе противники, и что геній быстро пролетаетъ то пространство, за которое обыкновенное дарованіе платитъ иногда трудомъ многихъ лѣтъ. Въ 1822 г. книгопродавецъ сухо совѣтовалъ юному, неизвѣстному еще Мицкевичу, не отваживаться на изданіе двухъ томиковъ своихъ стихотвореній, а въ 1829 г. имя Мицкевича, по общему признанію, стоитъ на ряду съ великими поэтами нашего времени, и старецъ Гёте принимаетъ его, какъ дорогаго гостя. Зная, сколь многіе дорожатъ у насъ на Руси судьбою Мицкевича, мы извѣстимъ здѣсь многочисленныхъ почитателей его, что Мицкевичъ благополучно совершилъ путешествіе по Германіи, гостилъ у Гёте, и по послѣднимъ письмамъ былъ въ Венеціи. Съ жаркою любовію пишетъ онъ къ друзьямъ своимъ объ отчизнѣ Данте и Тасса. Теперь Мицкевичъ долженъ быть въ Римѣ. Поэтическія мечты очаровывали его на берегахъ Адріатическаго моря; великія воспоминанія Рима конечно также доступны будутъ его вдохновенной душѣ. Не знаемъ: кончилъ-ли онъ новое, огромное твореніе, которое началъ еще въ Россіи?

Говоря о Мицкевичѣ, не льзя не заговориться; извиняемся передъ читателями, и спѣшимъ обратиться къ книгѣ, поставленной въ заглавіи нашей статьи. Подъ названіемъ *Стихотвореній Мицкевича*, Г-нъ Р. издалъ переводы Крымскихъ Сонетовъ, трехъ другихъ Сонетовъ, и отрывковъ изъ Валленрода (пѣсни Альдоны и начала пѣсни Вайделота). Г-нъ Р. переводилъ съ Польскаго, и многія мѣста переданы имъ весьма удачно. Къ сожалѣнію, неровность и жесткость стиховъ вообще, мѣшаютъ читателю узнавать пѣсни соловья Литовскаго въ Русскомъ переводѣ.

— *Стихотворенія эротическія Н. Маркевича*. М. 1829 г. въ т. Университетской, in 8, 80 стр.

Въ сей книжкѣ помѣщено 10 пьесъ, сочиненныхъ самимъ Г-мъ Маркевичемъ; 20 пьесъ, переведенныхъ имъ изъ сочиненій Парни, и переводъ *Паризины*, поэмы Байрона. Многія изъ пьесъ мѣлкихъ дышатъ неподдѣльнымъ чувствомъ веселости, и отдѣланы весьма легко и искусно.

Отвѣтъ на замѣчанія, помѣщенныя въ № 19-мъ Московскаго Телеграфа, объ изданіемъ въ 1829 году *Почтовомъ Дорожникѣ.*

Не говоря ни слова о Дорожникѣ Рубана, Указателѣ дорогъ Г. Вистицкаго и Почтъ-Словарѣ Г. Орлова, какъ объ изданіяхъ частныхъ, не льзя умолчать, что замѣчанія, помѣщенныя въ Телеграфѣ на счетъ Почтъ-Календаря и обоихъ изданій Почтоваго Дорожника, весьма ошибочны.

Почтъ-Календарь 1801—1802 годовъ былъ весьма удовлетворителенъ по его точности и исправности и продавался по 8 рублей 5 копѣекъ. Таковая цѣна была тогда весьма умѣренна, судя по величинѣ его, составлявшей 6 книгъ.

При первомъ изданіи Почтоваго Дорожника, въ 1824 г. напечатанномъ, въ числѣ 2400 экземпляровъ, цѣна установлена, по 15 рублей, та самая, какая и при второмъ назначена, и она также очень умѣренна въ сравненіи съ издержками, не упоминая уже о трудахъ занимавшихся составленіемъ Дорожника. По крайней мѣрѣ такъ утверждаютъ всѣ безпристрастные люди, и даже покупатели.

Продажа Дорожника производилась въ почтовыхъ мѣстахъ, а не въ книжныхъ лавкахъ, о чемъ было припечатано въ публичныхъ вѣдомостяхъ и въ каждомъ почтовомъ мѣстѣ выставлено о томъ объявленіе. Посему заключить должно, что Издатель Телеграфа дѣлалъ свои замѣчанія или по слухамъ, или-же какой нибудь книгопродавецъ, купивъ въ Почтамтѣ экземпляръ за 15 рублей, продалъ оный можетъ быть, по рѣдкости уже экземпляровъ, за

50 рублей, чѣмъ далъ ему поводъ къ ложному заключенію о общей продажѣ.

Втораго изданія Дорожника напечатано также 2400 экземпляровъ; слѣдовательно, въ краткое время тиснуто 4800 экземпляровъ (число весьма значительное); и при обоихъ изданіяхъ употреблены были всѣ усилія къ сокращенію издержекъ, дабы продажная цѣна была сколь можно менѣе.

Издатель Телеграфа не ошибся, что карты увеличили цѣну Дорожника; но опытъ доказалъ, что онѣ необходимы ири подобномъ изданіи, не взирая на мнѣніе его, что можно-бы и безъ нихъ обойдтись.

Отзывъ его на счетъ картъ объявленъ былъ вырѣзывавшему оныя, и онъ проситъ вразумить его, въ чемъ онѣ плохи, дабы могъ оправдать себя. По крайней мѣрѣ знатоки не такъ судятъ, да тому и быть иначе не льзя, ибо рѣзчикъ сей есть изъ первыхъ въ Санктпетербургѣ. Можетъ быть, на грѣхъ, попался Издателю Телеграфа плохой отпечатокъ; но сего во множествѣ избѣжать или усмотрѣть никакъ не льзя, что можно доказать и самимъ Телеграфомъ.

Что продавать изданіе въ такомъ видѣ, хотя и безъ картъ, за 2 рубли каждый экземпляръ, нѣтъ никакой возможности, въ томъ вѣрно и по совѣсти засвидѣтельствуютъ не только типографщики, книгопродавцы, но и всѣ Гг. Журналисты. Впрочемъ, на случай надобности въ третьемъ изданіи Дорожника, Г. Издатель Телеграфа весьма обязалъ-бы, еслибъ сообщилъ наставленіе, какимъ образомъ можно того достигнуть, чѣмъ-бы всѣмъ издателямъ книгъ и Журналовъ принесъ большую пользу, и они конечно были-бы благодарны за таковое наставленіе.

Иванъ Жуковъ.

ОТЗЫВЪ

Издателя Телеграфа.

Весьма не охотно приступаю я къ отвѣтамъ противъ замѣчаній на рецензіи, помѣщаемыя въ Телеграфѣ, ибо полагаю, что публика, имѣя уже рецензію и замѣчанія на нее, можетъ сама судить и рѣшить кто правъ, безъ отягощенія себя излишнею полемикою. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ дополнительныя изъясненія необходимы. Къ такимъ случаямъ принадлежитъ возраженіе Г-на Жукова на библіографическое извѣстіе о *Почтовомъ Дорожникѣ*. Писавъ сіе извѣстіе, я совсѣмъ не думалъ оскорбить кого нибудь моими замѣчаніями; вышло противное. Разберемъ-же дѣло по порядку.

1-е. Почтъ-Календарь былъ *неудовлетворителенъ*, сказалъ я. Почтъ-Календарь былъ *весьма удовлетворителенъ*, отвѣчаютъ мнѣ. — Сличите его съ 2-мъ изданіемъ *Почтоваго Дорожника*, и увидите, что я правъ.

2-е. Число экземпляровъ Дорожника было недостаточно, сказалъ я. Достаточно, говорятъ мнѣ, ибо, какъ первое такъ и второе изданія, состояли изъ 2400 экземпляровъ. Но перваго давно нѣтъ, и втораго остается весьма немного, слѣдственно: печатать надобно было по шести, по десяти тысячь, чтобы удовлетворить требованіе, и почесть изданіе достаточнымъ.

3-е, Карты плохи, замѣтилъ я. Хороши, говорятъ мнѣ, и ссылаются — на рѣзчика, оныя вырѣзывавшаго! Свидѣтельствую мое почтеніе сему артисту, но указываю на карты, издаваемыя отъ Депо картъ. Сличите съ оными карты, приложенныя къ Дорожнику, и тогда увидите, что сія послѣднія грубо вырѣзаны, напечатаны на плохой бумагѣ, раскрашены весьма неискусно, и точь въ точь таковы, какія издаютъ наши Г-да книгопродавцы. О необходимости картъ не смѣю спорить; но знаю, что изъ десяти девять покупателей охотно уступятъ ихъ Издателямъ Дорожника.

4-е, Цѣна дорога, замѣтилъ я. — Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчаютъ мнѣ: 15 рублей цѣна небольшая. Но я предполагалъ, что можно-бы продавать *рубля по два*, а какимъ образомъ, охотно готовъ растолковать.

Въ Почтовомъ Дорожникѣ *тридцать* печатныхъ листовъ. Напечатанъ онъ на плохой, сѣрой бумагѣ, которая стоитъ рублей по восьми за стопу. На 2400 экземпляровъ надобно бумаги 150 стопъ, что составитъ 1200 рублей; за напечатаніе положимъ по 50 рублей съ листа, что составитъ 1500 рублей; приложите еще на обвертку и прочее 300 рублей, и вы увидите, что 2400 экземпляровъ Дорожника, безъ картъ, стоили-бы всего *тысячи три рублей*. Слѣдственно, продавать Дорожникъ по 2 рубля за экземпляръ весьма легко, ибо подобныя книги издаются не для приобрѣтенія барыша, а для пользы общества. Я не упоминаю о трудахъ занимавшихся составленіемъ Дорожника. Мнѣ кажется, что Г-да составлявшіе Дорожникъ, какъ чиновники Почтамта, исполняли свою должность, за что они получаютъ жалованье, чины, кресты и награды; слѣдственно, они должны были трудиться, не требуя никакой награды особенной.

5-е, Наконецъ я сказалъ, что 1-е изданіе Дорожника *продавалось въ книжныхъ лавкахъ* по 50 рублей. Это называютъ *ложнымъ заключеніемъ*; но я ссылаюсь на Реэстръ Библіотеки для чтенія Г-на Смирдина, гдѣ подъ № 3701-мъ напечатано мое оправданіе. Что книгопродавцы, купивъ книгу по 15 рублей, продавали по 50 рублей, за рѣдкость экземпляровъ, ихъ винить не льзя, а виною сего было недостаточное количество экземпляровъ книги.

Очень буду радъ, если мои замѣчанія пригодятся при *третьемъ* изданіи Дорожника, и пожалѣю, если, не смотря на нихъ, дѣло пойдетъ прежнимъ порядкомъ, что бываетъ весьма часто въ дѣлахъ литтературныхъ; впрочемъ — было-бы сказано. . .

Николай Полевой.

СМѢСЬ.

Литтературныя и разныя извѣстія и замѣчанія.

При сей книжкѣ Телеграфа приложенъ портретъ Симона Болливара, Президента Колумбійской республики. Имя его извѣстно всякому. Припомнимъ читателямъ Телеграфа, что жизнеописаніе и характеристика Болливара были помѣщены въ Телеграфѣ (см. 1828 г. т. XXII-й, стр. 605-622).

Въ Москвѣ получены двѣ медали, сдѣланныя въ Пруссіи, одна на объявленіе войны Россіею Турціи; другая на взятіе Варны. На обѣихъ, съ одной стороны находится портретъ Государя Императора, съ надписью: Николай I-й, Императоръ Всероссійскій. Съ другой стороны, на первой медали представленъ нашъ Монархъ, въ одеждѣ рыцаря: Онъ благоговѣйно склоняется и приемлетъ изъ рукъ Вѣры крестъ и мечъ; шлемъ лежитъ у ногъ его; вокругъ надпись: «*Препояши мечь твой по бедрѣ твоей, сильне!*» Внизу: *Объяв. война*, 14 *Апрѣля* 1828 *г.*—На оборотѣ второй медали надпись: *Варна, побѣдоноснымъ Россійскимъ воинствомъ, взята Сент.* 29 *дня*, 1828 *года*. Дубовый вѣнокъ окружаетъ сіи слова.—Изобрѣтеніе обѣихъ медалей принадлежитъ искусному Прусскому медальёру Г. Лоосу; вырѣзывалъ ихъ Г-нъ Губе. Горячее участіе, принимаемое гражданами Пруссіи въ славѣ нашей, конечно обратитъ] на доказательство онаго вниманіе просвѣщенныхъ Россіянъ. Многіе, вѣроятно, захотятъ имѣть медали Г-дъ Лооса и Губе, какъ памятникъ великихъ современныхъ событій. Медали сіи заслуживаютъ вниманіе и по сходству портретовъ Великаго нашего Монарха, и по искусной отдѣлкѣ. Онѣ продаются въ магазинѣ В. И. Кистера, на Ильинкѣ; бронзовый экземпляръ стоитъ 5 рубл. ассигнаціями.

Съ Новаго года въ Петербургѣ будетъ издаваема Г-мъ М. А. Бестужевымъ-Рюминымъ новая литтературная газета: *Сѣверный Меркурій.* Каждую недѣлю будетъ выходить по 3 N°, in 4. Цѣна съ пересылкою 37 рубл. асс.—Содержаніе оной составятъ: Словесность, Критика, Библіографія, Смѣсь. Издатель напередъ обѣщаетъ полемику, особыми листочками, подъ титуломъ: *Безкровный бой.* Но полно согласится-ли кто вступать въ бой съ Сѣвернымъ Меркуріемъ? Въ такомъ случаѣ, *безкровный бой* не пойдетъ-ли подъ пару къ Донъ-Кихотовымъ мѣльницамъ? — Впрочемъ, А. Ѳ. Воейковъ ручается за достоинство будущей газеты. Не знаемъ только, кто за самого Г-на Воейкова ручается?

Къ Новому году выйдетъ въ Москвѣ Альманахъ: *Денница*, собранный Г-мъ Максимовичемъ. Мы видѣли его въ рукописи, и охотно рекомендуемъ читателямъ. Въ семъ Альманахѣ будутъ помѣщены:

Digitized by Google

большой отрывокъ изъ трагедіи Пушкина: *Борисъ Годуновъ*; стихи Е. А. Баратынскаго, Н. М. Языкова, Б. Дельвига; стихи и проза Ѳ. Н. Глинки; отрывки изъ *Гайдамака*, романа, сочиняемаго Г-мъ Байскимъ; стихи и проза покойнаго Веневитинова, обозрѣніе Русской Литтературы 1829 года, написанное И. В. Кирѣевскимъ; стихи и проза Князя П. А. Вяземскаго, А. Ѳ. Мерзлякова, и проч. и проч. — Все это можетъ служить порукою за чтеніе пріятное и занимательное. Г-да иногородные могутъ выписывать *Денницу*, адресуясь къ А. С. Ширяеву; цѣна 10 рубл. ассигнаціями.

Наконецъ, желаніе охотниковъ до чтенія, и вообще всѣхъ просвѣщенныхъ жителей Москвы: имѣть въ Москвѣ хорошую публичную библіотеку для чтенія Русскихъ книгъ, удовлетворено А. С. Ширяевымъ. Благодарность сему почтенному книгопродавцу мы почитаемъ обязанностью нашею. Библіотека Г-на Ширяева не привидѣніе библіотекъ, въ которыхъ романовъ сколько угодно, а болѣе ничего нѣтъ. Г-нъ Ширяевъ, при обширной своей торговлѣ, успѣлъ въ теченіе многихъ лѣтъ собрать Библіотеку весьма богатую и снабдить ее такимъ множествомъ всякаго рода Русскихъ книгъ, что при самомъ началѣ Библіотека его равняется съ извѣстною С. Петербургскою Библіотекою для чтенія А. Ф. Смирдина, такъ, что подписчики въ Библіотекѣ Г-на Ширяева получаютъ Каталогъ Г-на Смирдина, по которому могутъ требовать всѣ книги.

Digitized by Google

Спѣшимъ извѣстить любителей музыки, что въ музыкальномъ магазинѣ Г-на Ленгольда получена драгоцѣнная книга: Школа фортепіанная, сочиненная знаменитымъ Гуммелемъ. Имя сего славнаго композитёра и фортепіаниста достаточно для показанія достоинствъ книги; прибавимъ, что, по отзывамъ знатоковъ, никогда еще не являлось школы фортепіанной столь хорошо расположенной, снабженной столь мнóгими примѣрами для всѣхъ подробностей, и столь богатой въ изъясненіяхъ. Она начинается изъясненіемъ, какъ садиться за фортепіано, а оканчивается теоріею импровизацій музыкальныхъ. Сего достаточно для показанія ея обширнаго объема. Книга сія издана на Французскомъ языкѣ, подъ титуломъ: Méthode complète théorique et pratique pour le piano-forte, и на Нѣмецкомъ, подъ титуломъ: Ausführliche theoretisch-practische Anweisung zum Piano-forte-Spiel. Сія послѣдняя посвящена Авторомъ Государю Императору Николаю I-му. Изданіе книги богато: въ большую четвертку, съ портретомъ Автора, снимкомъ нотъ, имъ писанныхъ и біографіею его. Всѣ ноты, въ книгѣ помѣщенныя, гравированы превосходно. — Намъ обѣщали подробный разборъ сей любопытной книги; увѣдомляя о ней читателей, прибавимъ, что почтенный Г-нъ Ленгольдъ полагаетъ за нее самую умѣренную цѣну: на Французскомъ языкѣ (въ Парижѣ экземпляръ стóитъ 100 франковъ)—100 рублей; на Нѣмецкомъ 80 рублей. Г-да иногородные прилагаютъ за пересылку 7-ми фунтовъ.

Русскій Театръ.

Днѣпровская Русалка, часть 3-я, опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ; *Мнимый невидимка*, опера въ 1-мъ дѣйствіи; *Дивертисментъ* (бенефисъ Г-жи Филлисъ).

Предлагаемъ на разрѣшеніе нашихъ читателей слѣдующій важный, истинно философическій вопросъ: Кто оказываетъ болѣе неразумія, семилѣтній мальчикъ, который сѣвши верхомъ на палочку, бѣгаетъ по комнатѣ, стегаетъ хлыстикомъ, кричитъ: посторонись! безпрестанно задѣваетъ стулья и столы, и оканчиваетъ свою игру тѣмъ, что едва переводя духъ отъ усталости, упадетъ и ушибетъ ручку, или семидесятилѣтній старецъ, который послѣ дѣятельной жизни долженъ наслаждаться спокойствіемъ, и вмѣсто того проводитъ цѣлыя ночи за бостономъ, вытаскиваетъ изъ тринадцати картъ одну за другою, сердится, когда поставитъ лабетъ, и съ досадою платитъ проигранныя имъ деньги? Вопрошаемъ еще разъ: который изъ двухъ вышеприведенныхъ живущихъ, глупѣе въ своихъ забавахъ? Читатели не отвѣчаютъ? И такъ, мы сами разрѣшимъ имъ эту задачу, и скажемъ, что младенецъ и старикъ равно умны; каждый изъ нихъ веселится по своему, и если забавы ихъ бываютъ сопряжены съ неудовольствіями, то это есть слѣдствіе непреложныхъ законовъ міра нравственнаго. Худо дѣлаютъ тѣ люди, кои порицаютъ и воспрещаютъ безвредныя увеселенія. Такъ на примѣръ, строгая няня, которая изъ опасенія, что младенецъ ушибется, не позволяетъ ему рѣзвиться и бѣгать и заставляетъ смирно сидѣть за скучною азбукою, сдѣлаетъ малютку вялымъ, неуклюжимъ, упрямымъ и лишитъ его всѣхъ прелестей его возраста; равномѣрно заботливая матушка-мадамъ, которая не позволяетъ своему дряхлому супругу сердиться за карточнымъ столомъ, сдѣлаетъ старика бранчивымъ, брюзгливымъ и даже несноснымъ въ собственномъ семействѣ. Умъ неоспоримо есть драгоцѣнный даръ Творца, но умъ не терпящій безвредной веселости — хуже дьявольскаго наважденія! Справедливо гласитъ старинная поговорка: кто счастливъ, тотъ и мудрецъ. А въ чемъ состоитъ счастіе? Этого еще никто не опредѣлилъ. Но то неоспоримо, что веселость есть принадлежность счастія. Слѣдовательно то, что веселитъ, не можетъ быть глупо. Probatum est и послѣ сего силлогизма мы естественнымъ образомъ заговоримъ о старинной оперѣ: Днѣпровская Русалка.

Первая часть сей оперы была представлена въ первый разъ въ Москвѣ, въ 1804 году. Она такъ понравилась публикѣ, что и старый и малый должны были видѣть Русалку. Аріи изъ Русалки напѣвались всѣми, бальная музыка заимствовалась изъ Русалки; на дѣтскихъ балахъ, бывшихъ въ большой модѣ, прелестные па, сочиненія Г. Іогели, танцовались подъ извѣстные напѣвы: *Приди въ чертогъ ко мнѣ златой* и *Полно-те вздорить, начните плясать*; учители на форщепіано обязаны были доставлять барышнямъ Thema con variazione изъ Русалки; даже лакей, который гуляя подъ качелями, дѣлалъ привѣтствіе разрумяненной красавицѣ своего сословія, получалъ отъ нея въ отвѣтъ: *мужчины на свѣтѣ какъ мухи къ намъ льнутъ*! Эта слава Днѣпровской Нимфы очень понятна. Опера веселила публику, слѣдовательно должна была ей нравиться. Но сія обветшалая Русалка имѣетъ также достоинство въ литтературномъ отношеніи. Умная, и даже если угодно премудрая Мадамъ Сталь, которая то боготворила Бонапарте, то ненавидѣла Наполеона, съ похвалою отзывается о Русалкѣ въ извѣстномъ сочиненіи: О Германіи. Въ философическомъ обозрѣніи сей занимательной страны, дочь славнаго Неккера отъискала истинную поэзію въ шуточномъ произведеніи Музы Вѣнскихъ театровъ. И подлинно! Частыя явленія Русалки въ разныхъ привлекательныхъ видахъ, любовь сего неестественнаго существа къ смертному, даже проказы ея съ добрымъ, веселымъ Тарабаромъ, симъ Санчо-Пансою Князя Видостана, все это дышитъ очаровательностью фантастическихъ міровъ древнихъ Грековъ и Восточныхъ народовъ. Забавный Конюшій и старуха Ратима, суть истинно комическія лица. Если прибавимъ къ сему употребляемыя въ сей оперѣ хитрости механическаго и живописнаго искусства, то не льзя не сознаться, что опера: Русалка, можетъ быть названа въ полномъ смыслѣ прекраснымъ зрѣлищемъ.

«Эта пьеса слишкомъ глупа,» скажетъ угрюмый ненавистникъ увеселеній; «я въ ней не нахожу никакой пищи для моего ума.» Мы никакъ не согласимся съ подобнымъ сужденіемъ. На счетъ пищи, умъ прихотливѣе гастронома Камбасереса; трудно ему угодить, и онъ во всемъ найдетъ недостатки! Сверхъ того, театральное зрѣлище есть не трапеза, а *десертъ* для ума. Въ театрѣ не насыщаютъ, а только лакомятъ умъ. Тамъ ищутъ не правилъ мудрости, а минутнаго развлеченія и забвенія тяжкихъ попеченій житейскихъ; посѣтители спектаклей могутъ избрать себѣ девизомъ стихъ Карамзина: *На минуту позабудемся въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ!* И неужели важные и сановные аристархи, оскорбляющіеся невинною забавою, полагаютъ, что для доставленія народу увеселенія вовсе не нужно ума? Ошибаются! Состряпать какую нибудь смѣшную Русалку, можетъ быть, гораздо труднѣе, нежели сочинить философическую трактацію. Литтературныя произведенія ума оцѣняются по ихъ долголѣтію, а мы видимъ, что Мольеръ до сихъ поръ живъ на сценѣ, между тѣмъ какъ Спиноза и многіе подобные ему давнымъ давно забыты, въ самыхъ храминахъ учености, въ Академіяхъ и Университетахъ. Мы готовы стоять горою за Русалку, за Тарабара и за всѣ зрѣлища, которыя безвредно тѣшатъ зрителей.

У насъ въ Россіи нѣтъ Большой Оперы; по крайней мѣрѣ она является на сценѣ очень рѣдко. И слава Богу что не часто! Намъ до сихъ поръ памятны безконечно-утомительные речитативы и кадансы артистовъ Парижской музыкальной Академіи. Самые ревностнѣйшіе Французскіе меломаны скучаютъ Большою Оперою; тѣмъ не менѣе это зрѣлище существуетъ болѣе ста лѣтъ, потому что оно поддерживается великолѣпіемъ спектакля. Я помню анекдотъ объ извѣстной оперѣ: Торжество Траяна, сочиненной въ честь великодушнаго поступка Наполеона съ супругою Берлинскаго Губернатора. Въ этой пьесѣ, обставленной со всевозможнымъ великолѣпіемъ, Императоръ выѣзжаетъ на сцену въ богатой колесницѣ, запряженной четырьмя лошадьми и сопровождаемой отрядомъ конницы. Славный волтижеръ Франкони является на сценѣ со всѣми своими искусниками. Одинъ Парижанинъ, который былъ не охотникъ до пѣнія Лаиса и Г-жи Браншю, объявилъ однажды, что онъ пойдетъ вечеромъ въ Большую Оперу. На замѣчаніе пріятеля, что онъ до сихъ поръ не любилъ этого зрѣлища, онъ отвѣчалъ: «Сегодня даютъ Траяна. Надобно посмотрѣть лошадей!» Вотъ изрѣченіе, которое совершенно характеризуетъ публику въ отношеніи къ ея забавамъ. Такъ и у насъ дѣлается! Можно смѣло ручаться, что Русалка, Невидимка, и прочія очаровательныя зрѣлища, всегда будутъ предпочитаемы лирическимъ трагедіямъ Кино, Метастазія, Эменара, Аббата ди Понте и другихъ; равномѣрно употребляемые въ вышеименованныхъ операхъ національные напѣвы, коими такъ искусно воспользовались Кавосъ и Давыдовъ, скорѣе угодятъ всеобщему вкусу посѣтителей Русскихъ театровъ, нежели самыя высокоученыя произведенія Глюкка, Пиччини, Сальери, Саккини и тысячи другихъ. Публика, умѣющая цѣнить хорошее, очень малочисленна; публика, любящая веселиться безусловно, почти безчисленна. Сія послѣдняя требуетъ блестящихъ декорацій, замысловатой механики, превращеній, полетовъ, хоровъ, балетовъ, словомъ всего того, что въ простонародьѣ называется *мороченьемъ*. Надобно угождать и этой публикѣ, которая по нашему мнѣнію, на счетъ увеселеній едва-ли не умнѣе самыхъ ученыхъ сословій. За симъ обратимся къ Русалкѣ.

Г-жа Филлисъ, первая пѣвица здѣшняго театра, была въ большомъ затрудненіи на счетъ выбора пьесы для своего бенефиса. Она рѣшилась наконецъ представить давно извѣстную Русалку, и въ этомъ случаѣ, со стороны нашихъ артистовъ былъ оказанъ рѣдкій примѣръ товарищеской пріязни. Первоклассные актеры, желая помочь успѣху представленія, добровольно вызвались играть въ этой старой оперѣ. Такимъ образомъ, первый нашъ трагикъ, Г. Мочаловъ, занималъ роль Князя Видостана; Г-жа Рыкалова представляла Княгиню Милославу; первый нашъ басистъ Г. Лавровъ игралъ Остана; Г-нъ Сабуровъ рѣшился смѣшить публику въ роли забавнаго Тарабара; даже ничтожную роль привидѣнія занималъ трагическій актеръ Г-нъ Орловъ. Говорятъ что и Г-нъ Щепкинъ охотно брался играть Кифара, но поспѣшное изученіе роли и музыки для слѣдующей за симъ пьесы, воспрепятствовали ему исполнить свое намѣреніе. — Этотъ похвальный поступокъ нашихъ артистовъ увѣнчался желаемымъ успѣхомъ. Всѣ мѣста въ большомъ театрѣ были заняты и бенефиціянтка не осталась въ накладѣ. Въ замѣнъ сего и любопытная публика была угощена истинно прекраснымъ зрѣлищемъ. Г-жа Филлисъ, не взирая на нетвердое знаніе Русскаго языка, которое много ей мѣшаетъ въ игрѣ, была очень и очень хороша въ роли Днѣпровской Нимфы. Объ искуствѣ ея въ пѣніи, излишне было-бы и говорить. — Г-нъ Лавровъ плѣнялъ восхитительными звуками своего прекраснаго голоса. — Г. Мочаловъ, и въ ничтожной роли былъ все тотъ-же величественный, благородный, пламенный Мочаловъ, который восхищаетъ насъ въ трагедіяхъ. — Болѣе всѣхъ доставилъ удовольствія Г. Сабуровъ, который за недѣлю предъ симъ такъ хорошо игралъ остроумнаго, хитраго Фигаро, и вдругъ, какъ будто по мановенію проказницы Русалки, превратился въ простодушнаго Тарабара. Видя его въ сей послѣдней роли, не льзя было не удивляться отличному и разнообразному таланту сего актера. Едва-ли самъ Рязанцевъ могъ-бы съиграть оную лучше Г. Сабурова. Единогласный вызовъ по окончаніи пьесы и многочисленное собраніе зрителей во второе представленіе сей давно извѣстной оперы, ясно доказали Г. Сабурову, что публика признательна за удовольствіе, доставляемое его игрою, а справедливость обязуетъ сказать, что подобное удовольствіе доставляется имъ не въ первый разъ. Не много найдется въ Россіи актеровъ, которые такъ достохвально протекаютъ свое театральное поприще.

На счетъ наружныхъ принадлежностей сего зрѣлища замѣтно было, что пьеса обставлена на скорую руку. Декораціи и машины были съ грѣхомъ по поламъ. Всего курьознѣе было восхожденіе солнца во второмъ дѣйствіи!... Но впрочемъ эти недостатки извиняются поспѣшностью, съ коею приготовленъ сей спектакль, къ назначенному сроку, и неизбѣжною бережливостью Дирекціи въ обставкѣ бенефисныхъ пьесъ. Малорослые рыцари, назначенные въ команду къ Тарабару, и разъѣзды по сценѣ сего предводителя на живомъ козлѣ, въ сопровожденіи уродливыхъ своихъ витязей — невольно заставили смѣяться самыхъ угрюмыхъ зрителей. Повторимъ еще разъ: что веселитъ безъ вреда, то очень хорошо и даже полезно. — Послѣ Русалки дана была небольшая опера: Мнимый невидимка, которая смѣшила публику не менѣе забавнаго Тарабара. Въ сей пьесѣ Г. Щепкинъ занималъ роль ревниваго трактирщика, который желаетъ сдѣлаться невидимкою для того, чтобы подсматривать за женою и посѣтителями его дома. Не нужно говорить объ удовольствіи, доставленномъ публикѣ его прекрасною игрою. Щепкинъ вездѣ Щепкинъ! — Роль офицера, который дурачитъ глупаго трактирщика, и сообщаетъ ему тайное средство сдѣлаться невидимымъ, занималъ Г. Бантышевъ. Пѣнье этого молодаго артиста, часъ отъ часу усовершается. Видно по всему, что

Digitized by Google

онъ заботится не столько о прибавкахъ къ жалованью, сколько о прочной славѣ. Примѣръ похвальный, который найдетъ мало послѣдователей! — Г-жа Рѣпина въ роли трактирщицы, была по обыкновенію очень мила, и пѣла прелестно нелѣпѣйшія слова какія только можно выдумать. Упомянувши о Г-жѣ Рѣпиной и о Г. Бантышевѣ, невольно пожалѣешь о томъ, что комическая опера у насъ совершенно изгнана со сцены, и замѣнена несносными водевилями, въ коихъ видишь одни усилія авторовъ и переводчиковъ вклеить острое словцо въ осьмистишный куплетъ. Пріятныя мелодіи Далейрака, Мегюля, Гаво, Делла Марія и многихъ другихъ, не нуждаются въ приправѣ водевильными остротами и несомнѣнно доставили-бы удовольствіе нашей публикѣ. Прелестная опера: Старинныя святки, въ теченіе тридцатилѣтняго существованія на сценѣ нравится своею простотою, вѣрностью изображенія минувшаго быта и не кудреватою мелодіею музыки, заимствованной изъ простонародныхъ или, лучше сказать, дѣдовскихъ напѣвовъ, которые, какъ священное достояніе предковъ, сохранились между простолюдинами, не измѣнившими обычаевъ своихъ отцевъ. — Упомянувши о сей оперѣ, мы, съ позволенія читателей, выскажемъ наше мнѣніе объ оной. По многимъ причинамъ мы уже давно желали потолковать о сей пьесѣ.

Старина для насъ миновалась безвозвратно, и то, что почиталось годнымъ нашими предками, въ наше время уже не годится. Это неоспоримо.

Скажу болѣе: настоящее поколѣніе, всегда считаетъ себя умнѣе нежели исчезнувшее съ лица земли, и едва-ли ошибается въ семъ хвастливомъ мнѣніи. Мы живемъ, мы дѣйствуемъ, слѣдовательно мы пригоднѣе для нашего вѣка, нежели тѣ, которые давно не существуютъ. Бодрый мужъ всегда имѣетъ преимущество предъ дряхлымъ старцемъ; такимъ образомъ и эпоха нашего бытія гораздо лучше *для насъ*, нежели давно минувшая. Называемое нами стариною въ безпрерывномъ возрожденіи человѣковъ, есть не иное что какъ младенчество каждаго поколѣнія. Она существуетъ для насъ въ воспоминаніи, какъ дѣтскія лѣта, и между тѣмъ должна быть уважаема какъ живущій, дряхлый нашъ прародитель. Старинный языкъ, содѣлался для насъ младенческимъ лепетомъ; но преданія о нравахъ и обычаяхъ нашихъ предковъ, бываютъ для новѣйшаго поколѣнія уроками опытной мудрости. Однимъ словомъ, старина для современниковъ, олицетворяется въ двухъ видимыхъ существахъ: въ прелестномъ, невинномъ дитяти и въ маститомъ старцѣ. Мы любуемся однимъ, и съ почтеніемъ взираемъ на другаго. Наслаждаясь въ полной мощи благами бытія, мы увлекаемся невольнымъ чувствомъ къ началу онаго, къ прошедшему, и это самое чувство содѣлало Исторію драгоцѣнностью между народами. Ученѣйшіе люди посвящаютъ долголѣтніе и посильные труды, на поясненіе такихъ событій, которыя никогда не возобновятся, а геніи, одаренные самымъ пламеннымъ воображеніемъ, созидаютъ міръ фантазіи *въ дѣлахъ давно минувшихъ лѣтъ*, *въ преданіяхъ старины глубокой.* — Въ новѣйшихъ произведеніяхъ Словесности болѣе всего требуютъ историческихъ изображеній. Краснобайные вымыслы Валтера Скотта, обязаны своимъ успѣхомъ вѣрнымъ представленіямъ того, что дѣлалось въ годы давно уже слившіеся съ вѣчностью. Кто-бы подумалъ, что одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, гораздо прежде обнародованія сихъ литтературныхъ требованій, уже написалъ яркими красками картину стариннаго быта, которая въ другихъ странахъ обратила-бы на себя всеобщее вниманіе ученаго міра, а у насъ . . . но объ этомъ послѣ.

Въ оперѣ: Старинныя святки, Авторъ перенесъ насъ въ тѣ вѣки, когда права мѣстничества были между спѣсивыми боярами поводами къ ссорамъ, оканчивавшимся истинно Христіанско-братскими примиреніями; когда эти самые бояре жили въ своихъ нещеголеватыхъ, но обширныхъ, прочно выстроенныхъ палатахъ; когда не ломбардные билеты, а кованые ларцы, наполненные золотыми и серебряными монетами, свидѣтельствовали о благоразумной ихъ экономіи; когда, не гастрономическія утонченности, а для всѣхъ открытые столы, являли изобиліе ихъ домовъ; когда, не маклерскія книги, исписанныя копіями съ заемныхъ писемъ, а богатыя милостыни возвѣщали о щедрости бояръ; когда прекрасная половина рода человѣческаго не вынуждала отцевъ и супруговъ проклинать искусницъ Кузнецкаго моста, а украшала свои прелести уборами домашней работы, доселѣ признаваемыми истинно-плѣнительными, и наконецъ, когда для воззрѣнія на красавицъ, не разъѣзжавшихъ по баламъ и театрамъ, отважный любовникъ долженъ былъ пробиваться сквозь заклепы высокихъ теремовъ и сквозь грозную стражу дворниковъ, служителей, сѣнныхъ дѣвущекъ и строгой матушки. Въ этотъ самый, неприступный теремъ, переноситъ насъ сочинитель оперы; Старинныя святки. Онъ воскрешаетъ нашихъ прародительницъ, и заставляетъ любоваться ихъ простыми и веселыми играми. Не гавоты и не мазурки танцуютъ красныя дѣвицы въ высокомъ теремѣ дома боярина Симскаго. Нѣтъ! Настасія прекрасная съ подругою своею, въ слѣдствіе старинной святочной игры пляшетъ, подъ веселую пѣсню: *гадай, гадай дѣвица!* и граціозныя движенія танцующихъ дѣвушекъ въ богато-шитыхъ сарафанахъ и жемчужныхъ повязкахъ, ихъ лебедино-плавная походка, ихъ милое помахиваніе прелестными головками, бѣлоснѣжныя руки, коими они величественно поводятъ—все это заставляетъ забыть вычурные танцы красавицъ нашего времени. Этой граціи напрасно будутъ искать въ искуснѣйшихъ па быстроногихъ Гюллень и Харламовой! Скажемъ болѣе! Хариты древнихъ Грековъ, со всѣмъ сонмомъ Эротовъ, позавидовали-бы симъ плѣнительнымъ играмъ святой Русской старины. — Потомъ сочинитель дѣлаетъ зрителей свидѣтелями маленькой тайны древнихъ теремовъ. Онъ заставляетъ насъ подслушать какъ наши скромныя прабабушки толковали о всеобщей необходимости для смертныхъ, о потребности любить. Онъ по-

Digitized by Google

казываетъ намъ тѣ невинныя чары, къ коимъ, слѣдуя повѣрью, прибѣгали красавицы для узнанія своихъ суженыхъ. Не преминулъ онъ представить намъ и хитрость старушекъ того времени, которыя, получивши увольненіе изъ сферы любви, какъ будто воспоминанія ради, помогаютъ предпріимчивымъ любовникамъ. Онъ заставляетъ страстныхъ суженыхъ изъясняться въ любви благопристойнымъ и простымъ языкомъ нашихъ предковъ, и послѣ этой прелестной сцены, вдругъ пугаетъ всѣхъ святочнымъ событіемъ! Выводитъ домоваго, одушевляетъ статуи, и волшебнымъ замкòмъ запираетъ уста грѣшной няни. И все это чародѣйство поясняется самымъ простымъ образомъ. Потомъ знакомитъ насъ Сочинитель съ старинными боярами, съ ихъ радушіемъ, съ ихъ гостепріимствомъ, съ ихъ непоколебимою честностью и съ простыми ихъ увеселеніями въ кругу милаго семейства. О вкусахъ спорить не льзя, но что до меня касается, то я съ бòльшимъ удовольствіемъ слушаю загадки и скороговорки, которыя Бояринъ Симскій и Князь Гагинъ загадываютъ краснымъ дѣвушкамъ — нежели всѣ подслащенные каламбуры новѣйшихъ пьесъ. Что-же касается до пѣнья, коимъ украшена сія опера, то не только я, чтитель старины, но и самый хладнокровный зритель, посѣщающій театръ для того, чтобы наслаждаться любимымъ Итальянцами far niente, пробуждается отъ умственной летаргіи и съ радостью слушаетъ, когда Настасья прекрасная воспѣваетъ *славу солнцу на небѣ и славу Русскому Царю на сей землѣ.* Сердца нашихъ соотечественниковъ еще не совсѣмъ оглохли; напоминаніе о любви, преданности и довѣренности, питаемой Россіянами къ своему Государю, о завѣщанной предками нашими вѣрности къ Престолу, дѣйствуютъ и на самыхъ равнодушныхъ посѣтителей театра. Эта пѣсня столько-же драгоцѣнна для Рускихъ, сколько для Французовъ ихъ простой и прелестный: Vive Henri IV! — Кто-бы подумалъ, что въ сердцѣ нашего отечества, въ древней столицѣ, въ Москвѣ, сохранившей остатки святой старины, столь прекрасное и даже восхитительное зрѣлище, какова опера: Старинныя святки, является на театрѣ безъ жалости обрѣзанное, сокращенное, лишенное занимательности, въ видѣ какого-то пошлаго Русскаго дивертисемента? Между тѣмъ въ нѣкіихъ Журналахъ стараются насъ увѣрить, что безжизненный, наполненный анахронизмами и неправдоподобный въ представленіи историческаго событія водевиль: Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ, *долженъ* нравиться, и что тотъ не Рускій, кто не восхищается этою пустою пьесою!... Послѣ этого невольнымъ образомъ повторишь Англійское *годдемъ*! — Но если опера: Старинныя святки, по какимъ нибудь причинамъ не можетъ являться въ настоящемъ видѣ на сценѣ, то мы, именемъ всѣхъ благомыслящихъ Литтераторовъ, просимъ почтеннаго Сочинителя сей прекрасной пьесы, напечатать оную вполнѣ, безъ малѣйшихъ урѣзокъ, съ сохраненіемъ простаго, плѣнительнаго слога и невинныхъ шутокъ, которыя такъ понравились въ первое представленіе. Ручаемся, что при нынѣшнемъ всеобщемъ стремленіи образованныхъ странъ Европы знакомиться съ чужими произведеніями, опера: Старинныя святки, какъ вѣрное и прелестное изображеніе обычаевъ древней Россіи, въ скоромъ времени будетъ извѣстна всѣмъ просвѣщеннымъ націямъ. А въ заключеніе, попросимъ прощенія у нашихъ читателей въ томъ, что мы отклонились отъ нашего предмета. Какъ быть! заговорило сердце Русское!... Космополитизмъ есть не иное что, какъ личина, а душа всегда болѣетъ о родинѣ! Что до меня касается, то я, вдоволь наглядѣвшись на различныя страны Европы, чувствую, что сердцу моему гораздо милѣе родимый край со всѣми его морозами, нежели плѣнительный Лангедокъ съ его розами. Сказалъ, и отъ сказаннаго не отопрусь!

В. У.

Нѣмецкій Театръ.

Для любви все возможно, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ; *Проба ролей*, комедія въ одномъ дѣйствіи; *Вѣнскіе жители въ Берлинѣ*, опера въ 1-мъ дѣйствіи.

Мы увѣдомляли нашихъ читателей о прибытіи въ Москву Нѣмецкой труппы актеровъ, и обѣщали сообщить подробное извѣстіе о искуствѣ ихъ, послѣ перваго представленія, которое и воспослѣдовало 11-го Декабря. По краткости времени и по невозможности съ одного раза узнать средства новыхъ артистовъ, мы ограничимся небольшимъ обозрѣніемъ ихъ дебюта. — По всему видно, что труппа составлена изъ опытныхъ и хорошихъ актеровъ. Не взирая на то, что они играли на различныхъ театрахъ, въ цѣломъ представленіи было совершенное согласіе, какого напрасно добиваемся мы отъ нашихъ актеровъ. Всѣ три пьесы были обставлены прекрасно; всѣ принадлежности спектакля, всѣ положенія на сценѣ играющихъ доказывали совершенное знаніе театральнаго дѣла. Всего пріятнѣе было видѣть, что суффлёру не было почти никакой работы. Судя по первому дебюту Нѣмецкой труппы, можно полагать, что Г-нъ Шверинъ — прекрасный актеръ; что Г-нъ Оманъ, режисёръ труппы, весьма опытенъ по сей части, и въ добавокъ къ тому очень хорошо играетъ. Пѣвцы: Гг. Гедике и Ризе, за неприбытіемъ перваго тенориста, Г-на Миллера, оказывали свое искуство въ междудѣйствіяхъ. Первый пропѣлъ арію Вебера, другой арію Россини. Въ обоихъ пѣвцахъ видно знаніе музыки, но замѣтно было, что они еще не привыкли къ огромной сценѣ нашего театра и старались выкрикивать. Никто не доставилъ столько удовольствія публикѣ, какъ Г-жа Герстель. Съ самою пріятною наружностью, эта молодая актриса соединяетъ замысловатую, восхитительную игру. Мы отлагаемъ до другаго времени удовольствіе поговорить пространнѣе объ этой прелестной артисткѣ. — Стеченіе зрителей было весьма многочисленно, и можно надѣяться, что наша публика будетъ въ полномъ смыслѣ довольна Нѣмецкою труппою.

В. У.

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ

ОБЩЕСТВА и ЛИТТЕРАТУРЫ.

Господину Живописцу.

Вечеромъ, за чаемъ у Г. Предводителя, въ № 18-мъ Телеграфа начитали мы повѣсть о подвигахъ какого-то славнаго Городничаго, по окончаніи коей всѣ единогласно воскликнули: « Почему-же не описать подвиги нашего любезнаго Капитанъ-Исправника ? » И обратясь ко мнѣ всѣ сказали : « Вы Сидоровичъ, старый писака ; махните-ка къ Живописцу грамотку. » — Любя своихъ пріятелей, я не смѣлъ отказаться, и въ удовольствіе ихъ посылаю къ вамъ, милостивецъ, сіе скудное мое маранье.

Отставной арміи Поручикъ N. N. выбранъ у насъ прошлаго года въ Капитанъ-Исправники. Какъ человѣкъ военный, онъ захотѣлъ отличиться на поприщѣ гражданскомъ, не имѣвши случая отличиться на полѣ ратномъ. Вступивъ въ должность, съ перваго раза началъ онъ съ плеча: зашумѣлъ, закричалъ, затопалъ; Секретарь затрепеталъ; съ повытчика холодный потъ градомъ, а писаря протрезвились. Славный пріемъ!

Вотъ видите, мы и порадовались военному духу Капитанъ-Исправника, и, правду сказать, перья заскрипѣли; полугодовой запасъ бумаги вышелъ въ два мѣсяца; вѣдомости объ исполненіи доведены до послѣдняго числа, и число исходящихъ № увеличилось въ пятеро; дѣла пошли быстро — въ добрый часъ!

Да, вотъ видите, мой милостивецъ: Секретарь-то у насъ старожилъ въ судѣ, дѣлецъ, дока, крапивное сѣмя!! Онъ что-то смѣкнулъ, да и въ усъ не дуетъ, а потихоньку посмѣивается и перемигивается съ повытчикомъ. Утро и вечеръ сидятъ они въ судѣ за дѣлами, а что-то не похудѣли бѣдняжечки! Капитанъ-Исправнику, какъ человѣку новому, это и не въ домѣкъ, а намъ, давнишнимъ жителямъ, хоть и приходитъ въ голову кое-что, да не наше дѣло; притомъ-же, подозрѣніе безъ улики, бѣда для доносчика, а хлопоты Капитанъ-Исправника и тождедневное исполненіе входящихъ бумагъ, покрываютъ все. — Только и Капитанъ-Исправника беретъ иногда раздумье. Число просителей и ходатаевъ не уменьшается, при всѣхъ суетахъ его. Онъ за Секретаря, а Секретарь журналъ ему подъ носъ, и читаетъ: «По прошенію такого-то, *того жъ* числа испрашивана чрезъ Губернское Правленіе справка, откуда еще не получено предписанія.» — «На указъ Губернскаго Правленія о немедленномъ взысканіи съ откупщика недоимокъ за прошлые годы, *тогдаже* потребовано отъ него объясненіе, за неполученіемъ каковаго въ назначенный срокъ, снова подтверждено о томъ, *тогда-то*.» — «По рапорту сотскаго «объ ограбленіи товаровъ у купца, требовано «отъ него такихъ-то дополненій *того жъ* числа, «по полученіи коихъ приказано ему самому явиться въ судъ для личныхъ объясненій; по отобраніи отъ него оныхъ *того жъ* числа *опредѣлено*: «отправить на слѣдствіе Засѣдателя N., который «находился для обревизованія вновь построеннаго «моста въ такой-то деревнѣ, по прибытіи коего «оттуда въ *то же* время дана ему выписка изъ «журнала, а вмѣстѣ съ тѣмъ предписано ему въ «томъ-же селеніи заняться сборами поборовъ и «недоимокъ, значащихся *по сему суду* на такихъ-то, за то-то и за то-то,» и проч. и проч. и проч. Исправнику ясно доказано; Секретарь правъ; просителя *просятъ* подождать. — Только Капитанъ-Исправникъ все недоволенъ, и, Богъ знаетъ за что, сердится на Секретаря, и косо смотритъ на повытчика, хотя и не знаетъ за ними никакой вины. Вѣрно бѣсовское наважденіе, а въ такомъ обстоятельствѣ не долго и до грѣха. Такъ и случилось намедни.

Его Благородіе потребовалъ къ себѣ журналъ прошлаго мѣсяца, началъ пересматривать оный, и какъ все было въ порядкѣ, то молча возвратилъ его повытчику. А досталось-бы ловко ему, еслибы журналъ не былъ исправенъ. Такъ содержитъ до сего дне въ страхѣ свою команду нашъ почтенный Капитанъ-Исправникъ.

Каковъ-же онъ? По нашему скудному разсужденію, онъ знаменитѣе вашего Городничаго, ибо тотъ изукрасилъ улицы, а нашъ изукрасилъ судъ свой исправнымъ теченіемъ дѣлъ, и потому мы надѣемся, что вы насъ не обидите, и помѣстите сію мою смиренную грамотку между статейками, въ завѣдываніи вашемъ состоящими, чѣмъ крайне обяжете вашихъ усердныхъ почитателей.

Максимъ, Сидоровъ сынъ.

ЗАМѢТКИ НА КНИГѢ.

Одинъ изъ торгашей, извѣстныхъ у насъ подъ названіемъ *Вязниковцевъ* и *Коробщиковъ*, по причинѣ заплечнаго короба, составляющаго ихъ походную лавку, обходя по порядку всѣ домы, удостоилъ посѣтить и меня. На вопросъ мой: какіе у него товары? отвѣчалъ онъ мнѣ слѣдующею рацеею:

Есть иголки, булавки и крючки,
Есть тесемки, ленты, тарачки;
Есть наперстки, игольники, указки,
Картинки, картины и сказки,
Ладанъ, румяны и бѣлила,
Камфора, нашатырь, и всякое мыло.

Складны зеркала, зубочистны щетки,
Игрушки, марки, уховертки.
Есть кольца, крестики, сережки,
Гребни, гребенки, костяныя ложки.
Есть инбирь, сабуръ, калганъ,
Каркумей, синій камень, шафранъ.
Есть щеты, грифели, карандаши:
Ей, ей, сударь, товары хороши!

Ну, братъ, ужъ слишкомъ много! Найдется-ли у тебя и двадцатая доля всего, что ты насказалъ? «А вотъ увидите, баринъ, увидите!» отвѣчалъ мнѣ честный торговецъ и началъ выгружать свою чудную посудину. Въ самомъ дѣлѣ большая часть изъ вышесказаннаго оказалась на лицо. Для курьозу купилъ я у него изображеніе райскихъ птицъ: a) *Алкакоста*, который *таковъ вѣнецъ на главѣ носитъ и сицевы цвѣты изъ рая выноситъ*, и b) *Сирина*, коего пѣніе *святынѣ въ лѣпоту, иже отъ устъ восходитъ на высоту*. Между всякою всячиною книгъ, нашелъ я Ордена Архитектуры по размѣру Виньола, съ сицевою надписью на обертке: «Сія Виньола, куплена въ Москвѣ 1792 года и заплачено за нее денегъ 5 р. 75 к.» Говорятъ, что замысловатое названіе много придаетъ достоинства книгѣ, покрайней мѣрѣ, въ отношеніи къ ея сбыту. На этотъ разъ даже надписаніе: *сія Виньола,* послужило удачнымъ средствомъ торгашу продать свою книгу, можетъ быть, съ изряднымъ для него барышкомъ.

По уходѣ краснобая, я занялся перелистываніемъ своей покупки, и къ большому, удовольствію моему и не малой пользѣ нашелъ слѣдующее:

На чертежахъ орденовъ положены резолюціи:

На Тосканскомъ орденѣ: «*Дѣлано*. По толстости сего ордера употребляется въ строеніяхъ.»

На Іоническомъ: «*Не дѣлано*. Сей ордеръ по «большей части употребляется въ строеніяхъ, «требуемыхъ тонкости и нѣжности.»

На Коринѳскомъ: «*Не дѣлано*. Сей ордеръ по «большей части употребляется въ публичныхъ мѣстахъ, то есть . . .» —

На изнанкахъ чертежей нашелъ я намалеванныя по линейкѣ, и кое-какъ отъ руки, преузорочные корнизы, двери съ разными вычурами, и проч.; также всякіе стихи, басни, анекдоты. Изъ сихъ послѣднихъ два показались мнѣ довольно интересными, которые и помѣщаю здѣсь, съ небольшою перемѣною въ слогѣ:

1-й.

«Въ старинные годы,
Когда воеводы
Дѣлами вертѣли
Такъ, какъ хотѣли,

«въ нѣкоей ассамблеѣ одинъ чиновникъ жаловался на невыгодную резолюцію имѣвшагося у него въ судѣ дѣла. То-то, братецъ, сказалъ воевода, какъ-бы не твоя амбиція, то резолюція была-бы инаковая: только стоило-бы поклониться мнѣ въ правое копытцо . . . Откровенно признаться, отвѣчалъ чиновникъ, я побоялся, чтобы ваша милость не улягнули!

2-й.

«Тотъ-же воевода, осмотрѣвъ домъ своего сосѣда, зажиточнаго купца, отдѣланный *вельми красно* и *зѣло велелѣпно*, какъ гласитъ рукопись, сказалъ хозяину, что для него паче всего инаго прочаго нравится *хлѣвъ*. Съ большимъ удовольствомъ уступаю его для вашей милости, отвѣчалъ тороватый купецъ.»

Остальное писанное, чѣмъ роскошно испещрена *Виньола*, состоитъ, или изъ извѣстнаго, или изъ пошлаго, или изъ относящагося до домашней жизни бывшаго хозяина книги. Въ заключеніе всего прочиталъ я таковое посвященіе: «Сія Виньола
«принадлежитъ господину Губернскому Архитек-
«тору N. N., кой своеручно посвящаетъ ее не-
«забвенному своему другу и любезному пріятелю
«оптовому строильному подрядчику казенныхъ
«строеній N. N., на вѣки нерушимо.»

Ба, ба, ба! N. N.! старинный мой знакомецъ — вѣчная тебѣ память!... Какимъ чудомъ послѣднія крохи нѣкогда огромнаго твоего достоянія попадаются въ руки бѣднѣйшаго изъ твоихъ знакомцевъ? Я живу, а корабль твоего счастія уже разбился, и обломки его, разносимые волнами суеты, достаются наконецъ обитателю суши, который боязливо смотрѣлъ издали на величавое твое плаваніе по океану свѣта! И такъ, богатство твое, извѣстность, связи не спасли тебя отъ крушенія!

Digitized by Google

Ахъ! для чего не повторялъ ты каждочасно: «Не надѣйтеся на князи и на сыны человѣческіе, въ нихъ-же, нѣсть спасенія!» — Ты видѣлъ, какъ оставили тебя въ несчастіи сильные друзья твои, которыхъ ты угощалъ обѣдами, тѣшилъ музыкою, забавлялъ сюрпризами, и съ которыми, можетъ быть, дѣлился своими барышами...

— Съ кѣмъ вы, дѣдушка, такъ разсуждать изволите? спросилъ меня мой внукъ, вбѣжавшій въ это время въ комнату.

«Ахъ, Павелъ, это ты! Я въ прелестяхъ мечтанья
Блаженствовалъ мои, свершалися желанья —
И ты, злодѣй, и ты всего меня лишилъ!...»
—И царство и твой флотъ онъ на мѣль посадилъ —

сказала жена моя изъ другой комнаты. — Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ! дѣло идетъ не о царствѣ, не о флотѣ, а просто объ одномъ подрядчикѣ, съ которымъ я былъ знакомъ въ моей молодости!

«Ты былъ знакомъ съ подрядчикомъ? возразила жена моя. Кажись, ты не очень жалуешь подрядчиковъ, этихъ, по твоему будь сказано, піявицъ, сосущихъ кровь общественнаго тѣла!»

— Но эта піявица, другъ мой, была особливаго рода: съ горячею кровію, любимая главнымъ Докторомъ, доставлявшимъ ей всѣ случаи, гдѣ-бы она могла насосаться до сыта, до самаго горла. И какъ Докторъ обыкновенно самъ припускалъ ее къ общественному тѣлу, то и могъ-ли кто другой, не знавшій столь-же хорошо, какъ онъ, Медицины, посовѣтовать ему поставить другую піявицу, или не ставить вовсе никакой? Былъ примѣръ, что одна смѣлая піявица вздумала было, почти насильно, втянуться въ какую-то часть тѣла; за то Докторъ, отнимая ее, раздавилъ.

«Спусти въ воду своихъ піявицъ,» сказала мнѣ жена, «и повѣдай мнѣ о подрядчикѣ, которому ты посвятилъ столько восклицаній.»

— Хорошо; слушай. Это былъ человѣкъ — почти въ родѣ Калліостро, съ небольшимъ умомъ, но съ большимъ умѣньемъ жить на свѣтѣ; человѣкъ, которому первые чиновники города платили визиты, а не первые искали у него протекціи; человѣкъ, который умѣлъ выдать себя за nec plus ultra въ Архитектурѣ, человѣкъ, который малевалъ планы, какъ *Макарка огаркомъ*, но о которомъ сильные друзья его заставили всѣхъ думать и говорить, что онъ лучше всѣхъ на свѣтѣ архитекторовъ: съ большими познаніями, съ большимъ вкусомъ и съ безпримѣрною честностью, ибо, что новое строеніе, то и славный пиръ; раскинетъ бывало палатки, найметъ музыкантовъ, съ сопѣлками, съ свирѣлками и—куда конь съ копытомъ, туда бывало тащимся и мы, раки съ клешнями. Послѣ всего этого, кто-же сталъ-бы примѣчать за какими нибудь грѣхами хлѣбосольнаго строителя? Но повадится кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову положить, и новый Фаэтонъ, засѣвшій не въ свою колесницу, бухъ и разшибся, такъ больно, что уже никогда не вставалъ. Тебѣ нѣтъ нужды знать, какъ это случилось, но нажитое неправдами, никогда прочно не бываетъ.» — Съ сими словами

Digitized by Google

положилъ я Виньолу, подавшую поводъ къ разговору нашему, на полочку, и рѣшился писать къ вамъ, Г-нъ Живописецъ, съ такимъ намѣреніемъ:

Кому не случается покупать или имѣть въ рукахъ старыя книги? Что̀ еслибы каждый изъ насъ пересматривалъ замѣтки, примѣчанія, замѣчанія, какія рука хозяина самовластно вноситъ на бѣлые листочки подлѣ переплета, на бѣлыя мѣстечки подлѣ испечатаннаго пространства страницъ? Правда, иногда любопытство награждалось-бы словами: *металъ кровь — былъ на обѣдѣ у N. N. — шелъ снѣгъ — былъ первый громъ;* но какъ часто находилибы и источники остроумія многихъ, и основанія учености, и такіе отчеты въ дѣлахъ, какіе только на Страшномъ Судѣ могутъ сдѣлаться извѣстными; какъ часто увѣрялись-бы мы, что смерть не одни *животы* оказываетъ.

Предлагая вамъ мысль мою на разсмотрѣніе, Г-нъ Живописецъ, честь имѣю быть, и проч.

N. N,

Житель городка О.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Une étoffe tout-à-fait nouvelle, pour chapeaux et pour capotes, est la *pluche glacée* : fond d'une couleur et soies d'une autre ; par exemple, fond rose, bleu, jaune, arbre de Judée, lilas, vert, grenat, et soies blanches.

Outre les tire-bouchons qui pendent le long des tempes, quelques dames en portent derrière la tête. Entre les cheveux relevés et ces tire-bouchons, existe une raie de chair qui va d'une oreille à l'autre.

Nous avons vu une robe de velours noir-plain, qui avait pour garniture, à la hauteur des genoux, au lieu d'une effilé à tête maillée, ou d'une frange en soie torsadée, une frange en barbes de plumes d'autruche noires, renouées comme ces franges en plumes que l'on met au bout des noeuds de satin ou de velours sur les chapeaux.

Le dos de beaucoup de robes est fermé par de petits boutons d'or.

Une des nouvelles étoffes pour robes, est un velours-plain à palmettes imprimées en or.

Quelques manteaux de drap bleu de roi, doublés en velours noir, ont un petit collet de velours sans pélerine.

Les petites cravates de velours se mettent en costume paré; on en fait dont les bouts sont brodés en or ; elles ont un coulant en or.

* * *

En soirée, nos merveilleux mettent une cravate de satin blanc qu'ils étalent sur la poitrine, de manière à ne rien laisser voir de la chemise.

(*) До 10 Декабря (н. с.) 1829 г.

Les dernières redingotes de nos merveilleux sont en drap bleu de ciel, avec collet de velours noir; elles ont deux rangées de boutons, se boutonnent jusqu'en haut, et descendent à peine aux genoux.

Головные уборы. Совершенно новая матерія для шляпокъ и капотовъ-шляпокъ, есть *лощеный плюшъ* двухъ-цвѣтный, у котораго поле одного, а насыпь другаго цвѣта, на примѣръ: поле цвѣта розоваго, голубаго, желтаго, Жидовскаго дерева, лиловаго, зеленаго, гранатоваго, а насыпь бѣлаго цвѣта.

Кромѣ длинныхъ локоновъ на Англійскій манеръ, висящихъ по вискамъ, нѣкоторыя изъ дамъ носятъ такіе локоны и сзади головы. Сіи локоны раздѣляются промежуткомъ отъ собранныхъ на верху головы волосовъ.

Модныя платья. Замѣтили черное бархатное платье, у котораго оборку, въ вышину колѣнъ, составляла бахрома изъ верхушекъ строусовыхъ перьевъ, черныхъ, закрученныхъ точно такъ, какъ закручиваютъ бахромки строусовыя на концахъ бантовъ атласныхъ и бархатныхъ на шляпкахъ.

Спинки у многихъ платьевъ застегиваются нынѣ маленькими золотыми пуговками.

Новую матерію для платьевъ составляетъ нынѣ гладкій бархатъ, съ вытиснутыми по оному золотыми пальметами.

У дамскихъ плащей (манто) суконныхъ, оттѣнка голубаго, называемаго bleu de roi, и подбитыхъ чернымъ бархатомъ, бываетъ маленькій бархатный воротничекъ, безъ пеллерины.

Digitized by Google

Бархатные галстучки надѣваютъ въ нарядномъ костюмѣ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ кончики вышиваютъ золотомъ, и застежку дѣлаютъ золотую.

Мужскія моды. На вечера, щеголи надѣваютъ бѣлый атласный галстухъ, который распространяютъ они на груди, такъ, что рубашки вовсе бываетъ не видно.

Новомодные сюртуки щеголей дѣлаютъ суконные, цвѣта небесной лазури, съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ, и съ двумя рядами пуговицъ. Такой сюртукъ бываетъ длиною едва до колѣнъ, и застегивается на всѣ пуговицы.

На приложенной картинкѣ:

Дама, въ атласной шляпкѣ; въ редингошѣ изъ Китайскаго гро; рукава, такъ называемыя *слоновыя уши*.

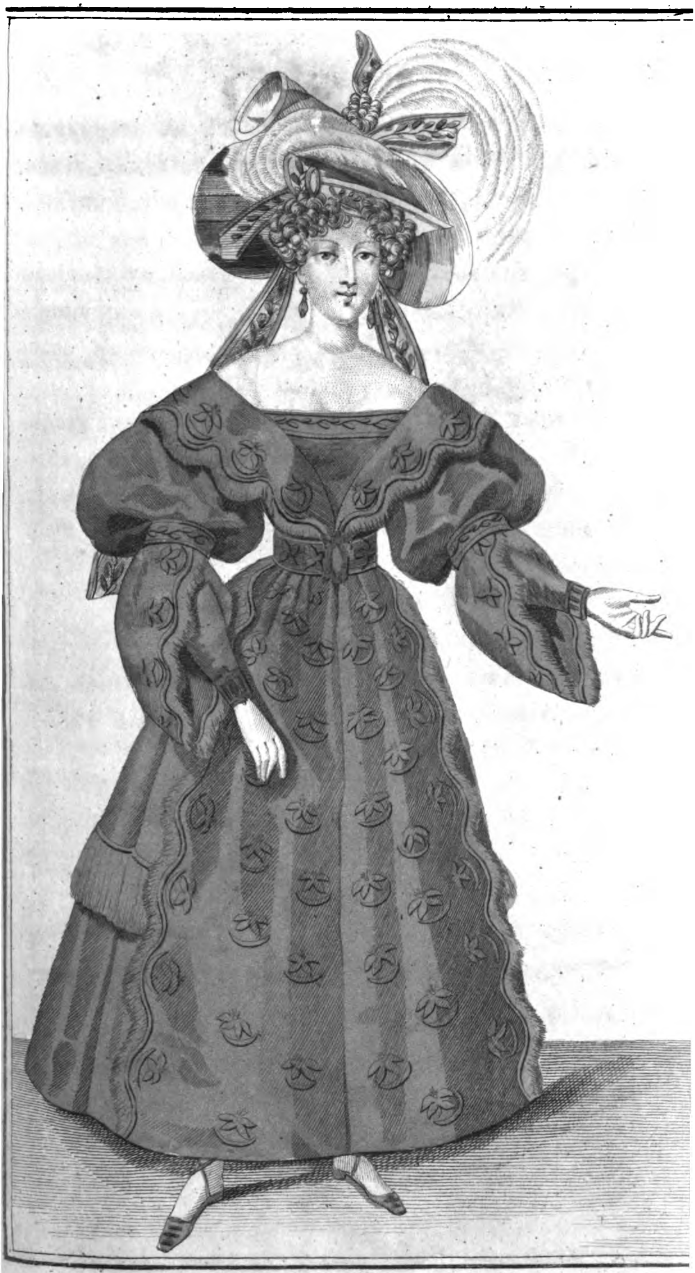
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Декабря 18 дня, 1829 года.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

Къ N. 23 Моск. Тел. 182



Въ Парижѣ, 1 Декабря (н. с.) 1829.

Digitized by Google

Digitized by Google

Son Altesse Royale Monseigneur le Prince d'Orange, a résolu d'accorder une prime de 25,000 florins des Pays-Bas, à celui ou ceux qui livreraient les bijous volés en son palais, tels qu'ils se trouvent spécifiés et décrits dans les listes et dessins que le Gouvernement en a publiés, ou qui fourniraient des renseignements assez positifs, pour mettre la justice à même de découvrir et recouvrer ce trésor en entier. Cette prime sera doublée, si en même temps on fait connaître et désigner au juge, avec toute la certitude requise, celui ou ceux, qui ont commis le vol.

Son Altesse Royale, a résolu également d'accorder des récompenses considérables à celui ou ceux, qui livreraient une partie ou seulement l'un ou l'autre des objets volés, ou qui fourniraient à ce sujet des renseignements, dont le résultat serait de découvrir un ou plusieurs de ces objets.

Les récompenses seront proportionnées à la valeur des objets, dont on aura procuré le recouvrement ou la découverte.

(Signé) *B. de Hoeckeren.*

Digitized by Google

Его Королевскому Высочеству Принцу Оранскому угодно было назначить 25,000 Голландскихъ флориновъ въ награжденіе тому, или тѣмъ, кои представятъ похищенныя изъ дворца его драгоцѣнныя вещи, въ томъ видѣ, какъ оныя означены и описаны въ обнародованныхъ Правительствомъ описяхъ и рисункахъ, равномѣрно и тѣмъ, кои доставятъ свѣдѣнія, могущія дать Правительству способъ къ отысканію и обратному полученію оныхъ вещей въ цѣлости. Награжденіе сіе будетъ удвоено, если въ тоже время съ надлежащею достовѣрностію показанъ будетъ Правительству учинившій или учинившіе сію покражу.

Его Королевское Высочество равномѣрно соизволилъ опредѣлить значительныя награды тому, или тѣмъ, кои представятъ часть или только одну какую либо изъ похищенныхъ вещей, или доставятъ по предмету сему свѣдѣнія, по коимъ отыскана будетъ одна или нѣсколько изъ сихъ вещей.

Награды сіи будутъ соразмѣрны съ цѣною отысканныхъ или обратно полученныхъ вещей.

Двора Его Величества Короля Нидерландскаго Каммергеръ и Чрезвычайный Посланникъ и полномочный Министръ при Его ВЕЛИЧЕСТВѢ ИМПЕРАТОРѢ Всероссійскомъ.

(Подп.) *Б. де Геккеренъ.*

Digitized by Google

ПРИБАВЛЕНІЕ
КЪ
МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 23. *Декабрь* 1829.

О ПОЛЬЗѢ ОБРАБОТЫВАНІЯ
БЕЗПЛОДНЫХЪ ЗЕМЕЛЬ.

(Продолженіе).

Въ 1800-мъ году Лордъ Диллонъ отдалъ поселянамъ своимъ, на извѣстное число лѣтъ, безъ платы, болото, составлявшее часть его владѣній. Такая уступка сильно подстрекнула ихъ рвеніе: они начали строить себѣ жилища на самой сухой части болота, подлѣ земель, уже воздѣланныхъ, и послѣ этого принялись за осушеніе болота. Теперь они уже воздѣлали десять или двѣнадцать акровъ, прежде остававшихся въ совершенномъ безплодіи, а нынѣ дающихъ столь-же хорошіе сборы картофеля, сѣна, овса, какъ и лучшія сосѣдственныя земли.

Въ 1790-мъ году Г-нъ Эджевортъ, человѣкъ, имѣющій многія права на славу, рѣшился сдѣлать пахатнымъ болото, въ двадцать семь акровъ. При началѣ сего предпріятія, онъ предложилъ одному арендатору ближней земли нанять сіе мѣсто по полугинеѣ (12½ франковъ) за акръ. Предложеніе его не было принято; но Г-нъ Эджевортъ, не унывая отъ сего отказа, принялся за дѣло на свои издержки, и каждогодно выдавалъ занимавшемуся онымъ по полу-гинеѣ съ акра. Весь употребленный на сіе капиталъ не возвысился болѣе какъ до ста фунтовъ стерлинговъ, такъ что черезъ пять лѣтъ всѣ издержки были вознаграждены, и оставалось чистой прибыли семнадцать фунтовъ (425 франковъ); послѣ этого, та-же самая земля была отдана въ наемъ по тридцати шиллинговъ (37½ франковъ) за акръ, тому-же арендатору, который прежде не нанялъ ея и по полу-гинеѣ. Даже не смотря на то, что впослѣдствіи цѣны на земли упали, она и донынѣ нанимается за выгодную цѣну.

Въ тоже время Г-нъ Садльеръ нанялъ у Лорда Дигби болота, простиравшіяся почти на триста сорокъ три акра. Тогда ихъ оцѣнивали шиллинговъ по пяти за акръ. Когда-же они были осушены, выровнены и выжжены, то дали отличный сборъ рѣпы, вознаградившій всѣ издержки, употребленныя на осушеніе. Сей благоразумный агрономъ получаетъ нынѣ со своей земли отъ тридцати до сорока шиллинговъ съ акра.

Въ 1760-мъ году Г-нъ Френчъ сдѣлалъ опытъ, который всѣ современники его называли сумасшествіемъ. Онъ рѣшился удобрить болото въ двѣсти девяносто два акра, покрытое тиною столь глубоко, что, казалось, не было во всей Ирландіи мѣста, болѣе неудобнаго для воздѣланія. Это предпріятіе было продолжаемо и окончено Лордомъ Аштоуномъ, сыномъ Г-на Френча. Благоразумное и постоянное искуство восторжествовало надъ симъ предпріятіемъ, при издержкѣ десяти фунтовъ стерлинговъ на акръ. Около семидесяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и не потребовалось никакихъ дополнительныхъ расходовъ на сію почву, нынѣ столь твердую, что лошадь можетъ пробѣжать по всему ея пространству, не оставивъ слѣда. Эта плотность, при большой глубинѣ почвы, дѣлаетъ нынѣ сію землю одною изъ лучшихъ въ Ирландіи. Акръ ея цѣнятъ почти въ два фунта стерлинга (50 франковъ).

Мы могли-бы привести много другихъ примѣровъ, но довольно сказать, что подобныя предпріятія почти всегда удавались, когда только были исполняемы самими владѣльцами. Если-же арендаторы оставляли оныя, даже послѣ нѣкоторыхъ работъ, то это не потому, чтобы они находили ихъ невыгодными, но въ слѣдствіе разсчета, что срокъ найма ихъ долженъ кончиться прежде нежели они могутъ вознаградить свои издержки. Продолжите сроки наймовъ, и тысячи акровъ, покрытыхъ тиною, исчезнутъ подъ неизмѣримыми коврами зелени. А это было-бы столько-же выгодно для владѣльцевъ, сколько для арендаторовъ.

Другимъ препятствіемъ къ обработыванію многихъ пустошей могутъ быть привиллегіи, по которымъ мѣстныя общества присвояютъ себѣ большую часть сихъ земель. Но это препятствіе относится къ законамъ и отъ насъ самихъ зависитъ уничтожить оное. Уничтоженіе сихъ правъ возвратило-бы земледѣлію великія пространства земли и слѣдовательно много пособило-бы улучшенію благосостоянія и нравственности трудолюбивыхъ классовъ общества. Тотъ Министръ пріобрѣлъ-бы вѣчное право на признательность народа, который, не внимая тщетнымъ пересудамъ, имѣлъ-бы надлежащую силу духа для уничтоженія сихъ преградъ успѣхамъ земледѣлія. Въ этомъ отношеніи мы можемъ руководствоваться примѣромъ Ганновера, гдѣ въ продолженіе послѣдняго столѣтія совершилось слѣдующее событіе.

Тамъ прежде всего сдѣлали опись всѣмъ землямъ Курфиршества. Это было ввѣрено Корпусу искусныхъ Инженеровъ. Послѣ сего составили карту, большаго масштаба. На ней означены были всѣ малѣйшія протяженія водъ, всѣ роды почвъ, пустоши, пески, болота. Приведши въ ясность такимъ образомъ земледѣльческія средства государства, приложили стараніе воспользоваться ими всѣми. Предварительныя работы, которыя были не подъ силу частнымъ людямъ, производились на иждивеніе Правительства, если земли принадлежали ему, и на иждивеніе мѣстныхъ обществъ, если онѣ имъ принадлежали. По всѣмъ направленіямъ назначены были дороги; глубокіе каналы были прорыты въ болотахъ и соединили стоячія воды съ рѣками. Такимъ образомъ поверхность земли сдѣлалась столько тверда, что ее можно было воздѣлывать. Когда сіи огромныя, главныя предначертанія были окончены на счетъ общественный, то земли раздѣлили на разномѣрные, но вообще небольшіе участки, дабы сдѣлать ихъ доступными капиталамъ и дѣятельности будущихъ земледѣловъ. Послѣ сего ихъ отдали въ наемъ, въ длинные сроки, или продали но возможно-дешевой цѣнѣ. Однакожь цѣна сія все еще превзошла издержки, употребленныя государствомъ и обществами.

Сей планъ осуществилъ надежды изобрѣтшихъ оный. При умноженіи народонаселенія начались требованія на земли, и менѣе нежели въ одно столѣтіе, неизмѣримыя полосы пустошей и болотъ были превращены въ хлѣбныя поля или въ богатыя пастьбища. Такимъ образомъ, не расширяя своихъ границъ, Ганноверъ чрезвычайно увеличилъ свои средства и богатство. Той-же системѣ слѣдуютъ тамъ и нынѣ, и потому-то въ Ганноверѣ невоздѣланныя поля постепенно исчезаютъ передъ успѣхами промышленности и дѣятельностью жителей, вспомоществуемыхъ Правительствомъ мудрымъ, отеческимъ.

Въ ближайшее къ намъ время, Голландцы, съ отличающимъ ихъ постоянствомъ, обратили вниманіе на улучшеніе пустыхъ земель. Жители устроенныхъ округовъ Голландіи были обременены множествомъ бѣдныхъ, не находившихъ себѣ занятія. Они вздумали избавиться отъ сего бремени, поселивъ бѣдныхъ на невоздѣланныхъ земляхъ, которыхъ въ Голландіи много. И земли дотолѣ безплодныя, увеличили земледѣльческое богатство сего государства. Во многихъ округахъ такія колоніи были учреждены и подвергнуты дисциплинѣ, почти столь-же строгой, какъ военная полиція. Для облегченія въ издержкахъ на сіи заведенія, деньги собраны добровольными вкладами. Въ колоніи посылаются бѣдные, не могущіе достать себѣ въ другомъ мѣстѣ занятія и хлѣба. Почва тамъ самая неблагодарная; температура печальная и туманная. Однакожъ, не смотря на столько неблагопріятныхъ обстоятельствъ, успѣхъ сего предпріятія теперь не подверженъ ни малѣйшему сомнѣнію. Подъ управленіемъ искусныхъ распорядителей, промышленность колонистовъ производитъ столько съѣстныхъ припасовъ, сколько ихъ нужно имъ, и умноженіе сихъ произведеній идетъ съ возрастающимъ успѣхомъ. Англія можетъ подражать симъ примѣрамъ тѣмъ съ большею выгодою, что наши земли легче можно обратить въ пользу.

Перемѣны, медленно и почти незамѣтно совершающіяся въ экономіи общественной, обыкновенно оканчиваются переломомъ, возбуждающимъ живое, всеобщее участіе. Великій Государственный человѣкъ бываетъ всего виднѣе въ той рѣшительности, съ какою удаляется онъ отъ избитой дороги своихъ предшественниковъ и принимаетъ систему болѣе сообразную съ новымъ его положеніемъ и съ предстоящими ему затрудненіями. До половины шестнадцатаго столѣтія народъ Англійскій занимался почти исключительно сельскими работами: мануфактуры были почти неизвѣстны ему. Мало по малу увеличилось народонаселеніе, излишнее для земледѣлія. Тщетно стало-бы оно въ промышленности искать занятія, котораго не могло дать ему земледѣліе: тогда всѣ издѣлія, если не приготовлялись въ семействѣ сельскаго жителя, то привозимы были изъ Нидерландовъ, или изъ Ломбардіи, въ обмѣнъ за излишнія произведенія земли, оставав шіяся у помѣщиковъ и земледѣльцевъ. Слѣдствіемъ сего порядка вещей было то, что часть народа просила милостыню и жила даяніями доброхотныхъ людей.

Министрамъ Елисаветы надобно было побѣдить сей переломъ. Они совершенно знали свойство болѣзни, и потому легко нашли для нея лекарство. Планъ, принятой ими, превратилъ всѣхъ непроизводящихъ потребителей, наполнявшихъ государство, въ дѣятельныхъ и полезныхъ членовъ онаго. Министры покровительствовали учрежденію мануфактуръ; всѣхъ нищихъ прогнали съ улицъ и большихъ дорогъ, и посадили за работу. На нѣкоторые иностранные товары наложена была огромная пошлина, для того, чтобы поощрить къ выработыванію оныхъ дома. Уже одно это сдѣлало ненужнымъ распоряженія знаменитаго Статута, дававшаго смотрителямъ приходовъ право покупать сырыя произведенія, для того только, чтобы дать работу бѣднымъ людямъ. Различныя фабрики, по мѣрѣ того какъ онѣ учреждались въ государствѣ, занимали всѣ способныя руки. Мало по малу приходы освободились отъ тяжкаго бремени, лежавшаго на нихъ, и должны были поддерживать только немощныхъ бѣдныхъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, учреждая фабрики и покровительствуя обработыванію только лучшихъ земель, Министры Елисаветы поступали благоразумнѣе, нежели-бы поступили они ободряя воздѣлываніе болотъ и луговъ, которыхъ множество еще находилось въ томъ видѣ, какъ вышли они изъ рукъ природы.

Но теперь, размноженіе машинъ, и почти всеобщая замѣна ими трудовъ человѣка, привели насъ къ новому перелому, отличному отъ прежняго и требующему другаго пособія. Въ шестнадцатомъ столѣтіи было слишкомъ великое число земледѣловъ и часть нашихъ земледѣльческихъ произведеній обмѣнивалась за границею на произведенія фабричныя. Теперь совершенно противное: для мануфактурной промышленности не только не нужны новыя руки, но ихъ слишкомъ много для нея, и она не знаетъ, куда дѣваться съ требующими работы. Съ другой стороны, безпрестанно возрастающее умноженіе народа доставило земледѣльческой промышленности столько людей, что въ нынѣшнемъ своемъ состояніи она не можетъ занять ихъ. Отъ этого работники, отпущенные съ фабрикъ, не могутъ найдти себѣ пристанища на поляхъ.

Всего болѣе должны мы стараться обратить вниманіе предсѣдательствующаго въ Совѣтахъ Англійскихъ на сей переломъ, который могъ-бы имѣть ужасныя слѣдствія, если-бы имъ не располагали съ искуствомъ и благоразуміемъ. Человѣкъ, возвратившій государству миръ счастливымъ разсмотрѣніемъ дѣлъ Ирландскихъ, конечно будетъ умѣть здраво судить о нынѣшнемъ переломѣ, и съ твердостью отвратитъ оный. Множество перемѣнъ, совершившихся въ послѣднія двадцать лѣтъ, отдали въ его распоряженіе мощныхъ людей болѣе, нежели сколько было ихъ подъ его предводительствомъ на пути славы. Пусть откроетъ онъ этому войску работниковъ дорогу ко всѣмъ необработаннымъ землямъ нашего государства; пусть дастъ онъ каждому изъ нихъ столько пространства, чтобы каждый могъ приносить пользу, и тогда мы увѣнчаемъ чело его вѣнкомъ гражданскимъ, еще болѣе славнымъ, нежели тотъ, котораго листья завоевалъ онъ въ тридцати битвахъ! Когда Семилѣтняя война была со славой окончена, Фридрихъ II-й, съ рѣшительностью и силою, вознесшими его на верхъ славы военной, занялся улучшеніемъ земледѣлія въ Пруссіи. Онъ осушилъ, удобрилъ, населилъ огромныя пространства земли въ Помераніи и Бранденбургѣ. Благодарность соотечественниковъ къ тому рвенію, съ какимъ раздѣлялъ онъ толпы народа и учреждалъ земледѣліе на поляхъ, прежде пустыхъ и безплодныхъ, ни сколько не уменьшила удивленія ихъ къ блеску его военной славы. Слѣдуя сему великому примѣру, дадутъ и нашему благосостоянію прочнѣйшее и обширнѣйшее основаніе. Впрочемъ мы увѣрены, что наши мнѣнія не будутъ презрѣны, ибо мы знаемъ, что, такъже какъ многіе великіе полководцы, Лордъ Стратфильдсей (*) особенно любитъ сельскія работы. Наученный Французскою революціею, онъ не хо-

---

(*) Стратфильдсей, помѣстье Герцога Веллингтона.

нетъ, какъ говорятъ, доводитъ насъ до подобнаго бѣдствія, и желаетъ сдѣлать благовременныя и добровольныя измѣненія. Проэктъ, предлагаемый нами, не можетъ быть чуждымъ при исполненіи сего великаго предначертанія.

Да не подумаютъ однакожь, будто мы желаемъ, чтобы само Правительство взяло на себя обработываніе нашихъ пустошей и луговъ. Мы просимъ только одного: пусть удалитъ оно препятствія къ обработыванію оныхъ, и думаемъ, что система, по которой ихъ надлежало-бы обработывать большими количествами, едва-ли была-бы удачна. Это должно быть предоставлено владѣльцамъ не большихъ участковъ земли.

Только они, подстрекаемые желаніемъ обезпечить свое и своихъ семействъ существованіе, могутъ соблюсти строгую экономію, необходимую для успѣха подобнаго предпріятія. Если-же воздѣлываніе нашихъ пустошей производилось-бы подъ смотрѣніемъ чиновниковъ, состоящихъ на жалованьѣ Правительства, или даже подъ смотрѣніемъ большихъ компаній, то, вѣроятно, оно принесло-бы одни убытки. Тогда еще болѣе укоренилось-бы пошлое мнѣніе, что удобреніе сихъ земель необходимо должно быть не выгодно для перваго предпринимателя, и неудобства, происходящія только отъ выбора средствъ, были-бы приписаны цѣлой системѣ.

Digitized by Google

Правительство, или компанія, должны только проложить дороги, выстроить плотины, гдѣ будетъ нужно, и, однимъ словомъ, приготовить пути сообщенія для земледѣла: остальное все сдѣлаетъ онъ самъ.

Мы не будемъ разсматривать здѣсь давно оспориваемаго вопроса: большія или мѣлкія фермы выгоднѣе въ земляхъ, уже обогащенныхъ трудомъ? Намъ кажется неоспоримымъ то, что система мѣлкихъ фермъ гораздо выгоднѣе въ тѣхъ земляхъ, которыя предназначены къ удобренію въ первый разъ. Исторія каждаго государства показываетъ, что такимъ образомъ земледѣліе постепенно возобладало величайшею частью Европейскихъ земель, и особенно въ Англіи. Вассалъ владѣльца распространялъ мало по малу свое поле, прихватывая земли сосѣдственной ему пустоши. Всѣ поступали такъ, и вскорѣ земли сіи исчезли при ихъ соединенныхъ усиліяхъ. Въ горахъ Шотландіи сія старинная система не совсѣмъ оставлена и донынѣ. Яркая зелень означаетъ занятыя горнымъ земледѣломъ части пурпурныхъ пустошей. Теперь, когда земледѣлы сіи загнаны въ пустыни Канадскія, на другую сторону Атлантическаго океана, а ихъ хозяева строятъ себѣ замки и залы для баловъ и концертовъ, красота и даже богатство сихъ отдаленныхъ участковъ еще свидѣтельствуютъ о трудолюбивой промышленности занимавшихся оными. Недавно соединили сотни сихъ участковъ земли въ большія фермы, и только отдѣльно стоящія деревья показываютъ, гдѣ прежде восходилъ дымъ изъ смиренныхъ обиталищъ. Вмѣсто того, чтобы изгонять жившіе въ оныхъ кланы (сообщества), послѣ того какъ они возделали подошвы и бока горъ, было-бы человѣколюбивѣе, и можетъ быть полезнѣе, направить шаги ихъ на вершины горъ: они-бы и ихъ сдѣлали плодоносными. Такимъ способомъ во Фландріи были распаханы неудобныя земли. Искусные земледѣлы сей страны обработывали только тѣ участки земли, которые были имъ подъ силу. Эти удивительные крестьяне не только увеличивали постепенно количество пахатныхъ земель, но съ каждымъ годомъ желѣзо ихъ сохи проникало глубже въ почву, которая имѣла сначала не болѣе какъ три или четыре линіи растительной земли, нынѣ-же, вездѣ простирается на осьмнадцать дюймовъ, или два фута. Благоразумнымъ правиломъ Фламандцевъ было, въ семъ случаѣ: прибавлять каждый годъ что нибудь къ старому, и исполнять это хорошо. Такимъ образомъ, сей трудолюбивый народъ сдѣлалъ изъ самой безплодной страны въ Европѣ, плодоноснѣйшую землю въ мірѣ.

(Окончаніе при слѣд. книжкѣ).

Digitized by Google

На приложенной картинкѣ находится изображенiе ***новомоднаго Парижскаго фаэтона.***

Digitized by Google

Digitized by Google

иб. Моск. Тел. 1829.

Digitized by Google

ASTOR, LEN
EN FOUND

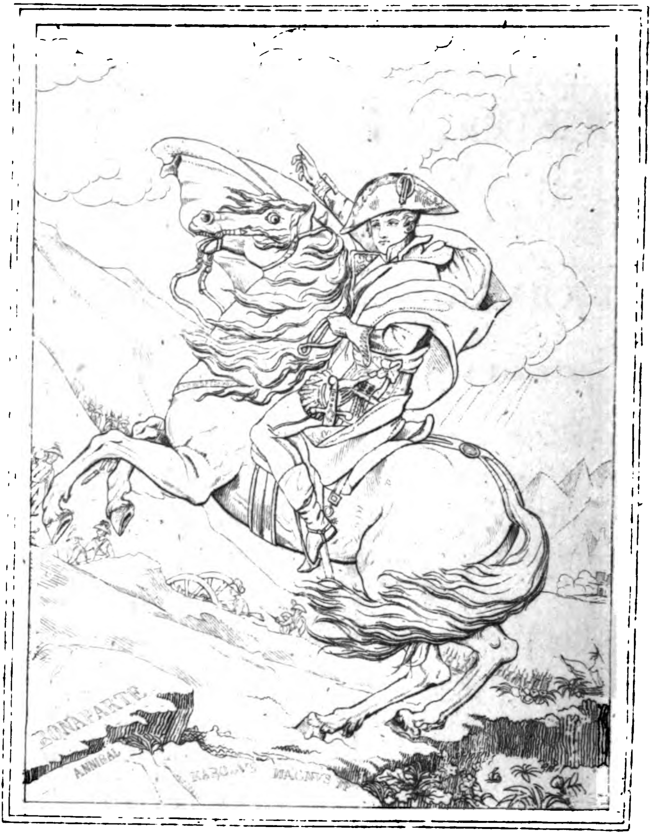
Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R L

Digitized by Google

Къ N. 24 Моск. Тел. 1829.


BONAPARTE
ANNIBAL
KAROLVS MAGNVS IMP

№ 24 *Декабрь.*

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О КЯХТИНСКОЙ ТОРГОВЛѢ.

(Замѣчанія безпристрастнаго наблюдателя).

Россійское купечество съ особеннымъ удовольствіемъ видитъ, что попечительное о благѣ отечества Правительство доводитъ нынѣ до всеобщаго свѣдѣнія полныя и подробныя извѣстія обо всемъ, что касается торговли и промышленности Россійской. Пользы отъ обнародованія статистическихъ свѣдѣній о сихъ предметахъ столь ясны и ощутительны, что излишне было бы здѣсь объяснять оныя. Но, важный предметъ, въ которомъ каждый долженъ согласиться, что точность и вѣрность свѣдѣній есть въ семъ случаѣ первое и главное условіе. Надобно отдать совершенную справедливость, что статистическія свѣдѣнія въ повременныхъ сочиненіяхъ, отъ Правительства издаваемыхъ, бываютъ большею частію точны и вѣрны, по крайней мѣрѣ, приблизительно въ такой степени, что ничего не оставляютъ желать болѣе, кромѣ того, чтобы люди, для которыхъ преимущественно оныя публикуются, умѣли ими пользоваться.

Но, иногда въ сихъ извѣстіяхъ бываютъ однакожъ нѣкоторыя ошибки, а отъ того происходитъ, что и выводы, кои извлекаются изъ извѣстій, дѣлаются не вполнѣ вѣрными. Примѣры сего рѣдки: согласенъ; но когда они, хотя и рѣдко, *бываютъ*, то, для пользы общей, не должны-ли люди, могущіе показать ошибку, объяснить оную откровенно и прямо? Увѣренный въ справедливости сего мнѣнія, и имѣя цѣлью благо общее, я осмѣливаюсь предложить здѣсь нѣсколько замѣчаній моихъ на извѣстія, которыя помѣщены были въ Описаніи Нижегородской ярмарки сего 1829-го года, касательно Кяхтинской торговли (*Коммерческой Газеты*, № 78-й).

Мнѣ кажется, что составлявшая сіи извѣстія почтенная особа не можетъ оправдаться въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и выводахъ ничѣмъ другимъ, какъ только тѣмъ, что тутъ ускользнули отъ вниманія нѣкоторыя ошибки. Изъяснимъ оныя.

1. Всякій, знающій хотя нѣсколько сущность Кяхтинскаго торга, видитъ изъ соображеній продажи чаевъ на Нижегородской ярмаркѣ, что торговля сія, по вымѣнамъ чаевъ въ Кяхтѣ и

продажѣ оныхъ въ Россіи, не только не представляла Кяхтинскимъ торговцамъ въ нынѣшнемъ году никакихъ выгодъ, но принесла явные убытки. Разсуждая о семъ, Г-нъ Сочинитель статьи въ Коммерческой Газетѣ говоритъ: «Главнѣйшія партіи чаевъ, привезенныхъ на ярмарку, «находились въ рукахъ нѣкоторыхъ только купцовъ, изъ числа 54-хъ, производящихъ торговлю «на Кяхтѣ, а именно: у Московскихъ: *Колесова* 4300, братьевъ *Куманиныхъ* 2300, *Корзинкина* 1200, *Лобкова* 800, и *Квасникова* «около 1000; у С. Петербургскаго *Чаплина* «800; у Верховажскихъ: *Рудакова* 2300 и *Зензинова* 850; у Иркутскихъ: *Трапезникова* «2100 и *Пр. Медвѣдникова* 2200; у Казанскихъ: *Крупеникова* 1150 и *Аитова* 960; «у Кяхтинскихъ *Басниныхъ* 2042; у Тобольскихъ: *Пиленкова* 1100 и *Селиванова* 820; «слѣдовательно: около 24,000 цыбиковъ находилось въ рукахъ не болѣе какъ 15-ти богатыхъ «купцовъ. Столь малому числу торговцевъ зажиточныхъ, конечно, не трудно-бы было выдержать на ярмаркѣ цѣны выгодныя, если-бы «существовало между ними искреннее согласіе, «или, по крайней мѣрѣ, то твердое единодушіе, «которымъ ознаменовываются дѣйствія оптовыхъ «покупателей. Но опытъ показываетъ, что каждый изъ нихъ руководствуется собственными «своими соображеніями, и приступаетъ къ про-

«дажѣ безъ всякаго сношенія съ своими собра«тіями. Потребители отъ сего не проигрыва«ютъ; Кяхтинскіе-же наши торговцы, если об«думаютъ сей предметъ внимательно, и обсу«дятъ здраво, то усмотрятъ безъ сомнѣнія, «что таковыя одиночныя распоряженія не при«носятъ имъ пользы ни въ промѣнѣ Россійскихъ «товаровъ на Китайскіе, ни въ продажѣ на яр«маркѣ вымѣненныхъ, тогда, какъ противъ нихъ, «съ одной стороны Маймачинская Китайская фу«за, а съ другой на Нижегородской ярмаркѣ отто«вые покупатели, составляющіе нѣкоторымъ об«разомъ подобную-же фузу, дѣйствуютъ каждая «всегда единодушно, и въ твердомъ между со«членами согласіи.»

Слѣдовательно: здѣсь обвиняются *всѣ* упомянутые 15-ть Кяхтинскихъ торговцевъ въ несогласіи пользъ собственныхъ съ пользами своихъ сотоварищей по торговлѣ. Осмѣлюсь замѣтить, что такое обвиненіе едва-ли можно почесть относящимся ко всѣмъ упомянутымъ торговцамъ, и едва-ли не одного, не двухъ, можетъ быть, торговцевъ должно-бы было поставить въ число тѣхъ, которые «руководствовались собственными своими соображеніями и приступали «къ продажѣ безъ всякаго сношенія съ своими со«браніями,» и слѣдственно: сіи только немногіе — «обдумавъ сей предметъ внимательно и «обсудивъ здраво,» должны «усмотрѣть, что «таковыя одиночныя распоряженія не приносятъ «имъ пользы ни въ промѣнѣ Россійскихъ товаровъ на Китайскіе, ни въ продажѣ на ярмаркѣ «вымѣненныхъ.» Для занимающихся Кяхтинскою торговлею совсѣмъ не тайна, что распоряженія произвольныя, не въ общую всѣхъ пользу, сдѣланы были *двумя* торговыми домами. Другіе торговцы изумлялись продажамъ сихъ двухъ богатыхъ торговыхъ домовъ, и послѣдовали имъ по неволѣ, а многіе и за симъ примѣромъ не рѣшились продавать чаевъ, и партіи свои привезли съ ярмарки въ Москву.

Въ полученномъ недавно въ Москву *Журналѣ Министерства внутреннихъ дѣлъ* (книжка 1-я, стр. 213-я), помѣщены слѣд. подробности о Кяхтинской торговлѣ: «Всякаго рода мерлушка (на Нижегородской ярмаркѣ) поднялась въ цѣнѣ отъ того, что нѣкоторые Кяхтинскіе торговцы закупили оную еще зимою въ полуденныхъ губерніяхъ Россіи, гдѣ возвысили на нее цѣну, а какъ отъ сего на ярмарку привезено оной мало, то и цѣна ея значительно *повысилась*.—Чай проданъ ниже прошлогодней цѣны отъ 100 до 120 рублей на цыбикъ. Сіе произошло отъ пониженія цѣнъ однимъ изъ первыхъ торговцевъ (К***), имѣвшимъ около 4500 цыбиковъ. Примѣру его невольнымъ образомъ должны были послѣдовать и прочіе негоціанты, дабы получить деньги для закупки товаровъ, необходимыхъ къ отправленію на Кяхту, и для уплаты выданныхъ Кяхтинской таможнѣ векселей. Кирпичный чай проданъ съ выгодою, ибо его требовалось гораздо болѣе, нежели находилось въ привозѣ. Низкая цѣна на чай служила торговцамъ поводомъ къ пониженію цѣнъ на тѣ товары, кои закупаются здѣсь для отправленія въ Кяхту. Обстоятельство сіе сдѣлало нѣкоторую остановку въ торговлѣ; однакожъ послѣ разрѣшилось, и, какъ видно, торговцы суконъ, вейверетовъ и прочихъ товаровъ, требуемыхъ Китайцами, удержались отъ пониженія и продали товары свои съ соблюденіемъ торговыхъ выгодъ.»

Здѣсь, сказанное о пониженіи цѣнъ на чай *однимъ торговцемъ* совершенно справедливо; но другія подробности, какъ-то: о повышеніи цѣнъ на закупаемые для Кяхты товары, невѣрны, и требуютъ поясненій. Въ *Коммерческой Газетѣ*, послѣ выписанныхъ мною словъ, слѣдуетъ расцѣнка продажи прошлогодней и нынѣшней. Изъ оной выходитъ, что сложная цѣна нынѣшняго года была:

Цвѣточному фамильному	430 руб.
——— обыкновенному . . .	200 —
Фамильному торговому неквадратн.	400 —

Фамильному торговому квадрати. . . 300 р.
Не фамильному ——— . . . . . 200 —

Сія расцѣнка совершенно вѣрна; но я полагаю, что для доказательства, какія невыгоды представляетъ оная, потребно соображеніе о промѣнахъ Китайцамъ на Кяхтѣ. Присовокупляю къ сему разсчеты о пошлинахъ и расходахъ, послѣ чего понятно будетъ основаніе Кяхтинской торговли, пояснятся и дополнятся извѣстія, какъ *Коммерческой Газеты*, такъ и *Журнала Министерства внутр. дѣлъ*.

Продажа чаю *цвѣточнаго*, *фамильнаго* была . . . . 430 рубл.

Изъ сего числа слѣдуетъ исключить: вычетъ за деньги, ибо продажа всегда бываетъ въ годъ; пошлины съ процентами; расходы и провозы, всего . . . . 190 рубл.

Слѣдственно: изъ 430 рублей, получено за мѣсто чаю по продажѣ, *только* . . . 240 р.

Въ Кяхтѣ мы давали Китайцамъ за каждое мѣсто чаю цвѣточнаго фамильнаго:

Мерлушки Украинской, бѣлой, 316 штукъ. Она стоила въ Кяхту отъ 1 р. 5 к. до 1 р. 20 к., а полагая среднюю цѣну 1 р. 10 к.; слѣдственно: вымѣненное на сей товаръ мѣсто чаю обходилось въ . . . . 347 р. 60 к.

Сукна Польскаго (Мизирчскаго) давали по $3\frac{1}{6}$ половинокъ. Оно стоило въ Кяхту по 105 р. за половинку. Слѣдственно: вымѣненное на сей товаръ мѣсто чаю обходилось въ . 332 р. 50 к.

Камлота Голландскаго давали по 56 аршинъ. Онъ стоилъ въ Кяхту по 6 рубл. за аршинъ. Слѣдственно: вымѣненное на сей товаръ мѣсто чаю обходилось въ . . . . . . 336 р.

Маржана купорета давали отъ 135 до 121 золотника, а полагая среднюю пропорцію 128 золотниковъ. Онъ стоилъ въ Кяхту по 3 р. 33 к. зол. Слѣдственно: вымѣненное на сей товаръ мѣсто чаю обходилось въ . . . . . 426 р. 24 к.

Лапы лисьей давали по 126 паръ, переднихъ и заднихъ вмѣстѣ, по поламъ: она стоила въ Кяхту отъ 2 р. 50 к. до 4 р. 50 к., а полагая среднюю цѣну по 3 р. 50 к. Слѣдственно: вымѣненное на сей товаръ мѣсто чаю обходилось въ . . . . 441 р.

Выдрѣ давали по 12 штукъ. Онѣ стоили въ Кяхту отъ 30 р. до 35 р., а полагая среднюю цѣну по 32 р. 50 к. Слѣдственно: вымѣненное на сей товаръ мѣсто чаю обходилось въ . . 390 р.

Бѣлки Якутской давали отъ $461\frac{1}{2}$ до 490 штукъ; полагая среднее число 476 штукъ. Она покупаема была отъ 68-ми до 73 коп.; полагая среднюю цѣну 70 к., а съ провозомъ на Кяхту 73 коп. Слѣдственно: вымѣненное на сей товаръ мѣсто чаю обходилось въ . . . . 347 р. 48 к.

Ясно, что по продажѣ чаевъ, на каждое мѣсто торговецъ Кяхтинскій получалъ *убытка*:

Отъ мерлушки	107 р.	60 к.
—— сукна	92 —	50 —
—— камлота	96 —	—
—— маржана	186 р.	24 к.
—— лисьей лапы . . .	201 —	— —
—— выдры	150 —	— —
—— бѣлки	107 —	48 —

Продажа чаю *цвѣточнаго простаго* была . . . . 200 р.

Изъ сего числа слѣдуетъ исключить: вычетъ за деньги, пошлину, провозы, и проч. . 160 р.

Слѣдственно: изъ 200 рубл. получено за мѣсто чаю *только* . . . . 40 р.

Впрочемъ, цвѣточные простые разсчитывались въ партіяхъ по 220 рубл. Но и по сему разсчету продаватель получалъ за чай только . . 60 р.

Дабы показать здѣсь разсчеты промѣна другихъ товаровъ, представляю слѣдующіе примѣры:

Кошекъ давали за мѣсто чаю отъ 70 ти до 110 штукъ; полагая среднее число 90 штукъ.

Онѣ стоили въ Кяхту по 1 р. 25 к.—И такъ, мѣсто чаю обходилось въ . . . 112 р. 50 к.

Вейвергту иностраннагó, Русскаго крашенья, давали по 60 аршинъ. Онъ стоилъ въ Кяхту дороже 2 рубл. аршинъ; но если полагать только въ 2 р., то мѣсто чаю обходилось въ . 120 р.

Обратившъ на товары, выше сего уже означенные, находимъ, на примѣръ, въ *мерлушкѣ*, что давали оной отъ 100 до 110 штукъ, а полагая меньшее число (100 штукъ), чай обходился въ 110 р.

Продажа чаю *торговаго фамильнаго* была . . . . 300 р.

Изъ сего числа: вычетъ, провозы и расходы . . . . 180 р.

Слѣдственно: изъ 300 рублей получено за чай только . . . . 120 р.

При вымѣнѣ съ Китайцами, сей чай полагается *въ половину* противъ цвѣточнаго, и такъ онъ обходился себѣ на Кяхтѣ за каждое мѣсто:

На мерлушку по	. . . .	173 р. 80 к.
— сукно —	. . . . .	166 — 25 —
— камлотъ —	. . . . .	168 — — —
— лисью лапу —	. . . . .	220 — 50 —
— выдру —	. . . . .	195 — — —
— бѣлку —	. . . . .	173 — 73½ —

Продажа чаю *торговаго простаго* была по . . . . 200 р.

Изъ сего числа: вычетъ, провозы и расходы . . . . 165 р.

Слѣдственно: изъ 200 рубл, получено за чай *только* . . . . 35 р.

По разсчету вымѣна обходилось мѣсто такого чаю

За мерлушку въ	. . . . .	55 р.
— кошку —	. . . . .	56 — 25 к.
— вейверетъ —	. . . . .	60 ———

Замѣчу притомъ, что расцѣнка продажи чаевъ въ Нижегородской ярмаркѣ, помѣщенная въ Коммерческой Газетѣ, сдѣлана была по такой партіи, въ которой были лучшіе фамильные чаи, и притомъ были и *Лянсины,* которые всегда стоятъ отъ 2-хъ до 300 рублей за мѣсто дороже другихъ, и при вымѣнахъ достаются съ такимъ-же излишкомъ цѣны. Предоставляю послѣ сего опытнымъ торговцамъ судить: какой разсчетъ выходилъ на партіи худшихъ сортовъ чаю? Замѣчу еще, что въ разсчеты кочта чаевъ я не вводилъ употребленія на покупку товаровъ для Кяхты наличнаго капитала, который, особенно по Сибирскимъ товарамъ, оборачивается почти въ два года; также расходовъ, какіе тратитъ купецъ на почту (вѣсовыя и страховыя), перевозъ товаровъ изъ Маймачинъ въ Кяхту, и другихъ расходовъ, мѣлкихъ, но въ гуртѣ составляющихъ счетъ.

Послѣ сего, Кяхтинскимъ торговцамъ весьма естественно пожелать, чтобы обвиненіе, произнесенное въ Коммерческой Газетѣ, *не падало на всѣхъ ихъ; но, относилось только къ тѣмъ, которые въ семъ случаѣ могутъ быть подвергнуты упреку со стороны ихъ сотоварищей.*

Сіе тѣмъ болѣе потребно, что опытъ, кажется, мало научаетъ. Послѣ ярмарки, и даже послѣ появленія статьи о продажѣ чаевъ въ Коммерческой Газетѣ, нѣкто урожденецъ Греціи, одинъ изъ богатѣйшихъ торговцевъ чаями, сбылъ большую партію оныхъ въ Москвѣ по низкимъ цѣнамъ!! Чего-же ожидать Кяхтинскимъ торговцамъ въ будущемъ отъ такихъ событій, если не убытковъ и раззоренія?

Я говорю сіе, основываясь не на предположеніяхъ, но на фактахъ вѣрныхъ и неоспоримыхъ, и только тому удивляюсь: *на какихъ разсчетахъ нѣкоторые наши торговцы основываютъ свои коммерческіе обороты?* Въ то же время, когда на Кяхтѣ вымѣны товаровъ ничего добраго намъ не обѣщали, къ новымъ вымѣнамъ ревностно покупали въ Россіи на мѣстахъ сборки:

Мерлушку Украинскую, отъ 1 р. до 1 р. 20 к.
Кошку до . . . . 1 — 30—

Сукно Мизиричское съ фабрикъ, на наличныя деньги (*ассигнаціи*), отъ 75 до . . . 85 р.

Камлотъ Голландскій, по выпискѣ, до . 5 —

Сего не довольно. Извѣстно, что Сибирскіе пушные товары составляютъ одинъ изъ главныхъ предметовъ торга съ Китайцами. И тутъ неразсчетливая торговая предпріимчивость не осталась въ покоѣ. Въ предѣлахъ Якутскихъ, какъ главномъ мѣстѣ сборки Сибирскихъ пушныхъ товаровъ, коммиссіонеры Московскихъ купцовъ дѣятельно трудились и покупали товаръ — съ такимъ-же разсчетомъ, какъ выше сего можно видѣть о мерлушкѣ, кошкѣ и сукнахъ! Какое соображеніе ведетъ ко всему этому — повторю — я не понимаю! Некупленная на мѣстахъ мерлушка и кошка привезены были на Нижегородскую ярмарку, и тамъ мерлушку (вмѣсто 1 рубля, и 1 р. 20 к.) можно было купить отъ 95 до 65 коп. Кошку (вмѣсто 1 р. 30 к.) отъ 1 р. 10 к. до 70 к. Сукна Мизиричскія покупали на ярмаркѣ, правда, отъ 75 до 85 рубл., но на *монету*, или *въ 12 мѣсяцевъ*. Такъ вейверетъ и плисъ покупаемъ былъ на монету въ 12 мѣсяцевъ отъ 1 р. 60 к. до 1 р. 95 к. Маржанъ купоретъ на монету, въ 12 мѣсяцовъ, отъ 2 р. 91 к. до 3 р. 5 к. за золотникъ.

Желаю, чтобы благонамѣренные торговцы Кяхтинскіе вняли симъ моимъ замѣчаніямъ, и подумали, *до чего* доведетъ ихъ малое соображеніе торговыхъ обстоятельствъ.

2. Послѣ изъясненія о продажѣ чаевъ въ Нижегородской ярмаркѣ, слѣдуетъ въ *Коммерческой Газетѣ* извѣстіе о цѣнахъ, состоявшихся на Русскіе товары въ Китайской Калганской ярмаркѣ 1829-го года, бывающей обыкновенно въ Февралѣ мѣсяцѣ. Извѣстія сіи для насъ любопытны и важны въ великой степени. Въ Коммерческой Газетѣ сказано, что извѣстія сіи *достовѣрны* и «получены однимъ изъ нашихъ Кяхтинскихъ торговцевъ;» за тѣмъ представлены цѣны товарамъ, выведенныя на наши деньги, безъ всякихъ объясненій.

Не знаю: ошибка-ли была въ спискѣ Кяхтинскаго торговца, доставившаго означенныя свѣдѣнія, или при вычетѣ Китайскихъ денегъ на наши учинена ошибка; но тѣмъ не менѣе цѣны товарамъ въ Коммерческой Газетѣ не совсѣмъ исправно поставлены; на примѣръ, сказано, что *выхухоль* въ Калганѣ продавалась 8 *рубл.*; *хвостъ хорьковый отъ* 6 *до* 7 *рублей*, и проч. — Явная несообразность! Не входя въ дальнѣйшее разсмотрѣніе, представляю все это извѣстіе въ исправнѣйшемъ видѣ, и съ подробностями.

	Китайская цѣна за штуку.				На мену на 100 штукъ.
	Ланъ	Чинъ	Фу	Ли	
Кошка:					
Черная	»	1	6	»	10
Черноспинная	»	1	3	»	11
Пестрая	»	»		»	15
Мерлушка:					
Украинская бѣлая	»	1	5	»	10
		1	3	»	
Пестрая и черная тожь	»	1	»	»	15
Сибирская черная	»	4	5	»	10
		5	»	»	
——— бѣлая	»	2	5	»	»
Лапа лисья Московская:					
Передняя бѣлодушка	»	2	2	5	»
Задняя	»	1	2	5	»
Корсакъ 1-го сорта	»	3	»	2	»
		2	9	»	»
Лисица карганка	»	3	5	»	»
Выхухоль	»	»	8	»	»
Выдра:					
Русская	3	6	»	»	3
	3	2	»	»	
Нѣмецкая	9	»	»	»	»
Хвосты хорьковые	»	»	6	»	10
		»	7	»	
Бѣлка Якутская	»	1	»	«	»
	»	»	9	»	
Сукно Мизирическое по-			»	»	
ловинка	14	»	»	»	»
	12	5	»	»	
— Московское (аршинъ)	»	4	2	»	»
		4	»	»	
Чешуйка Переяславская (за 100 аршинъ)	»	»	8	»	»

Примѣчанія.

1. Китайскій *ланъ* значитъ $8\frac{3}{4}$ золотниковъ Русскихъ, слѣдственно, считая по 90 коп. золотникъ, 7 р. $87\frac{1}{2}$ коп. По сему-же разсчету: *чинъ*= $78\frac{3}{4}$ коп.— *фу*=$73\frac{1}{4}$ коп.—*ли*=$\frac{3}{4}$ коп.

2. Надметъ на товары Русскіе, показанный въ 5-й графѣ, значитъ, что Китайцы имѣютъ постоянную придачу къ числу *ста*; сія наддача, какъ выше показано, бываетъ отъ 3-хъ до 15-ти.

Въ дополненіе всѣхъ моихъ замѣчаній, почитаю любопытнымъ представить еще слѣдующее къ довершенію разсчетовъ.

По достовѣрнымъ извѣстіямъ, въ Калганѣ покупались чаи самими Китайскими торговцами для промѣна Рускимъ на нынѣшній 1829-й годъ, *два мѣста фамильнаго* за 600 чинъ, т. е. 60 лановъ (полагается 1 мѣсто цвѣточнаго въ 34, 1 мѣсто не-цвѣточнаго въ 26 лановъ) и *два не фамильнаго* за 240 чинъ, т. е. 24 лана (полагается цвѣточный въ 15, не-цвѣточный въ 9 ланъ).

Если, для круглаго счета, опредѣлить цѣну лана Китайскаго въ восемь рублей, то самимъ Китайцамъ каждая пара мѣстъ фамильнаго чаю приходится въ 480, а не-фамильнаго во 192 рубля. Сообразивъ притомъ продажу Русскихъ товаровъ въ Калганѣ, можемъ-ли уповать, чтобы и при будущихъ вымѣнахъ успѣли Рускіе поддержать себя противъ Китайцевъ въ цѣнахъ? Маймачинскія фузы (или Китайскіе торговые домы) дѣйствуютъ единодушно, твердо, а *мы какЪ дѣйствуемЪ*? Это можетъ всякій видѣть изъ всего здѣсь сказаннаго. Не будучи предвѣщателемъ будущаго, можно сказать напередъ, *что̀* ожидаетъ Кяхтинскихъ торговцевъ, и нынѣшнею зимою въ Кяхтѣ, и будущимъ лѣтомъ на Нижегородской ярмаркѣ.

ЖИЗНЕННАЯ СИЛА,

или

ГЕНІЙ РОДОССКІЙ.

(Сочиненіе Б. Александра Гумбольдта (*)).

У жителей Сиракузъ, такъ же какъ у Аѳинянъ, былъ свой Пеецилъ. Изображеніе боговъ и героевъ, произведенія искуствъ Италіи и Греціи, украшали различныя залы портика, всегда наполненныя толпою народа. Юные воины прихо-

---

(*) Это едва-ли не единственное чисто-литтературное сочиненіе А. Гумбольдта. Оно въ первый разъ было напечатано въ Шиллеровомъ Журналѣ: Die дили туда созерцать дѣянія своихъ предковъ, художники изучаться произведеніямъ великихъ геніевъ. Среди безчисленнаго множества картинъ, перенесенныхъ изъ главнаго города дѣятельною ревностью Сиракузянъ, была одна, особенно привлекавшая къ себѣ, въ продолженіе столѣтія, вниманіе мимоходившихъ. Иногда въ портикѣ не было удивляющихся Юпитеру Олимпійскому, Кекропсу, основателю городовъ, и героической смѣлости Гармодія и Аристогитона, но въ то-же время народъ тѣсными рядами толпился вокругъ сей картины. Что было причиною такого предпочтенія? Не Апеллесъ-ли былъ творцемъ сего произведенія, избѣгнувшаго отъ губительнаго времени? Не изъ школы-ли Каллимаха вышло оно? Нѣтъ: прелесть и красота, правда, были видны въ сей картинѣ, но соединеніе красокъ, и общій характеръ, стиль ея, не могли идти въ сравненіе со многими другими картинами, находившимися въ Песилѣ.

Народъ глядитъ съ изумленіемъ и удивляется тому, чего онъ не понимаетъ; а такого народа очень много. Картина сія была на своемъ мѣ-

---

Horen, 1795, № 4. Представивъ читателямъ нашимъ ученое сочиненіе знаменитаго путешественника (*О степяхъ*, № 18 м. т. 1829 г.), представляемъ здѣсь совершенно противоположное оному. Геній вездѣ виденъ. *Изд.*

Digitized by Google

стѣ уже лѣтъ сто, и, не смотря на то что въ Сиракузахъ искусства процвѣтали съ большимъ блескомъ нежели во всей остальной Сициліи; никто не могъ разгадать мысли сего живописнаго произведенія. Не знали даже съ точностью, въ какомъ храмѣ было оно прежде сего, потому что его сняли съ корабля, сѣвшаго на мѣль, и только по нагруженнымъ на ономъ товарамъ догадались, что корабль шелъ изъ Родоса.

На передней части картины представлены были юноши и молодыя дѣвушки, собравшіяся тѣсными кружками. Всѣ они были безъ одежды; формы тѣла ихъ были удивительно совершенны, но станъ не столь возвышенный, какъ тотъ, который удивляетъ въ статуяхъ Праксителя и Алкамена. Мощные члены ихъ, носившіе на себѣ слѣды жестокихъ усилій, и совершенно человѣческое выраженіе ихъ желаній и печалей, казалось отнимали у нихъ весь небесный или божественный характеръ и приковывали ихъ къ земному обиталищу. Волосы ихъ просто были украшены листьями и цвѣтами полей. Юноши и дѣвы простирали другъ къ другу руки, какъ-бы изъявляя желаніе; но взгляды ихъ были устремлены на генія, окруженнаго блистающимъ свѣтомъ, плававшаго посреди сихъ группъ. На плечѣ его сидѣла бабочка; въ правой рукѣ былъ зажженный факелъ. Формы тѣла его были дѣтскія, круглыя;

взглядъ оживлялся небеснымъ огнемъ. Онъ повелительно глядѣлъ на юношей и молодыхъ дѣвушекъ, находившихся у ногъ его. Впрочемъ, въ картинѣ сей не замѣчали ничего особеннаго. Иные думали что въ низу ея можно прочитать буквы ζ и ω, и вслѣдствіе этого — потому что тогдашніе антикваріи были такъ-же смѣлы какъ и нынѣшніе — сочиняли изъ нихъ, довольно неудачно, имя Зенодора, живописца, соименнаго художнику, впослѣдствіи создавшему Колоссъ Родосскій.

Однакожъ геній Родосскій, какъ называли таинственную картину, былъ объясняемъ въ Сиракузахъ многими. Когда молодые любители искусствъ, возвратившись изъ сдѣланнаго на-скоро путешествія въ Коринѳъ или Аѳины, не явились-бы съ какимъ нибудь новымъ объясненіемъ, то они почли-бы себя принужденными отказаться отъ всякаго требованія на познаніе въ искусствахъ. Нѣкоторые почитали генія выраженіемъ духовной любви, запрещающей наслажденія чувственныя; другіе полагали, что это изображеніе власти разсудка надъ желаніями. Благоразумнѣйшіе молчали, угадывая нѣчто возвышенное, и разсматривая съ удовольствіемъ, въ Песилѣ, простое изобрѣтеніе картины.

Однакожъ дѣло все оставалось необъясненнымъ. Картина была списана со многими прибавленіяии, служила предметомъ подражанія на барельефахъ, и была въ спискѣ послана въ Грецію; но о происхожденіи ея не могли получить ни малѣйшаго извѣстія. Наконецъ, однажды, во время восхожденія Плеядъ, когда мореплаваніе по Эгейскому морю снова открылось, пришли въ Сиракузскій портъ корабли изъ Родоса. Они привезли драгоцѣнное собраніе статуй, алтарей, архитектурныхъ украшеній и картинъ, по повелѣнію Діонисіевъ, любившихъ искусства, составленное въ Греціи. Въ числѣ картинъ была одна, казалось, служившая парою Родосскому генію. Она была одинакаго съ нимъ размѣра, и сходна колоритомъ, но краски на ней лучше сохранились. Геній также былъ посрединѣ, но безъ бабочки на плечѣ; голова его была наклонена; пламенникъ свой держалъ онъ склонивши къ землѣ; юноши и молодыя дѣвушки крѣпко обнимались; во взорахъ ихъ не было уже ни печали, ни покорности; видно было что они снова получили свободу.

Антикваріи Сиракузскіе начали было перетолковывать свои прежнія изъясненія, дабы они могли быть примѣнены къ сей новой картинѣ, когда Тиранъ приказалъ отнести ее въ домъ Эпихарма. Это былъ философъ Пиѳагоровой школы. Онъ жилъ въ отдаленной части города, называвшейся Тихея. Рѣдко являлся онъ при Дворѣ Діонисія, не потому чтобы сей Тиранъ не собиралъ вокругъ себя людей съ дарованіями изъ всѣхъ колоній обширной Греціи, но потому что посѣщая великихъ міра, дарованія не рѣдко теряютъ часть своей очаровательности. Эпихармъ неусыпно занимался изученіемъ природы, ея силъ, происхожденія растеній и животныхъ, и гармоническими законами, по которымъ всѣ планетныя тѣла, такъ-же какъ хлопья снѣгу и градины, принимаютъ шаровидную форму, обращаясь сами вокругъ себя. Будучи обремененъ лѣтами, онъ заставлялъ ежедневно провожать себя въ Песилъ, а оттуда въ Ортигію, ко входу въ портъ, гдѣ, по словамъ его, открывалось передъ глазами его зрѣлище безконечнаго, къ которому тщетно усиливался онъ достигнуть умомъ. Онъ былъ уважаемъ народомъ и Тиранами, убѣгая сихъ послѣднихъ и охотно сближаясь съ первымъ.

Эпихармъ, уставшій, отдыхалъ на своей постели, когда къ нему принесли отъ Діонисія новую картину. Ему доставили также вѣрный списокъ съ генія Родосскаго. Философъ велѣлъ поставить обѣ картины передъ своими глазами, долго разсматривалъ ихъ внимательно, и, созвавъ учениковъ своихъ, сказалъ имъ слѣдующее:

«Откройте занавѣсъ окна: дайте мнѣ еще «разъ насладиться взглядомъ на оживленную землю. Шестьдесятъ лѣтъ размышлялъ я о вну-

« тренних двигателяхъ природы и о различіи веществъ; нынѣ, въ первый разъ, геній Родосскій заставляетъ меня видѣть ясно то, что провидѣлъ я смѣшенно. Если союзъ живыхъ твореній производитъ благодѣтельное и многообразное дѣйствіе, то въ неорганической природѣ вещество грубое двигаютъ подобные-же дѣятели. Даже въ ночи хаоса, начала сближались или удалялись, смотря потому, дружба или непріязнь оказывали надъ ними свою власть. Небесный огнь ищетъ металла, магнитъ желѣза; натертый янтарь подымаетъ легкія вещества; земля смѣшивается съ землею; соль отдѣляется отъ морской выпаренной воды; квасцы стремятся къ соединенію съ глиною. Все въ неодушевленной природѣ стремится къ соединенію, по особеннымъ законамъ. Изъ этого слѣдуетъ, что ни одно изъ земныхъ началъ, и даже свѣтъ, еслибъ только кто осмѣлился причислить его къ онымъ, не существуетъ въ первобытной своей односложности. Все, отъ начала бытія, стремится къ новымъ соединеніямъ, и только искусство человѣка можетъ отдѣлять и показывать отдѣльно то, чего напрасно ищете вы во внутренности земли и въ движущихся океанахъ воды и воздуха. Въ мертвомъ, неорганическомъ веществѣ царствуетъ совершенный покой, доколѣ не разрушены связи его сродства, до-

« колѣ третье вещество не проникаетъ къ дру-
« гимъ, и не соединяется съ ними. Но и за сею
« борьбою снова слѣдуетъ безплодный покой.

« Не такъ производится смѣшеніе началъ, со-
« ставляющихъ тѣло животныхъ и растеній.
« Тамъ-то жизненная сила повелительно поль-
« зуется своими правами: она ни сколько не за-
« ботится о дружбѣ или непріязни Демокрито-
« выхъ атомовъ; она соединяетъ вещества, ко-
« торыя въ неодушевленной природѣ вѣчно убѣ-
« гаютъ одно другаго, и раздѣляетъ ищущія вза-
« имнаго соединенія»

« Приближьтесь ко мнѣ, милые ученики мои!
« узнайте въ Родосскомъ геніи, въ выраженіи
« силы его, соединенной съ юностью, въ бабоч-
« кѣ, сидящей на его плечѣ, въ повелительномъ
« взглядѣ его, символъ жизненной силы, одушев-
« ляющей каждое зерно органическаго созданія.
« У ногъ его, земные элементы согласно хо-
« тятъ послѣдовать своимъ склонностямъ и со-
« единиться. Геній, держа въ воздухѣ свой за-
« жженный факелъ, съ грознымъ видомъ повелѣ-
« ваетъ ими, и принуждаетъ ихъ, не смотря
« на ихъ древнія права, слѣдовать своимъ зако-
« намъ.

« Теперь разсмотрите новую картину, при-
« сланную ко мнѣ Тираномъ для объясненія. Пе-
« ренесите ваши взоры отъ изображенія жизни,

Digitized by Google

«къ изображенію смерти. Бабочка улетѣла; опу-
«щенный къ землѣ факелъ погашенъ; голова юно-
«ши склонилась; духъ вознесся къ небесной
«странѣ; жизненная сила уничтожена. Юноши
«и молодыя дѣвушки держатъ другъ друга за
«руки; земныя вещества оказываютъ свои пра-
«ва. Освободившись отъ удерживавшихъ ихъ пре-
«пятствій, они, послѣ долгаго ожиданія, съ
«пылкостью слѣдуютъ побужденію, заставляющему
«ихъ соединяться: день смерти, есть для нихъ
«день брачнаго торжества.

«Такъ неподвижная вещественность, одушев-
«ленная жизненною силою, перешла безчисленное
«множество различныхъ видовъ, и въ томъ веще-
«ствѣ, которое можетъ быть облекало боже-
«ственный умъ Пиѳагора — ничтожный червь на-
«слаждался минутнымъ существованіемъ.

«Или, Поликлесъ, и скажи Тирану, что ты
«слышалъ. А вы, мои милые, Фрадманъ, Ско-
«пій и Тимоклесъ, подойдите ко мнѣ еще бли-
«же. Я чувствую, что ослабѣвшая жизненная
«сила не долго будетъ властвовать во мнѣ надъ
«земнымъ веществомъ: оно требуетъ своей
«прежней свободы. Проводите меня еще разъ въ
«Песилъ, а оттолѣ на берегъ моря: вскорѣ вы
«соберете мой пепелъ.»

Съ Французскаго.

Ueber die Möglichkeit und die Bedingungen einer Religions-Philoſophie, von Dr. Karl Sederholm (*О возможности и условіяхъ Философіи Религіи.* Соч. Доктора Философіи Карла Зсдергольма) М. 1829 г.

Исторія Философіи всѣхъ вѣковъ есть ни что иное, какъ повтореніе въ разныхъ видахъ особенныхъ сторонъ ума, являющихся въ такъ называемыхъ *началахъ* философскихъ системъ. Начала сіи всегда были одни и тѣ-же, на берегахъ Инда, въ Классическихъ странахъ Греціи и въ нашей холодной Европѣ: и они должны быть тѣми-же, доколѣ существуетъ человѣкъ; иначе начала не были-бы *началами*. Они всеобщи, ибо и могутъ быть началами философскими потому только, что заключаютъ въ себѣ основаніе жизни всего существующаго.

Какія-же начала сіи? Очевидно, что это тѣ три воззрѣнія, которыя ведутъ къ тремъ главнымъ ученіямъ реализма, идеализма и идентитизма, системы тожества, стремящейся соединить два первыя. Ученіе тожества существовало искони, но только въ другихъ видахъ, нежели въ нашъ девятнадцатый вѣкъ, точно такъ-же какъ идеализмъ какого нибудь мудреца Индійскаго, или реализмъ Ѳалеса, совершенно отличаются отъ реализма Спинозы, или идеализма Фихте: такъ въ духѣ тожества было ученіе Сократа, ученіе Комбинистовъ въ среднихъ вѣкахъ, самый Скептицизмъ Юма, стремившагося къ сему тожеству, самый Эклектизмъ Германцевъ осьмнадцатаго столѣтія. Да и чтожь естественнѣе тройственности сихъ началъ? Человѣкъ наблюдаетъ внѣшній міръ, человѣкъ умствуетъ, и наконецъ умозрѣнія свои старается примирить съ опытностію. Но какимъ-же образомъ, ежели начала сіи одни и тѣже, какимъ образомъ въ Исторіи Философіи является такое множество различныхъ системъ? —

Какимъ образомъ жизнь природы неорганической развивается въ процессѣ косности и движимости; жизнь растеній въ процессѣ химическихъ соединяющихъ и разлагающихъ силъ; жизнь животнаго въ чувствованіи внѣшнемъ, и внутреннемъ инстинктѣ; жизнь человѣка наконецъ въ процессахъ разума и воли, творящихъ Исторію? Какимъ образомъ всѣ явленія жизней, имѣющихъ источникомъ своимъ одну жизнь, какъ жизнь, существуютъ въ такомъ разительномъ многообразіи? Единство и безконечная разносторонность составляютъ основный законъ природы, и если она такова во всѣхъ своихъ процессахъ, то почему-же ей не быть тѣмъ, что она есть, и въ одномъ частномъ процессѣ ума, дающемъ Философію?

Съ другой стороны можетъ-ли же она не быть по сущности тѣмъ-же, что она въ частностяхъ? Нѣтъ, ибо это противорѣчило-бы ея единству. Слѣдовательно процессы частныхъ жизней, являющихся въ косности и движимости, въ разлагающихъ и соединяющихъ силахъ, въ инстинктѣ и чувствованіи, наконецъ въ разумѣ и волѣ, должны осуществляться также и въ общемъ источникѣ жизни, въ основномъ процессѣ природы. Этотъ основный процессъ природы относительно пространства, есть явленіе неорганической природы и человѣка, относительно времени — процессъ самопознанія, дающій Исторію. Первое появленіе человѣка на этой глыбѣ земли, украшенной всѣми ея произведеніями, было первый матеріяльный, инстинктный актъ самопознанія; и съ сего-то мгновенія началась жизнь Философіи, точно такъ-же, какъ отъ рожденія младенца начинается жизнь человѣка. Жизнь этой Философіи, какъ жизнь, какъ новый конечный актъ самопознанія, должна была опять имѣть цѣлію познать то, что все есть только самопознаніе; это произвело философскую дѣятельность. Но природа, въ отношеніи къ уму, какъ средоточію, всегда начинаетъ отъ высочайшей внѣшности; ибо въ Исторіи, которую развиваетъ собою природа во времени, нужно прежде ступить впередъ, чтобы отступать, прежде дѣйствовать, чтобы стремиться къ покою, выйдти изъ себя, чтобы послѣ сосредоточиваться, вступать въ самого себя, познавать себя. На этомъ основаніи и здѣсь человѣкъ началъ отъ видимой природы; сфера видимости была для него величайшею матеріей, сфера духа величайшимъ идеализмомъ, примиреніе ихъ долженствовало быть самое слабое, и всегда съ особеннымъ перевѣсомъ на той или на другой сторонѣ. Такимъ образомъ изъ двухъ въ одно примиренныхъ ученій разрывались опять два, но уже съ оттѣнками большаго самопознанія, какъ слѣдствіями первоначальнаго совокупленія; сіи два новыя, какъ реализмъ и идеализмъ второстепенныя, соединялись опять въ новой сферѣ, и ученіе тожества было всегдашнимъ требованіемъ, до тѣхъ поръ, пока оно не развилось самопознательно, то есть до тѣхъ поръ, пока реализмъ и идеализмъ, въ движеніи своемъ къ высочайшему средоточію, разумѣется подлежательному, человѣческому, не пришли въ такое соприкосновеніе, что внутренно слились, такъ сказать и, познали себя. Этому самопознанію, какъ величайшей подлежательности, надлежало совершиться въ вѣкъ самой философскій, въ вѣкъ Европейской учености, именно въ нашъ девятнадцатый вѣкъ. Слѣдствіе сего самопознанія, понятія о природѣ столько обобщились; столько возвысились въ сферу идеализма, а умъ человѣка столько нисшелъ въ реализмъ, что одно и то-же воззрѣніе, и слѣдовательно одни и тѣ-же начала приложились и къ идеализму и къ реализму, и произвели высшее, самое подлежательное ученіе тожества, давъ ему вмѣсто всѣхъ понятій *à priori* и *à posteriori* особенный, средній родъ умственныхъ началъ, идей. Такимъ образомъ казалось-бы, что такая одностороння подлежательность должна уклонить разумъ отъ истиннаго пути его. Но это несправедливо, ибо самое значеніе разума есть подлежательность и потому совершеннѣйшее познаніе истины можетъ быть тамъ, гдѣ разумъ, какъ сама подлежательность дѣйствуетъ въ сферѣ понятій, возведенныхъ также до высочайшей подлежательности. *И здѣсь-то основаніе непреложной истины трансценденталицзма.*

Но если трансцендентализмъ примирилъ такимъ образомъ между собою природу и человѣка, какъ нѣчто сосуществующее (*coexistant*), какъ явленія, то онъ все еще не удовлетворилъ-бы вполнѣ философствующему духу, если-бы оставилъ безъ вниманія ихъ бытіе временное, ихъ зависимость, какъ явленій, отъ общей причины ихъ бытія.

Мы сказали, что на основаніи началъ тожества духъ и природа являются чѣмъ-то единымъ, повинующимся однимъ и тѣмъ-же законамъ, но только подъ различными видами; первоначальная и конечная форма ихъ есть актъ самопознанія, противоположеніе безусловнаго самому себѣ, какъ условному. Но мы сказали также, что это не есть еще полное развитіе системы, потому что, разсматривая духъ и природу, какъ нѣчто настоящее, существующее, словомъ уже какъ явленіе, не должно забывать еще разсматривать это явленіе, не просто какъ явленіе, совершенно основанное на законахъ духа человѣческаго, но также и какъ обнаруженіе воли высшей, для которой самый человѣкъ есть только одно орудіе, то есть: явленіе отдѣлять отъ его причины и разсматривать его въ отношеніи къ этой причинѣ. На этомъ основывается вторичная двойственность *причины и слѣдствія,* существующихъ относительно послѣдовательности (времени), точно такъ-же какъ первая двойственность подлежащаго и предлежащаго существуютъ относительно пространства: и сіюто вторичную двойственность должно стремиться соединить ученіе тожества, точно такъ-же, какъ соединяетъ оно первую.

Но первая причина всего есть Божественное начало; слѣдствіе ея—вселенная, такъ сказать и въ пространственномъ и въ историческомъ ея значеніи. Непосредственное, не самосознательное чувство покорности сему началу есть религія, отзывающаяся въ душѣ человѣка безъ пособій его разума, дѣйствующая въ немъ, какъ воля Божества чрезъ откровеніе, привязывающая его къ причинѣ, какъ слѣдствіе необходимое, не свободное въ самомъ себѣ. Но съ другой стороны это не свободное существо по происхожденію своему, человѣкъ, какъ только слѣдствіе причины, внутренно долженъ сходствовать съ своею причиною, быть свободнымъ, то есть умствовать и такимъ образомъ свободно постигать себя. И такъ умствованіе есть свободное постиженіе себя; высочайшее умствованіе свободнѣйшее постиженіе себя; свободнѣйшее постиженіе себя есть высочайшая свобода, ибо только чрезъ свободу духъ приходитъ въ совершенное равенство съ самимъ собою, постигаетъ себя. Слѣдовательно въ мірѣ видимомъ, въ бытіи, только чрезъ Философію человѣкъ достигаетъ въ высшей степени свободнѣйшаго бытія, сліянія съ божественнымъ началомъ, являясь въ самомъ себѣ, какъ слѣдствіи, причиною. И такъ высочайшая Философія есть тоже религія, только взятая отъ ума человѣческаго, отъ слѣдствія; истинная религія есть та-же Философія, только взятая отъ свободы Божественной, отъ причины, и вотъ новое тожество, тожество послѣдовательности, причины и слѣдствія (Causalität), подобное тожеству сосуществующаго, подлежательнаго и предлежательнаго идеализма и реализма.

Шеллингъ, въ новѣйшія времена вполнѣ раскрывшій систему тожества, если и не указалъ непосредственно, то по крайней мѣрѣ достаточно далъ чувствовать сію двойственность его: подтвержденіемъ сему служатъ его *Бруно*, его *Философія и Религія*, его *Лекціи о методѣ Академическаго ученія*, его сочиненіе о *Свободѣ*. Послѣдователи его также обработывали предметъ сей; къ нимъ относится Циммеръ, написавшій *Ученіе религіи* (Religions-Lehre), и сколько видно изъ словъ Г. Зедергольма, выхваляемый имъ Гаршманъ. Наконецъ скажемъ, что сюда-же должно отнести и сочиненіе самого Г. Зедергольма: *Ueber die Möglichkeit und die Bedingungen einer Religions-Philosophie*, которое непосредственно источникомъ своимъ имѣетъ воззрѣніе Шеллинга, хотя Авторъ не находитъ для себя удовлетворительными идеи сего послѣдняго. Такъ онъ выражается.

Но какъ бы то ни было, основаніе всего сочиненія Г. Зедергольма совершенно въ духѣ Шеллинга и вполнѣ подтверждаетъ чистоту и религіозность идей его, вопреки всѣхъ клеветниковъ, начиная отъ ученаго Германца Вагнера, до послѣдняго школьника въ Россіи. Примиреніе религіи съ Философіею, точно такъ-же какъ примиреніе законовъ природы съ законами человѣческаго духа, было непосредственнымъ

Digitized by Google

слѣдствіемъ его идеи тожества. Но какой религіи? Религіи Христіанской преимущественно, какъ въ высочайшей степени истинной. Чтобы дать лучше отчетъ читателямъ въ сочиненіи Г. Зедергольма, особенно замѣчательномъ по основной идеѣ его, мы постараемся здѣсь изложить прежде, со всею возможною ясностію, еще нѣсколько мыслей въ духѣ положеній Шеллинга, посредственно и непосредственно руководствовавшихъ Автора Ueber die Möglichkeit etc. въ его философскомъ воззрѣніи и его выводахъ: мысли сіи, указывая источникъ и значеніе идей его, опредѣлятъ достаточно и самое ихъ достоинство въ области умозрѣнія.

Мы говоримъ, что религія Христіанская преимущественно есть истинная, и потому болѣе всѣхъ должна примиряться съ Философіею. Повинуясь Божественному гласу, ея же догматами говорящему, мы должны убѣждаться въ этомъ ея Откровеніемъ; но человѣческое начало умозрѣнія можетъ принимать и это какъ явленіе и потому требовать доказательствъ. Здѣсь пробный камень самой Философіи! Посмотримъ, какимъ образомъ приведетъ она къ единству разумъ, какъ достояніе человѣка и движеніе Божественной воли. Достиженіемъ сего единства она разрѣшаетъ и оправдываетъ сама себя: потому что утверждая истину религіи, она утверждаетъ тѣмъ и свою собственную основательность, ибо такимъ образомъ высочайшую подлежательность умозрѣнія согласуетъ съ высочайшею предлежательностію религіи, въ чемъ и заключается сама истина (*).

Разсматривая вселенную, какъ обнаруженіе воли высочайшей, а не просто какъ явленіе, то есть начала умозрѣнія прилагая къ воззрѣнію религіозному, безъ чего не льзя достигнуть требуемаго соединенія Философіи и религіи, мы и здѣсь видимъ, что міръ есть ни что иное, какъ только развитіе этой высочайшей воли, себя самую поставляющей себѣ-жь закономъ: слѣдовательно если что нибудь существуетъ, то существуетъ только она. Но всякое существованіе не можетъ быть безъ мысли, слѣдовательно предполагаетъ мысли, или въ общемъ смыслѣ идею и ея выраженіе. Стремленіе мысли или идеи выразиться поддерживаетъ бытіе и есть основаніе всякой жизни; какъ скоро мысль выражается, дѣятельность исчезаетъ, слѣдуетъ покой, и этотъ покой въ нашемъ видимомъ мірѣ называется смертію, хотя эта смерть, [или покой этотъ есть только самое полное повтореніе себя, высочайшее самопознаніе, высочайшая истина. Такимъ образомъ высочайшая истина есть покой. Но первоначальная воля вѣчна, потому что она же творитъ и самое время: слѣдовательно покой сей долженъ быть только ея идеаломъ, недостижимымъ въ дѣйствительности, ибо иначе послѣдовала бы общая смерть, и должно быть еще всегдашнее стремленіе къ этому идеалу; такимъ образомъ все бы-

---

(*) Denn die Wahrheit wird allgemein in die Uebereinstimmung der Vorstellungen mit ihren Gegenständen gesetzt.

тіе дѣлается вѣчнымъ самопознаніемъ, никакъ не совершающимся (во времени) вполнѣ, и потому совершающимся въ частностяхъ, для того чтобы всегда оставалось еще что нибудь для поддержанія сего стремленія. Но въ чемъ же состоитъ ходъ сего стремленія? Очевидно, что въ безпрестанной поступательности впередъ до тѣхъ поръ, пока стремленіе будетъ въ высочайшей степени выражать мысль свою, то есть пока первоначальная причина или причина вообще не явится въ слѣдствіи какъ полное развитіе, слѣдовательно не выразится въ частностяхъ. Такимъ образомъ утверждается форма всякаго развитія, какъ переходъ отъ общаго къ частному, отъ причины къ слѣдствію. Посему если Исторія есть также развитіе первоначальной воли во времени, то и ея ходъ долженъ быть поступательный, слѣдовательно идущій отъ общаго къ частному такъ, чтобы то, что въ началѣ является въ общемъ, какъ въ причинѣ, перешло наконецъ и въ самое частное, какъ въ слѣдствіе, то есть чтобы слѣдствіе заключило въ себѣ и самую причину, частное заключило въ себѣ общность, и потому сдѣлалось самостоятельнымъ, познало себя. И здѣсь-то святая истина Христіанскаго ученія. Бого-человѣкъ воплощается: какъ начальный источникъ и причина свѣта общаго, онъ переноситъ себя въ жизнь временную, конечную, и тѣло отпадшаго человѣка, какъ оставленную храмину, освѣщаетъ для новаго служенія: въ немъ дается самостоятельность человѣку, который, существовавъ дотолѣ одностороннимъ образомъ, какъ внѣшнее слѣдствіе, совершенно зависящее отъ своей причины, здѣсь сливается съ нею и такимъ образомъ повторяетъ въ себѣ полный актъ самопознанія; посему-то общая форма бытія въ исторіи временъ Христіанскихъ есть философическая, въ противоположность поэтической формѣ Классицизма и нравственно-созерцательной восточныхъ народовъ.

Здѣсь для ясности можно прибѣгнуть къ сравненію, хотя уже слишкомъ извѣстному — сравненію исторіи человѣчества съ частною исторіею человѣка. Точно такъ, какъ человѣкъ — младенецъ, является въ міръ подъ вліяніемъ совершенно чуждой ему воли, которая дѣлается первоначальнымъ его закономъ, а потомъ въ продолженіе всей своей жизни стремится достигнуть большей и большей самостоятельности, что бы себя самого постановить симъ закономъ, то есть посредствомъ разума, какъ внутренней, собственно ему принадлежащей точки, связать себя съ общимъ порядкомъ вещей; точно такъ-же и въ исторіи человѣчества первый человѣкъ, какъ слѣдствіе, является въ совершенной внѣшней зависимости отъ своего источника и ѳеократизмъ дѣлается единственною формою его общеественнаго бытія, но потомъ, приобрѣтая болѣе и болѣе самостоятельности, онъ стремится къ тому, что бы изъ самого себя, изъ Божественной искры разума, данной ему въ собственность и между тѣмъ связующей его съ Божествомъ, вывести и упрочить законы своего бытія. Здѣсь опять тотъ же ходъ, отъ общаго къ частному, отъ причины къ слѣдствію, который даетъ три доселѣ совершившіяся эпохи Исторіи. Сначала человѣкъ является совершенно живущимъ въ лонѣ Божества, и это періодъ восточныхъ народовъ; потомъ является покорствующимъ какъ бы инстинкту, но инстинкту человѣческому, близкому къ самопознанію, инстинкту фантазіи, гдѣ предписываетъ ему законы внутреннее чувство, заключающее въ себѣ нераздѣльно свѣтлую мысль разума съ постороннею ему волею, которая говоритъ въ немъ—и это древній періодъ Классическаго человѣка; наконецъ является онъ съ чистымъ стремленіемъ постигать себя умственно, сознавать вполнѣ—и это третій періодъ новаго человѣка, котораго предѣлъ тамъ, гдѣ все обратится въ чистое сознаніе..... Очевидно, что этотъ третій періодъ долженъ быть болѣе истиннымъ для разума, ибо въ первыхъ двухъ всякое познаніе носитъ на себѣ отпечатокъ большей внѣшности, нежели здѣсь, гдѣ разумъ внутренно постигаетъ себя. И между тѣмъ сей-то періодъ есть періодъ Христіанства, воплощеннаго Бого-человѣка, котораго чистое ученіе возноситъ къ идеямъ, какъ величайшему воплощенію Божественной воли, къ идеямъ, достоянію самой Философіи, между тѣмъ какъ всѣ другія религіи основываются только на чувствахъ, и потому не могутъ быть достаточными для разума: такъ у восточныхъ народовъ все заключалось въ однихъ постановленіяхъ, какъ предписаніяхъ высшей воли, въ которыхъ человѣкъ не могъ давать себѣ отчета умственнаго, ибо религіозное, чувство, какъ необходимая принадлежность каждаго, по возможности совершеннаго, вполнѣ развитаго существа, стремившись выразиться и не имѣвъ еще достояніемъ своимъ идей, должно было останавливаться на самыхъ общихъ очеркахъ природы, на томъ, что выражало Творца въ твореніи для чувства: высочайшая степень сего выраженія было идолопоклонство, и между тѣмъ оно было высочайшею степенью ложной религіи, ибо смѣшивало Творца съ его твореніемъ, уничтожало причину въ ея слѣдствіи, поставляя явленія внѣшности за внутреннее, за источникъ всякаго бытія. Промыслу нужно было очистить человѣка, говоря въ смыслѣ библейскомъ, отъ грѣховъ его: совершилось великое событіе, самъ Богъ, какъ Начало Безконечное, искупилъ человѣка приобщеніемъ его къ славѣ своей, возведя къ самому безконечному въ царствѣ міра— къ царству идей. Такимъ образомъ вѣра и Философія сблизились и догматы религіи сдѣлались совмѣстными разуму, ибо явились въ образахъ соотвѣтствующихъ сему послѣднему: но они сблизились только здѣсь, гдѣ самая религія получила болѣе умственную форму, нежели когда либо, что въ особенности подтверждается исторіею Христіанства.

И такъ религія Христіанская и по убѣжденію откровенія и по выводамъ разума есть единая истинная. Слѣдовательно въ ея откровеніи и должно преимущественно отыскивать связь съ умственнымъ бытіемъ человѣка, чтобы оправдать его истину въ отношеніи къ самой религіи. Такимъ образомъ соединеніе религіи съ Философіею можетъ осуществиться только въ Христіанствѣ, гдѣ самое откровеніе мѣриломъ своимъ возсозидаетъ разумъ: и это есть высочайшее явленіе самопознанія не только частнаго, человѣческаго, но и общаго самопознанія вселенной, обнаруживающагося въ духѣ человѣческомъ въ видѣ Откровенія. И это есть второе положеніе, умственно утверждающее условія — *die Bedingungen* — соединенія религіи съ Философіею въ сочиненіи Г. Зедергольма точно такъ-же, какъ первый выводъ нашъ тожества началъ причины и слѣдствія утверждаетъ возможность—*Möglichkeit* — его соединенія.

Сіи два положенія составляютъ основу и содержаніе всего сочиненія Г. Зедергольма; положенія въ высочайшей степени истинныя, утѣшительныя для всего человѣчества. Ими примиряются распри ложнаго ума съ святостію божественныхъ догматовъ религіи; ими уничтожаются всѣ козни эгоистическаго невѣжества, оскверняющаго святыню низкими помыслами прибѣгнуть къ ней, какъ къ орудію для ниспроверженія свѣтлаго престола истины; ими уничтожаются и мудрованія Вольтеровъ и приговоры auto-da-fé. Нельзя не благодарить Г. Зедергольма за подобное предпріятіе: оно важно во всѣхъ отношеніяхъ, потому что стремится поддержать два основные столпа всего духовнаго бытія человѣка — *разумъ* и *вѣру*, и взаимнымъ соединеніемъ утвердить ихъ непоколебимо противу всѣхъ заблужденій и происковъ.

Обратимся теперь къ самому изложенію предмета въ сочиненіи Г. Зедергольма. Оно, какъ изъясняется самъ Авторъ, заключаетъ въ себѣ только предварительныя мысли для другаго обширнѣйшаго, въ которомъ онъ предположилъ цѣлію полный составъ *Философіи Религіи*. Г. Зедергольмъ начинаетъ здѣсь съ того, что въ истинѣ только можетъ быть спасеніе, ибо истина опредѣляетъ отношеніе человѣка къ нравственному міру. Сознаніе сего отношенія къ міру нравственному составляетъ воззрѣніе, и въ слѣдствіе сего воззрѣнія человѣкъ болѣе или менѣе достигаетъ истины. Стремясь вознестись до сего воззрѣнія, онъ необходимо долженъ основываться или на способности познавать, или принимать за основаніе духовность, или духъ, какъ сліяніе ума, воли и чувствованія, то есть утверждаться на разумѣ, или на религіи: но человѣкъ, говоритъ онъ, является въ мірѣ несовершеннымъ, поступаетъ безпрестанно отъ одного воззрѣнія къ другому, а потому никогда и не достигаетъ истины, которая должна быть одна. Основываясь на этомъ, Г. Зедергольмъ перебираетъ весьма поверхностно всѣ воззрѣнія, и философскія и религіозныя, и каждое изъ нихъ опровергаетъ тѣмъ, что всегда въ исторіи слѣдовало за нимъ новое. И это существовало, продолжаетъ Авторъ, до тѣхъ поръ, пока Промыслу нужно было исправить человѣка Откровеніемъ, которое долженствовало быть непосредственнымъ изліяніемъ Божественной воли, ибо разумъ былъ уже поврежденъ первороднымъ грѣхомъ: но здѣсь, при душѣ очищенной Откровеніемъ, не могъ тотчасъ очиститься еще разумъ, и потому все еще должно было существовать противорѣчіе въ воззрѣніяхъ дотолѣ, пока разумъ не очистится вполнѣ и не сольется съ Откровеніемъ. Въ слѣдствіе сего онъ разсматриваетъ всѣ философскія системы Христіанскаго пері-

Digitized by Google

ода и отвергаетъ ихъ болѣе или менѣе по далекости ихъ отъ религіи. Таково главное содержаніе и порядокъ выводовъ въ сочиненіи Г. Зедергольма. Здѣсь, съ одной стороны, во многихъ мѣстахъ мистическія выраженія поставляются имъ вмѣсто доказательствъ: мы говоримъ *мистическія* потому, что сквозь нихъ не проглядываетъ никакая мысль, которая указывала-бы на связь разума съ религіею, что подтверждается его положеніями объ отпаденіи, Откровеніи, искупленіи и пр.; съ другой-же во многихъ мѣстахъ онъ объясняетъ положенія свои тѣмъ, что для читающаго не имѣетъ силы доказательства, ибо само по себѣ есть еще предметъ дальнѣйшихъ и почти окончательныхъ доказательствъ Таковы замѣчанія его о религіи Индійцевъ, Іудеевъ, объ Исламизмѣ и пр., ибо что̀ доказываютъ на пр. подобныя выраженія:

«Религія Индійцевъ, приближаясь къ Христіанству, что подтверждаетъ глубокость истинъ сего послѣдняго, есть прекрасная, глубокая по смыслу мечта, но не самая истина, ибо истина была потеряна.»

Или далѣе: «Религія Іудеевъ хотя и основывалась на истинномъ Откровеніи но не могла имѣть настоящаго воззрѣнія, ибо была сама предуготовленіемъ, Іоанномъ, который не былъ самъ свѣтомъ, но указалъ свѣтъ.»

Или ... но къ чему продолжать это? иначе надобно-бы выписывать очень много. Подобныя фразы ничего не значатъ, ибо вмѣсто ихъ можно-бы гораздо простѣе выразиться: Христіанство есть истинная религія въ сравненіи съ религіею Индій-

Digitized by Google

цевъ и Іудеевъ потому, что первая есть мечта, а послѣдняя предуготовленіе Христіанства. А почему мечта? Какое предуготовленіе? Здѣсь мы не узнаемъ ничего болѣе и остаемся съ тѣми-же понятіями, съ которыми приступали къ чтенію.

При книжкѣ Г. Зедергольма приложены еще замѣчанія и прибавленія, нѣчто изъ самаго сочиненія его о Философіи Религіи, гдѣ разумъ удовлетворяется болѣе, нежели въ выводахъ его *Ueber die Möglichkeit und die Bedingungen* и пр., хотя вездѣ почти болѣе или менѣе проглядываетъ мистицизмъ, который, своею односторонностію воззрѣнія, опять не допуститъ его до предполагаемаго имъ сліянія Философіи и религіи. Схоластики своимъ мистицизмомъ не достигли ничего, и предпріятія ихъ всегда разрушались по односторонности ихъ воззрѣнія, въ которомъ Авторъ упрекаетъ ихъ и котораго между тѣмъ самъ долженъ страшиться.

Впрочемъ, какъ-бы то ни было, библіографія съ особенною благодарностью должна включить въ листки свои трудъ Г. Зедергольма. Если оно и не имѣетъ полнаго философическаго достоинства въ изложеніи, то мы охотно готовы здѣсь повторить еще, что, по основной своей мысли по крайней мѣрѣ, оно принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ сочиненій, которыя въ великой цѣли своей носятъ уже оправданіе всѣхъ своихъ недостатковъ.

И. Ср.—Камашевъ.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Русская литтература.

— *Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ*, хранящихся въ Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Ч. IV. М. 1828 г. въ т. С. Селивановскаго, въ поллиста IV, 16, 656 и 161 стр. (всего 837 стр.), съ заглавнымъ гравированнымъ листомъ, и *пятью* полулистами снимковъ съ 15-ти древнихъ рукописей.

Давно ожиданная книга сія наконецъ издана; *четвертымъ* томомъ оканчивается *Собраніе Государственныхъ граматъ и договоровъ*. Не льзя было иногда не посѣтовать на медленность, непостижимую и неизъяснимую, съ какою печаталось это *Собраніе*: 3-й томъ онаго изданъ былъ въ 1822 году, и послѣ того *семь лѣтъ* печатался 4-й томъ. Подъ краткимъ *Предисловіемъ* 4-го тома поставлено: 31 *Декабря* 1828, а на заглавномъ листѣ *вытиснуто* (а не напечатано): 1828. И такъ: *годъ цѣлый* прошелъ, пока готовая уже книга пущена была въ продажу. Но теперь, когда дѣло кончено и почтенный начальникъ Московскаго Архива Коллегіи иностранныхъ дѣлъ объявляетъ неопредѣленно, что дальнѣйшее продолженіе изданія граматъ поступило въ вѣдѣніе Коллегіи Ин. Дѣлъ, и зависитъ

Digitized by Google

отъ ея распоряженій, невольно пожалѣете даже о прошедшемъ медленномъ исполненіи. Богъ знаетъ, когда драгоцѣнные дальнѣйшіе матеріялы будутъ доведены до свѣдѣнія публики! Извѣстно, что изданнымъ *Собраніемъ Государственныхъ граматъ и договоровъ* мы обязаны патріотической ревности покойнаго Государственнаго Канцлера, Графа Н. П. Румянцова. Онъ отдѣлилъ капиталъ на сіе изданіе, и устроилъ особую Коммисію, которая въ 1813 году издала 1-й, въ 1819 г. 2-й, въ 1822 г. 3-й, а нынѣ, въ 1829 г., 4-й томы. Сыщется-ли другой подобный ревнитель Исторіи отечества, другой человѣкъ, дорожащій столько-же бытописаніями отечества, изъ среды нашихъ богачей? Не знаемъ, и, признаемся, не видимъ къ этому слѣдовъ. Между тѣмъ, не подумаетъ-ли кто нибудь, что изданіе граматъ, подвигъ столь прекрасный, истинно Европейскій, стоилъ Графу Румянцову огромныхъ суммъ? Напротивъ! Какъ часто на Французскій домашній спектакль, на покупку Англійской лошадки, на шали, на кормленье знатнаго тунеядца, не говоря уже о картахъ, бросаютъ десятки тысячь рублей, а изданіе Собранія граматъ, весьма хорошо, даже роскошно напечатаннаго, стоило всего на все — менѣе *семидесяти тысячь рублей* (Предисловіе, стр. III)! Сколько найдется у насъ богачей, которымъ отдѣлить въ теченіе 15-ти лѣтъ 70,000 (т. е. менѣе 5,000 рубл. въ годъ) значило-бы сущую бездѣлку!

Что-же на эту бездѣлку можно сдѣлать? Судите по тому, что сдѣлалъ на подобную сумму Графъ Румянцовъ.

Важнѣйшіе акты, коими объясняется, повѣряется, утверждается Исторія отечества, съ XIII-го по XVIII-й вѣкъ (съ 1265-го по 1696-й годъ), въ теченіе 400 лѣтъ, лежали скрытые отъ насъ, недоступные историку, невѣдомые дипломату, неизвѣстные юристу, и теперь всѣ они, числомъ до *девяти сотъ*, изданы, извѣстны, употреблены знатоками. Какое пособіе открылось для всѣхъ частей нашего дѣеписанія; сколько поводовъ къ важнѣйшимъ изслѣдованіямъ, разысканіямъ, выводамъ!...

Просимъ читателей извинить насъ, что мы вошли здѣсь въ нѣкоторыя постороннія предмету книги обстоятельства: *сердце говоритъ*, по Русской пословицѣ.

Въ IV-й части *Собранія граматъ и договоровъ* помѣщены 221 статья. Дѣла начинаются съ 1656 года и продолжаются до смерти Царя Іоанна V-го, или единодержавія Петра Великаго (до 1696-го года). Это богатѣйшее собраніе фактовъ за достопамятныя царствованія Алексія, Ѳеодора, Іоанна, Петра и Софіи. Исчисленіе всего, что находимъ тутъ замѣчательнаго, а наипаче новаго, долженствовало-бъ быть предметомъ обширной статьи. Занимаясь особенно отечественною Исторіею, Рецензентъ при своемъ трудѣ надѣется употребить сіи драгоцѣнности съ пользою. Тутъ видна Россія уже твердая, на новомъ основаніи, которое положено было ей подвигами народа въ 1612-мъ году, и избраніемъ благословеннаго Дома Романовыхъ на престолъ Россіи. Какая видна удивительная, быстрая перемѣна, какая новая жизнь! До 1656 года едва прошло 43 года съ того времени, когда голосъ Минина раздался въ безднѣ гибели и безначалія, и — 1656-й годъ открывается уже избраніемъ Царя Алексія на Польскій престолъ. Актами, касательно сего замѣчательнаго событія, начинается IV-й томъ *Собранія граматъ и договоровъ*. Далѣе слѣдуютъ важные акты, относительно исторіи Малороссіи, отъ времени кончины Богдана Хмельницкаго до избранія въ Гетманы Мазепы; акты, относительно дѣла Патріарха Никона; акты объ уничтоженіи мѣстничества, при Царѣ Ѳеодорѣ, и проч. и проч. Исторія государственныхъ постановленій, Церкви, промышленности, торговли, быта внутренняго получаетъ здѣсь множество матеріяловъ. Упомянемъ, для примѣра, о слѣдующихъ статьяхъ: допросы о причинѣ дороговизны въ Москвѣ хлѣба (1659 года); память о запрещеніи торговли табакомъ (1661 г.); грамата о посылкѣ на Двину рудовѣдца (1666 г.); торговый уставъ (1667 г.); акты, касательно учрежденія въ Россіи почтъ; грамата о прекращеніи откупа на зернь и карты (1668 г.); акты, касательно заключеннаго съ Армянскою компаніею договора о торговлѣ въ Россіи шелкомъ; уставъ, о сборѣ таможенныхъ пошлинъ (1681 г.). Не приводимъ здѣсь актовъ меньшей важности, но весьма любопытныхъ, показывающихъ духъ Правительства, подробности частныя, и т. п., какъ-то: память касательно убогаго дома (стр. 214); указъ о запрещеніи писать въ просьбахъ, подаваемыхъ Царю, чтобы онъ *пожаловалъ умилосердился*, какъ

Богъ (стр. 375); указъ о платьяхъ, въ какихъ должно являться ко Двору (стр. 377); жалованная грамата Кіево-Печерской Лаврѣ (сто. 576); грамата о дозволеніи Лютеранамъ селиться въ Россіи (стр. 594); грамата о сожженіи въ Москвѣ ересіарха Кульмана (стр. 619); грамата о пожалованіи Новгородцу Ивану Аракчееву земель, Новгородскаго уѣзда, Бѣжецкой волости, въ Никольскомъ и Петровско-Тихвинскомъ погостахъ (стр. 643); отписка Атамана Донскихъ Казаковъ Крымскому Хану, которою отвѣчали Казаки на угрозы Хана: идти на нихъ съ войскомъ (стр. 471). Выписываемъ изъ сего истинно-рыцарскаго посланія, въ заключеніе статьи нашей, нѣсколько строкъ:

«А пишешь ты къ намъ, Ханъ Муратъ Гирей: если взятое твое за Перекопомъ, и въ иныхъ мѣстахъ, не пришлемъ, и ты хочешь къ намъ посылать зипунниковъ своихъ другъ за другомъ безпрестанно, и бить велишь на тридцать на два городка, и упокою намъ не хочешь дать, ни весною, ни лѣтомъ, ни осенью, ни зимою, и самъ ты, Ханъ Муратъ Гирей, хочешь подъ наши городки идти многимъ собраніемъ по льду зимнимъ путемъ, войною. И наши городки некорыстны, оплетены плетнями, и обвѣшаны тернами, а надобно ихъ доставать твердо головами, а стадъ у насъ конскихъ и животинныхъ мало: даромъ вамъ въ дальній путь забиваться!»

Сказавъ выше сего, что *Собраніе граматъ и договоровъ* издано даже великолѣпно, прибавимъ, что до самаго окончанія оно доведено съ ученою, дипломатическою точностью. Почтенные Г-да Издатели заслуживают благодарное наше воспоминаніе. Съ 2-го тома печатаніе производилось подъ надзоромъ Его Превосходительства, А. Ѳ. Малиновскаго; трудились надъ нимъ П. М. Строевъ и К. Ѳ. Калайдовичъ, со многими помощниками.— Въ IV-мъ томѣ, такъ-же какъ и при трехъ первыхъ, сохранены въ снимкахъ подписи знаменитыхъ людей, и, кромѣ того, приложены снимки съ 15 актовъ, коими представляются постепенныя измѣненія письменъ въ Россіи, начиная съ Новгородской граматы 1265 года, писанной уставомъ, до приказной скорописи 1678-го года. — Для употребляющихъ *Собраніе граматъ и договоровъ*, составляетъ важное пособіе, приложенное къ IV-й части, извлеченное изъ всѣхъ четырехъ частей, *Указаніе* собственныхъ именъ странъ, народовъ, морей, озеръ, рѣкъ, горъ, городовъ, селъ, деревень, урочищь, церквей, монастырей, людей, и проч., составленное съ большимъ тщаніемъ, и занявшее болѣе 160-ти полулистовыхъ страницъ, въ два столбца.

— *Сань-цзы-цзинь*, или троесловіе, съ литографированнымъ Китайскимъ текстомъ. Переведено съ Китайскаго Монахомъ Іакинѳомъ. Спб. 1829 г. въ т. Х. Гинца, in 4, 83 стр.

Донынѣ, почтенный О. Іакинѳъ дарилъ насъ сокровищами въ ученыхъ сочиненіяхъ и превосходныхъ переводахъ, которые обращали на себя вниманіе наше не великолѣпіемъ изданія, но сущностью. Теперь просвѣщенная щедрость Правительства доставила ему средства издать на Русскомъ языкѣ переводъ одной Китайской книги, замѣчательно по великолѣпію, съ какимъ оный изданъ.

Книга, изд. О. Іакинѳомъ, начальное *Троесловіе* Китайцевъ, напечатана на превосходной веленевой бумагѣ, съ Китайскимъ, отлично литографированнымъ текстомъ: это роскошь литтературы, украшеніе библіотекъ.

Впрочемъ, и въ семъ роскошномъ подаркѣ, О. Іакинѳъ умѣлъ соединить пользу съ удовольствіемъ. Онъ выбралъ именно такую книгу, которая «можетъ служить у насъ руководствомъ къ чтенію «переводовъ съ Китайскаго языка.»

Санъ-цзы-цзинъ, или *Троесловіе*, есть сочиненіе Китайскаго ученаго, Ванъ-бо-хэу, жившаго въ XIII-мъ столѣтіи. Это родъ дѣтской энциклопедіи, одна изъ первоначальныхъ при ученіи Китайцевъ книгъ, составленная изъ разныхъ отдѣленій, или троесловій, заключающихъ въ себѣ основанія нравственности, начальныя понятія Китайцевъ объ Исторіи, Физикѣ, и проч. и проч., съ изъясненіями, примѣрами, примѣчаніями; это краткое руководство къ познанію Китайской Исторіи, Философіи, Естествознанія, понятій Китайскихъ о предметахъ разнообразныхъ и многоразличныхъ.

Мы желали-бы представить читателямъ, для примѣра, нѣсколько изъ 99-ти, составляющихъ полный Санъ-цзы-цзинъ, троесловій, но колеблемся въ выборѣ изъ сей замѣчательной сокровищницы Китайской мудрости, гдѣ Философія Востока облечена въ странныя для Европейца формы, но тѣмъ не менѣе удивляетъ своею глубокостью, силою, простотою. Вотъ однакожъ нѣсколько извлеченій, взятыхъ нами безъ выбора:

Троесловіе.

« Порядокъ между старшими и младшими,
Между друзьями и товарищами;
Государь долженъ уважать,
Чиновникъ быть усерденъ.

Изъясненіе.

« Одинаковыхъ свойствъ есть другъ; одного состоянія есть товарищъ. Соотвѣтствовать другъ другу любовію, обращаться съ благопристойностію, соблюдать различіе между старшими и младшими, жить въ совершенномъ согласіи, по долгу вмѣстѣ жить и умирать, по любви дѣлить радости и горести: таковъ есть законъ дружества. Иначе, дружество будетъ поверхностная связь на время собравшихся, что не можно почитать дружествомъ. Государь есть глава чиновъ, чины суть подпоры государя. Законъ или долгъ Царей есть съ проницательностію и благоразуміемъ царствовать надъ подданными, съ важностію и благоговѣніемъ сидѣть на престолѣ, съ строгостію и благостію повелѣвать чинами. Долгъ чиновъ есть въ чистотѣ и правотѣ содержать сердце, съ прямодушіемъ и вѣрностію выполнять свои должности, усердно и нелицемѣрно служить государю. Если симъ образомъ поступать, то царство будетъ наслаждаться спокойствіемъ; благоустройство и просвѣщеніе достигнутъ высочайшей степени. Въ противномъ случаѣ государь возгордится, чины начнутъ льстить, и неустройство день ото дня будетъ умножаться.»

Троесловіе.

« *Шелковичный червь даетъ шелкъ,*
Пчела составляетъ медъ.
Если человѣкъ не учится,
Становится ниже тварей.

Изъясненіе.

«Для чего не посмотрятъ на пчелу и на шелковичнаго червя? Шелковичный червь и пчела суть наималѣйшія изъ тварей; ничего не требуютъ отъ людей, но люди воспитываютъ ихъ. Шелковичный червь прядетъ шелковыя волокны, и сплетаетъ мѣшечки для матеріяловъ на шелковыя ткани. Пчела собираетъ сладость съ цвѣтовъ и составляетъ медъ, употребляемый на квашеніе. Суть малѣйшія между тварями, но услуги ихъ велики. А вы, благородные юноши, когда не учитесь и небрежете о своемъ состояніи, то истинно унижаете себя предъ насѣкомыми.»

Троесловіе.

« *Въ дѣтскихъ лѣтахъ учитесь;*
Въ зрѣломъ возрастѣ исполняйте.
Царя совершенствуйте;
Народу благодѣтельствуйте.

Изъясненіе.

«1. Человѣкъ раждается не для того, чтобъ безъ цѣли заниматься ученіемъ. Каждаго обязанность: въ дѣтскихъ лѣтахъ учить изрѣченія премудрыхъ и мудрыхъ; пришедши въ совершеннолѣтіе подражать дѣяніямъ премудрыхъ и мудрыхъ. Если только учиться, а не подражать имъ, то не будетъ никакой пользы отъ ученія.»

«2. Что значитъ: *въ зрѣломъ возрастѣ исполнять*? Благородный человѣкъ, вступившій въ службу, и не уклоняющійся отъ закона, долженъ усовершать Царя, чтобы онъ могъ сравниться съ Государями Яо и Шунь; долженъ благодѣтельствовать народу, подобно, какъ во времена Государей Яо и Шунь. Туже мысль выражаютъ слова: въ низкомъ состояніи будь добръ самъ въ себѣ, а когда возвысишься, будь добръ и въ отношеніи къ поднебесной.»

Китайскій текстъ литографированъ по изобрѣтенію, извѣстнаго оріенталиста нашего, Барона Шиллинга фонъ-Канштадтъ, который принималъ ревностное участіе въ полезномъ трудѣ О. Іакинѳа.

— *Врачебныя записки*, издаваемыя Д(окторомъ). М(едицины), Маркусомъ, Коллежскимъ Сов. и пр. Ч. III и IV. М. 1829 г. въ т. А. Семена, in 8, 531 стр., съ рисункомъ.

Симъ заключается изданіе *Врачебныхъ Записокъ*, предпринятое почтеннымъ Г-мъ Маркусомъ, и замедленное донынѣ обширною практикою и другими обязанностями сего знаменитаго медика. Мы осмѣливаемся предполагать, что Г-нъ Маркусъ не оставитъ, приготовивъ новые матеріялы, продолжать свое полезное предпріятіе, и въ семъ удостовѣряетъ насъ начатая въ 3-й и 4-й ч. статья (стр. 1—51) о важномъ предметѣ: теоріи Бруссе; также другія статьи, остающіяся не конченными. Усердно желая, чтобы предположеніе наше исполнилось, скажемъ, что и двѣ вновь вышедшія части *Врачебныхъ Записокъ* наполнены столь-же замѣчательными статьями, какъ и двѣ прежде изданныя. Онѣ также раздѣлены на два отдѣленія: *Науки собственно-Медицинскія* (Терапія и Патологія; Хирургія; Аккушерская наука; болѣзни дѣтей) и *Вспомогательныя науки Медицины* (Патологическая Анатомія; Физіологія). Кромѣ статьи о теоріи Бруссе, дѣлающей нынѣ столько шуму въ Медицинѣ, въ 1-мъ отдѣленіи особенно замѣчательны: соч. Доктора Шульца, о теоріи исцѣленія болѣзней Гартмана, и нынѣшней врачебной практикѣ; соч. Г. Лоринзера о болѣзняхъ легкихъ; продолженіе соч. Доктора Эвеніуса, объ искривленіяхъ тѣла человѣческаго, и проч. — Въ отдѣленіи *Смѣси*, помѣщено болѣе 20-ти статей любопытныхъ, разнаго содержанія. — Драгоцѣнная для врачей (особенно въ Россіи, гдѣ такъ мало извѣстны иностранныя современныя литтературы) библіографія Медицины вполнѣ окончена за 1826-й годъ.

— *Некрологія Генерала отъ кавалеріи Н. Н. Раевскаго*. СПб. 1829 г. въ Военной т., in 8, 12 стр.

Участникъ въ воинской славѣ Россіи, внукъ Потемкина, другъ Багратіона, Раевскій скончался сего 1829 года, Сентября 16 дня, въ удаленіи, по причинѣ тѣлесныхъ страданій, отъ поприща побѣдъ. Герой Очакова, Фридланда, Дуная, Финляндіи, наконецъ Дашковки, Смоленска, Бородина, Лейпцига, Бріенны и Парижа, будетъ незабвенъ въ памяти соотечественниковъ. Онъ не думалъ о славѣ и наградахъ, когда бросался на батареи Наполеона съ дѣтьми своими; но, осыпанный почестями, онъ имѣлъ счастіе видѣть себя предметомъ обожанія подчиненныхъ, почтенія лично его знавшихъ, и благословенія соотчичей. Некрологія Раевскаго кратка, но написана съ чувствомъ, знаніемъ дѣла, и искренностію воинскою. Въ семъ послѣднемъ отношеніи, она особенно замѣчательна, и, съ многими другими книгами и статьями въ повременныхъ сочиненіяхъ, которыя изданы Правительствомъ и частными людьми въ послѣднее время, показываетъ, что въ Россіи наконецъ начинаютъ понимать величіе истины, сознаніемъ въ ошибкѣ пріобрѣтающей болѣе правъ на наше уваженіе, нежели хвастливая ложь, которая прикосновеніемъ своимъ портитъ самыя блестящія дѣла. Прежде, кто-бы подумалъ написать, что мы были разбиты подъ Фридландомъ и Аустерлицомъ; что мы сами сожгли Москву; что Наполеонъ и во Франціи, въ 1814-мъ году, еще страшилъ насъ? Теперь, мы говоримъ все это открыто и смѣло. И намъ-ли стыдиться Фридландской или Аустерлицской битвы, послѣ Бородина, послѣ Монмартра? Истребленіе предразсудковъ есть доказательство успѣховъ просвѣщенія, а хвастливый, *квасной*, какъ назвалъ его одинъ литтераторъ, патріотизмъ, есть, безъ сомнѣнія, предразсудокъ вредный и смѣшной. Пожелаемъ, чтобы онъ болѣе и болѣе истреблялся, по мѣрѣ того, какъ святая, истинная любовь къ отечеству усиливается, указываетъ на недостатки наши, чтобы отвратить ихъ на будущее время, дорожитъ чужеземнымъ, если оно хорошо, и не уважаетъ отечественнаго, хоть-бы и стараго, если оно дурно и вредно. Это единственное средство совершенствоваться, и не отстать отъ другихъ, не засидѣться на одномъ мѣстѣ, съ старыми заплѣснѣвѣлыми понятіями.

П. Св.

— *Мои мысли о критикѣ Сочинителя Исторіи Русскаго народа на Исторію Государства Россійскаго.* (Взято изъ № 48-го и 49-го военно-литтературнаго Журнала: *Славянинъ*). СПб. 1829 г. въ т. Штаба Отд. Корпуса внутр. стражи, in 8, 20 стр.

Вотъ для соображенія читателямъ и примѣръ понятій заплѣснѣвѣлыхъ, разогрѣваемыхъ литтературнымъ недоброхотствомъ, и безстыдствомъ безпримѣрнымъ!

Уже болѣе года, нижеподписавшійся не читаетъ *Славянина*, слѣдственно, и не знаетъ, что̀ такое пишетъ и печатаетъ о Телеграфѣ и лично объ немъ Г-нъ Воейковъ. Говорятъ добрые люди, что много кое-чего! Теперь Г-нъ Воейковъ, написавъ свои *мысли*, оттиснулъ ихъ особенною книжечкою.

По долгу библіографа, я прочелъ книжечку Г-на Воейкова, и упоминаю объ ней. Но отвѣчать Г-ну Воейкову, Боже меня сохрани! Пусть пишетъ онъ, что ему угодно. Каждый дѣлаетъ то, къ чему влечетъ его природная склонность. Какую роль избралъ въ Русской литтературѣ, по влеченію своей природы, Г-нъ Воейковъ?... Незавидную! —

Н. П.

— *Вечерніе разсказы.* Собраніе повѣстей и преданій, въ стихахъ, Б. Федорова (т. е. Б. М. Ѳедорова). Спб. 1829 г. въ Т. Деп. внутр торговли, in 12, IV и 74 стр., съ картинкою.

Въ этой книжечкѣ всего лучше картинка, на манеръ Суздальскихъ эстамповъ, а на той картинкѣ изображено, какъ Рауль Синяя Борода хотѣлъ своей женѣ голову отсѣчь саблею.

— *Юрій Милославскій*, или Руские въ 1612 году. Соч. М. Н. Загоскина; 3 части. М. 1829 г. въ т. Театральной, Н. Степанова, in 12, 255, 166, 263 и VII стр., съ тремя заглавными гравированными листочками, съ виньетками.

Извѣщая читателей нашихъ о скоромъ появленіи Историческаго романа, сочиненнаго Ѳ. В. Булгаринымъ, мы сказали, что *Димитрій Самозванецъ* будетъ *первый*, по времени появленія своего въ свѣтъ, *Русскій Историческій романъ.* Теперь, честь сія принадлежитъ роману, сочиненному М. Н. Загоскинымъ: онъ предупредилъ романъ Ѳ. В. Булгарина нѣсколькими мѣсяцами.

Любопытство читателей было давно подстрекаемо извѣстіями Журналовъ о романѣ Г-на Загоскина, и толки и мнѣнія ожидающихъ были разнообразны. Одни хотѣли видѣть: какъ Русскія Историческія событія будутъ устанавливаться въ романическую раму; другіе, каковъ Г-нъ Загоскинъ, извѣстный своими драматическими сочиненіями, будетъ на поприщѣ совершенно для него новомъ; третьи желали посмотрѣть, какъ будетъ онъ соперничать съ патріархомъ Историческихъ романовъ, Шотландскимъ старикомъ, ибо нынѣ, сказавъ: *Историческій романъ,* кто не вспомнитъ тотчасъ В. Скотта?

Ожиданіе первыхъ происходило отъ незнанія дѣла. Русская Исторія, Русская старина не только могутъ быть источникомъ поэтическимъ созданій и романовъ Историческихъ, но, можетъ быть, ихъ должно почесть однимъ изъ богатѣйшихъ источниковъ для поэта и романиста. И такъ, остаются требованія только тѣхъ, которые желали узнать: каково Г-нъ Загоскинъ выполнитъ обязанность романиста?

Намъ кажется, что Авторъ Юрія Милославскаго поступилъ весьма хорошо, удалясь отъ подражанія В. Скотту: *Юрій Милославскій* романъ совсѣмъ не въ родѣ В. Скоттовыхъ. Если-бы надобно было искать образца, по которому онъ созданъ, то мы скорѣе могли-бы найдти его въ романахъ Купера.

Избрать такое Историческое событіе, которое дало-бы средства поэтически разыграться воображенію; выставить толпу характеровъ и лицъ; заставить ихъ дѣйствовать и говорить, совершенно скрывшись за ними; не имѣть ни одного героя, въ которомъ-бы Авторъ высказывалъ самого себя;

перенестись совершенно въ тѣхъ людей, которыхъ изображаешь, во время, которое описываешь; представить рядъ событій, перепутанныхъ одно съ другимъ, и переходомъ отъ одного къ другому, мѣлкою живописью подробностей, изображеніемъ непостижимо-вѣрнымъ вѣка, нравовъ, обычаевъ, повѣрьевъ, заставить читателя забыться, думать, что онъ живетъ, дѣйствуетъ вмѣстѣ съ дѣйствующими лицами романа — вотъ стороны, которыя представляются въ романахъ В. Скотта, при самомъ поверхностномъ ихъ разсмотрѣніи. Разумѣется, что мы говоримъ здѣсь объ *Историческихъ* только его романахъ.

Куперъ совсѣмъ другое, хотя въ немъ видно желаніе быть *Американскимъ* В. Скоттомъ. Куперъ всегда отбираетъ небольшое число характеровъ, развиваетъ ихъ, заставляетъ дѣйствовать. Вокругъ нихъ бываютъ обставлены второстепенныя лица; но сцена пуста, когда главные актеры удалились, оживлена, когда они бываютъ на ней. Куперъ, такъ-же какъ В. Скоттъ, вдается въ живопись мѣстности; но это у него только дополненіе, а не необходимая связь. Если Куперъ беретъ *Историческое* событіе, то это только предлогъ, а не сущность романа; если выставляетъ *Историческое* лицо, то оно всегда бываетъ частное, дополнительное, призываемое, *какъ великанская тѣнь Самуила*, для разрѣшенія судьбы дѣйствующихъ лицъ, но живущее жизнью, отдѣльною отъ жизни дѣйствователей романа, не связанною непосредственно съ ними.

Digitized by Google

Къ сему роду романовъ, который назовемъ *Куперовымъ*, принадлежитъ, по мнѣнію нашему, романъ М. Н. Загоскина, и разсматриваемый въ семъ направленіи, онъ выполняетъ требованія читателей весьма удовлетворительно.

Это собственно — *не Рускіе 1612 года*, какъ сказано въ заглавіи, но исторія одного вымышленнаго Авторомъ лица. Сіе лицо — *Юрій Милославскій*, молодой, пылкій человѣкъ, съ сильною душею, присягнувшій Польскому Королевичу Владиславу, и потому полагающій, что не имѣетъ уже права сражаться съ Поляками, хотя въ тоже время видитъ, что они не спасители, но враги его отечества. Онъ посланъ отъ Поляковъ въ Нижній Новгородъ, уговаривать гражданъ успокоиться и не возставать на Поляковъ; но увлеченный любовью къ отчизнѣ, напротивъ, онъ ободряетъ гражданъ къ возстанію. Поѣздка Милославскаго и любовь его къ дочери Боярина Шалонскаго, составляютъ основу цѣлаго романа. Подлѣ главнаго лица является Казакъ Кирша и слуга Алексѣй. Кирша тоже, что *Послѣдній Могиканъ* у Купера; Алексѣй комическое, доброе, простое лицо, тоже Куперовское, составляющее противоположность Милославскому и Киршѣ. Послѣ сего можно угадать главныя положенія и ходъ романа. Нѣсколько частныхъ, не изъ цѣлаго развивающихся событій, но *случайностей*, и вдали великія событія 1612-го года, о которыхъ Авторъ *говоритъ* болѣе, не представляя оныхъ въ живыхъ картинахъ, не рисуя и героевъ, въ нихъ дѣйствовавшихъ, но изрѣдка, частно, иногда, вводя ихъ на сцену. Вотъ полный объемъ романа.

Пожарскій въ немъ совсѣмъ не является; Минина видимъ мы только на Нижегородской площади; Палицына встрѣчаемъ, какъ частнаго человѣка, а не какъ участника въ дѣйствіяхъ великихъ.

Обвинять ли Автора за такой планъ и объемъ романа? Кажется, мы не имѣемъ права, а въ томъ размѣрѣ, какой опредѣлилъ себѣ Авторъ Юрія Милославскаго, онъ, повторяемъ, удовлетворяетъ читателя. Интересъ въ цѣломъ поддержанъ; событія любопытны; подробности рѣзки, и многія отдѣланы весьма естественно и искусно. Упомянемъ о двухъ различныхъ мѣстахъ: сценѣ, въ которой старуха требуетъ непомѣрную цѣну за горшечекъ молока, и приводится въ отчаяніе ловкостью Кирши, и сценѣ у Шишей Московскихъ, гдѣ является отецъ Еремей, начальникъ Русскихъ Гверильясовъ 1612-го года; сія послѣдняя сцена есть произведеніе мастерское. Таковы-же: смерть боярина Шалонскаго; уловка Кирши, посредствомъ коей онъ убѣгаетъ изъ села боярина Шалонскаго. — Вообще, если можемъ упрекнуть Автора, что иногда лица его романа говорятъ не своимъ, несвойственнымъ языкомъ; что иногда самъ Авторъ слишкомъ виденъ изъ за нихъ; что иногда онъ слишкомъ любитъ нечаянности, и впадаетъ отъ того въ изысканность, то въ тоже время скажемъ, что онъ выкупаетъ недостатки красотами. Такъ, освобожденіе Милославскаго изъ Муромскаго жилища боярина Шалонскаго — занявшее слишкомъ много мѣста, неестественное, и — *не Русское* — заключаетъ въ себѣ одну подробность красоты великой: это смерть Земскаго Ярыжки, черта истинно изящная и совершенно вѣрная! Мы желали-бы болѣе связи въ цѣломъ, болѣе *Историческаго*, менѣе вводныхъ событій, и проч. и проч.; но за всѣмъ тѣмъ, скажемъ, что Юрій Милославскій доброе предвѣщаніе для будущности Русскихъ романовъ, и даетъ надежду, при большей опытности Автора на поприщѣ романиста, ожидать отъ него весьма многаго.

Не можемъ не замѣтить, что Юрій Милославскій напечатанъ весьма неисправно, хотя наружность его довольно опрятна. Приложенныя при каждой части виньетки выгравированы Г-мъ Скотниковымъ хорошо. Но артистъ, писавшій ихъ, вовсе не знаетъ правильности рисунка.

Н. П.

— *Исторія Русскаго народа.* Сочиненіе Николая Полеваго. Т. I. М. 1829 г., въ т. А. Семена, in-8, LXXXII, 368, VII и 14 (всего 471) стр., съ генеалогическою Росписью Русскихъ Князей, съ 862-го по 1055-й годъ.

Извѣщая объ изданіи *перваго* тома сочиненія, занимавшаго меня нѣсколько лѣтъ, я не смѣю предупреждать суда читателей, и не могу ничего сказать ни въ выгоду, ни въ невыгоду онаго.

Болѣе всякаго другаго, я чувствую смѣлость своего предпріятія, трудность его, и несовершенство своего труда. Но, зачѣмъ-же не признаться мнѣ, что не бывъ увѣренъ въ пользѣ, которую трудъ мой принесетъ моимъ соотечественникамъ, я не рѣшился-бы писать Исторіи Отечества?

Теперь, пусть судятъ мое сочиненіе, какъ угодно. Случай, отмстить Издателю Телеграфа за правду, которую онъ говаривалъ многимъ, прекрасный! Я предупреждаю однакожъ моихъ критиковъ, что на замѣчанія, касательно основныхъ, главныхъ идей въ *Исторіи Русскаго народа*, я не буду отвѣчать никому, до появленія въ свѣтъ труда моего вполнѣ; замѣчанія о частныхъ ошибкахъ, неточностяхъ, невѣрностяхъ, долгомъ почту принимать съ благодарностью, такъ, что при каждомъ вновь выходящемъ томѣ, буду исправлять доказанныя ошибки въ прежде изданныхъ; на привязки, кривые толки, личности, насмѣшки, на все, что появлялось еще до выхода I-го тома *Исторіи Русскаго народа* въ Вѣстникѣ Европы, Галатеѣ, Атенеѣ и Славянинѣ — не буду отвѣчать, даже единаго слова.

Я предполагалъ издать въ семъ 1829-мъ году *два* тома *Исторіи Русскаго народа*; но типографія, при всей дѣятельности, не могла управиться печатаньемъ. Впрочемъ, замедленія дальнѣйшаго не будетъ: рукопись готова, и печатаніе будетъ производиться съ возможною скоростью.

Н. П.

СМѢСЬ.

Изъясненіе картинки.

Геній Наполеона готовился изумить міръ дѣлами неслыханными. Италія была во власти непріятелей; Франція казалась изнеможенною, погибающею; уже политики предрекали время ея паденія, и шумъ прежнихъ побѣдъ Наполеона казался умолкнувшимъ. Наполеонъ собралъ войско; не пошелъ *средь путей извѣстныхъ*, но чрезъ неприступную, снѣговую гору Сенъ-Бернардъ повелъ Французовъ въ битвы. На вершинѣ сей горы ударилъ часъ величайшей славы Наполеона: переходъ его черезъ Сенъ-Бернардъ всегда останется изумленіемъ вѣковъ (*). Наполеонъ перешагнулъ гору; громъ Маренго покатился по землѣ, и—не умолкалъ до громовъ Ватерлооскихъ.

Наполеонъ велѣлъ потомъ Давиду написать картину перехода черезъ Сенъ-Бернардъ, для Дома инвалидовъ Парижскихъ. Геній живописца вдохновился геніемъ великаго человѣка. Давидъ изобразилъ Наполеона въ ту минуту, когда конь героя ударилъ копытомъ въ вершину горы: окрестъ его

(*) См. описаніе онаго въ Телеграфѣ, 1825 г., № XVII-й.

снѣга и вѣрные сопутники; за нимъ участь Франціи; впереди—Италія, враги, побѣда и власть надъ полу-міромъ! Горный вѣтръ взвѣваетъ одежду Наполеона, и вся картина проникнута чувствомъ восторга, наполнявшаго душу художника.

Сія картина находится нынѣ во Французскомъ Музеѣ. Она въ 8 футовъ, 5 дюймовъ вышины, 7 футовъ, 2 дюйма ширины, и считается лучшимъ произведеніемъ Давида. Изображеніе сей картины, приложенное при сей книжкѣ Телеграфа, взято изъ Museum of painting and sculpture, изд. Ревейлемъ.

Литтературныя извѣстія.

Радуемся, что литтературныя извѣстія сего года оканчиваемъ извѣщеніемъ о новомъ пріятномъ явленіи, котораго могутъ Русскіе читатели ожидать въ 1830-мъ году. Мы говоримъ о *Литтературной Газетѣ*.

Подъ симъ названіемъ, въ слѣдующемъ году, въ С. Петербургѣ, будетъ издавать повременное сочиненіе Баронъ А. А. Дельвигъ, извѣстный изданіемъ одного изъ лучшихъ Русскихъ Альманаховъ: *Сѣверные Цвѣты*, отличный нашъ Поэтъ.

Дружелюбно привѣтствуя новаго товарища на журнальномъ поприщѣ, желаемъ ему всякихъ успѣховъ.

Содержаніе Газеты составятъ постоянно: *Изящная Словесность* (проза и стихи), *Библіографія* и *Критика*; *Смѣсь* (извѣстія о театрахъ, анекдоты, объявленія и проч.); будутъ иногда *ученыя извѣстія* (открытія, изобрѣтенія, путешествія, изысканія древностей, и проч.). Издатель напередъ отрекается *отъ критической перебранки*, и говоритъ, что только «критики, имѣющія въ виду не личныя «привязки, а пользу какой-либо науки или иску«ства, будутъ принимаемы.»

Литтературная Газета будетъ выходить каждые 5 дней, считая съ 1-го Января 1830-го года. Каждый № составитъ *одинъ* печатный листъ, большаго размѣра. Цѣна въ Москвѣ и другихъ городахъ 40 рублей ассигнаціями.

Желаніе многихъ: имѣть въ Россіи Польскую Газету, наконецъ исполняется. Польскіе Литтераторы, живущіе въ СПб., съ будущаго года станутъ издавать Газету на Польскомъ языкѣ, подъ названіемъ: Tygodnik Petersburski. Кромѣ оффиціяльныхъ статей, Издатели хотятъ знакомить Поляковъ съ Русскою Литтературою и политическимъ и гражданскимъ бытомъ Русскаго государства. Благодаримъ ихъ за полезное предпріятіе, и надѣемся, что какъ всѣ благомыслящіе Рускіе, такъ и Поляки сему порадуются. Пора сближаться тѣснѣе двумъ роднымъ племенамъ, живущимъ подъ скипетромъ единаго Монарха. Цѣна Польской Газетѣ въ Москвѣ и другихъ городахъ 35 рублей ассигн.

Digitized by Google

СИМФЕРОПОЛЬСКАЯ СКАЧКА.

(Отрывокъ изъ путевыхъ записокъ).

Еще живо носились въ моемъ воображенiи прелестные виды южнаго Таврическаго берега, огромныя скалы, очаровательныя долины съ ихъ садами, плескъ волнъ Чернаго моря, какъ я услышалъ въ Симферополѣ объявленiе о скàчкѣ, подъ названiемъ *Губернской*. Скачка сiя есть новое учрежденiе Правительства, и въ первый разъ устроевается въ Крыму такъ общественно (*).

Въ 2 часа по полудни я отправился на мѣсто ристалища; тамъ, на скатѣ горы, при выѣздѣ въ Севастополь, устроена небольшая галлерея для почетныхъ зрителей; немного вправо отъ нея, бесѣдка для присутствiя Судей, раздавателей наградъ хозяевамъ лучшихъ скакуновъ. Подлѣ бесѣдки построено было въ неправильный, неровный фронтъ, нѣсколько Татаръ въ красныхъ мундирахъ. Мнѣ сказали, что они вновь набраны для комплектованiя Лейбъ-Гвардiи Крымско-Татарскаго эскадрона. Крайняя неловкость стражи сей извиняется словомъ: *новонабранные*, но дурная наружность многихъ удивляетъ нѣсколько.

(*) Правительство, мудро вникая во всѣ отрасли хозяйственныя, учредило въ нынѣшнемъ году скàчки, съ цѣлiю поощренiя конскихъ заводчиковъ. Скàчки установлены въ Херсонской, Таврической и Екатеринославской губернiяхъ.

Digitized by Google

Для ристалища обведенъ плугомъ, съ двухъ сторонъ кругъ, заключающій въсебѣ до 6-ти верстъ пространства въ длину, и въ ширину до 10-ти сажень. Передъ галлереею зрителей протянута веревка, долженствовавшая отдѣлять скакавшихъ; немного далѣе, влѣво, поставленъ высокій столбъ съ флагомъ желтаго цвѣта. Столбъ этотъ означаетъ мѣту для состязающихся. Лошадь, изъ числа скачущихъ, оставшаяся въ первый разъ за симъ столбомъ, тогда какъ одна изъ нихъ достигаетъ Судейскаго мѣста, не допускается ко второй скачкѣ, рѣшающей судьбу хозяевъ. Первая, явившаяся къ цѣли лошадь, беретъ въ призъ серебряный, прекрасной отдѣлки, кубокъ; другая ассигнаціями 500 рубл.; прочія проигрываютъ.

Ожидая начала и конца любопытнаго и пріятнаго зрѣлища, я стоялъ возлѣ галлереи, мѣста коей мало по малу наполнялись разнаго званія чиновниками и дамами, а окружность во множествѣ стекавшимся народомъ и большею частію Татарами, Греками и Армянами, въ безпрерывномъ гулѣ и восклицаніяхъ выражавшими нетерпѣливое ожиданіе свое.

Начало зрѣлища ознаменовано было непріятнымъ случаемъ. Одинъ молодой человѣкъ, служащій при здѣшнемъ Губернаторѣ, леталъ на шибкомъ конѣ, развозя приказанія, то въ ту, то въ другую сторону. Мы видѣли его не разъ, несущимся во всю прыть мимо галлереи; наконецъ какъ сѣдокъ, такъ и конь, вѣроятно, хотѣли выказать всю свою бойкость. Мы завидѣли Г-на Л., пустившаго коня отъ

Судейской бесѣдки. Казалось, всадникъ мелькнетъ мимо насъ, какъ молнія; но судьбѣ угодно было устроить иначе. Или наѣздникъ не могъ удержать коня, или конь не умѣлъ повиноваться, только рыцарь на всемъ лету палъ ницъ у самой галлереи, и въ тоже мгновеніе обрушилась на него лошадь. Всѣ ахнули; наѣздника подняли безъ чувствъ, и повезли безъ памяти въ городъ. Какъ слышалъ я, ему лучше, но какъ видѣлъ, думаю, что скачка Симферопольская останется навсегда впечатлѣна и въ памяти Г-на Л., и въ жестоко придавленныхъ его членахъ (*). Лошадь, не угадавъ мыслей сѣдока, нестись прямо по ристалищу, ринулась влѣво, запуталась въ веревку, долженствовавшую отдѣлять скакуновъ отъ зрителей, и повергла къ стопамъ красавицъ бѣднаго молодаго человѣка, предполагавшаго совсѣмъ не такъ неудачно провести день новаго въ Крыму торжества.

Описанный случай заставилъ меня нѣсколько отдалиться отъ настоящаго предмета. Немного прежде мы услышали выстрѣлъ, мнѣ показалось, ружейный; напротивъ, это былъ пушечный сигналъ начала скачки. Я прежде того и не замѣтилъ трехъ гарнизонныхъ солдатъ, управлявшихся съ малень-

---

(*) Черезъ три дни, я видѣлъ Г. Л. въ танцовальномъ собраніи. Онъ, блѣдный, съ больною ногою, сидѣлъ въ кругу дамъ. Унылый его видъ страданія вселялъ большое участіе во многихъ, сколько я могъ замѣтить, пристально глядѣвшихъ на него красавицъ.

кими какими-то орудіями. Выстрѣлъ сей обратилъ наше вниманіе на процессію, которую надобно описать вамъ.

Впереди несли ящикъ, въ которомъ помѣщался серебряный кубокъ; за тѣмъ ѣхалъ верхомъ Губернаторъ, съ нѣсколькими чиновниками; потомъ шла музыка здѣшняго гарнизона; далѣе нѣсколько конныхъ Крымскихъ Мурзъ: двое изъ нихъ везли кубокъ. Весь этотъ парадъ заключался взводомъ Гвардейскаго Татарскаго эскадрона.

Выигрышный призъ, съ музыкою и восклицаніями, Татары принесли въ галлерею зрителей, и поставили на столикъ, покрытый краснымъ сукномъ. Избранные Судьи и Губернаторъ отправились въ бесѣдку. Начали приводить лошадей, предназначенныхъ къ бѣгу. Не знаю, что съ ними дѣлали, только весьма не скоро мы увидѣли 17-ть всадниковъ, изъ коихъ 15-ть Татаръ, одѣтыхъ разнообразно и не совсѣмъ опрятно, кромѣ одного въ бѣломъ полотняномъ костюмѣ, по образцу арлекиновъ, восхищающихъ чернь Петербургскую подъ качелями. Двѣ остальныя, съ виду очень хорошія лошади, принадлежали Донскому Подполковнику, квартирующему съ полкомъ въ Крыму, и желавшему пустить своихъ лошадокъ въ состязаніе съ Татарскими, по наружности право нестоющими никакого вниманія и никакой цѣны; въ этомъ ссылаюсь на всѣхъ присутствовавшихъ.

Наконецъ, два пушечные выстрѣла возвѣстили начало, и 17-ть наѣздниковъ отправились шагомъ по большой дорогѣ, чтобы пуститься по ристалищу съ противной стороны отъ зрителей.

Долго смотрѣли мы на сборы и толки вершниковъ. Наконецъ, они двинулись, проскакали въ виду зрителей одинъ кругъ (*). Вотъ, нѣкоторые миновали желтый флагъ; три лошади далеко опередили прочихъ, и всѣ остановились для отдыха, близъ засѣданія раздавателей наградъ; восемь-же лошадей, оставшихся за чертою, исключены; въ томъ числѣ одна Донская. Чрезъ 30-ть минутъ, остальные 9-ть всадниковъ, опять тронулись съ мѣста. Надобно было видѣть хозяевъ тѣхъ лошадей, кои съ перваго круга потеряли право на скачку, и тѣхъ, кони которыхъ неслись, выпереживая одинъ другаго. Первые отъ досады ничего не слышали, ничего не видѣли; вторые, отъ напряженнаго вниманія, были чужды всему, кромѣ каждаго движенія своей лошади. Одинъ помѣщикъ, Грекъ, усерднѣе другихъ приготовлялъ свою лошадь, не предполагая ее бойкимъ скакуномъ, а какъ кажется, возложивъ надежду на Бога, онъ съ необыкновеннымъ восторгомъ, съ самаго начала съѣзда публики, прохаживался по ристалищу, съ арапникомъ въ рукахъ; на лицѣ его была написана увѣренность въ выигрышѣ, вмѣстѣ съ какимъ-то безпокойствомъ. И что-же? — Лошадь его осталась — въ послѣднихъ; да и не льзя было думать иначе съ перваго на нее взгляда. Помѣщикъ, испытавъ много удачъ въ коммерческихъ оборотахъ, и твердо

(*) Шесть верстъ.

уповая на всегдашнее счастіе, сильно пораженъ былъ измѣною лошади, которая совершенно невинна въ проигрышѣ; если-бы она могла, то сама-бы удивлялась, какъ можно было предполагать пустить ее на выскачку.

Быстро неслись девять скакуновъ, и чѣмъ ближе къ цѣли, тѣмъ сильнѣе понуждали коней всадники, плетью, ногами и крикомъ. Между тѣмъ толпа Азіятцевъ, окружавшихъ насъ, громкими завываніями встрѣчала наѣздниковъ; грубые вопли радости Татарскихъ Цыганъ, принимавшихъ большое участіе въ дѣлѣ, заглушали насъ; громъ гарнизонной музыки и Татарскихъ свирѣлей, съ барабанами необыкновенной величины, называемыми: *тумбала*, придавали всей сценѣ какую-то дикую торжественность, удивительно поражающую человѣка, не свыкшагося съ Азіятскими выраженіями восторга.

Наконецъ крики заглушаютъ все, и вотъ одна маленькая лошадь впереди; усачъ Татаринъ, боясь потерять почти готовый призъ, отпускаетъ бѣдному животному сильные, безпрерывные удары плетью... и вотъ близко цѣль... конь мчится:

Что разъ сильнѣй, что разъ сильнѣй,
Едва слегка земли коснется;
Что разъ быстрѣй, что разъ быстрѣй,
Надъ пыли облакомъ несется!...

И опередилъ соперниковъ... побѣда!

Хозяинъ скакуна-побѣдителя, помѣщикъ Крымскій, Татаринъ Мурза *Темиръ Хазы*, кричитъ, зовешъ, бѣжитъ восторженный на встрѣчу своему коню, который пронесся мимо, и отъ разбѣга съ трудомъ далъ удержать себя далеко впереди цѣли. Мурза-счастливецъ преслѣдовалъ его, и не долго оставался въ разлукѣ съ лошадью; онъ на этотъ разъ обратясь скороходомъ, схватилъ коня за поводъ, въ ту секунду, какъ его приостановили; обтеръ, обласкалъ, расцѣловалъ, и отдалъ своимъ прислужникамъ для попеченій. Вторая, достигшая цѣли лошадь, принадлежала помѣщику *Ахметъ Бею Хункалову;* на ней-то отличался всадникъ въ бѣломъ нарядѣ. Пять остальныхъ Татарскихъ лошадей и одна Донская, потеряли выигрышъ. Первыя въ 16½ минутъ (за исключенiемъ отдыха) пробѣжали 12-ть верстъ.

Судьи, само собою разумѣется, рѣшили выдать награды опередившимъ скакунамъ. Темиръ Хазы Мурза изъ рукъ Губернатора получилъ серебряный кубокъ. Онъ, съ Татарскою музыкою, шумомъ и радостнымъ крикомъ своихъ приверженцевъ, обнесъ торжественно свой выигрышъ между толпою зрителей; потомъ отправился въ городъ, въ сопровожденiи большей части черни. Въ тотъ-же вечеръ, сказываютъ, въ ознаменованiе побѣды, на скакуна положили вмѣсто попоны коверъ, а клiенты Темиръ Хазы шумно праздничали, объѣдаясь жирными баранами и запивая *максимою* (*).

(*) *Максима*, буза, или брага, дѣлается изъ проса; это любимый напитокъ Татаръ.

Я собирался ѣхать, но узналъ, что другіе скачки, по закладамъ (не выше 25-ти рублей), будутъ произведены въ заключеніе спектакля. И дѣйствительно, лошадей пускали на двѣ и на три версты, и одна которая-нибудь изъ нихъ выигрывала закладъ, если находилась впереди. Между сими лошадьми я замѣтилъ принадлежавшую Д. В. Нарышкиму. Она, съ мѣста бросясь въ сторону, не пошла во время; ее остановили; но по легкости и отличнымъ статямъ можно было надѣяться, что она перегонитъ всѣхъ Крымскихъ лошадей.

Нѣсколько послѣдовавшихъ скачекъ по закладамъ не занимали меня; всѣ почти зрители начали разъѣзжаться, и я, оставивъ при позднемъ вечерѣ многихъ охотниковъ до закладовъ, на мѣстѣ, возвратился домой.

Если позволено дѣлать замѣчанія, соображая цѣль учрежденія скачки съ настоящимъ приведеніемъ оной въ дѣйствіе въ Крыму, я осмѣлюсь сказать, что при нынѣшней скачкѣ, какъ первомъ опытѣ, конечно могли быть допущены въ состязаніе лошади всѣхъ охотниковъ, предъявившихъ доказательства, что скакунъ Крымской породы; но, мнѣ кажется, впередъ не должно-бы принимать въ участіе лошадей всякаго желающаго. Надобно-бы стараться, чтобъ къ скачкѣ, установленной Правительствомъ для поощренія заводовъ, были приводимы лошади тѣхъ только граждань, кои хотя нѣсколько занимаются заведеніемъ лошадей хорошихъ породъ: надобно притомъ удостовѣреніе, что представляемый скакунъ есть дѣйствительно такого-то завода. Положимъ, что заводчикъ продаетъ лошадь охотнику; въ такомъ случаѣ, купившій обязанъ имѣть свидѣтельство, отъ кого и когда лошадь имъ приобрѣтена. Иначе, какъ я удостовѣрился, различные торгаши, привыкшіе пользоваться обстоятельствами, прослышавъ о значительномъ выигрышѣ, добываютъ какую нибудь уродливую маленькую лошаденку, набѣгиваютъ ее, начинаютъ за мѣсяцъ впередъ приготовлять по Крымскому обыкновенію, содержа въ темномъ амбарѣ, довольствуя малымъ количествомъ ячменя и клочкомъ сѣна. Бѣдное животное, изъ тьмы кромешной выводятъ на свѣтъ, подчуютъ ударами арапника и пускаютъ въ скачку. Не отъ породы, не отъ способности скакать, но отъ страха, или, такъ сказать, въ изступленіи, лошадь, вырвавшись изъ заключенія, несется сколько послѣднія силы ея позволяютъ, и не рѣдко опереживаетъ другихъ. Но, спросите, къ чему она способна? Можетъ-ли служить для долговременнаго пути, и шибко-ли поскачетъ безъ выдержанія карантиннаго термина въ темномъ амбарѣ? Конечно, нѣтъ. Послѣ сего я спрашиваю: такими скачками будетъ-ли достигнута благотворная цѣль Правительства — улучшеніе конскихъ заводовъ?

Не выдаю мнѣнія своего рѣшительнымъ, но полагаю, что оно основательно. Всякій можетъ думать различно; по крайней мѣрѣ я руководствовался мѣстнымъ наблюденіемъ и сколько могъ старался узнать истину.

Я разскажу вамъ исторію скакуна-побѣдителя,

Digitized by Google

какъ мнѣ сказывали ее многіе Крымскіе Мурзы. *Темиръ Хазы Мурза* женился на дочери одного Татарина, и въ числѣ подарковъ, по обыкновенію Мусульманъ получаемыхъ при свадьбѣ отъ всѣхъ посѣтителей—друзей, ему дана была однимъ родственникомъ, Агъ-Баба Мурзою, лошадь, которую онъ отдарилъ коровою съ теленкомъ. Лошадь эта, подъ названіемъ: *Галфажи* (*), оставалась заброшенною, по некрасивой наружности, и получила предназначеніе быть разсыльною подъ прислужниками. Прикащикъ Мурзы, выѣзжая иногда съ собаками на травлю зайцевъ, замѣтилъ въ сей лошади способность шибко скакать. При извѣстіи объ учрежденіи скачки, Темиръ Хазы воспользовался замѣчаніемъ прикащика. Онъ приводитъ лошадь на удачу въ Симферополъ, лишаетъ несчастную свѣта дневнаго, надѣваетъ на нее торбу, которая цѣлый мѣсяцъ не снимается, приказываетъ давать нѣсколько гарнцевъ ячменя въ сутки и сѣна по три фунта, и вотъ 1-го Октября выпускаютъ страдалицу изъ темницы. Конь, отуманенный, завидѣвъ свѣтъ Божій, ринулся опрометью, скакалъ, и, подстрекаемый ударами арапника, выигралъ кубокъ. Честь ему и слава! Теперь онъ въ холѣ и привольѣ. Мурза, въ надеждѣ получить другой выигрышъ въ будущемъ году, и уважая преклонныя лѣта побѣдителя (ему 15 или 16 лѣтъ), лелѣетъ старца, содержа въ полномъ довольствіи.

(*) *Галфажи* Татары называютъ лошадей, имѣющихъ самыя дурныя стати.

Digitized by Google

Наслаждайся дорогой конь своимъ счастіемъ, пока не придетъ время новаго поста и заключенія въ темницу, чтобы освободясь изъ оной, подъ ударами плети, выслужить милосердіе и благосклонность, на остальные недолгіе дни существованія твоего! —

* Й * ъ.

Симферополь.
12 Октября
1829 года.

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ

ОБЩЕСТВА и ЛИТТЕРАТУРЫ.

Нѣсколько статей изъ провинціяльныхъ замѣчаній, или вредней, Д. В. Прутикова.

Карты.

Пятьдесятъ два четвероугольные бумажные листочка, съ чиноположеніемъ каждаго особенно, гдѣ четыре короля царствуютъ подъ верховною властію тузовъ, составляютъ игрушки, по преданію Исторіи, выдуманныя для забавы слабоумнаго (*). Нынѣ сіи игрушки вошли въ общее употребленіе и не рѣдко заключаютъ въ себѣ остроту и промышленность многихъ хорошихъ умовъ, иногда составляя главное занятіе цѣлой жизни.

(*) Карты выдуманы для забавы Французскаго Короля Карла VI-го.

Карты великое и могущественное кормило многихъ дѣяній и подвиговъ!

Я не хочу слѣдовать мнѣнію строгихъ и угрюмыхъ нравоучителей, утверждающихъ, что карты суть и были источниками большаго зла; что отъ нихъ многія семейства повергнуты въ нищету и уничиженіе. Говорятъ, что молодость, предаваясь страсти къ игрѣ, устраняетъ всякую наклонность къ добрымъ дѣламъ; отъ страха, быть обманутою, наконецъ обращается сама къ обману, дѣлая искуснымъ оборотомъ руки, оборотъ на все состояніе жизни.

Строгіе нравоучители утверждаютъ, что счастливый игрокъ, заглушая совѣсть, не одному счастію бываетъ обязанъ успѣхомъ, но и собственному искуству; что жадность къ чужому достоянію угашаетъ въ игрокахъ всякое состраданіе, и что привычка взирать на страждущихъ, и лишенныхъ въ одинъ часъ послѣдняго куска хлѣба, ожесточаетъ сердце и дѣлаетъ его способнымъ на всякое покушеніе. — Многіе называютъ карты могилою, гдѣ погребены бываютъ всѣ добрыя вліянія, поселенныя въ сердцѣ юношей благимъ воспитаніемъ, оставляя въ душѣ ихъ одну страсть господствующую и, какъ червь, ихъ снѣдающую.

Оставимъ строгихъ нравоучителей; они запрещаютъ молодости упражненіе, а людей въ зрѣлыхъ лѣтахъ обвиняютъ въ покушеніяхъ на разставленіе сѣтей для простодушныхъ. Пусть говорятъ и пишутъ, что хотятъ; доказательство противъ нихъ есть весьма хорошее: *никто ихъ не слушаетъ, хотя они давно твердятъ одно и то же.*

Разсмотримъ лучше внимательнымъ окомъ пользу, происходящую въ общественномъ кругу отъ коммерческихъ игръ.

Коммерція вездѣ годится. Я гляжу на собраніе, изъ многихъ гостей составленное: какой хозяинъ, или хозяйка, могутъ 50, или 60 особъ, достойно разговоромъ занять? Безцѣнныя карты всѣхъ удовлетворяютъ. Искуство хозяина въ томъ только состоять должно, чтобы гостей разобрать по примѣру мастей. Опредѣливъ къ каждому столу приличныхъ товарищей, хозяинъ спокоенъ и свободенъ; гости устроены. Чѣмъ занять тѣхъ, которыхъ праздность и злорѣчіе заставляютъ безпрестанно вмѣшиваться въ чужія дѣла, и порочить того и другаго, если отнять пріятное упражненіе картъ? Сколько дѣвушекъ и мужчинъ останется съ добрымъ именемъ, сколько свадебъ не разрушится, сколько пріятелей пребудетъ въ согласіи, при помощи картъ! — Чѣмъ утѣшить тѣхъ, коихъ красота давно оставила, и о женихахъ въ поминѣ не слыхать, или какое тѣмъ дать упражненіе, которые, сердясь на скоротечность времени, стараются его всѣми возможными способами безъ милосердія умерщвлять?

Что̀ остается старости, лишенной призраковъ міра сего? *Грандъ пасьянсъ!* Что дѣлать тѣмъ, кои, живучи въ излишествѣ, просыпаясь не вѣдаютъ, какъ ночи дождаться? Они одѣваются, бѣгутъ на скромный бостонъ, или молчаливый вистъ, и — поздный вечеръ смиренно предаетъ ихъ объятіямъ сна. Кто утѣшитъ огорченнаго и оставленнаго въ несчастіи всѣми? Гаданье и пасьянсъ.

Я видѣлъ отъ картъ чудеса другаго рода: два непріятеля были нѣсколько лѣтъ во враждѣ; казалось, не было средствъ къ примиренію. Они съѣхались нечаянно въ пріятельскомъ домѣ; замысловатый хозяинъ, вопреки заведеннаго обычая, посадилъ ихъ за одинъ столъ, и — *дружескій бостонъ настроилъ чудеса*! Враждующіе сначала сидѣли, какъ двуглавый орелъ. Нужда въ помощи дружелюбнаго бостона склонила наконецъ ихъ головы и сердца, принужденныя помогать другъ другу, подобно двумъ непріятельскимъ державамъ, кои непреклонная судьба заставила дѣйствовать за одно, употребляя обоюдно вспомогательныя войска. Державы сближаются, и общая польза вскорѣ раждаетъ общій миръ.

Карты соединяютъ насъ другъ съ другомъ. Сколько людей, которыхъ знакомство держится единымъ пріятнымъ занятіемъ картъ! Сколько семействъ предавалось-бы безъ нихъ зѣвотѣ и свистанью въ ноготокъ, за неимѣніемъ мыслей!

Однимъ словомъ: карты есть безцѣнное средство, утѣшеніе, занятіе, изощряющее умъ и веселящее сердце. Хвала и слава тому, кто изобрѣлъ ихъ!

Удивленіе.

Въ просвѣщенномъ мірѣ, къ качествамъ ума принадлежитъ: *умѣнье ни чему не удивляться*. Горе тому, кто дивиться станетъ! На него положатъ печать презрѣнія, или, что еще хуже, простоты. Условіе сдѣлано: *не дивись ни чему*; да явятся на лицѣ твоемъ черты равнодушія и того спокой-

Digitized by Google

ствія, которое раждают обыкновенныя событія, хотя-бы ты встрѣтилъ и удивительное.

Но, странное дѣло! Всѣ слѣдуютъ установленному обряду, а вездѣ и во всемъ встрѣчаемъ мы безпрестанное стремленіе удивлять. Кажется, что какъ будто люди объ закладъ ударились: заставить проиграть, обязавшихся между собою ни чему не дивиться. Взгляни на всѣ дѣянія, на всѣ движенія многихъ людей: одно стремленіе ихъ — на удивленіе! *Геній*, нынѣ модное слово, и люди бѣгутъ на добычу сего имени; спѣшатъ записываться въ цехъ геніевъ, безъ представленія образца на искусство. Сколько охотниковъ, желающихъ выходить изъ круга ограниченности! Давай удивлять народъ чѣмъ попало, и вотъ всѣ стремятся, надуваются... А народъ не смотритъ? Такъ, но всѣ хотятъ отличаться; всѣ хотятъ имѣть какую-то печать особенности, и, какъ-бы то ни было и чѣмъ-бы то ни было, не походить на другихъ. Я встрѣчалъ юныхъ геніевъ, которымъ нескромные люди говорили, что они похожи на батюшку, и геніи морщили брови, искоса смотрѣли, на лицѣ ихъ показывалось явное неудовольствіе: Fi, horreur! Быть похожу на отца! Геній имѣетъ особыя черты; ни одинъ не похожъ на отца, и съ охотою отъ него отречется.

Мнѣ часто попадаются 20-ти лѣтніе юноши, на выборъ всѣ геніи: обо всемъ чудесномъ и необыкновенномъ судятъ; все чрезвычайное знаютъ; будущее пророчатъ, какъ календари погоду; прошедшихъ и настоящихъ обстоятельствъ въ подробности вѣдать не хотятъ, какъ дѣло обычайное, а къ дѣлу они неспособны, потому что это была-бы вещь обыкновенная. Они утверждаютъ, что участь генія вновь созидать, не слѣдуя опытомъ начертанной стезѣ и соблюденію порядка.

Глафира повергла отличныя свои дарованія въ игрѣ на фортепіано, къ стопамъ славнаго учителя, который поставилъ ей закономъ, чтобы она его сочиненія концертъ, и *сей единый только концертъ*, въ самомъ совершенствѣ сыграла. Тщетно было-бы друзьямъ, пріятелямъ, упросить Глафиру позволить себя послушать, и полюбоваться ея талантомъ въ какомъ либо другомъ сочиненіи. Сыгранный на удивленіе концертъ истощилъ всѣ ея силы; она дѣйствительно въ изнеможеніи, и пальцы ея, по указанію генія-учителя, такъ вытянулись, что одною рукою едва она владѣетъ, а на другой растетъ у нея горбъ. Жаль чрезвычайно Глафиры: она съ пріятностію и большимъ искуствомъ могла-бы разыгрывать хорошихъ авторовъ, писавшихъ для гармоніи; но, увы! гармонія нынѣ обветшалая старина: выполнять неимовѣрныя трудности — вотъ верхъ искуства! Ухо иногда и страждетъ, но дѣло идетъ на удивленіе!

Маркёровъ говѣетъ цѣлый годъ, и живетъ затворникомъ въ пространномъ и огромномъ домѣ, дабы единожды дать великолѣпный и обжорный обѣдъ, на который зоветъ и друга и недруга. Тутъ, какъ говорятъ, птичьяго только молока нѣтъ. Изящныя блюда, того изящнѣе вина, и столъ едва не ломится подъ игомъ блестящаго хрусталя и бронзы. На что это? Неуже-ли ради гостепріимства? —

Нѣтъ: *на удивленіе.* Но и того нѣтъ: завтра, какъ говорятъ, Маркёрова въ грязь втопчутъ; завтра явятся геніи, которые въ двое поставятъ яствъ, въ двое хрусталя и бронзы, привезенной прямо изъ Парижа, не опасаясь за то хотя два года говѣть, и въ двое долговъ прибавить.

Читая многія новѣйшія литтературныя произведенія, вижу, что пишутъ замысловато, красно, хорошо; но, перечитывая нѣсколько разъ, не могу вразумить себя, что̀ авторъ сказать хотѣлъ. Вижу, что не похоже ни на какого предшественника: воображеніе чудотворное, превыспреннее, а гдѣ смыслъ кроется, догадаться не умѣю. Новѣйшіе романы и вкусъ сихъ занимательныхъ чтеній заботятъ меня: ужасы, вертепы, кровь, цѣпи, и природа въ содроганіи, уродливыя картины, гдѣ вправлены сантиментальныя описанія страждущей невинности и бѣснующагося порока безъ наказанія. Говорятъ, что нынѣ полезны сильныя потрясенія, для приведенія нѣжныхъ читательницъ въ сантиментальность, хотя и не хвалится нашъ вѣкъ нервною системою. Какъ-бы то ни было, а новѣйшій вкусъ Романтизма ударился въ ужасное — *на удивленіе!*

Признаюсь, и исповѣдую мое невѣжество: *удивляюсь,* и много кое-чего нахожу удивленія достойнаго, что можно-бы объяснить, но, какъ Крыловъ говоритъ, *боюсь гусей разсердить.*

Мухи.

Не помню кто-то разсказалъ мнѣ, весьма кстати, побасенку.

Въ Турціи, какого-то преступника, за дѣло или за бездѣлье, какъ бываетъ это съ малыми преступниками, выставили на лобное мѣсто; связали ему руки; вымазали ему лицо медомъ, и дали волю, въ жаркій лѣтній день, мухамъ надъ несчастнымъ покормиться. Прохожій, добрый человѣкъ, сжалился; давай мухъ сгонять. — «Не тронь,» сказалъ страдалецъ, «мнѣ пользы нѣтъ. Эти мухи понаѣлись; но ты сгонишь ихъ, прилетятъ новыя, подавай имъ новую кровь, и мнѣ будетъ въ двое хуже; пусть старыя ѣдятъ: не такъ больно сытаго кормить.»

Я говорю: побасенка была кстати. Видалъ я почти тоже на бѣломъ свѣтѣ, не съ мухами, а съ другими насѣкомыми; видалъ, какъ ихъ сгоняли. Чтоже? Тотчасъ приползали новыя, и сначала были такъ тощи, что казались едва живы; гляжу: изряднехонько понакушались, и такъ округлились, что не узнаешь. Спросить-бы теперь: каково тѣмъ, которые піявицамъ безпрестанно новый фуражъ доставлять должны? Но замѣтнѣе всего то, что иное насѣкомое никогда до сыта не накушается; развѣ такъ попадутъ, что съ мѣста не встанетъ.

Статистика.

Не надобно полагать, что въ бесѣдахъ и собраніяхъ нашихъ однѣми картами занимаются: есть отъ нихъ и свободное время. Въ промежуткахъ чищенья столовъ и перемѣны картъ занимаемся мы и разговорами. Есть у насъ такіе господа, которые картъ не знаютъ, и Англійскому Клубу собою весьма печальное зрѣлище доставили-бы, если-бы тамъ показались. Это доказываетъ, что Россія пространна, и что въ ней — различные люди обитаютъ.

На сихъ дняхъ зашелъ у насъ весьма занимательный разговоръ о Сельскомъ Хозяйствѣ. Тутъ, какъ вездѣ, рѣчь уступается, или тому, кто болѣе сказать умѣетъ, и у кого грудь потверже, или тому, кто всѣхъ лучше, у кого владѣніе пополновѣснѣе. Случился на этотъ разъ въ собраніи Г-нъ Горимцевъ. Онъ вездѣ странствовалъ; много видѣлъ чужаго; своего обозрѣть не успѣлъ, и страстенъ къ новому образованію и направленію всѣхъ частей Сельскаго Хозяйства по плану и методѣ. «Все», говорилъ онъ, «зависитъ отъ подробнаго и точнаго «познанія мѣстныхъ обстоятельствъ. Обозрѣніе личное подастъ мнѣ только поверхностныя мысли; «Статистика одна снабдитъ меня ясными понятіями, и потому на Статистику обратилъ я все «вниманіе: она корень всему. Я препоручилъ со«ставить подробнѣйшія донесенія, и предписалъ, «по даннымъ образцамъ, дѣлать вѣдомости о на«личности имущества моего, о посѣвѣ, урожаѣ, «продажѣ, куда и кому. Я вѣдаю, что̀ каждый «крестьянинъ имѣетъ всякаго зерна хлѣба, скота, «птицъ, пуху, перьевъ; знаю, сколько на каждомъ «квадратномъ вершкѣ сѣется зеренъ, и сколько ро«диться должно; могу исчислить по числу курицъ, «у каждаго крестьянина находящихся, ежегодное

«количество яицъ, и число насѣдокъ, и произведеніе
«цыплятъ. Тутъ, напримѣръ, я вижу ясно, что
«сія статья немаловажна, и можетъ доставить
«способъ уплатить подати, а мнѣ значительный
«доходъ. Вотъ доказательство, что не смотря на
«суровость климата, Россія могущественна!» —
М. Г., прервалъ рѣчь Г-на Горимцева N. N. Въ
яйцахъ бываетъ много болтней, а отъ нихъ проку
нѣтъ. — Г. Горимцевъ, остановясь на минуту, осѣнилъ
возразившаго тѣмъ презрительнымъ взглядомъ,
который заслуживаютъ люди, непонимающіе великихъ
намѣреній, и продолжалъ спокойно рѣчь свою
далѣе. «Я обратилъ вниманіе, «говорилъ онъ,» на
«всѣ отрасли моего хозяйства. Для пріобрѣтенія
«вѣрнѣйшихъ свѣдѣній о качествахъ почвы земли,
«съ ея измѣреніемъ, я отыскалъ нѣсколько крестьянъ,
«ходившихъ нѣкогда за землемѣромъ съ
«цѣпью, во время межеванья; они обязаны у
«меня мѣрять землю, и исчислять, сколько на каждой
«квадратной сажени растетъ разнаго рода
«деревьевъ, обозначая въ подробности всѣ кусточки,
«съ ихъ наименованіями. По невѣжеству ихъ
«въ Ботаникѣ, намѣренъ я употребить наставника
«дѣтей моихъ, для составленія ученой вѣдомости
«о числѣ растеній и качествѣ травъ, на каждой
«десятинѣ растущихъ, ибо слышу, что у меня во
«владѣніи пространныя степи. Я приказалъ также
«дѣлать метеорологическія наблюденія: знаю, сколько
«было морозовъ и оттепелей; крестьяне знаютъ
«состояніе атмосферы, а я со временемъ свѣдаю
«свойство климата. Теперь собралъ я изрядное
«количество вѣдомостей, которыя успѣлъ

« классифировать по приличности; вижу каждую
« статью особенно, и въ кабинетѣ моемъ окружилъ
« я себя *Кадрами*, или *рамами*, не страшусь миріадъ
« цифръ, подъ каждою графою систематически по-
« ставленныхъ, и по истеченіи года вижу ясно про-
« истедшіе недостатки, и все что не соотвѣт-
« ствуетъ предположеніямъ моимъ. Я въ правѣ тогда
« вопрошать: *почему?* и подводить приставниковъ
« подъ отвѣтственность, что и намѣренъ дѣлать
« каждый годъ.» Много еще кое-чего говорилъ за-
нимательный нашъ экономъ; но всего я не упомню,
а помню только, что твердилъ онъ намъ: *основа-
ніе отличнаго хозяйства есть приобрѣтеніе вѣрнѣй-
шихъ статистическихъ познаній*. Тутъ болтливость
N. N. не могла укротиться. «Все это прекрасно,»
сказалъ онъ, « но, занимая столь много пристав-
« никовъ вашихъ и прочихъ людей сочиненіемъ вѣдо-
« мостей и доставленіемъ свѣдѣній, не отнимаете-
« ли вы у нихъ способовъ на существенное дѣло и
« на работу? Я опасаюсь, что въ короткое время
« вы лишитесь и документовъ, чѣмъ табели напол-
« нять.» Г. Горимцевъ примѣтно разсердился; но,
къ счастію, слушатели разбрелись по мѣстамъ; сто-
лы были вычищены и карты вновь разнесены.

Кстати вспомнилъ я, что прошлымъ лѣтомъ, проѣзжая чрезъ селеніе Г. Горимцева, въ ожиданіи перемѣны лошадей, видѣлъ я на досугѣ пріѣздъ и похожденіе статистико-описателей. Они прискакали на двухъ парахъ, писарь и десятскій. «Эй! « подавай старосту, сотскаго; собирай народъ!» Согласились наконецъ на сборъ только нѣсколькихъ стариковъ; прочитали приказъ; развернули разграфленный на множество статей листъ, и — « Ну, староста, выборные, міряне! сказывайте, подавайте на лицо; поворачивайся! »—«Помилуй, отецъ — «будь родной — мы не знаемъ, не разумѣемъ, что и «какъ? ¿Нельзя-ли, милостивецъ»... Тутъ писарь отвелъ въ сторону старосту. Что шептали они, неизвѣстно; но въ минуту столъ поставили, чернилица была готова, и, какъ изъ рога изобилія, посыпалось изъ острой головы писаря, и вѣдомость испестрилась цифрами. Оставалось старостѣ съ причетомъ подписать; за неумѣніемъ грамотѣ подмахнулъ цѣловальникъ; новыя подводы готовы; писарь и десятскій поскакали далѣе.

Я полюбопытствовалъ, и спросилъ старосту: « Часто-ли бываютъ такіе приказы и посѣщенія?—» Да, вотъ, баринъ, со Святой шестой разъ; да не то бѣда, а вотъ что: сами не такъ намараютъ; глядь — опять скачутъ! Нагдась писали барановъ прежде, а коровъ-то послѣ; не ладно: велятъ коровъ-то прежде; давай снова писать ».....

На сихъ источникахъ основалъ Г. Горимцевъ обширныя свои свѣдѣнія; изъ нихъ выходитъ, что у него полный кабинетъ прекрасныхъ и цифрами испещренныхъ вѣдомостей; у писарей, десятскихъ, и прочихъ статистико-описателей, что вѣдомость, или дополненіе, то новый кафтанецъ.

И наконецъ, въ замѣнъ всего, есть надежда, что со временемъ откроется изобильный источникъ промышленности, на примѣръ: неограниченное разведеніе цыплятъ; а отъ метеорологическихъ наблюденій онъ узнаетъ, когда шубы надѣвать.

(Продолженіе — можетъ быть)

Digitized by Google

Русскій Театръ.

Бѣлая волшебница, опера въ трехъ дѣйствіяхъ; *Двѣ записки*, водевиль; *Переходъ черезъ Балканы*, интермедія (бенефисъ Г-на Булахова, 18-е Декабря).

Прихотливость нашихъ современниковъ замѣтна во всемъ. Постройка дома и Романтическая поэма, лакомый обѣдъ и курсъ Философіи, модное платье и опера — все это въ настоящее время сопряжено съ такими затѣями, о коихъ предки наши и не помышляли. Добрые наши предшественники (миръ памяти ихъ!) довольствовались тѣмъ, что было просто и прочно. Такъ напримѣръ, не болѣе ста лѣтъ назадъ, толстыя стѣны, хорошій матеріялъ, прочные своды, составляли главное достоинство вновь построеннаго дома; о колоннахъ Коринѳскаго ордена, о замысловатыхъ корнизахъ и барельефахъ, никто не заботился. Множество пироговъ, жареныхъ птицъ и дичины, разварныхъ осетровъ и стерлядей, составляли самую пышную трапезу нашихъ дѣдовъ; а въ утонченныхъ приправахъ Малиса и Богомолова, сихъ многочтимыхъ жрецовъ Комуса, вовсе не нуждались старинные Московскіе гастрономы. Могу-ли, при сей вѣрной оказіи, умолчать о васъ, почтенныя прародительницы? Могу-ли не упомянуть о кунтышахъ, бѣлокосовыхъ робахъ и тяжеловѣсныхъ ожерельяхъ, коими вы украшали ваши прелести, и которые по ихъ прочности доходили въ цѣлости до внуковъ вашихъ, такъ что мы не рѣдко видали модные диваны, обитые штофомъ вашихъ роброновъ, и ваши драгоцѣнные алмазы и жемчуги, заложенные въ Ломбардѣ? Могутъ-ли сравниться съ вашими почтенными уборами новѣйшія блонды, тюли, газъ-рисы, гро и прочія тлѣнныя ткани, о коихъ къ досадѣ отцевъ и мужей помѣщены подробнѣйшія свѣдѣнія въ концѣ сей книжки? Равномѣрно и Философія... но дѣло идетъ не о Философіи, а объ оперѣ: мы оставимъ на сей разъ въ покоѣ любомудріе, со всѣмъ сонмомъ мыслителей, и потолкуемъ о сладкогласномъ порожденіи прелестной Авзоніи.

Всѣмъ извѣстно по преданіямъ, что Дворъ гордаго Людовика XIV удивлялъ своимъ великолѣпіемъ, и судя по обширности Версальскаго Дворца и садовъ, сихъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ роскоши властолюбиваго Монарха, можно полагать, что описаніе пышныхъ празднествъ Французскаго Короля ни сколько не преувеличены. Но кто повѣритъ, что знаменитый оркестръ сего Двора, управляемый Люлли, славнѣйшимъ музыкантомъ того времени, состоялъ только изъ двадцати четырехъ скрипокъ, двухъ басовъ и шести гобоевъ? По сему читатели могутъ судить и о достоинствѣ оперъ XVII-го столѣтія, которыя были-бы нестерпимы въ XIX-мъ вѣкѣ. Но справедливость обязуетъ сказать, что творенія давно умершаго Люлли, не смотря на обветшалую ихъ форму, являютъ прекраснѣйшія мелодіи, исполненныя чувства и даже глубокихъ мыслей. Слишкомъ растянутые напѣвы сего композитера нынѣ уже не въ модѣ, но тѣмъ не менѣе новѣйшіе музыканты имѣютъ въ нихъ обильный рудникъ, изъ коего могутъ почерпать изящные мотивы. Въ тоже время, соотечественники Люлли, не имѣя въ распоряженіи своемъ великолѣпныхъ театровъ и пособій щедраго Монарха, тщательно занимались изученіемъ музыкальнаго дара слова. Тогдашнія произведенія Итальянскихъ композитеровъ можно назвать родоначальниками настоящаго поколѣнія мелодистовъ. До сихъ поръ искуснѣйшіе любители музыки восхищаются сонатами Корелли и Скарлати, и удивляются глубокимъ мыслямъ заключающимся въ оныхъ. Смерть Люлли и новый образъ жизни Людовика XIV-го, послѣ сочетанія его съ Маркизою Ментенонъ, были причинами упадка Французской оперы, которая не оживлялась болѣе свѣжими произведеніями, и угощала Парижанъ устарѣвшими мелодіями вышеименованнаго Итальянца. Но опера уже существовала, и не должна была умереть отъ недостатка пищи. Французскіе композиторы поддерживали ее по возможности. Наконецъ въ половинѣ прошедшаго столѣтія появился Рамо, который послѣ нѣсколькихъ успѣшныхъ представленій, былъ признанъ новымъ Орфеемъ, богомъ музыки, и уподчиванъ всѣми эпитетами, которые вѣтреными Французами раздаются феноменамъ, имѣющимъ счастіе имъ понравиться. Въ эту эпоху энтузіазма, воспаленнаго музыкальными произведеніями Рамо, въ Лондонѣ Гендель, и въ Дрезденѣ, при пышномъ Дворѣ Курфирста Саксонскаго, славный Гассе, такъ сказать воспитывали музыку произведеніями смѣлыми и глубокомысленными и улучшеніемъ оркестра. Французы пренебрегали сими успѣхами и довольствовались такъ называемою ими школою Рамо, которая отставши отъ простоты Люлли, не достигла гармоніи послѣдующаго времени и являла въ себѣ наискучнѣйшій образецъ музыкальной схоластики. Но сіи самые Французы, которые съ такимъ легкомысліемъ восхищаются всякою новизною, въ скоромъ времени замѣчаютъ, что сія школа устарѣла и болѣе для нихъ не годится. Псалмодіи Рамо, Дюни, Франкера, Тріаля, Мондовиля, Доверна и другихъ послѣдователей Французской музыки, опротивѣли слуху Парижанъ. Остроумный Вольтеръ написалъ, что вмѣсто гармоніи, онъ слышитъ во Французскихъ операхъ безпрестанное *eu*, происходящее отъ растянутаго ударенія надъ буквою *e* въ женскихъ рифмахъ. Пламенный Руссо вклеилъ въ свой извѣстный романъ: Новая Элоиза, длинное сужденіе о недостаткахъ Французской музыки и показалъ примѣръ нововведенія сочиненіемъ небольшой интермедіи: Деревенскій Колдунъ, которая была принята съ восторгомъ и Дворомъ и столицею, и до сихъ поръ существуетъ на сценѣ. Энциклопедисты поддержали сіи мнѣнія. Со всѣмъ тѣмъ Большая Опера не подвигалась впередъ. Но уже была дана жизнь новому роду музыкальныхъ произведеній. Небольшой, такъ называемый Итальянскій театръ содѣлался въ Парижѣ новымъ, блестящимъ поприщемъ для жрецовъ Эрато. Монсиньи и знаменитый въ лѣтописяхъ шахматной игры, Филидоръ, начали украшать своими мелодіями легкія и остроумныя произведенія Фавара и Седена. Комическая опера содѣлалась любимымъ зрѣлищемъ для Парижанъ, и между тѣмъ какъ придворные изъ приличія зѣвали на представленіяхъ Кастора и Поллукса, публика рукоплескала игрѣ и пѣнью Клерваля, Кальо и Г-жи Ларюэтъ, въ небольшихъ операхъ *Дезертеръ*, *Король и Мызникъ* и другихъ. Въ слѣдъ за симъ, Лиштихскій уроженецъ Гретри, образовавшій свой музыкальный талантъ въ Италіи, къ общему восторгу Парижанъ явился съ своими произведеніями на театрѣ Комической оперы. Королевская Академія музыки (такъ называется въ Парижѣ Большая Опера) восчувствовала необходимость оживленія. Бракосочетаніе Дофина съ прелестною и несчастною Маріею Антуанетою, Эрцгерцогинею Австрійскою, было поводомъ къ выписанію изъ Вѣны знаменитаго Глюкка, который подъ покровительствомъ Августѣйшей его единоземки, умѣлъ обворожить слухъ Парижанъ. Необычайный успѣхъ Вѣнскаго композитера не понравился Графинѣ Дюбарри, которая управляла дряхлымъ Людовикомъ XV и ни въ чемъ не хотѣла уступить своего владычества будущей Французской Королевѣ. Дюбарри выписала изъ Италіи страшнаго соперника для Глюкка. Это былъ Пиччини. Приверженцы фаворитки начали горою стоять за послѣдняго, между тѣмъ какъ безпристрастные любители музыки отдавали полную справедливость музыкальному генію Глюкка. Отъ сего возникли раздоры Глюккистовъ и Пиччинистовъ, которые къ счастію не были такъ кровопролитны, какъ война Гельфовъ и Джиббелиновъ или распри Бѣлой и Красной Розы. — По долгу оперпаго историка, мы осмотримъ, что дѣлалось тѣмъ временемъ по музыкальной части въ другихъ странахъ Европы.

Въ Италіи, Капели соборныхъ церквей и монастырей безпрерывно лелѣяли питомцевъ гармоніи. Музыка, употребляемая Католиками въ торжественныхъ Богослуженіяхъ, была первою наставницею Итальянскихъ композиторовъ. Величественная мелодія благочестивыхъ гимновъ, воспѣваемыхъ Творцу вселенныя, возвышала душу новыхъ сподвижниковъ Орфея и воздояла ихъ музыкальный геній. Вступая въ свѣтскій бытъ и подвизаясь на поприщѣ, служащемъ для увеселенія народа, они сохраняли первоначальныя впечатлѣнія Божественной гармоніи, и по симъ причинамъ глубокое чувство и выразительность являлись въ ихъ произведеніяхъ. Сей знаменитый разсадникъ великихъ музыкантовъ, обратилъ на себя вниманіе многихъ Европейскихъ Дворовъ, которые чувствовали потребность присовокупить благородное увеселеніе театральныхъ зрѣлищъ къ другимъ удобствамъ распространяющагося просвѣщенія. Король Прускій, не смотря на свою благоразумную экономію, платилъ огромное жалованье артистамъ Итальянской оперы въ Берлинѣ. Великая Екатерина вызвала въ сѣверную Пальмиру знаменитаго Галуппи. Въ Вѣнѣ, Князь Эстергази, изумившій Европу своимъ великолѣпіемъ, былъ покровителемъ Гайдена и Паэзіелло. Всѣ сіи выходцы изъ плѣнительной Авзоніи не могли жаловаться на фортуну. Могущественные Монархи цѣнили ихъ дарованія и щедро награждали. Это усилило дѣятельность всѣхъ сочленовъ музыкальнаго міра. Инструменты получили новую жизнь. Они начали выходить изъ оркестра и отдѣльно плѣнять слухъ любителей музыки. Такимъ образомъ скрипки Тартини, Пуньяни, Віотти, гобой славнаго Безуцци, валторна Родольфа, очаровывали слушателей и созидали начало новой гармоніи. Но въ чемъ должна была оная состоять? Это мы сей часъ пояснимъ, и по краткости журнальной статьи, заглянемъ не далѣе какъ въ древній Египетъ, во времена Фараоновъ.

Путешественники, которые осматривали уцѣлѣвшіе памятники сей таинственной страны, упоминаютъ объ особенномъ устройствѣ Египетскихъ храмовъ. Въ сихъ остаткахъ глубокой древности замѣтно, что своды имѣли цѣлью не столько прочность зданія, сколько усиливаніе и отраженіе голосовъ поющихъ жрецовъ. О сладкогласіи ихъ пѣнія свидѣтельствуютъ древніе писатели. По несчастію, до насъ не дошло ни одной партиціи Египетской музыки и мы не можемъ судить о хроматическихъ и гармоническихъ достоинствахъ гимновъ Изидѣ и Озирису. Но такъ какъ Египетъ возлелѣялъ Грецію и искуства сей очаровательной страны сохраняли характеръ своихъ Нильскихъ воздоителей, то и можно изъ ученыхъ изслѣдованій трудолюбиваго Кирхера, собравшаго остатки Греческихъ мелодій, догадываться о музыкальной методѣ Египтянъ и жителей Аттики. Полные, протяжные звуки человѣческихъ голосовъ, непримѣтно переходящіе отъ одного тона къ другому, или, лучше сказать, сливающіеся тоны, поэзія, наборъ благозвучныхъ словъ и выраженій, составляли гармонію древняго пѣнія, которое не нуждалось въ сопровожденіи инструментовъ. Греческій тетрахордъ показывалъ только тонъ поющимъ и руководствовалъ ихъ въ различныхъ измѣненіяхъ онаго. Всѣ прочія музыкальныя орудія играли поодиначкѣ, безъ голосовъ. Позднѣйшіе потомки сего величественнаго и сладкогласнаго пѣнія живутъ у насъ въ священныхъ обрядахъ Богослуженія. Ни въ какой странѣ Европы нѣтъ такой превосходной, возвышающей душу гармоніи, какую слышимъ мы въ пѣніи Грекороссійской церкви, непосредственно дошедшемъ до насъ изъ града Константина. Вотъ подлинно Божественная музыка!... Въ Католическихъ странахъ органъ до сихъ поръ сопровождаетъ церковное пѣніе. Но этотъ инструментъ показался недостаточнымъ для величія храмовыхъ оркестровъ. Къ нему были присовокуплены скрипки, изъ коихъ также можно извлекать протяжные, выразительные звуки. Въ послѣдствіи начали употреблять и духовые инструменты. Это соединеніе музыкальныхъ орудій съ голосами поющихъ сотворило новую музыку, совершенно различную съ древнею. Въ настоящее время оркестръ не поддерживаетъ исключительно поющихъ, но гармонируетъ вмѣстѣ съ ними и составляетъ одно цѣлое. Отъ сего много выиграла гармонія, а мелодія лишилась своей первобытной выразительности. Когда спрашивали устарѣвшаго Гретри, какъ умѣлъ онъ, своими простыми напѣвами, такъ сильно дѣйствовать на душу слушателей? Онъ отвѣчалъ: «Оркестръ всегда былъ у меня только піедесталомъ статуи, которую я воздвигалъ на сценѣ.» Нынѣ и подножіе и кумиръ слились во едино, а посему мы только дивимся искуству, которое ни сколько не дѣйствуетъ на наши душевныя ощущенія. Со времени утонченности инструментальной музыки, сладкогласное, полное, гармоническое пѣнье, называемое Французами le plein chant, естественнымъ образомъ утратило свою выразительность: прежде, оно, подобно круговымъ линіямъ Геометріи, не подлежало измѣренію, а теперь должно дробиться на мѣльчайшія части для согласованія съ соборомъ разнообразныхъ музыкальныхъ орудій. Нынѣ рулады и смѣлыя октавы пѣвцовъ, отбивныя ноты и фуги хоровъ и труднѣйшая инструментовка, составляютъ все достоинство музыкальнаго произведенія и новѣйшую гармонію, о коей выше сего сказано.— Родоначальникомъ сей новой музыки былъ безсмертный Моцартъ. Этотъ геній началъ блистать въ предпослѣднемъ десятилѣтіи XVIII вѣка. Въ то время какъ Чимароза, Мартини и Сарти въ Россіи, Саккини и Сальери во Франціи, плѣняли слушателей, не отставая отъ старой методы композиціи, Моцартъ созидалъ новую музыку, которая должна была заключить тѣсный союзъ между гармоніею оркестра и мелодіею поющихъ. Это и было исполнено неподражаемымъ композиторомъ. Его творенія затмеваютъ все, сдѣланное его предшественниками и послѣдователями.

Франція, оградившая себя строгими таможнями, на счетъ ввоза заграничнаго умственнаго товара, не погнушалась музыкальными сочиненіями Вѣнскаго Орфея. Бертонъ и Херубини осмотрѣли новый путь, проложенный Омиромъ музыки, и отважно шествовали по оному; произведенія сихъ композиторовъ были радостно приняты Французскою публикою, и вскорѣ сдѣлались извѣстными въ цѣлой Европѣ. Но такъ какъ въ природѣ все старѣется и возраждается въ новомъ видѣ, то и Моцартова школа нѣсколько устарѣла для настоящаго времени. Двое новыхъ представителей музыкальнаго вѣка, Россини въ Италіи, и Веберъ въ Богеміи, дали обширнѣйшій кругъ дѣйствія началамъ Моцарта. Они до того перехитрили работу инструментовъ, что въ ихъ сочиненіяхъ контрабасы дѣлаютъ такія трудныя выходки, какія въ старые годы едвали были подъ силу первой скрипкѣ. Отъ сего пѣньс, заглушаемое громомъ оркестра, совершенно потеряло свою выразительность. Въ операхъ Россини не рѣдко случается, что актеръ въ ужасающую минуту театральнаго бѣдствія, напѣваетъ вальсъ или мазурку. Фіораванти и другіе знаменитые композиторы возопіяли противъ сихъ неразумныхъ нововведеній. Но ополченіе здраваго разсудка противъ господствующей моды вѣнчается такимъ-же успѣхомъ, какъ возстаніе горнаго Князька противъ грознаго могущества. Прихотливая публика нашла услажденіе для своего слуха въ неистовыхъ произведеніяхъ Россини, и никакая музыкальная Академія не въ силахъ ее обратить къ истинно изящной гармоніи. Такъ уже водится во всемъ томъ, что относится къ модѣ! Между тѣмъ композиторы, которые болѣе дорожатъ прочною славою, нежели эфемерными восторгами легкомысленной публики, стараются, угождая вкусу сей послѣдней, сохранить методу своихъ предшественниковъ. Такъ поступаютъ нынѣ Оберъ и Боэльдье. Послѣдній изъ сихъ композиторовъ, начавшій свое поприще гораздо прежде Обера, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ. Тамъ сочинены имъ оперы: *Телемакъ на островѣ Калипсы*, *Алина Королева Голкондская* и *Опрокинутыя кареты*. По возвращеніи въ Парижъ, Боэльдье помѣстилъ нѣкоторые напѣвы изъ вышеупомянутыхъ оперъ, въ сочиненной имъ для театра Федо оперѣ: *Іоаннъ Парижскій*, которая у насъ въ Москвѣ называется: *Жанъ Парижскій*, вѣроятно потому, что сантиментальный переводчикъ не дерзнулъ сладкозвучащаго Jean, замѣнить грубымъ: Іоаннъ. Эта опера имѣла неслыханный успѣхъ. По окончаніи перваго дѣйствія, театръ гремѣлъ отъ рукоплесканій. Сіе произведеніе можетъ назваться вѣнцомъ славы Боэльдье. Но геній его не утомился. Въ послѣдствіи времени сочинены имъ оперы: *Новый помѣщикъ*, *Красная шапочка* и *Бѣлая Волшебница*. Въ нихъ видна таже свѣжесть мыслей, таже оригинальность, таже смѣлость, которыя восхищаютъ въ первыхъ его твореніяхъ.

На здѣшней сценѣ, водевильная саранча является безпрестанно, а хорошія оперы изрѣдка разсѣяваютъ сію тучу. Со времени открытія Большаго Театра, были поставлены на ономъ только пять новыхъ оперъ: *Волшебный стрѣлокъ*, *Снѣгъ*, *Панъ*

Digitized by Google

Твердовскій, *Каменьщикъ* и *Бѣлая Волшебница*. Сія послѣдняя, неизвѣстно по какимъ причинамъ, года два пролежала подъ спудомъ послѣ первыхъ представленій. Нынѣ, благодаря бенефису Г-на Булахова, она опять явилась на сценѣ и доставила публикѣ большое удовольствіе. Содержаніе сей оперы заимствовано изъ двухъ романовъ Валтера Скотта: Гюй Манерингъ и Монастырь. Вся прелесть разсказа Шотландскаго романиста совершенно исчезла на сценѣ и изъ красныхъ его вымысловъ вышла пьеса довольно неправдоподобная, даже нелѣпая. Но музыка Боэльдье за все вознаграждаетъ. — Вотъ краткій отчетъ объ искуствѣ нашей оперной труппы.

Г-нъ Булаховъ, который по сознанію самыхъ кичливыхъ иностранныхъ артистовъ, есть одинъ изъ лучшихъ тенористовъ въ цѣлой Европѣ, занималъ роль Георга Брауна. Не знаемъ, по причинѣ-ли холоднаго времени, или по какимъ другимъ резонамъ, голосъ сего отличнаго пѣвца былъ на сей разъ нѣсколько слабъ. За всѣмъ тѣмъ Г-нъ Булаховъ пѣлъ со свойственнымъ ему искуствомъ. Онъ обладаетъ какимъ-то особеннымъ секретомъ: не зависѣть отъ барометра и никогда не впадать въ музыкальныя погрѣшности. Замѣтимъ на сей разъ Г-ну Булахову, что не пѣнье, а костюмъ его былъ очень страненъ. Если оный былъ сдѣланъ по рисункамъ Г. Локуэса, какъ объявлено въ аффишѣ, то мы совѣтуемъ Г. Булахову не всегда слѣдовать такимъ рисункамъ. Для концерта пѣвецъ можетъ одѣться, какъ ему угодно, но опера есть *зрѣлище*, слѣдовательно правдоподобіе должно быть соблюдено. Скажемъ за тайну

Гг. Локуэсу и Булахову, что Англійскіе офицеры носятъ мундиры и треугольныя шляпы съ султанами, а не шитыя серебромъ и золотомъ тюники. — Въ роли Гавестона, Г. Лавровъ восхищалъ своимъ голосомъ, но не пѣніемъ! Этотъ отличный басистъ имѣетъ несчастную привычку растворять ротъ въ видѣ воронки, отъ чего естественнымъ образомъ слова бываютъ невнятны. — Г-жа Филлисъ, занимавшая роль Эммы, обладаетъ прекраснымъ голосомъ и хорошо знаетъ музыку. Со всѣмъ тѣмъ она не рѣдко поетъ неудачно, потому что поетъ на удачу. Доказательствомъ сему служитъ опера: Бѣлая Волшебница. Въ финалѣ втораго дѣйствія, въ прекрасной сценѣ Лукціона, Г-жа Филлисъ сдѣлала такую блестящую руладу, что честолюбивѣйшая prima donna Италіянской оперы пришла-бы отъ оной въ отчаяніе (дамы легко приходятъ въ отчаяніе). Но вмѣстѣ съ сею руладою, Г-жа Филлисъ зашла такъ высоко, что послѣ уже не могла попасть въ надлежащій тонъ. Г-жа Н. Рѣпина по обыкновенію пѣла вѣрно, чисто, безъ натяжекъ, безъ усиленій голоса и очень пріятно. Гг. Сорокинъ и Максинъ, не будучи славными пѣвцами, всегда поддерживаютъ ходъ оперы, потому что эти артисты отважились на ужасающій другихъ акторовъ подвигъ: выучиться музыкѣ. Что касается до нашихъ хористовъ, то смѣло можемъ сказать, что директоры оперъ въ Италіи позавидовали-бы Московскому театру, если-бы они слышали, съ какою вѣрностью, съ какимъ согласіемъ поютъ здѣшніе театральные пѣвчіе.

Вмѣсто обѣщанной пьесы: *Отъ добра добра не* *ищутъ,* за внезапною болѣзнью Г-на Щепкина, представленъ былъ *паки* Водевиль: *Двѣ записки,* который поддерживается въ Петербургѣ только игрою Г-на Рязанцева, и можетъ назваться самымъ слабымъ произведеніемъ остроумнаго пера покойнаго Писарева. Но такъ какъ Г. Щепкинъ необходимъ во всѣхъ водевиляхъ, и долженъ былъ играть въ сей пьесѣ, то на этотъ разъ занималъ его роль воспитанникъ Театральной Школы Г-нъ Богдановъ, меньшой братъ любимаго здѣшнею публикою танцовщика. Отдадимъ должную справедливость молодому питомцу сценическихъ Музъ: Г-нъ Богдановъ игралъ очень хорошо. Желаемъ только, чтобы патентъ на званіе *генія,* не слишкомъ скоро былъ ему выданъ. Эти патенты уже убили нѣсколько талантовъ и на сценѣ и . . . . . на другихъ поприщахъ. — Интермедія: Переходъ Россійскихъ войскъ чрезъ Балканскія горы, была принята съ восторгомъ, по причинѣ свѣжаго воспоминанія о семъ знаменитомъ событіи. Сраженія, поставленныя Г. Малышевымъ, очень хороши. Маневры войскъ были довольно плохи.

В. У.

Digitized by Google

ОТВѢТЪ

на замѣчанія Г-на В. У.

Г. В. У., который помѣщаетъ въ Московскомъ Телеграфѣ статьи о театрѣ, самъ признался въ первыхъ книжкахъ сего Журнала на 1829-й годъ, что актеры принадлежатъ также къ литтературному міру и могутъ защищать себя отъ неправильныхъ обвиненій. Я увѣренъ, что Г-нъ В. У. не отречется отъ сказаннаго имъ и слѣдственно не разсердится, если я, пользуясь его же наставленіемъ, осмѣлюсь возразить на статью его о представленіи комедіи: *Свадьба Фигаро* (смотр. 22-ю книжку Московск. Телеграфа). Въ этой статьѣ досталось на мою долю около полуторы страницы самой мѣлкой печати. Г. Критикъ, осыпавши меня похвалами, можетъ быть и не заслуженными мною, приправилъ этотъ лестный отзывъ такимъ обвиненіемъ, которое очень огорчительно для каждаго актера. Г. Критикъ утверждаетъ, что я, Сабуровъ, въ костюмѣ Фигаро, пренебрегъ существенною и прочною славою, и захотѣлъ выманить у райка нѣсколько громкихъ браво и рукоплесканій. Въ доказательство сего Г. В. У. упоминаетъ о моихъ выкрикиваніяхъ и размахиваньи руками въ знаменитомъ монологѣ пятаго дѣйствія. На это обвиненіе я поставляю себѣ долгомъ отвѣчать. — Не буду я оскорблять посѣтителей райка, что будто пренебрегаю ихъ рукоплесканіями: актеръ долженъ угождать всей публикѣ, безъ различія мѣстъ; но смѣло скажу, что мои выкрикиванья въ этомъ монологѣ происходили совсѣмъ отъ другой причины. Можетъ быть не всякому извѣстно, сколько бываетъ хлопотъ у актера въ день его бенефиса, но Г-нъ В. У., кажется, имѣетъ объ этомъ нѣкоторое понятіе, по бенефису моей жены, бывшему 8-го Января 1829-го года. Мудрено ли что актеръ, послѣ безпрестанныхъ разъѣздовъ, утомительныхъ репетицій, къ концу пьесы устанетъ до такой степени, что едва переводитъ духъ и насилу можетъ говорить? Такъ и со мной случилось. Не только изъ моей роли, но даже изъ Французскаго подлинника, мнѣ было извѣстно намѣреніе Автора. Онъ хотѣлъ, чтобы Фигаро, поджидая страшной для него минуты свиданія Сусанны съ Графомъ, сидѣлъ на скамьѣ и размышлялъ о всѣхъ превратностяхъ своей странной судьбы хладнокровно. Я исполнилъ волю Автора во второе представленіе комедіи, на Маломъ Театрѣ. Но на огромной сценѣ Большаго Театра, мнѣ это было невозможно, во первыхъ потому, что передній занавѣсъ поднимается на разстояніи пяти саженъ отъ зрителя, слѣдовательно скамья стоитъ еще далѣе, и сидя на ней я не могъ бы быть услышанъ публикою, если-бы говорилъ тихо; во вторыхъ, какъ я уже сказалъ, при моей усталости мнѣ трудно было безъ усиливанія голоса проговорить внятно длинный монологъ, который стоитъ цѣлой роли въ другой пьесѣ. Прошу извиненія у Г-на В. У., что оправдываюсь не такъ краснорѣчиво какъ онъ пишетъ, но ему извѣстно, что литтературныя занятія нашего-брата актера состоятъ въ чтеніи и вытверживаніи ролей, а не въ сочиненіи критикъ и антикритикъ. Впрочемъ, долгомъ себѣ поставляю объявить, что я всегда дорожилъ и всегда буду дорожить умными и полезными замѣчаніями просвѣщеннаго человѣка. Я и товарищи мои, съ благодарностію примемъ самые строгіе разборы нашей игры, которые принесутъ болѣе пользы нашему театру, нежели эпиграммы и сравненія, взятыя изъ Басенъ Крылова. Но когда обвиненіе несправедливо, то почему не оправдываться? Если Г. В. У. не оскорбится невинною шуткою, то я осмѣлюсь ему замѣтить, что вообще вся его статья о бенефисѣ моей жены написана суровымъ тономъ: какъ будто въ тотъ день, когда Г. В. У. сочинялъ ее, онъ, по пословицѣ, всталъ съ постели лѣвою ногою. Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію

остаюсь готовый къ услугамъ,

Актеръ Александръ Сабуровъ.

P. S. Еще маленькая странность. Одинъ и тотъ же спектакль кончился въ разное время: у Г-на В. У. въ 1-мъ часу по полуночи, а у Кн. П. И. Шаликова, въ N° 50-мъ Дамскаго Журнала, во 2-мъ часу. Это недоумѣніе разрѣшитъ сама почтенная публика, удостоившая сей спектакль своимъ посѣщеніемъ.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ ТЕЛЕГРАФА.

Сею, *сто двадцатою* отъ начала Телеграфа, книжкою оканчивается *изданіе Телеграфа за 1829-й годъ*, и заключается *тридцатая* часть сего Журнала. Постоянное, общее вниманіе публики, благосклонные, лестные отзывы, коихъ и на сей годъ удостоялся я, отъ особъ, достойныхъ полнаго моего уваженія, всего болѣе побуждаютъ меня *продолжать Телеграфъ и въ будущемъ 1830-мъ году.*

Вмѣстѣ съ изъявленіемъ сердечной благодарности читателямъ Телеграфа, я долгомъ почитаю ежегодно представлять имъ краткій отчетъ за Телеграфъ. Въ томъ награда моя, что обозрѣвъ такой отчетъ, мнѣ скажутъ: *Ты не безполезно трудился, и хотя не достигъ вполнѣ своей цѣли, но старался къ ней достигнуть.*

Не измѣняя основному направленію Телеграфа, въ 1829-мъ году, я старался, какъ и прежде, знакомить читателей съ новыми важнѣйшими явленіями современной исторіи наукъ и искуствъ, съ новыми твореніями великихъ современниковъ, съ идеями, понятіями современными. Познаніе отечества, отечественной Литтературы; приложеніе чужеземнаго полезнаго ко благу отчизны: все это было предметомъ моихъ особенныхъ стараній. Благодарю тѣхъ почтенныхъ особъ, которыя во всѣхъ сихъ отношеніяхъ участвовали въ Телеграфѣ своими трудами.

По части важнѣйшаго изъ всѣхъ знаній, науки наукъ, *Философіи*, читатели видѣли въ нынѣшнемъ году Телеграфа – вступительную, превосходную лекцію Кузена, а въ приложеніи сей науки къ Критикѣ и Исторіи – разборъ сочиненія Г-на Зедергольма, и лекцію Кузена о великихъ людяхъ.

Наполеоново описаніе Абукирской битвы; Беккерова Картина Греціи въ 1827-мъ году; Письма изъ Арменіи, соч. Г-на Соболева; краснорѣчивое описаніе взятія Инады; замѣчательное жизнеописаніе Черкесскаго героя Измаила-Аліева, составляли отдѣлъ *Исторіи*. *Критика Исторіи* представила читателямъ: разборъ великаго творенія Нибурова; разборъ творенія Савиньи; разборъ Исторіи Петра Великаго, сочиненной Сегюромъ. Критическое приложеніе Исторіи къ разнымъ важнѣйшимъ предметамъ, читатели видѣли въ обозрѣніи просвѣщенія Россіи въ 1828-мъ году, соч. Г-на Кеппена; въ обозрѣніи успѣховъ Англійской промышленности, въ 1828-мъ году; въ обзорѣ измѣненія Англійскихъ законовъ о торговлѣ; въ обозрѣніи Драмы новѣйшихъ народовъ, философскомъ сочиненіи Барона Экштейна; въ обозрѣніи новѣйшаго краснорѣчія Французовъ (разборъ рѣчей Генерала Фуа); въ остроумномъ взглядѣ на Польскую Литтературу, Мицкевича; въ обозрѣніи Литтературы Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ, Купера.

Отдѣлъ *Географіи и Статистики* заключалъ въ себѣ также нѣсколько замѣчательныхъ статей. Первою изъ нихъ должно почесть глубокомысленное сочиненіе Барона Гумбольдта О степяхъ. Далѣе можно указать на описаніе Сибири, Крыма, Турціи, Лапландіи, Восточной Индіи, въ Письмахъ изъ Сибири и съ береговъ Лены (которыми Телеграфъ одолженъ почтенному Литтератору П. А. Словцову и Г-ну Щукину), въ статьѣ Г-на Левашева (Прогулка на Чатыръ-Дагъ), въ разборѣ книги Андреосси, путешествіи Брука, статьѣ Экштейна о владычествѣ Англичанъ въ Индіи. Осмѣливаюсь также почесть достойными вниманія читателей прекрасную статью о Кяхтинской торговлѣ, сочиненную однимъ изъ нашихъ негоціянтовъ; статью о Московскомъ заведеніи для разбора шерсти; статью о проведеніи въ Москву воды изъ Мытищъ.

По части *Изящной Словесности*, читатели видѣли въ Телеграфѣ стихотворенія многихъ извѣстныхъ поэтовъ нашихъ. Обязанностію считаю благодарить за украшеніе Телеграфа стихотвореніями: А. С. Пушкина, Н. И. Гнѣдича, почтенныхъ ветерановъ нашей Словесности: Н. М. Шатрова, В. Л. Пушкина, и также господъ: Астафьева, Вронченку, Волкова, Вельтмана, Ѳ. Н. Глинку, Елагина, Колачевскаго, Карлгофа, Кирѣева, Каверзнева, Масальскаго, Маркевича, Лихонина, Орлова, Павлова, Рошчева, Розена, Сіянова, Теплякова, и тѣхъ, коимъ угодно было остаться анонимами.

Отдѣленіе легкой прозы составлено было изъ сочиненій Байрона, Гумбольдта, повѣстей: Гофмана, В. Скотта, Цшокке, и другихъ отличныхъ писателей; двѣ Русскія повѣсти, П. П. Сумарокова и В. А. Ушакова, украсили также Телеграфъ.

Читатели конечно замѣтили, что Издатель Телеграфа и сотрудники его старались въ нынѣшнемъ году вообще о приложеніи къ отечественной Литтературѣ — критики, не мѣлочной, но оцѣнивающей безпристрастно достоинства и недостатки замѣчательнѣйшихъ явленій. Такъ посвящены были подробные разборы: Исторіи Государства Россійскаго; сочиненіямъ Пушкина, Дельвига, Булгарина; переводамъ Козлова; Русскимъ повѣстямъ и романамъ.

Библіографія отечественной Литтературы была постояннымъ и обширнымъ отдѣленіемъ Телеграфа. Сколько возможно было, Телеграфъ удерживался отъ всякой полемики, и Издатель, сожалѣя о немногихъ отступленіяхъ отъ положеннаго имъ себѣ правила: *всевозможно удаляться отъ полемическаго поприща*, осмѣливается сослаться на безпристрастный судъ читателей, что и къ *немногимъ* отступленіямъ принуждала его сущая необходимость. Цѣлый годъ нѣсколько Журналовъ наполнялись нападками на Телеграфъ, и всѣ сіи нападки оставались безъ отвѣта. Такъ будетъ поступать Издатель Телеграфа и въ слѣдующемъ году. — Иностранная библіографія мало входила въ составъ Телеграфа; она будетъ увеличена въ 1830 году.

Таково было въ 1829 году основное содержаніе Телеграфа. Не упоминаю о статьяхъ, которыя собственно не входятъ въ планъ онаго, какъ-то: статья о Физіологіи, двѣ статьи объ Архитектурѣ въ Россіи (N° 11-й и 20-й). Я не отрекусь помѣщать подобныя статьи и въ слѣдующемъ году, имѣя уже въ виду ихъ нѣсколько, весьма замѣчательныхъ.

Digitized by Google

Прибавленіе къ Телеграфу заключало въ себѣ нѣсколько любопытныхъ статей Тенара, Ленормана, Дюпена, Више, В. Скотта, нѣсколько извѣстій о важныхъ открытіяхъ, и проч.; но, не имѣя возможности достигнуть въ семъ случаѣ чего-либо полнаго, и видя, что уже нѣсколько повременныхъ Русскихъ изданій преимущественно посвящаются у насъ Техникѣ искусствъ, художествъ и ремеслъ (Журналы, издаваемые Г-ми Двигубскимъ, Іовскимъ, Щегловымъ, также, отчасти, военный, морской, горный, путей сообщенія, мануфактуръ и торговли, и Атеней), я рѣшился замѣнить Прибавленіе другимъ. Шутливый Живописецъ располагаетъ и въ слѣдующемъ году говорить правду порокамъ и глупостямъ людскимъ: въ *Прибавленіи* будетъ ему полный разгулъ, и онъ надѣется, что и впредь удостоятъ его благонамѣренные читатели одобрительною улыбкою.

Одинъ изъ почтенныхъ сотрудниковъ Телеграфа занимался постояннымъ обозрѣніемъ Московскихъ театровъ. Сіи статьи, заслужившія лестное вниманіе публики, онъ обѣщалъ продолжать и въ 1830-мъ году.

Моды, картинки, извѣстія, замѣчанія, изображенія новомодныхъ прихотей, вся эта *придача* къ существенному содержанію Телеграфа, выполняема была сколько можно исправнѣе. Если Издатель Телеграфа успѣлъ кому нибудь угодить такою придачею, онъ долгомъ почитаетъ извѣстить, что въ слѣдующемъ году это отдѣленіе Телеграфа явится еще съ бóльшимъ разнообразіемъ.

Остается желать, чтобы въ слѣдующемъ 1830-мъ году благосклонное вниманіе читателей Телеграфа также равнялось съ усердіемъ угодить имъ, какъ равнялось оно донынѣ. *Польза съ удовольствіемъ* — есть девизъ мой; *разнообразіе* — средство достигнуть исполненія сего девиза.

Н. Полевой.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Lorsqu'une coëffure en cheveux est simple, sur le front passe communément une petite chaine d'or ou une gance, à la laquelle est attaché un camée ou une pierre de couleur, qui orne le milieu du front.

Au bal donné par l'ambassadeur de Russie, des épis de diamans étaient réunis en bouquet sur le côté droit de plusieurs coëffures en cheveux. Du côté opposé figuraient des fleurs implantées dans une touffe de cheveux.— La couronne de fleurs, sur plusieurs têtes, au lieu d'avoir une direction horizontale, était placée obliquement, de droite à gauche. — Les turbans étaient très-larges.

(*) До 30 Декабря (н. с.) 1829 г.

On met sur des chapeaux de satin ou de gros d'hiver, des pavots très-volumineux.

Quelques manteaux sont de casimir écarlate tout uni.

Des pelisses à manches larges et pendantes, bordées de fourrure, prennent faveur.

Quelques élégans se font faire pour les bals, une culote courte en velours-plain, noir. De chaque côté du genou sont trois boutons en brillans.

Une couleur d'habit de grande tenue se nomme *feu d'enfer*.

Aux casquettes de toutes les formes, étoffes et couleurs, ont succédé des bonnets grecs, dits *gasquets*. Aujourd'hui ce sont des bonnets persans, espèces de pyramides recouvertes d'une peau d'agneau d'Astrcaan, noire et frisée, que termine une calote, formée de quatre pièces de casimir écarlate, avec cordonnet d'or sur les coutures.

Les souliers de bal sont en cuir verni, sans patte ni rosette sur le coude-pied.

La couleur des gants glacés est jaune-serin.

A Paris, dussent les gens superstitieux s'en alarmer, les bals ont commencé un vendredi. Vendredi 18 décembre bal chez M. le comte Pozzo di Borgo, ambassadeur de Russie.

La farine de maïs est fort à la mode cet hiver. Dans toutes les maisons où l'on sert du thé le soir, on passe des tartines de pain de maïs.

Gris-perle est la couleur des cartes de visite.

METS RECHERCHÉS.

Blanquette de faisan aux truffes.—Croustade de nouille aux filets de lapereau.— Caille en compote, au vin de Champagne. — Filets de poulet aux pointes d'asperges.—Sultane *à la Chantilly*.—Cracovies d'œufs frais.—Brocolis à la crême.—Feuillantines d'abricots.—Langue de bœuf aux marrons glacés (ce glacé n'est point celui des confiseurs, mais un jus).—Charlotte russe au marasquin de Zara.—Buisson de cannelons de cerises.

Головные уборы. Въ простой уборкѣ волосовъ, на лбу щеголихи обыкновенно протягивается золотая цѣпочка, или золотой снурокъ, которымъ укрѣпляется на срединѣ лба камей, или цвѣтной драгоцѣнный камень.

На балѣ у Русскаго Посла, во многихъ головныхъ уборкахъ дамъ, алмазные колосья соединены были въ букеты съ правой стороны головы; съ лѣвой стороны у такихъ уборокъ были цвѣты, въ пукѣ волосовъ. — Цвѣточные вѣнки во многихъ уборкахъ были положены наискось, съ правой на лѣвую сторону.—Тюрбаны были чрезвычайно широкіе.

Атласныя, и изъ зимняго гро, шляпки убираютъ огромными маковыми цвѣтами.

Модныя платья. Дѣлаютъ дамскіе плащи, или манто, изъ алаго казимира.

Шубы съ широкими, висячими рукавами, и съ мѣховою опушкою, входятъ въ моду.

Мужскія моды. Давно уже замѣчаютъ, что моды начинаютъ обращаться къ старинѣ. Нынѣшнюю зиму на балахъ щеголи являются въ бархатныхъ, чернаго цвѣта, короткихъ до колѣна, панталонахъ, съ тремя бриллъянтовыми подлѣ колѣна пуговками.

Одинъ изъ модныхъ цвѣтовъ для фраковъ назвали въ Парижѣ — *адскій огонь*.

Шапки и картузы, разныхъ формъ, изъ разныхъ матерій, и разныхъ цвѣтовъ, смѣнены были Греческими шапками, называемыми: *гаске*. Теперь и Греческія шапки брошены. Въ модѣ Персидскія шапки, изъ черной мерлушки, съ верхомъ изъ краснаго казимира, съ золотыми прошивками, высокія, похожія на пирамиду. (Кажется, что это тѣ самыя, безобразныя и нелѣпыя шапки, которыя въ Москвѣ называютъ *Эриванскими*, и которыя теперь перешли на головы подъячихъ, лихихъ студентовъ и щеголей-лакеевъ).

Бальные мужскіе башмаки дѣлаются изъ лакированной кожи, безъ ленточекъ и безъ клюшъ.

Модный цвѣтъ лощеныхъ перчатокъ желтый-чижиковый.

Выше было упомянуто о балѣ у нашего Посла въ Парижѣ, Графа Поццо ди-Борго. Балъ этотъ былъ великолѣпный; наряды дамскіе были щегольскіе. Въ Журналахъ Парижскихъ помѣщено по сему случаю много подробностей. Такъ, напримѣръ, Журналисты шутили, что балы начались въ Парижѣ въ пятницу, ибо балъ у Посла нашего былъ въ пятницу, 18 Декабря, а этотъ день, какъ у насъ понедѣльникъ, считается у Французовъ неблагопріятнымъ. Далѣе, что на этомъ балѣ явилась новая Французская кадриль: *Завоеваніе гарема* (la conquête du Harem), музыка Бодуэня; эта кадриль была «счастливое *кстати*,» говорятъ Журналисты (était un heureux à-propos).

Въ Парижѣ вошла въ моду — *мука изъ Турецкой пшеницы*, или кукурузы (початковъ). Во всѣхъ модныхъ домахъ, когда вечеромъ подаютъ чай, сухари маисовые—необходимость!

Модный цвѣтъ для визитныхъ картъ сѣро-жемчужный.

Отдѣльною статьею, подъ титуломъ: Mets recherchés, помѣщены выше сего названія одиннадцати модныхъ кушаньевъ. Это исчисленіе взято изъ Парижскаго Journal des dames et des modes, отъ 20 Декабря 1829 г. — Перепечатавъ его, мы конечно угодимъ кому нибудь изъ нашихъ читателей, ибо, среди людей, ищущихъ вдохновеній Парижской моды, находятся, вѣроятно, люди, которымъ дорого вдохновеніе именно *гастрономическихъ модъ Парижскихъ*. Переводить на Русскій языкъ названія Парижскихъ модныхъ кушаньевъ, мы не смѣемъ, ибо—не понимаемъ сихъ названій. Что такое: Sultane à la Chantilly? Что такое: Cracovies d'œufs frais? Гіероглифы, символы, понятные только посвященному въ таинства Парижской гастрономіи!

На приложенныхъ картинкахъ:

1. *Дама.* Газовый тюрбанъ, убранный серебряными шариками. Шуба, покрытая Турецкою шалью, опушенная горностаемъ.

Дитя-дѣвочка. Плюшевая шляпка—капотъ; бархатное платье; жаконнатовые панталоны.

2. *Мужчина.* Вмѣсто Парижскаго костюма, приложено къ сему № Телеграфа изображеніе шубы, изобрѣтенной моднымъ Московскимъ портнымъ Гмъ Отто. Гнъ Отто назвалъ сію шубу *Забалканскою.*

* * *

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

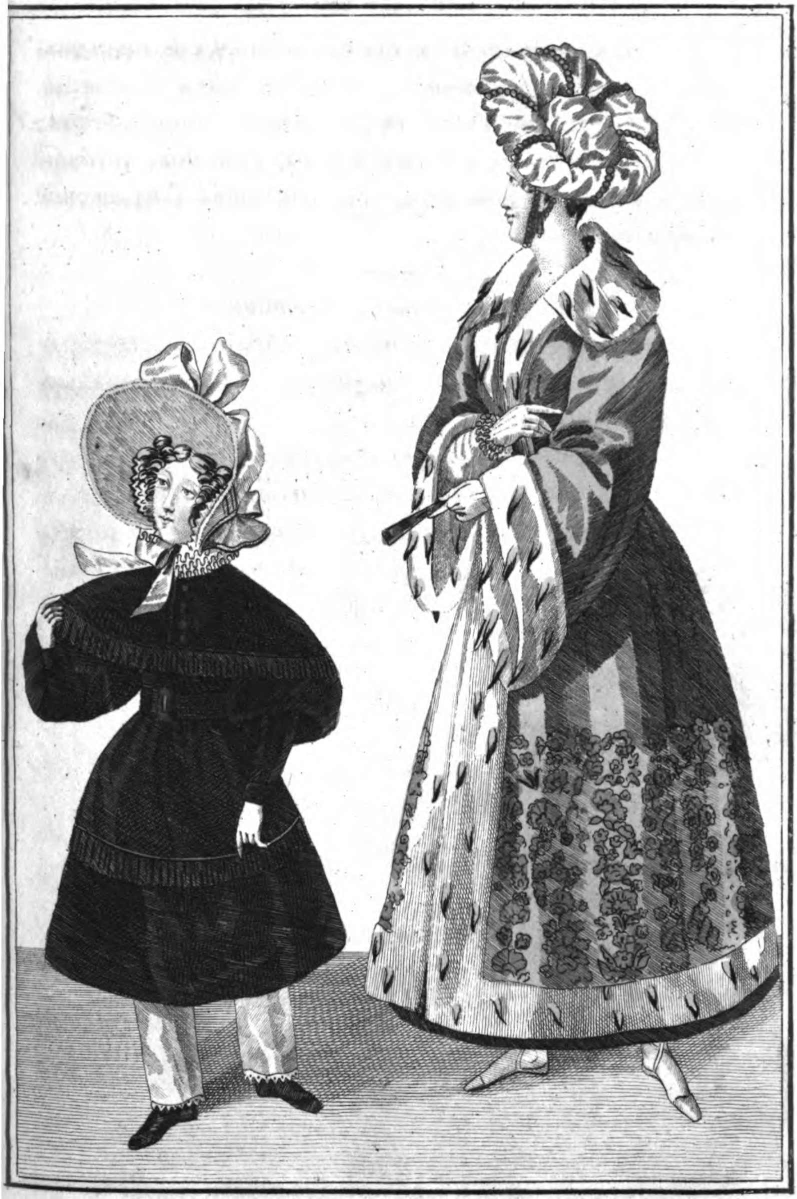
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Января 2 дня, 1830 года.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

Digitized by Google

Къ N. 24. Моск. Тел. 1829.

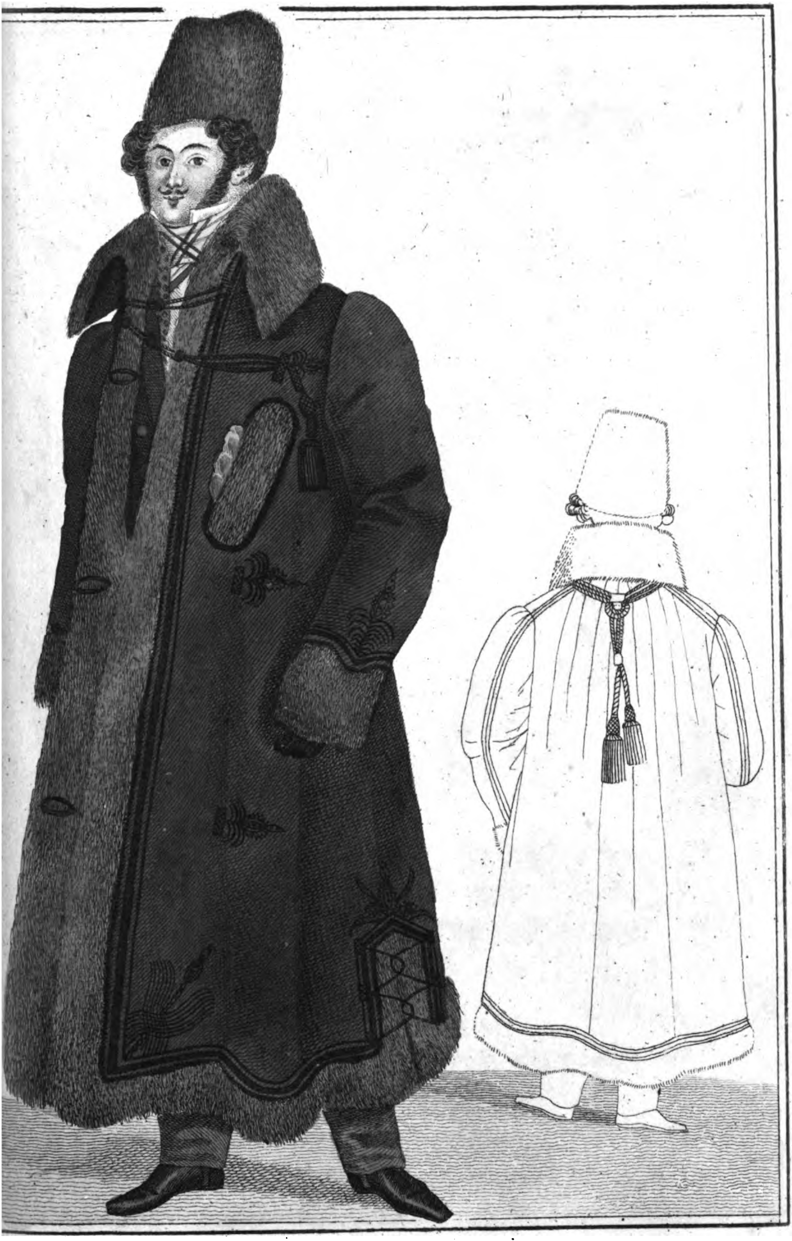


Въ Парижѣ, 30 Декабря (н. с.) 1829.

Digitized by Google

Digitized by Google

Къ N.24 Моск. Тел. 1829.



Digitized by Google

RK
ARY
LEN X AND
TILDEN FOUNDA IONS
R L

Digitized by Google

ПРИБАВЛЕНІЕ
КЪ
МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 24. *Декабрь* 1829.

О ПОЛЬЗѢ ОБРАБОТЫВАНІЯ
БЕЗПЛОДНЫХЪ ЗЕМЕЛЬ.

(Окончаніе).

Иное направленіе произвело у насъ и другія слѣдствія. Горячность земледѣльческихъ спекуляторовъ' затмила въ ихъ глазахъ истинныя ихъ пользы. Едва доставало у нихъ средствъ на обработаніе дюжины акровъ земли, а они распахивали сотни оныхъ. Если-же которые изъ нихъ умно довольствовались небольшимъ числомъ участковъ умѣреннаго пространства, то усилія ихъ почти всегда награждались успѣхомъ. Въ подтвержденіе сего мы могли-бы привести множество примѣровъ; удовольствуемся только слѣдующими. Въ 1771 году Парламентъ позволилъ раздѣлить большой лѣсъ Кваресбороугскій. Обширные участки долго не вознаграждали своихъ владѣльцевъ за употребленный ими капиталъ; сомнительно даже то, чтобы и нынѣ были они вознаграждены за оный. Но совсѣмъ другое дѣло были небольшіе участки, отданные простымъ земледѣламъ. Сіи послѣдніе посвящали все свободное время улучшенію своихъ участковъ, и первобытное безплодіе оныхъ было превращено въ прочное состояніе плодоносія.

Тоже случилось въ Гемпширѣ въ 1803 году, когда начали воздѣлывать луга Кристчорчскіе. Участки большихъ владѣльцевъ донынѣ остаются въ небреженіи, между тѣмъ какъ небольшія земли, принадлежащія мѣлкимъ земледѣламъ, даютъ уже значительный доходъ. Сіи земледѣлы посвящаютъ свои досуги обработыванію укромныхъ владѣній своихъ; но безъ сего ободрительнаго занятія они провождали-бы ихъ иногда и въ кабакахъ. Такимъ образомъ удобреніе безплодныхъ полей способствуетъ и увеличенію общественнаго богатства и улучшенію нравовъ народныхъ.

Луга или выгоны должны быть располагаемы какъ народное владѣніе, и ихъ надлежитъ дѣлить на участки, по мѣрѣ того, сколько общество нуждается въ трудѣ и землѣ. Мы почитаемъ сіи земли, нѣкоторымъ образомъ, народною фермою, собственностью, которую общество имѣетъ право взять на свой щетъ, заплативъ за то приличную сумму денегъ тѣмъ людямъ, которые отъ принятія сихъ мѣръ потеряли-бы свои права на нее. Намъ кажется, что общество могло-бы сказать симъ людямъ: « Тысячи сограждан ваших остаются безъ занятія и безъ пищи; у васъ сотни акровъ земли, дающихъ вамъ мало, или и совсѣмъ не дающихъ дохода; будучи удобрены ихъ работою, сіи акры доставятъ имъ обильныя средства существованія. Если вы хотите сами заняться обработыванiемъ брошенныхъ вами земель, то это всего лучше; вы увеличите и ваше, и государственное богатство, доставивъ въ тоже время работу нуждающимся въ оной. Но если вамъ лучше оставаться въ недѣятельности, то общественная польза требуетъ, чтобы Правительство отняло у васъ сей источникъ богатства, давъ вамъ за то справедливое вознагражденіе.» Не думаемъ, чтобы хотя одинъ разсудительный человѣкъ, съ которымъ говорили-бы такимъ языкомъ, сталъ жаловаться или утверждать, что право собственности должно простираться далѣе сего. Въ самомъ дѣлѣ странное было-бы право, уполномочивающее владѣльцевъ луговъ сказать: « Не только мы не хотимъ сами произращать что нибудь на нашихъ пустошахъ, но не хотимъ, чтобы и другіе занимались этимъ.»

Предлагаемый нами планъ имѣлъ-бы еще ту выгоду, что онъ возродилъ-бы между бѣдными жителями деревень духъ честной независимости, подавляемый конечно всего болѣе невозможностью купить небольшіе участки земли. При нынѣшнемъ раздѣленіи земель въ Великобританіи, крестьянинъ не можетъ надѣяться улучшить свое состояніе ни самымъ прилежнымъ трудомъ, ни самою строгою бережливостью. Трудъ, бережливость, конечно не допустятъ его обременить собою свой приходъ: но это все, чего можетъ онъ ожидать, и никогда ни онъ, ни семейство его не выйдутъ изъ того состоянія, въ какомъ нынѣшній порядокъ, управляющій обществомъ, осуждаетъ ихъ оставаться. И вотъ что истребило почтенный классъ небольшихъ владѣльцевъ, составлявшихъ нѣкогда славу и подпору нашихъ Королевствъ! Въ прежнее время, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи лучшее нынѣшняго, бѣднѣйшій земледѣлецъ могъ, трудомъ и умѣренностью, достигнуть состоянія небольшаго владѣльца, и упорство въ работѣ, дававшее ему средство пріобрѣсти небольшое владѣніе, могло натакже дать ему средства и увеличить оное. Надежда, оживлявшая его жаръ, услаждавшая его въ трудахъ и недостаткахъ, сообщала всему этому классу силу и мужественную независимость, угаснувшія, къ несчастію, при системѣ противоположной. Пусть система сія будетъ смягчена, пусть бережливость и упорство въ трудѣ снова находятъ вознагражденіе, и прежній духъ опять оживетъ въ нашихъ деревняхъ: онъ возвыситъ душу и характеръ обитателей оныхъ. Таковы счастливыя послѣдствія, произведенныя во Франціи раздѣленіемъ большихъ владѣній. Не льзя представить себѣ, сколько мысль: «я сдѣлаюсь владѣльцемъ,» можетъ возбудить между простыми земледѣлами честолюбій, достойныхъ уваженія, полезныхъ и другимъ столько-же, сколько имъ самимъ. Старый крестьянинъ, у Вордсворта, говоритъ своему сыну:

I have been toiling more than seventy years,
And in the open sun-shine of God's love
Have we all lived; yet if these fields of ours
Should pass into a stranger's hand, I think
That I could not lie quiet in my grave (*).

Да не подумаютъ наши капиталисты, что разсматриваемый нами вопросъ не относится къ нимъ. Онъ касается ихъ пользъ, столько-же какъ и пользъ земледѣльцевъ. Владѣльческія и общественныя права загородили для промышленности наши пустоши. Отъ этого капиталы, которые принесли-бы значительнѣйшій доходъ, если-бы были употреблены на улучшеніе безплодныхъ земель, затрачены, при насильственномъ направленіи, въ дѣла торговыя и промышленныя. Такой порядокъ вещей былъ двояко вреденъ госу-

---

(*) «Болѣе семидесяти годовъ трудился я, и всѣ мы жили подъ защитою Божьей любви; но если поля наши перейдутъ въ руки чужеземца, то, кажется, я не буду спокойно лежать и въ могилѣ.»

дарству. Пустоши остались пустошами, а капиталы въ торговлѣ и фабрикахъ, несоразмѣрно увеличившись, доставили менѣе пользы. Намъ безпрестанно говорятъ объ излишествѣ капиталовъ, о низкихъ процентахъ, и о затрудненіи выгодно помѣстить свои деньги. Все это окончилось-бы, еслибъ капиталы могли свободно обращаться, и если-бы каналы, изобилующіе оными съ излишествомъ, склонились туда, гдѣ есть нужда и потребность; съ другой стороны, воздѣлываніе нашихъ пустошей было-бы полезно столько-же классу промышленниковъ, какъ и капиталистамъ, потому что населяя пустоши трудолюбивыми и достаточными жителями, оно породило-бы новые классы потребителей для произведеній нашихъ фабрикъ. Не нужно прибавлять, что сіи самыя пустоши были-бы еще выгоднѣе бѣднымъ жителямъ городовъ и деревень. Излишество рукъ на фабрикахъ и поляхъ нашихъ происходитъ отъ того, что народу нѣгдѣ жить; вмѣсто того чтобы останавливать его, какъ то дѣлается нынѣ, пусть дадутъ свободу волнамъ его разливаться куда онѣ могутъ; лишнихъ людей вскорѣ не будетъ, и состояніе работника улучшится вмѣстѣ съ возвышеніемъ его платы.

Одно обстоятельство утвердило еще болѣе предубѣжденіе нѣкоторыхъ особъ противъ обработыванія нашихъ луговъ: это плохой успѣхъ нѣкоторыхъ изъ предпринятыхъ доселѣ воздѣлываній. Соглашаемся, что многія земли отнюдь не улучшились, и даже сдѣлались хуже отъ подобныхъ попытокъ. Но покушенія сіи были неудачны единственно отъ невѣжества или отъ жадности производившихъ оныя. Иные изъ Англійскихъ земледѣловъ впадали именно въ ту-же ошибку, какую дѣлаютъ упомянутые нами Американскіе земледѣлы, то есть что или арендаторы, которымъ доставались участки земли, не всегда умѣли понимать свои истинныя пользы, или земли сіи были у нихъ на слишкомъ краткіе сроки. Въ обоихъ случаяхъ не было пользы ни обществу, ни владѣльцу. Арендаторъ нетерпѣливо желалъ получать немедленно выгоды и производилъ безпрерывно сборъ плодовъ, а это скоро истощало свѣжую землю, которую природа медленно приготовила и передала въ руки человѣка; напротивъ благоразумное воздѣлываніе той-же земли могло-бы сообщить ей прочное плодородіе. Неумѣренностью или невѣжествомъ онъ растратилъ въ немного лѣтъ сокровище, собранное для него многими вѣками. Ошибка его была наказана истощеніемъ сихъ земель, всегда соразмѣрнымъ неблагоразумію и неумѣренности земледѣла. Такова, по мнѣнію нашему, главная, если не единственная причина плохаго успѣха нѣкоторыхъ изъ произведенныхъ попытокъ. Не умѣвъ воспротивиться желанію, безъ усилій и почти безъ расхода получить пять или шесть сборовъ со свѣжей земли, безумно истощили силы оной; когда-же виноватые въ сихъ ошибкахъ наказываются за оныя, то они жалуются на природу. Нѣтъ сомнѣнія однакожь, что слѣдствія были-бы совсѣмъ не таковы, если-бы они иначе поступали. Другая ошибка состоитъ въ томъ, что стали распахивать земли, еще не довольно приготовленныя природою. Ходъ природы вѣренъ, но тихъ; надобно умѣть выжидать слѣдствій онаго и не стараться схватить ихъ насильственно, потому что природа столько-же наказываетъ за поспѣшность, сколько за бездѣйствіе.

Для ума наблюдательнаго, всего любопытнѣе средства, коими природа безпрерывно увеличиваетъ пространство пахатной земли. Средства сіи довольно разнообразны, и могутъ истребить всѣ препятствія; но не смотря на свое разнообразіе, всѣ они стремятся къ одной цѣли. Когда, напримѣръ, на поверхность скалы дѣйствуетъ атмосфера, то въ семъ случаѣ дѣятели бываютъ и химическіе и механическіе. Свѣтъ развиваетъ скрытую теплоту, и вскорѣ пòры расширяются столько, что принимаютъ въ себя влажность, которая мало по малу распространяется на поверхности и дѣлаетъ ее неровною. Воздухъ кладетъ въ сіи неровности сѣмена лишаевъ; сіи предшественники произрастенія, укореняются, и фибры, коими многіе изъ нихъ соприкасаются скалы, производятъ растительную кислоту, чрезвычайно ѣдкую и увеличивающую неровности, уже произведенныя влажностью и теплотою. Но сіи небольшія растенія вянутъ и умираютъ; разрушаясь, они образуютъ слой земли, способный къ произведенію болѣе значительныхъ растеній. Если-же поверхность почвы представляетъ естественныя скважины, то лишаи падаютъ въ нихъ, смѣшиваются съ мѣлкимъ пескомъ, занесеннымъ туда, или отдѣлившимся отъ внутреннихъ сторонъ скважинъ, и дѣлаютъ оный плодоноснымъ. Производительность и разложеніе веществъ увеличиваются, и почва становится столь глубокою и плодоносною, что раждаетъ еще болѣе совершенныя и объемныя растенія. Природа увеличиваетъ и усиливаетъ свой ходъ, по мѣрѣ того какъ приближается она къ довершенію своего труда. Когда напримѣръ она можетъ производить верески, ежегодно увядающіе и истребляющіеся, то остатки ихъ образуютъ небольшія остроконечныя кучки растительной земли, кругомъ той почвы, гдѣ возвышаются растенія. Когда прошло столько времени, что сіи остроконечныя возвышенія простираются на довольно большомъ пространствѣ, то природа опять перемѣняетъ свои средства: она сѣетъ терновникъ, ежевику, дрокъ, произрастающіе и ежегоднымъ паденіемъ листьевъ своихъ весьма увеличивающіе и глубину и плодородіе земли. Сіи растенія составляютъ особенно средство, употребляемое природою на приготовленіе почвы для болѣе объемныхъ деревъ. Въ самомъ дѣлѣ, сей родъ растеній прежде всѣхъ другихъ является въ лѣсахъ, недавно срубленныхъ. Часто, въ среду терновниковъ воздухъ закидываетъ сѣмена величественнаго дуба, который увеличивается, красуется въ своей почвѣ, тогда какъ иглы окружающихъ кустарниковъ защищаютъ его отъ животныхъ, которыя иначе ощипали-бы его. Большія деревья, достигнувъ такой высоты и объема, при коихъ имъ уже безполезны чуждыя пособія, заглушаютъ защитниковъ и питателей ихъ дѣтства, отнимая у нихъ необходимый имъ воздухъ и свѣтъ. Иглистыя растенія удаляются тогда къ опушкѣ лѣса, гдѣ, обильно довольствуясь дневнымъ свѣтомъ, продолжаютъ постепенно увеличивать владѣніе своихъ высшихъ собратовъ послѣдовательнымъ захватываніемъ безплодной, но ими удобряемой земли, до тѣхъ поръ, покуда она вся не покроется величественными произрастеніями. Корни огромнѣйшихъ деревъ проникаютъ почву во всѣхъ направленіяхъ; они углубляются даже въ скважины скалъ, уже наполненныя растительными, разложенными веществами; тамъ они расширяются или сжимаются, смотря по тому, увеличивается-ли или уменьшается теплота. Дѣйствуя какъ

Digitized by Google

рычаги, они раздвигаютъ, подымаютъ, разбиваютъ и наконецъ обращаютъ въ прахъ тѣ скалы, на коихъ сначала водворились съ большимъ трудомъ. Въ то время какъ корни подъ почвой занимаются разрушеніемъ всѣхъ встрѣчаемыхъ ими препятствій, на поверхности оной вѣтви и листья дѣйствуютъ не съ меньшею дѣятельностію. Они захватываютъ вещества, летающія въ атмосферѣ и способныя питать дерево. Такъ поддерживаясь и питаясь, дерево безпрерывно увеличивается, производитъ листья, плоды, и роняетъ ихъ на землю. Плоды служатъ пищею животнымъ, или становятся начаткомъ новаго дерева, въ какомъ нибудь ближнемъ мѣстѣ, куда они перенесены, а листья, по разложеніи своемъ, значительно увеличиваютъ толщину растительныхъ слоевъ. Другая причина способствуетъ плодоносію сихъ слоевъ: плоды малѣйшихъ растеній питаютъ миріады насѣкомыхъ. Сіи мѣлкія существа погибаютъ послѣ эфемернаго существованія, но ихъ остатки опять способствуютъ улучшенію земли, съ которою они смѣшиваются. Наконецъ приходитъ время, когда дерево, достигнувъ величайшаго своего совершенства, можетъ быть срублено, и тогда-то земледѣлецъ начинаетъ пользоваться землею, которую столь искусно приготовила ему благодѣтельная рука природы. Таковъ неизмѣнный ходъ природы, иногда болѣе поспѣшный, иногда болѣе медленный, смотря по тѣмъ удобствамъ или препятствіямъ, какія она встрѣчаетъ. Впрочемъ, всякій имѣющій глаза можетъ видѣть это самъ, наблюдая одну и туже землю въ продолженіе нѣкотораго числа лѣтъ, или разсматривая вдругъ различныя земли, изъ коихъ каждая представитъ ему одну изъ описанныхъ постепенностей. Такимъ образомъ эти лишаи, мхи, верески, которые невѣжда презираетъ и въ которыхъ онъ видитъ одну безпомощную непроизводимость, суть, напротивъ, зародыши плодоносія и средства Вѣчной Премудрости для приготовленія плодородныхъ земель на пользу будущихъ поколѣній!

The course of nature is the art of God (*).

Въ Англіи задерживаетъ успѣхи плодородія то, что скотъ, пасущійся на необработанныхъ земляхъ, безпрестанно препятствуетъ и мѣшаетъ ходу природы. Можетъ быть всѣ-бы наши пустоши превратились уже въ лѣса, если-бы тому не мѣшали права обществъ, дозволяющихъ пасти на сихъ мѣстахъ стада.

Всѣ знаютъ, какъ важно для нашего народа стараніе о возращеніи корабельнаго лѣса. Для сего даже снова насадили Королевскіе лѣса, засохшіе или порубленные. Подобныя старанія конечно достойны хвалы, но по мнѣнію нашему

(*) Ходъ природы есть искусство Бога.

при нихъ слѣдовали невѣрнымъ правиламъ. Намъ кажется, что насажденіе дубовыхъ деревъ тамъ, гдѣ они уже были прежде, есть столько-же большая ошибка въ лѣсной экономіи, какъ въ сельской экономіи сѣяніе пшеницы непосредственно послѣ сбора оной. Доказано, что когда какія нибудь дерева истребляются сами собою, то мѣсто ихъ занимаютъ уже деревья другаго рода. Такъ если истребится, безъ участія человѣка, пихтовый лѣсъ, то его замѣняютъ уже не однородныя дерева, но дубы, березы, и проч., находящія свойственную для нихъ почву въ той, которая образовалась изъ истлѣнія пихтъ. Мѣста лѣсовъ, истребившихся послѣ того какъ они достигли совершеннѣйшаго своего состоянія, бываютъ гораздо удобнѣе для распахиванія, нежели для новаго насажденія деревъ. Углубите въ сію почву желѣзо сохи, и она покроется изобильнѣйшими и прелестнѣйшими жатвами. Можетъ быть прилично было-бы уполномочить распоряжающихъ лѣсами продать участки лѣсные, остающіеся нынѣ безъ деревъ, и употребить вырученныя деньги на приобрѣтеніе пустошей, болѣе удобныхъ для произращенія сихъ огромныхъ прозябаемыхъ.

Насажденія, произведенныя въ послѣднія пятьдесять лѣтъ на пустошахъ многихъ округовъ, принесли огромную прибыль владѣльцамъ и весьма увеличили общественное богатство. Это самое дѣйствительное средство для приспособленія сихъ безплодныхъ земель къ обработыванію. Многія дерева, и особенно лиственница, истребляютъ верески и весьма способствуютъ своею тѣнію произращенію лучшихъ родовъ дерна. Вслѣдствіе этого, не считая самаго лѣса, почва сихъ мѣстъ по меньшей мѣрѣ удвоилась въ цѣнѣ. Пусть управляющіе лѣсами столько-же позаботятся объ общественномъ богатствѣ, какъ частные люди заботились о своемъ; пусть они рѣшительно содѣйствуютъ исполненію предлагаемыхъ нами плановъ, и тогда всѣ увидятъ, что внутреннія наши средства возрастутъ до высокой степени и сдѣлаютъ безполезнымъ лишеніе нашего отечества множества сограждань, еще недавно признанное нѣкоторыми экономистами единственнымъ, неизбѣжнымъ средствомъ для спасенія Англіи отъ опасностей, коими угрожаетъ ей излишнее народонаселеніе.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Фиг. 1. Машина для писанія нотъ, изобрѣтенная Уйнникомбомъ. Здѣсь представляется только одна октава. Клавиши фортепіано *a*, продолжаются внутрь онаго *b*. Въ концѣ клавишей металлическая накладка *c*; проволока, идущая сквозь оную, и то мѣсто, гдѣ находится краска, или чернила, *d*. Цилиндръ *e* вертится тихо на клавишахъ, и такимъ образомъ каждый ударъ клавиши означается на цилиндрѣ, съ совершенною вѣрностью, для чего пространство цилиндра и обороты его исчислены и измѣрены.

Фиг. 2. Машина для точенья ножей и бритвъ, изобрѣтенная Фельтономъ. Небольшой снарядъ сей состоитъ изъ десяти маленькихъ, въ два ряда поставленныхъ, цилиндровъ, съ жолобами: *a* основаніе, въ которомъ утверждены двѣ стѣнки *b*, *b*, гдѣ находятся цилиндры. Бритва кладется между ими, и движеніемъ между цилиндрами вытачивается легко и удобно.

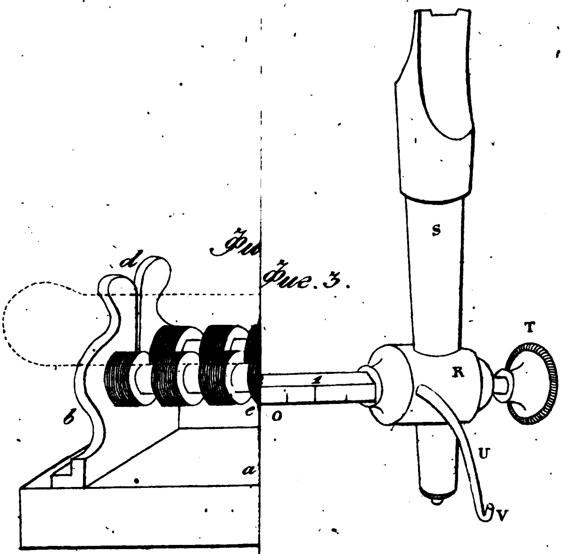
Фиг. 3. Алмазъ, для рѣзанья стекла кругами, изобрѣтенія Люкенса. *O O* линейка, размѣренная, по которой движется острее, вставленное въ *P*; его можно утвердить на мѣстѣ винтомъ *Q*. Въ цилиндръ *R* вставляется алмазъ, съ ручкою *S*, удерживаемый, когда нужно, винтомъ *T*; бронзовою пружинкою *U*, *V*, поддерживается ровность, при очерчиваніи по стеклу алмазомъ.

Digitized by Google

д. Моск. Тел. 1829.

Фи

Фиг. 3.


d
b
c
o
a
1
S
R
T
U
V

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R L

Digitized by Google

Digitized by Google

D.Q.
M3

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

JUN 3 - 1937

Digitized by Google

Digitized by Google